

1993307

Доминик Бона

Ж Е Н Щ И Н А - М И Ф

ГАЛА

муза
художников
и поэтов

Доминик Бона

ГАЛА

Муза
художников
и поэтов

Dominique Bona

GALA

Flammarion

Доминик Бона

ЖЕНЩИНА - МИФ

ГАЛА

Муза
художников
и поэтов

Смоленск "Русич"
1996

ББК 84

Б 81

УДК 820(73)-31

Серия основана в 1995 году

Перевод с французского Н. Н. Цурцилиной

Редактор А. А. Жеребилов

Художник А. И. Барило

Публикуется впервые с разрешения автора
и его литературного агента. Любые другие публикации
настоящего произведения являются противоправными
и преследуются по закону.

Бона Доминик

Б 81 Гала/Пер. с франц. Н. Н. Цурцилиной. —
Смоленск: Русич, 1996 — 592 с. — («Женщи-
на-миф»).

ISBN 5-88590-520-7

Эта книга посвящена судьбе Елены Дьяконовой, вошедшей в историю мировой поэзии и живописи под именем Гала. Ее называли музой сюрреалистов, источником вдохновения Поля Элюара, Сальвадора Дали и других известных поэтов и художников.

Умная и незаурядная женщина, Гала Дали оставила заметный след в богатом бурными событиями XX веке, и ее биография наверняка привлечет внимание всех, кто интересуется современным искусством.

У 8200000000

ISBN 5-88590-520-7

© «Gala» by Dominique Bona, 1995

© Перевод. Н. Н. Цурцилина, 1995

© Разработка серии. «Русич», 1996

© Оформление. А. И. Барило, 1996

Моей матери

Девушка из
заснеженного края

ТУМАННОЕ РУССКОЕ ДЕТСТВО

Закутанная в меховое манто девушка вышла из поезда на вокзале Давос-Плац 12 января 1913 года. Ледяной ветер подметает перрон. На девушке высокая шляпка из каракуля под цвет ее черных волос, мех манто не соответствует возрасту и старит ее. Девушка подзывает носильщика, чтобы тот взял ее чемоданы. Она приехала одна, без компаньонки, что в эпоху буржуазную и консервативную придает ей довольно свободолобивый вид, ее манеры кажутся неприличными. Она действительно совершила долгое путешествие, с многочисленными пересадками, без посторонней помощи — как мальчишка.

В Давосе ее ждала машина, чтобы отвезти в расположенный в Клаваделе, в горах, на высоте в 1700 метров, санаторий, доминирующий над величественным пейзажем Граубюндена*. Благодаря превосходным услугам и роскошному пансиону заведение пользуется международной популярностью: сюда приезжают со всех концов света лечиться от болезни века, страшной, смер-

* Граубюнден — большой туристический регион в Швейцарии (прим. пер.).

тельной, — от чахотки. Девушка больна туберкулезом. Усталость и бледность, кашель и температура — вот симптомы, подсказавшие врачам, что ей нужен целебный воздух швейцарских гор. В начале XX века туберкулез убивает около семи человек из ста в городской среде*.

И — что напрямую касается нашей путешественницы? — болезнь настигает молодых, особенно женщин. В Клаваделе, куда она приехала за кислородом — единственным лекарством, которым лечили тогда ужасный недуг, — она надеется предотвратить наихудший исход. Может быть, даже со смутной надеждой выздороветь.

Девушка проехала более тысячи километров в поезде через Европу и восточные страны и привычна к холоду и снегу: она русская. И в первый раз покинула родной край. У нее славянская внешность: широкие скулы, крупный подбородок, огромный лоб, очерченный рот, матовый цвет лица; не красавица, однако, даже не хорошенькая. В овал лица и во всей внешности есть какая-то суровость, не хватает изящества. Если бы не густые, черные, завитые в локоны волосы, если бы не длинные сильные руки с округлыми ногтями, если бы не стройный стан, ее можно было бы назвать уродливой. Худая, с выступающими костями шеи и плеч, но довольно хорошо сложена. У тела ее гармоничные пропорции, у нее красивые ноги с тонкими лодыжками. Но первое впечатление говорит не в ее пользу. На первый взгляд, в ней нет ничего привлекательного, а высокомерный вид держит людей на расстоянии.

* По данным Пьера Гийома (см. «От отчаяния к спасению: больные туберкулезом в XIX и XX веках». Aubier, 1986).

Она среднего роста, но держится так прямо и столь гордо несет свою голову, что кажется высокой. Ее внешность привлекает внимание. Но что в конечном счете выделяет ее из толпы (не только молодость и гордый вид) — так это взгляд. У нее черные глаза, лихорадочные и черные, блестящие и темные одновременно. Как смоль — полное соответствие сравнению.

Кто эта девушка? Это неизвестно ни одному обитателю тихого, словно обитого войлоком, продезинфицированного мирка санатория. Находясь среди персонала в белых халатах, глухих голосов и покашливаний, она является такой же больной, как и все в горной ссылке. Администрация тут же выясняет ее гражданское состояние: Елена Димитриевна Дьяконова, приехала из Москвы, где проживает ее семья, вероисповедания православного, а не иудаистского, как это будут утверждать позже (она привезла с собой иконы).

В Клаваделе врачи, младший медперсонал, метрдотели, говорящие по-немецки, называют ее «фройляйн Дьяконова». Девушка может общаться на русском лишь с несколькими соотечественниками: по данным «Курье де Давос», местной газеты, регистрирующей все приезды-отъезды на курорт, русские составляют около четверти всех проживающих в санатории. Другую четверть составляют англичане, но их клан держится обособленно. Большинство больных — это немцы, граждане Австро-Венгрии или немецкоязычной части Швейцарии. Таким образом, немецкий язык — самый распространенный. Девушка изучала его в школе и может общаться с приезжими и персоналом.

Фройляйн Дьяконова родилась в Казани — та-

тарской столице, на берегу Волги. На Руси, да и по всему Востоку, женщины из Казани имеют легендарную репутацию: султаны рекрутировали их в свои войска, так как считали, что в сладострастии им нет равных. Она появилась на свет в 1894 году, 26 августа*, под знаком Девы. Когда она вышла из поезда в Давосе, ей было восемнадцать лет. Летом 1913 года ей исполнится девятнадцать.

Что известно о ней? О ее недавнем прошлом совсем немного информации. Мать зовут Антониной, девичья фамилия матери — Деулина. У девушки два старших брата, Вадим и Николай, и сестра Лидия, которая на восемь лет ее младше. У старшего, Вадима, такие же, как у Елены, черные волосы и темные глаза. Лидия и Николай светлорусые, у них сине-зеленые глаза, унаследованные от отца. Их отцом является Иван Дьяконов, точнее — являлся. Он умер в 1905 году, когда Елене едва исполнилось одиннадцать лет. Он был чиновником в министерстве сельского хозяйства. Елена никогда о нем не рассказывала.

Тот, кого она называет своим отцом, в действительности ее отчим. Это второй муж матери, московский адвокат, наполовину еврей, Димитрий Ильич Гомберг. Вместо того, чтобы добавить имя отца к собственному имени, как это делается по русскому обычаю, Елена Дьяконова прибавляет к нему имя второго мужа матери. Поступая по-своему, она выбирает понравившееся сочетание: Елена Димитриевна Дьяконова. Это имя свидетельствует о значении в жизни молодой женщины отчима, который смог до такой степени заменить закон-

* По юлианскому календарю; то есть 7 сентября — по грегорианскому.

ного отца и был любим ею, что она взяла себе в отчество его имя.

Димитрий Ильич Гомберг — еврей только по отцу, что позволяет ему жить в Москве, городе, в котором евреям запрещалось проживать до 1917 года*. Хотя дети Антонины православные, исповедуются раз в году, регулярно посещают богослужения и никогда не расстаются с иконами, живут они, однако, под одной крышей с человеком нерелигиозным, открыто проповедующим новые идеи свободы, справедливости и прогресса. Димитрий Гомберг — либеральный буржуа. Библиотека в его доме не украшение, но неотъемлемая часть существования. У себя он принимает своих друзей, таких же либералов, как и сам. Возможно, благодаря отчиму-еврею, очень умному и обеспеченному, чувствительному к эволюции нравов, у Елены очень рано развилось стремление к независимости и эмансипации. Она никогда не будет любить гетто.

Адвокат великодушно содержит семью своей жены в достатке, потому что, кроме четверых детей Ивана Дьяконова, он принимает у себя и двух двоюродных братьев, приехавших из далекой провинции учиться в Москву. Димитрий Ильич Гомберг оплачивает не только учебу, но еще и походы в театры, занятия спортом и, конечно, медицинское обслуживание, необходимое пасынкам и падчерицам. Специально для Елены он оплачивает расходы на дорогостоящее пребывание в санатории. Елена, по мнению, братьев и сестры, вне всякого сомнения — его любимица; и это правда.

* В России евреи получили равенство в правах по декрету от 20 марта 1917 года. С 1887 года дискриминационные ограничения обозначали зоны империи, особенно это касалось городов, где евреям запрещалось проживать.

Ходят даже слухи о том, не является ли Дмитрий Гомберг настоящим отцом девушки. Елена — законнорожденный ребенок или же плод адюльтера? Тень сомнения падает на ее происхождение. Она же сама, если и узнала когда-нибудь ответ на эту первородную загадку, предпочла второго отца первому и приняла линию поведения, от которой не отклонится никогда: не говорить об этом.

В Москве семья Дьяконовых-Гомбергов живет в доме номер 14 по улице Трубниковской, на шестом — последнем — этаже нового дома, куда она въехала в поисках чистого воздуха: здоровье Елены с самого раннего возраста — постоянный повод для беспокойства Антонины и Дмитрия. Физическое состояние мешало ей заниматься спортом, но не учебой. Елена, как позже и Лидия, поступила в лицей, точнее — в частную школу для девочек, в гимназию к Брюхоненко (это имя их смешило: по-русски «брюхо» — толстый живот). Елена, несмотря на слабое здоровье, была блестящей ученицей. В семестровых табелях у нее только «четверки» и «пятерки» — оценки превосходные, так как «пятерку» ставят за наивысшие достижения в учебе. Особенных успехов она достигает в русской словесности. Дома же Елена разговаривает по-французски со служанкой-швейцаркой по имени Жюстина.

В России Елена знала только Казань, где прожила до смерти отца, то есть в течение десяти лет, и Москву. Почти все свои каникулы она проводила в Крыму: мать снимала на лето домик на берегу Черного моря. Род Антонины Деулиной происходит из Сибири, где у семьи были золотые рудники, но девушка всего лишь один единствен-

ный раз со своими братьями и сестрой навещала бабушку в Тобольске. В Сибири жил также дядя, брат матери, с ним Елена едва знакома, но два его сына — двоюродные — братья приехали к ним жить.

В Москве Елена Дьяконова оставила не только свою семью. Она потеряла подругу-одноклассницу, которую звала Асей, — Анастасию Цветаеву*, дочь университетского профессора истории и младшую сестру начинающей поэтессы, сердечно любимой, непревзойденной Марины Цветаевой**. Ася и Елена были неразлучны. Но это Елена всегда приходила к Асе, в красивый дом Цветаевых в Трехпрудном переулке; атмосфера богатства и интеллектуальности, царящая в нем, казалась ей в высшей степени изысканной.

Вдали от семьи, в разлуке с подругами... Самое малое, что можно сказать об этой так бесповоротно лишившейся корней девушке, — это то, что ей не знакома ностальгия. Она не любит рассказывать о России, о своем детстве, почти никогда не упоминает в разговоре Москву, скупа на откровения о своем прошлом. Известно, что у ее матери был диплом акушерки, но она никогда акушерством не занималась — она написала сказку для детей. Известно, что сама Елена любит читать: ее часто видят углубленной в чтение привезенных с родины романов Толстого и Достоевского. Поэтому, как она умеет приручать кошек, можно догадаться, что Елена к ним равнодушна. Дома у

* Анастасия Цветаева опубликовала свои «Воспоминания» в Москве в 1971 году.

** Поэмы Марины Цветаевой были опубликованы на французском языке много позже ее смерти (в 1941г.) разными издательствами: Gallimard, Clémence Hiver, L'Âge d'Homme, Seghers, Le Cri.

нее остался черный кот. Сведения, неохотно сообщенные любителям порасспрашивать, незначительны и малоинтересны. Девушка до такой степени замкнута, что это наводит на мысль: не скрывает ли она что-нибудь? Есть ли ей о чем умалчивать? Тайна происхождения? Болезненные воспоминания? А может, она предпочитает навсегда отделаться от своего прошлого, чтобы не оживать, думая о нем беспрестанно, неизбежное страдание, явившееся результатом такого неожиданного отъезда, похожего на разрыв?

В Давосе пошли судачить. Говорят, что девушка приехала сюда не только из-за туберкулеза, что она нервнобольная, страдает маниакально-депрессивным психозом: то возбуждается до вспыльчивости, то находится в подавленном состоянии, настроение ее неожиданно меняется от бури к штилю. Эти ужасные перемены в настроении, давлении и температуре тем более опасны, что у нее хрупкое здоровье. Никаких объяснений своему душевному смятению Елена не дает. Она не откровенничает, ничего не говорит о своем прошлом, о своей биографии. Любой вопрос о предыдущей жизни выводит ее из себя. Она желает существовать в настоящем.

Называя себя, она не говорит **Елена**, как это написано в паспорте. Она говорит **Га́ла**, делая ударение на первом слогe. Это редкое имя. Настолько редкое, что для многих русских может показаться выдумкой, варваризмом. Несомненно, уменьшительное от Галины — имени довольно распространенного на Украине; но тогда это должно было быть **Галия** — с «и», придающим этому имени музыкальность. Га́ла — так мать назвала свою старшую дочь; отцу нравилось имя Елена, но его

выбор остался лишь в документах. Это странное имя, к которому еще нужно привыкнуть, существует, вероятно, только для нее. Оно отличает ее от других: Гала — это прежде всего Гала. Это короткое имя неясного происхождения выделяет ее на фоне других обитателей санатория, но для нее это не очень важно, ей достаточно знать, что так не называют больше никого.

Нелюдимая, настороженная, сдержанная до холодности, суровая, раздражительная, одинокая девушка с резкими манерами приехала в ссылку с высоко поднятой головой.

КОРАБЛЬ НА ГОРЕ

Свесившись со снежных гор над Давосом, подобно орлиному гнезду, санаторий — величественное здание в четыре этажа, построенное в 1904 году, — сам по себе представляет целый мир. Во всем подчиняясь доктору Бодмеру, больные, так же, как и персонал: медсестры, кухонные рабочие, прислуга, — живут здесь как бы отрезанные от остального мира, в полной автономии, в окружении великолепной природы Граубюндена. С почтой и газетой по утрам регулярно приходят вести из внешнего мира, но это лишь на короткий момент прерывает обычный ритм существования людей, сосредоточенных на себе самих.

Санаторий больше похож на больницу: белые стены, запах дезинфицирующих веществ, стерильная чистота напоминают о том, что здесь сражаются с микробами, соблюдая строжайшую гигиену. Чтобы избежать заражения, часто проветривают общие помещения, моют стены и полы жавелевой водой, кипятят белье, ополаскивают спиртом плевательницы — единственное украшение этого сурового заведения, призванного обезоруживать пыль и сохранять атмосферу стерильности.

Дом для отдыха, выбранный благодаря его высокогорному расположению и близости к лесу, который служит ему защитой, санаторий является чем-то вроде тюрьмы: проживающие в нем похожи на добровольных затворников, приехавших сюда, чтобы подчиниться жесточайшей дисциплине — единственному, что способно помочь им выпутаться. Впрочем, все они паршивые овцы. Много веков назад общество, боясь распространения болезни, взяло за привычку собирать туберкулезных больных в специально отведенных заведениях, где можно было бы изолировать их опасные бациллы и наблюдать за ними. Санатории той поры напоминали лепрозории. Времена изменились, и заведения, куда раньше приезжали умирать, улучшили свой внешний вид и условия содержания. Если некоторые из них и остались зловещими приютами, то другие, особенно в Альпах, теперь похожи на роскошные отели: в них оказывают приятные услуги, из них разрешается отлучаться. Общество хочет вылечить своих больных. Однако призрак еще жив, и в 1913, когда Гала приехала в свой санаторий, все еще с подозрением относятся к любому, кто отхаркивается и кашляет, кто худе-

ет от горячки и кого съедает усталость. Так как не существует вакцины от этого бича, нет лечения, способного предотвратить его наступление так как известно всего лишь несколько рецептов для уменьшения страданий его жертв, люди все еще страшатся недуга и избегают контактов с теми, кто может их заразить.

Гала помнит выражение страха в глазах близких, страха вызванного одним названием болезни (как потом это будет с раком или СПИДом: достаточно лишь их упомянуть). Ей знакома тревога тяжелобольных — та, что бродит ночами по комнате, в то время как эхо разносит по гулким коридорам приступы зловещего кашля безнадежных больных. Даже если врачи утверждают, что болезнь девушки в зачаточном состоянии и у нее чахотка в легкой форме, она может считать себя приговоренной к более или менее отдаленному трагическому исходу. Гала думает, что дни ее сочтены и она умрет молодой. Отсюда ее неудержимое стремление жить.

Девушка приехала в это «орлиное гнездо», чтобы спасти свою плоть, продлить молодость изнурительным лечением с помощью чистого воздуха, хорошего питания и отдыха. Ради этого она совершила такое большое путешествие и согласилась на временную ссылку. Врачи категоричны: в начальной стадии болезнь можно приостановить. Для этого достаточно строго следовать правилам гигиены. Правило первое: вдыхать поглубже горный тонизирующий воздух; второе: есть за обе щеки — усиленно питаться; третье: следить за собой, отдыхать и развлекаться, не забивать себе голову мыслями о своем несчастье, находить способы отвлечься от меланхолии. Больные туберку-

лезом получают уроки морали, способной помочь им продлить жизнь.

Больница, роскошная тюрьма... Санаторий Клаваделя напоминает еще и дворец, плывущий над снегами. Пребывание в нем похоже на кругосветное путешествие. Случается, что здесь поют и танцуют. Каждый здесь озабочен мыслями о себе и безразличен ко всему остальному на планете, которая с каждым днем отдаляется все больше. На борту этого наткнувшегося на гору корабля время будто застыло и дни кажутся бесконечными. Если бы не преследовала мысль о болезни, все было бы похоже на превосходные каникулы.

Гала беспрекословно следует, как и остальные сорок девять пансионеров, предписаниям врачей: подъем около восьми утра, завтрак в общей комнате, отдых, прогулка, второй завтрак в полдень, прогулка, полдник, отдых, ужин, сон в десять часов... Программа неизменна. Всегда с термометром (температуру измеряют несколько раз в день, заносят в разграфленный листок, по которому можно день за днем следить, как непреклонно поднимается ее кривая). Врачи рекомендуют красное мясо, хлеб, вино и молочные продукты при каждом приеме пищи; открывать окна, даже если зима сурова; бывать на солнце (комнаты, гостиные, террасы — на солнечной стороне). Наконец, последняя рекомендация: волноваться запрещается. В нижней галерее, куда больные приходят после обеда полежать на раскладушках, стоящих рядами, и погреться в лучах проникающего через стеклянную крышу солнца, медсестра призывает болтунов утихомириться. Послеобеденный отдых — это основной момент лечения, но заставить его выполнять — дело нелегкое: некоторые непослуш-

ные пансионеры нервного или нетерпеливого темперамента отлынивают, ворочаются под своими пледами, заговаривают с соседями и своим поведением будоражат весь зимний сад. Гала тоже проявляет недисциплинированность. В Клаваделе она одна из тех, кто мешает спокойно спать, одна из возмутительниц послеобеденного спокойствия. Медсестра, редко делающая какие-либо исключения, разрешает ей все же читать, потому что Гала успокаивается только с книгой. С первых же дней она стала постоянной посетительницей библиотеки. Медсестра поняла, что Гала, читая, ускользает из тесных стен и от страха смерти, становится легкой, свободной и не страдает.

Девушка в таком нежном возрасте осталась наедине со своим недугом. В то время как других больных навещают мать, брат, сестра или хотя бы друзья, чтобы живым участием поддержать в выпавшем на их долю испытании, она получает только письма. Это всех удивляет, так как посещения все же разрешены, несмотря на риск заражения, и крайне редко бывает, чтобы семья так надолго покинула близкого человека в плену у болезни, губительные последствия которой столь очевидны. Может быть, матери и отчиму не хватало средств, чтобы приехать к ней? Это кажется маловероятным, потому что они сами выбрали этот один из самых дорогих пансионатов в Швейцарии. Отчима держат в Москве дела? Но какая причина мешает неработающей матери навестить дочь, находящуюся в разлуке с ней больше года? У родителей были основания надолго отлучить от дома дочь, трудно переживающую подростковый возраст, изолировать ее, чтобы излечить от невроза — в те времена говорили «от нервов» — спасительным

отдалением?.. Ответ на этот вопрос знает лишь Гала. Она никогда не рассказывала о причинах своего первого разрыва с семьей. Санаторий на некоторое время становится ее родным домом. Из всего этого можно судить о силе ее характера, способности противостоять неизвестности, не раскисая и не жалуясь. По словам сестры, Гала всегда мечтала о путешествиях и приключениях. На перроне вокзала в минуту расставания плакала только мать.

Вокруг нее, однако, картина отнюдь не расцвечена розовыми тонами. Краски, скорее, серые: обведенные тенями глаза, худые силуэты, ужасный кашель, носовые платки со следами крови. Обитателям санатория есть от чего грустить. Но в Клаваделе, несмотря на обстоятельства, царит всамделишный оптимизм. Это значит, что «трехзвездочный» дом отдыха отнюдь не является последним прибежищем, а напротив, тихой гаванью для тех, кто надеется на счастливое выздоровление. Если ночью девушку охватывает беспокойство, иногда снятся кошмары, то дни протекают приятно, а люди вокруг спокойны и улыбаются по той причине, что все они считаются излечимыми — кто в ближайшем будущем, кто позже. Приговоренные же медицинской наукой знают, что дни свои они закончат не в этом заведении: доктор Бодмер всегда настороже. Чтобы уберечь дорогих пансионеров от наблюдения за последними сценами жизни туберкулезных больных, особенно печальными и ужасными, он отправляет безнадежных клиентов в больницу. Это правило входит в гигиенические нормы санатория. Оно жестоко, но предохраняет климат, претендующий на невозмутимость и спокойствие. В Клаваделе самая основная

забота каждого человека — выжить. За двенадцать швейцарских франков в день (включая все расходы) гости этого санатория могут позволить себе быть требовательными, ведь эти богатые люди с привилегиями всего лишь немного больны, но не более того, и дорого оплачивают оказываемые им на «волшебной горе»* услуги.

Гала находит здесь для себя что-то вроде кокона, где все преданно заботится о ней и где в одиночестве, затворницей, она, тем не менее, живет в ленности, как принцесса в замке. Первые дни она провела в мечтах и за чтением, греясь на январском солнышке. Но очень скоро это ей, конечно же, наскучило. Как свойственно ее возрасту, все окружающие пансионеры кажутся старыми. Ей хотелось бы встретить кого-нибудь своих лет, чтобы пошутить, посмеяться, как это бывало раньше в доме Цветаевых, когда вместе с Асей и Мариной они наполняли его весельем и радостью. Пошутить и посмеяться для Гала, такой строгой на первый взгляд, — это лучшее, что может быть на свете. Лидия и Ася вспоминают: в доверительной обстановке Гала была жизнерадостной хохотушкой. Однажды Ася расскажет, как им было весело, когда они, пятнадцатилетние девчонки, до вечера могли рассказывать друг другу разные истории, сочинять романы и смеяться до колик в животе. Романы, которые Гала читает в Клаваделе, конечно, не могут ей заменить дружбы.

Кстати, в санатории среди немцев, русских, австрийцев, швейцарцев и англичан находится все-

* В романе Томаса Манна «Волшебная гора» (1924) рассказывается история молодого человека, который семь лет, до самой войны 1914 года, прожил в санатории Давоса.

го один молодой человек. Очень странный, потому что он француз, единственный француз на «волшебной горе». У него наивный вид, и он так же, как и Гала, имеет разрешение читать в свято-священное время сиесты*.

ПОЭТА ЗОВУТ ЖЕЖЕН

Тонкий, высокого роста, узкоплечий, он одет с иголочки, носит галстук-бант, а по воскресеньям надевает костюм-двойку. У него чистое лицо с правильными чертами, мягким овалом, ясный и нежный взгляд, как у ребенка. Его зовут Эжен Грендель. Его полное имя — Эжен-Эмиль-Поль Грендель, и ему совсем недавно, в декабре, исполнилось семнадцать лет**.

С ним в комнате живет его мать: она привезла сына сюда и должна убедиться, что он старательно лечится. Когда она вернется во Францию, ее сменит муж, чтобы наблюдать за улучшением состояния их «мальчика». Между собой родители ласково называют его Жежен или малыш Жежен. Тогда как Гала, отрезанная от семьи надолго, предоставлена себе самой, Эжена Гренделя родители опекают и холят. Он их единственный сын, они не

* Сиеста — послеобеденный отдых (прим. пер.).

** Он родился 14 декабря 1895 года.

захотели другого наследника. Жежен, их сокровище, доставляет им немало забот.

У мальчика действительно хрупкое здоровье. В два года он чуть не умер от менингита. С тех пор он не перестает болеть, у него то насморк, то грипп, то бесконечные ангины. Малейшая нагрузка его утомляет. Он никогда не был особенно привлекательным, и его природная худощавость больше смахивает на худобу. Туберкулез обнаружился шесть месяцев назад, в Глионе, скромном курорте в горах над Монтрё, куда в сопровождении матери он приехал провести август. Врачи убедили родителей, что горный воздух восполнит недостающие их сыну красные кровяные тельца. В Глионе в первый раз он откашлялся кровью (один из самых явных симптомов туберкулеза, предвестник затяжных кровохарканий), и ему рекомендовали лечение в санатории. Эжен с матерью сначала отправились в труднодоступный, расположенный на другом конце Швейцарии Скамфс — его им подыскал отец, прежде чем напасть на Клавадель. Состояние подростка не вызывает серьезных опасений, левое легкое повреждено лишь поверхностно, но все же, как и у Гала, его жизнь отныне под угрозой. Он боится умереть слишком рано.

Эжен Грендель — парижанин. Он совсем немного пожил в доме номер три по улице Ордене в восемнадцатом округе, на углу улицы Шапель. Но ему еще не знакома квартира, куда переехали в октябре, пока он был в Скамфсе, его родители. В Париже Эжен жил в десятом округе, за Восточным вокзалом, в доме номер сорок три по улице Луи-Блан. Но большую часть своего детства он провел в пригороде: сначала в Сен-Дени, где родился, затем Олнэ-су-Буа. В Олнэ родители оста-

вили за собой домик, отныне здесь их вторая резиденция. Для Гала, никогда не бывавшей в Париже, все эти экзотические адреса имеют печать таинственности. На самом же деле они обозначают небогатые кварталы на севере столицы, расположенные среди вокзалов, складов и ангаров, где жили многие поколения семьи Грендель.

Эжен не скрывает своего происхождения. Он гордится жизнью родителей и осознает, на какие жертвы они должны были пойти, чтобы выбраться из нищеты. По линии матери (мать Эжена — урожденная Кузен) его предки были крестьянами из Перша — батраками, рабочими фермы, пришедшими в Сен-Дени в поисках работы на заводе. По отцовской линии, то есть по линии Грендель, — это бывшие каменотесы из Фекана, затем механики на стройках в Гонфревиль-л'Орше неподалеку от Гавра, перебравшиеся впоследствии под Париж, чтобы работать в металлургической промышленности. В Сен-Дени, знаменитом своим королевским собором, два поколения семьи Грендель работали на прокатных станах. Дед Грендель умер однажды в день зарплаты от смертельных ударов обокравших его людей. Один дядя Эжена — слесарь, другой — токарь, третий кожевник.

Его отец, Клеман Грендель, начал профессиональную деятельность в качестве конторского служащего, он никогда не был рабочим, как братья. Начиная с 1900 года, с двадцати восьми лет, он сам себе хозяин. Он завел дело по покупке и продаже земельных участков в северном пригороде; торгуя имуществом и землей, сделал ставку на индустриализацию и оказался прав. От Ля-Плен-Сен-Дени до Обервилье, от Курнёв до Дранси, от Бур-

же до Блан-Мениль — повсюду вблизи мукомольных, винокуренных и металлургических заводов растет городское население. Клеман Грендель покупает и перепродает земельные участки. В 1913 году он уже вполне процветающий человек. Это жизнерадостный, соблазнительной наружности блондин с голубыми глазами, с прекрасным здоровьем, такой высокий и такой сильный, что сын в шутку называет его Монбланом*. Клеман Грендель держится уверенно, как все преуспевающие люди. На одной фотографии, снятой в Клаваделе, он изображен рядом с сыном с тростью, в галстуке и мягкой шляпе, как у буржуа.

Мать, Жанна-Мария — тоже довольно высокая и крепкая женщина. Она брюнетка, печальный и нежный взгляд сын унаследовал от нее. Ее детство можно сравнить с детством Козетты**. Оно оставило глубокие следы в душе женщины: еще совсем маленькой девочкой Жанна-Мария была отдана на работу в швейные мастерские, расположенные далеко от дома. Покинутая отцом, оставшись без матери, которая умерла от истощения в возрасте тридцати семи лет, она на свою зарплату содержала младшего брата и сестру, да еще и бабушку по линии матери. Бабушку звали Роз-Жюли Элюар... Жанна-Мария познакомилась с Клеманом Гренделем в Сен-Дени, где их семьи проживали по соседству. После замужества она работала на дому портнихой, у нее даже были помощницы. Но с тех пор, как дела мужа пошли в гору, она полностью посвятила себя семье — семье дружной, без историй, спянной во время восхождения по социаль-

* Игра слов: можно перевести «мой блондин» (прим. пер.).

** Героиня романа «Отверженные» В.Гюго (прим. пер.).

ной лестнице. Единственное, что омрачало жизнь супругов, — это будущее их «мальчугана».

Несомненно то, что родители баловали Эжена из желания взять реванш за слишком тяжелое прошлое. В семье он был первым младенцем в кружевном белье, затем — позировавшим для фотографий в морском костюмчике. Его обожали бесконечно, и материально он никогда ни в чем не нуждался, не говоря уже о книгах. Их Эжен не перестает требовать, и отец с матерью по очереди покупают и отсылают их сыну. В Клавадель с почтой приносят объемные пакеты с романами и поэтическими сборниками.

Эжен посещал коммунальную школу. Хотя его родители разбогатели и живут в достатке, они все же остались верны народным традициям и никогда не желали дать своему сыну никакого иного, кроме светского образования. Клеман Грендель — убежденный атеист: хотя его сын и был крещен по настоянию жены, закону божьему он никогда не учился. В противоположность Гала Эжен не получил религиозного воспитания и не был знаком с христианскими обычаями. В коммунальной школе, затем в коллеже он был послушным учеником, успевал средне, никогда не блистал в учебе, как Гала. Он никогда не проявлял выдающихся способностей ни во французском языке, ни в других школьных дисциплинах, не получил ничего, кроме одного похвального листа по английскому языку. Ему недавно вручили свидетельство об окончании коллежа, и в лицей поступать он не собирался. В лицеях в основном учатся дети буржуа. Эжен никогда не получит степень бакалавра. Шестнадцать лет в его среде — это возраст, когда надо приобретать профессию. Родители считают, что пришло время

вступать в трудовую жизнь. Если бы Эжену пришлось самому выбирать ремесло, он, возможно, растерялся бы, но отец уже наметил сыну будущее: как только он выздоровеет и покинет Клавадель, Клеман Грендель займет его в своем агентстве. Сын станет торговать землей, как отец. Эжен без протеста склонил голову перед авторитетом отца. Улица Ордене, на первом этаже — контора, квартира родителей — на втором. Дом — работа, работа — дом. Такова его судьба, и никаких мыслей о приключениях, все тщательно просчитано.

Жежен должен был заняться ремеслом в сентябре. В конце августа, как нарочно, юноша заболевает. В Клаваделе он получил отсрочку от того, что его ожидает. Кровохарканье наступило в нужный момент, что позволило немного продлить каникулы. Он пользуется этим, чтобы предаваться своей страсти — чтению. Иногда в долгие, скучные часы сестры Гала замечает, что молодой человек царапает стихи. Эжен — поэт. Это врожденный дар, но он не получил его в наследство, и ему трудно об этом говорить с родителями. Вдохновение приходит к нему в самые неожиданные моменты, и тогда Эжен самозабвенно пишет стихи. Он читал уже кое-что товарищам по школе и даже матери, которая прощает сыну все капризы. Но, само собой разумеется, все вокруг считают, что поэзия — это не профессия: на жизнь не заработаешь, сочиняя стихи. Призвание это должно остаться для воскресного времяпрепровождения.

Эжен — второй после Марины Цветаевой поэт, с которым встречается Гала. Для нее поэзия — бесценный дар, девушка ставит ее выше красоты. Гала была очарована Мариной и всегда хотела быть на нее похожей.

Под стеклянной крышей зимнего сада знакомятся подростки... Как не похожи истории их жизней! Гала намного взрослее Эжена, она уже самостоятельный человек. Эжен — еще маленький мальчик под опекой родителей. К нему, семнадцатилетнему, родители, не покидающие его ни на минуту, продолжают относиться как к ребенку восьми-десяти лет. Гала одна пересекла столько границ, а он спит в комнате с матерью. Если не считать поездки в Англию, он никогда не разлучался с родителями и, кроме окрестностей Парижа, ничего не видел.

В их воспитании нет ничего общего. Отчим Гала, либеральный буржуа, привил детям своей жены не только прогрессивные идеи, но и любовь к культуре. Его друзья — адвокаты, профессора, писатели, люди, закончившие университет и сведущие в истории и литературе. В семье Гренделей не было никого, кто принадлежал бы к интеллигенции. Их социальные амбиции не переходят границ устремлений мелкой буржуазии. Насколько Димитрий Гомберг поощряет писательский талант и любовь к литературе старшего брата Гала, Вадима, настолько Клеман Грендель пытается — терпеливо, но твердой рукой — отвлечь сына от пути, ведущего, по его мнению, в никуда. Гала надеется после санатория продолжить учебу и поступить в Московский женский университет. Эжен должен довольствоваться свидетельством об окончании коллежа и коммерческими перспективами своей будущей профессии. Гала пришла из мира, стремящегося расширить горизонты, мира, в котором ждут ее зрелости. Эжен живет в тесном, замкнутом пространстве, здесь с особенным недоверием относятся к иностранцам. Девиз Гренделя-отца красноре-

чиво о том свидетельствует: «Мой мальчуган, моя жена, я! Все остальное — пустяки!»*

Девушек Эжен знает плохо, но, может быть, юноша не столь наивен, как кажется: если он в Сауттемптоне** общался не только со своими кузинами, то должен был оценить очарование юных англичанок. Гала в его глазах — уже почти женщина. Взгляд ее черных глаз, русский акцент делают ее экзотичной и притягивают Эжена. Но бдительной мадам Грендель эта «девчонка», путешествующая в одиночку, приехавшая неизвестно откуда, и даже имени которой нет в календаре святых, внушает только одну мысль: опасность!

ПЬЕРО И ЕГО КОТ

Как-то во время сиесты Гала набросала фиолетовым карандашом профиль этого незнакомого ей молодого человека: несколько штрихов, образующих треугольник, и глаза. «Портрет молодого человека, поэта семнадцати лет», — написала она по-французски. И добавила внизу, чтобы посмеяться над незатейливым рисунком, вычурное слово, выдуманное ею, ненароком пришед-

* Цитата из прекрасно написанной Жан-Шарлем Гато биографии «Поль Элюар, или ясновидящий брат». Lafont, 1988.

** Английский портовый город на берегу Ла-Манша (прим. пер.).

шее ей на ум: «Triangulisme!»* Затем она передает свой рисунок за спиной медсестры. Переходя из рук в руки, он находит интересующего Гала юношу, который спокойно читает, сидя в шезлонге. Юноша берет листок, рассматривает его и делает кокетливую надпись: «Что за молодой человек? Ответьте быстрее!»

Рисунок-письмо украдкой отправляют обратно. Пансионеры, разделяющие молодых людей, играют роль посредников. Дерзкая Гала в качестве ответа быстро отсылает приглашение: «Сегодня вечером вы будете есть со мной». Она довольно хорошо говорит по-французски, освоила обращение на «вы», но допускает ошибку в употреблении глаголов «есть», «кушать» и «ужинать». Неужели Жюстина, швейцарка-москвичка, звала ее к столу словами: «Идите есть»?!

Однако тон не допускает возражений, это приказ. И элегантный молодой человек это сразу же понял и куртуазно дописал в конце послания слова рыцаря, обращающегося к королеве: «Я в вашем распоряжении».

Лед тронулся. Начинается невинный флирт: что может быть лучшим лекарством против меланхолии и монотонности, присущих горному лечению? Записки, циркулирующие во время сиесты и подбрасываемые под двери комнат, назначают время свиданий, содержат нежные послания. Обмен репликами скоро переходит в настоящие беседы. Эжен и Гала становятся неразлучными. В столовой они сидят вместе за столиком на четверых: с ними обедает и ужинает мадам Грендель. Если погода и врачи позволяют, они выходят на прогулку, но

* Triangle (франц.) — треугольник (прим. пер.).

недалеко: из-за снега трудно передвигаться. Свобода их ограничена. Единственное приключение, которое им позволено, — проехаться до Давоса, чтобы порыться в книжных магазинах и прикупить шоколада. В начале века смешанных санаториев было еще очень мало: если Клавадель принимает больных обоих полов, то, естественно, персонал следит за моралью. Флирт надо скрывать, и, само собой разумеется, никакого продолжения в комнатах.

Гала и Эжен смотрят друг другу в глаза, держатся за руки, пишут друг другу любовные записки. Иногда беспричинно смеются. Они забавляются, подражая смешным тестам и походкам других пансионеров. У них полное взаимопонимание, и они так счастливы, найдя друг друга, что добавляют в конце посланий: «Хи! Хи! Хи!» — на их языке это говорит о хорошем настроении, об оптимизме. Они забыли, что больны, потому что влюблены.

Объединенные радостью жизни против утраты некоторых окружающих их взрослых, они все больше узнают друг друга, обмениваясь книгами. Они дают друг другу читать романы, стихи на французском, вместе ходят в библиотеку за книгами, которых еще не читали. Эжен приносит Гала книги, которые получает по почте. Оба подростка испытывают книжный голод, ими обуревают страсть, помогающая забыть действительность, — страсть к литературе. Любимый писатель Гала — Достоевский, Эжена — Виктор Гюго. Вместе они откроют и полюбят других писателей, будут восхищаться Бодлером, путешествовать вдвоем по стихам и прозе.

Вскоре Эжен начнет читать русской девушке стихи, написанные до знакомства с нею, затем те,

что сочинил для нее. У юного поэта такая привычка — переводить на язык поэзии все, что ему предлагает жизнь: впечатления, тревоги, моменты счастья, вид красивой сосны, свет, мимолетную улыбку. Поэмы для Гала он часто пишет в ее присутствии, когда они лежат под стеклянным потолком, приблизив свои больничные кровати (она рядом с ним, в мечтательной позе). Гала — первая настоящая публика Эжена. Он никогда еще не встречал родственной души и находит в ней внимательную слушательницу, страстную поклонницу: стихи действуют на нее как ласка. Гала не устает его слушать. Пусть девушка не совсем чисто говорит по-французски, часто испытывает трудности с грамматикой, синтаксисом или словарными тонкостями, но она восприимчива к музыке, и ей действительно нравится то, что ей читают. Она с уверенностью говорит и даже пишет Эжену: «Вы станете великим поэтом». Гала верит в него, предсказывая его будущее, не отдавая себе в этом отчета.

Этой девушке, разделяющей его порывы, Эжен посвятит свои сокровенные мысли:

Хотелось бы мне крылья иметь,
Стихами упрямыми мысли одеть,
Поймать, приручить ускользящий ритм.
Но я устал, мой путь неотвратим —
К смерти *.

Он говорит Гала о своем призвании, против-

* «Первые стихи Поля Элюара», из которых взяты эти стихи и последующие, напечатаны в томе I «Полного собрания сочинений». *Pléiade*, издание с предисловием и аннотацией Люсьена Шелера.

речащем планам родителей, о почитании «поэтов, умирающих от голода, но продолжающих совершенствовать мечту», — романтическая фраза, можно только догадываться, в какое отчаяние она могла бы привести отца Эжена. Сделав такое признание, юноша отныне станет посвящать Гала все, что напишет. Молоденькая русская девушка не только присутствует при создании стихов — она в нем участвует, став сразу и музой, и критиком. Гала высказывает свое мнение о стихах, анализирует свои впечатления, говорит о том, что ей понравилось, что она не поняла, каким образом отдает предпочтение. Когда какой-то стих ей не нравится, она об этом говорит тоже, но ее критический ум никогда не задает чувства глубокого восхищения тем, кто обладает даром письма, особенным даром стихосложения, а этот дар для нее прекраснее всего.

Черные глаза Гала до такой степени вдохновляют Эжена, что он находит в них «свет манящий» и «отблески старого золота». Это всего лишь первые образы, робкие штрихи к портрету, который поэт будет создавать всю жизнь.

О Гала — своем увлечении — он мечтает по ночам. Ее образ становится излюбленным фантазмом; об этом Эжен откровенно признается ей однажды утром в стихах:

Эта странная женщина,
Что приходит каждой ночью
Развевать скуку грез.

Он описывает, как в его снах Гала обнажает перед ним свое тело, грудь, живот. В его желаниях она уже женщина:

Тело ее — золотая поэма,
Бесстрастное, роскошное и гордое,
Презиращее собственную плоть.

Поэту хотелось бы любить Гала, но она недоступна. С девственностью не расстаются так быстро. Эжен, печальный трубадур, жалуется на это, и в голосе его эхом звучит Франсуа Вийон:

А я по-прежнему робкий вздыхатель,
Любви мне не хотят давать.

Гала для него — образ «неприступной башни», она недоступна, высокомерна, ее невозможно взять. Нежность привлекает юного поэта в ней (Гала действительно далеко не кроткая девушка), напротив, Эжена в ней притягивает сила, нестигаемость.

И вот он оказался в положении «любовника без обладания». Флирт продолжается. Гала позволяет приблизиться к себе, может быть, ласкать. Или же это бывает только в мечтах? Так или иначе, но она не отдается ему до конца. «Целуйте мои глаза, целуйте мою грудь», — пишет он от имени самой желанной женщины.

Целуйте изгиб бедра,
Владейте чувственной плотью,
Хранящей ужасные тайны.
Но не касайтесь уст и лона.

Горячка усиливается. Девушка сопротивляется семнадцатилетнему юноше. Ее притяжение так сильно действует на Эжена, что он чувствует себя обделенным, уничтоженным ее величием и добровольным отдалением. В первых его стихах Гала

«неуловимая», «манящая», «властная», «презрительная», «бесстрастная», «бесстрашная»... Но это она открывает ему краски жизни. В снах она является ему в разном освещении: в золотом ореоле, в блеске звезд, в сиянии луны — царственная, волнующая, своевольная. И только днем, когда призраки исчезают, она вновь становится другой в играх, чтении, прогулках и тайных ласках, когда медсестра, мадам Грендель или лукавые взгляды пансионеров оставляют наконец в покое влюбленных.

Чтобы отпраздновать *Mardi gras*^{*}, в пансионе организывают костюмированный бал. Нужно развлечь больных, прогнать сплин, побороть скуку весельем. В течение многих дней идут приготовления. Каждый придумывает себе костюм персонажа, на которого хочет быть похожим. Эжен и Гала заговорщицки перешептываются. Вечером, когда по одному появляются пансионеры, переодетые султаном, Кармен, Цезарем и египетской царицей, они входят вместе в освещенный яркими люстрами, украшенный по такому случаю бумажными гирляндами танцевальный зал в костюмах Пьеро.

Удивительно правдоподобны, удивительно похожи, они вместе решили предстать в образе этого героя итальянской комедии — бледного и грустного, ступающего на носочках, наигрывающего луне на мандолине, — выбрав одинаковые костюмы и одинаковый макияж. Лица их обсыпаны мукой, глаза обведены черным, над ними нарисованы жирные островерхие скобки, волосы спрятаны

^{*} «Скоромный вторник» — последний день перед постом (прим. пер.).

ны под одинаковые круглые колпаки. Им обоим превосходно удалось передать невинный, нежный и наивный дух Пьеро. Но больше всего в их появлении удивляет и очаровывает то, что это не пара: Гала не Пьеретта — она такой же Пьеро. Нельзя отличить мужчину от женщины. Они захотели создать двух Пьеро. Кто из них настоящий? А кто ему подражает, кто двойник? При виде двух братьев-близнецов впечатление возникает удивительное. Они держатся за руки, проходят вперед ровным шагом, как две белые тени. Только по одной детали их можно различить: Гала держит в правой руке вырезанный из картона силуэт черной кошки. Кошка, ее любимое животное, имеет связи с оккультным миром. В самых древних легендах говорится, что она животное ночное, таинственное, способное предсказывать.

Конечно же, поэт опишет свои впечатления о празднике, о маскараде. Еще на один шаг Эжен приблизился к Гала! Или наоборот? Отныне Пьеро перешли на «ты». «Жизнь моя земная, но она прекрасна», — пишет Пьеро-поэт.

Мой идеал с небес спустился,
И все мои стихи
Для звезд ... в твоих глазах!

Жанна-Мария Грендель, конечно же, не смотрит на Гала таким же ослепленным взглядом. Все, что делает девушку не похожей на других, оригинальной, вызывает в ней неприязнь. То, что Гала русская, вызывает у нее не восторг, а недоверие: мать Эжена никогда не путешествовала дальше Швейцарии, приехав сюда она, не переставая жалуется на холод и на удаленность от Парижа. Будучи мерзлячкой, исходя из своих скудных географических познаний, она считает Россию варварской страной, принимает ее жителей за вестготов, потенциальных недругов с отвратительными нравами. Резкие манеры Гала, ее самоуверенность удивляют сдержанную во всем, скромную женщину и утверждают во мнении: эта девушка чрезвычайно странна. И мать Эжена не так уж несправедлива: в поведении Гала всегда проскальзывает что-то варварское, тревожащее.

Католичка, замужем за агностиком, «ярым антиклерикалом», как он сам себя называл, Жанна-Мария — «мамаша» — находит неприличным, что Гала по всякому поводу крестится, взывая к Богу, и иконы, которые она видела в комнате девушки, кажутся ей доказательством опасного фетишизма. Православные, с их пышными обрядами, представляются ей племенем еретиков. Ее муж, как настоящий социалист, выступающий за светскость, запретил держать в доме кресты и

изображения святых. Для него религия не что иное, как ханжество, или, по крайней мере, исключительно женское занятие. Он терпит то, что Жанна-Мария посещает богослужения, но сам верит в одного единственного идола — Жана Жореса — и научил своего сына его почитать. Девушка, с ее чрезмерной, картинной набожностью, никак не вписывается в мир семьи Гренделей.

Чтобы успокоить Жанну-Марию и защитить Гала, ведь она одна, без родственников, без подруги (одиночество играет в её пользу), можно придумать историю о том, что ее покинули, о семейной драме. Как может понять мадам Грендель, что мать не навещает свою дочь, тогда как сама она не оставляет Эжена без присмотра? Так как Гала немногословна и не снимает тайную завесу со своего прошлого, Жанна-Мария с полным основанием может спросить себя: не скрывает ли девушка чего-нибудь такого, в чем нельзя признаться? Короче, ее охватывает подозрительность, и она придумывает для Гала прозвище: в разговорах с сыном она называет девушку «эта русская».

У Гала есть черты характера, соответствующие карикатурному образу ее соотечественников: она кажется необъяснимой, загадочной, непредсказуемой и переменчивой. Настроение ее в одно мгновение переходит от розового к серому или даже к черному. Состояние подавленности, тревоги, приступы неврастения, которые могут то длиться днями, то несколько минут, говорят о том, что Гала вовсе не классическая, разумная и простая девушка, какую мадам Грендель хотела бы видеть рядом со своим сыном. Она непонятна и, потом, слишком уж много читает, а книги, как говорят в

определенной среде, портят глаза. И Эжен, по ее мнению, много читает. Но девушка, не выпускающая книги из рук, — это даже неприлично. Мадам Грендель шьет, вяжет и не тратит время на чтение... как Гала.

Для Эжена она — русская, очень русская девушка. Вот портрет, который он написал, изобразив ее мужчиной. Он подсмеивается над Гала в «Русской балладе, написанной триолетом», по которой можно судить о том, что он знает ее недостатки, в особенности ее плохой характер. «Русский» — это обобщающий образ, «русская» — недоброе прозвище, этого слова он никогда не употребит.

Русский тип — неврастенический,
Без конца изучающий, копающий
Проблему психологическую.
Присваивает себе силу магическую
[...]
Часто он энигматический*,
Странный, анафеме предающий.
Манеры его сардонические...

Русской душе, открытой им в Гала, присуща хандра, тайна, ее привлекает все необычное и сверхъестественное. Это значит, что девушка кажется Эжену существом опасным, загадочным. Он попал под ее чары. В Клаваделе, где все на виду, юноша оказывается в деликатной ситуации: впервые он не считается с мнением матери, обходится без ее советов, не повинуетя, продолжая встречаться с Гала наедине, пишет

* Загадочный.

письма «этой русской» и не отходит от нее ни на шаг.

Мадам Грендель опасается, как бы Гала, эта уверенная в себе девушка, не ухватила за ее сыночка. Жанна-Мария подозревает Гала в том, что та бесстыдно вертится вокруг Эжена и с помощью женских уловок распаляет умело зажженный огонь. Мать беспокоится: а что если Гала приехала в Клавдель для того, чтобы найти спутника, подходящего по возрасту, к тому же «хорошую партию», — как раз то, чем стал Эжен благодаря отцовским успехам в торговле недвижимостью? Только бы не случилось ничего плохого! Осторожная мать предостерегает своего мальчика от опасности слишком настойчивых ухаживаний, от рискованных последствий флирта, обещающего зайти слишком далеко... Хорошо понимая, что сын не слушает ее, что он все больше попадает под дьявольское влияние «этой русской», она злится, критикует, ругается и сердится. И наконец разыгрывается последняя сцена драмы: мать ревнует, она сердится.

Это значит, что в сердце сына поселилась соперница. Но ведь он ее единственный ребенок, смысл всей ее жизни. С самого его рождения Жанна-Мария отдавала ему все свое время, всю свою любовь. Она одержимая мать и чувствует, что сын ускользает от нее, вот-вот выйдет из-под ее крыла, устремившись, словно околдованный, к ауре Гала.

Несчастный Эжен разрывается между двумя женщинами. «Старая» и «молодая», напишет поэт в одном стихотворении, не могут его поделить: «Молодая дала мне пощечину, старая отшлепала»*.

* «Безумец говорит», см. «Первые стихи» в «Полн. собр. соч.», т. 1, стр. 3.

Я вам клянусь — я, правда, их любил.
Но безобидное желание любви меня не покидало:
И мне нужны и грудь ее, и слезы.

«Одна» — это мать, для другой он подберет
наконец слово «невеста» — серьезное слово, объявляющее войну Жанне-Марии Грендель.

Это мать моя, сударь, с невестой моей.

[...]

Для меня они в сердце едины ...

Оскорбленная, не нужная больше в Клаваделе, где другая женщина украла у нее сына, мадам Грендель решает вернуться в Париж. В июне 1913 года она покидает санаторий навсегда. В жизни матери, оставляющей сына иностранке, произошла трагедия. Будь что будет.

Гала не собирается отказываться от своего поэта. Мадам Грендель удаляется, предоставляя тем самым больше свободы двум юным существам, и чувство дружеского расположения Гала к Эжену становится все глубже. Судя по письмам и стихам, последовавшим за этим эпизодом в Клаваделе, у них были маленькие истории на стороне: то Эжен слишком пристально рассматривал других девушек, то Гала посылала соблазнительные взгляды другим мужчинам, но следы этих интрижек потерялись, лица их героев стерлись*. Их ласки становятся все более дерзкими, они позволяют друг другу делать эти «грязные вещи», о которых поз-

* В «Письмах к Гала» (Gallimard, 1984, издание Пьера Дрейфуса, стр. 375, 378 и 395) содержится намек на то, что такие истории имели место, так же, как и то, что обрученные в Клаваделе предавались все более и более смелым ласкам.

же расскажут их письма, но не переходят запретных границ. В Клаваделе они никогда не занимались любовью*.

А то, что мать Эжена недооценила и что было главным в их отношениях — поэзия, упрочило их связь, вдохновило дружбу и, может быть, заменило то, что еще оберегало девственность Гала. Поэзия стала для них актом настоящей любви. Для Эжена Гренделя пребывание в Клаваделе отмечено не только встречей с необыкновенной женщиной — здесь он родился как поэт. Два этих события неотделимы друг от друга, как если бы любовь к Гала пришла к нему через поэзию и любовь к поэзии через Гала. Первые стихи, которые Эжен отправит в Париж, переписывала Гала**.

В декабре 1913, то есть спустя менее чем год после встречи с «этой русской», к восемнадцатилетию, Эжен Грендель получит по почте первое свое опубликованное произведение — книжечку в сто одиннадцать страниц, названную им без особой фантазии «Первые стихи». Он издал ее за свои карманные деньги в издательстве «Nouvelles Éditions francaises d'Eumard» (специализируется на публикациях за счет автора). На первом листке он напишет:

И в лесах, и в лугах
Поэт мечтает о своей красавице с нежной грудью
[...]
И на него нисходит благодать.

* По признанию Поля Элюара своей дочери Сесиль («Письма к Гала», стр. 371), он и Гала были девственниками, когда поженились.

** Дар Люсьена Шелера литературной библиотеке Жака Дусе.

Поменяв местами имена, он предпочел Эжену («малыш Жежен») имя своего дяди Поля (слесаря) и подписал сборник как *Поль-Эжен Грендель*. С этого момента в Клаваделе Гала начинает называть своего поэта Полем.

В этом же месяце в литературном журнале «*La revue des oeuvres nouvelles*» появляется сонет «Святые женщины», его юноша подписал так: *Поль Элюар Грендель*. Эжен исчез. Грендель остался. И появляется имя, которое однажды станет его собственным. Элюар — девичья фамилия бабушки по материнской линии, Мари-Эжени-Фелиси, умершей в нищете в возрасте тридцати семи лет. Фамилия матери навсегда перечеркнет отцовскую фамилию. Гала присутствует при трудном рождении поэта: тот еще находится на стадии поиска имени. Она внимательно вслушивается в разные варианты: Эжен-Поль Грендель в официальных документах, Поль-Эжен Грендель для первых читателей, Поль Элюар Грендель для «Святых женщин». Он еще не уверен, что нашел себя. Ответ на вопрос: «Кто я?» — еще не ясен. В январе 1914 года в журнале «*Le feu*» появляется «Безумец говорит» — поэма о том, как трудно существовать и быть собой (это в ней говорится: «Это мать моя, сударь, с невестой моей.. Молодая дала мне пощечину, старая отшлепала...»), которую он не побоялся опубликовать, несмотря на интимный характер и скандально-семейный контекст. Через несколько недель в издательстве «*Les Oeuvres nouvelles*», опять же на средства автора, появится второй сборник — «Диалоги бесполезных людей», который он, как и поэму «Безумец говорит», снова подпишет — конечно же, не без сомнений — как Поль-Эжен Грендель.

Между именами еще будет стоять маленькая черточка, ее он не ставит, когда подписывается: Поль Элюар Грендель.

«Бесполезные люди», по мнению юного поэта, — это он и Гала. Их диалоги — четырнадцать маленьких, связанных между собой стихов в прозе, написанных в присутствии Гала. В своем санатории они могли сколько угодно времени отдаваться мечтам, любви и поэзии. Тон стихов по-юношески весел.

«Вас буду целовать везде: вверху, внизу и в середине; и когда ты вздрогнешь от волнения, владельцем окажусь я кубка неиспитого и припаду к нему я с наслаждением», — пишет поэт, а незнакомка имеет наглость ответить ему сухим тоном, что свойственно ей (по-французски звучит мягче): «Интерес двойной — как только дело будет сделано, я прогоню тебя!»).

Гала сама написала предисловие к этому сборнику — всего четырнадцать строчек — для того, чтобы сказать просто, но со всей чистосердечностью о своей близости к автору и о своем восхищении им. Это предисловие такое лаконичное, такое забавное и странное, как сама Гала, что заслуживает быть процитированным полностью.

«Не следует удивляться, что женщина, более того, незнакомка, представляет читателю эту книгу.

Автор был знаком со мною какое-то время, и наоборот.

Его работа мне представляется маленьким шедевром, необыкновенным проявлением души,

довольно неплохо развившейся, если можно так сказать.

На этих страницах можно все найти и, следовательно, все искать.

В рифмованной форме представлены факты, которые вряд ли были поэтичными.

Я благодарю автора за чудесное ощущение, доставленное этим художественным произведением»*.

Гала подписала этот прелестный наивный текст загадочным именем: «Reine** de Paleuglnn». Reine — как имя? Или Reine — как королева сердца? Что касается фамилии, то можно смело выбрать любую из существующих интерпретаций — их предостаточно. Для одних — это анаграмма из Поль-Эжен Грендель (Paul-Eugene Grindel), для других — это анаграмма из «A PEG un rien d'Ellen»: «Полю-Эжену Гренделю ничего от Элен» (Элен — английская версия второго имени Гала, Елена). В любом случае это криптограмма, зашифрованная подпись, которая ни о чем не говорит, что-то вроде пароля для влюбленных. Поль и Гала тайно связали свои имена. Королева Paleuglnn — экзотическое создание, пришедшее из загадочного королевства Paleuglnn, варварское сочетание согласных в названии которого, должно быть, напугало мадам Грендель в Париже. Оно вызывает в памяти кельтские легенды, край, населенный великанами, бесстраш-

* «Полное собрание сочинений» Pléiade. т. 2, стр. 749.

** Reine (франц.) — королева.

ными рыцарями, эльфами, феями, джиннами... Этого королевства нет нигде, однако оно существует в мечтах.

Поль посвятил свой сборник — всего тридцать одна страничка — «Той, которая...» В посвящении стоит многоточие — знак того, что уже есть и обещание всего, что за этим последует.

Супруга, обладающая
Властью сирены

ДАЛЕКАЯ РОДИНА

В апреле 1914 года Поль и Гала, после того, как им объявили, что они выехали, покидают санаторий, чтобы вернуться к домашнему очагу — каждый к своему. Мадам Грендель приехала к сыну, чтобы тщательно подготовиться к путешествию, собрать багаж, в то время как Гала одна отправляется в Москву. После более чем года, проведенного вместе, когда они дышали одним воздухом, читали и мечтали вместе, флиртовали, клянясь друг другу в вечной любви, расставание проходило тяжело, даже несмотря на то, что молодые люди считали себя помолвленными и обещали друг другу непременно встретиться. Их искренний оптимизм бросил вызов географии и обстоятельствам. Встреча назначается не на следующий день. Прежде всего, потому что между Парижем и Москвой огромное расстояние (кроме писем, у них не будет другой возможности общаться), и еще потому, что их семьи с раздражением и враждебностью восприняли сообщение о помолвке, провозглашенной вдали от них, без совета с ними. Наконец, то, что Европа приготовила им при выходе из уютного мирка, представляет полный контраст их мечтам о любви.

Пребывание в Швейцарии было временем мира и спокойствия, до них доходили лишь отголоски событий. Возвращение к действительности в 1914 году стало для обоих шоком. Во Франции накаляется политическая обстановка: отчаянные защитники мира, находящегося под угрозой идей реваншизма, противостоят националистам, горячим сторонникам патриотического движения, желающего искупить позор 1870 года и вернуть утраченные Эльзас и Лотарингию. Жозеф Кайо, член радикальной партии, министр финансов в кабинете Думерга, был вынужден подать в отставку, потому что оголтелая кампания, развязанная против него в прессе, вмешалась в его личную жизнь; 16 марта его жена убила тремя выстрелами из револьвера Гастона Кальмета, директора «Фигаро», главного организатора кампании.

Раймон Пуанкаре, бывший депутат от департамента Мёз, бывший министр финансов и иностранных дел, сторонник милитаризации, является председателем Совета. В мае левые силы побеждают на выборах, к огромной радости семьи Грендель. Левые победили благодаря тому, что обещали бороться против трехлетней воинской службы, объявленной военным ведомством. Грендели — не только Клеман, но и все его братья — были пацифистами в лучших социалистических традициях: только мир может способствовать социальному прогрессу — об этом страстно говорили с начала века Жюль Гед и особенно Жан Жорес.

Император Германии Вильгельм II проводил провокационную политику: он бросил свою страну в колониальную и морскую экспансию, повернул разом против Франции и Англии свою назем-

ную армию и флот под командованием адмирала Тирпица.

В то время как Эжен, вернувшись из санатория, делает первые шаги во взрослой жизни, изучает профессию отца и пытается убедить родителей в том, что его русская подруга наделена исключительными достоинствами, в окружающем мире готовится событие, о котором никто даже не подозревает. 28 июня эрцгерцог Франц-Фердинанд, племянник Франца-Жозефа и наследник Австро-Венгерского престола, был убит в Сараево сербским студентом. Игра в военные альянсы приведет в действие машину и вовлечет одну за другой европейские страны в войну, несмотря на усиливающиеся голоса ее противников, желающих успокоить горячие головы. Летом 1914 небо было голубым и светило солнце. В Париже стояла такая жара, что семья Грендель устроилась в летнем домике, который был снят в Монморанси специально для поправки здоровья Поля. Это лето и стало началом катаклизмов. 31 июля Жорес, выступивший последний раз с призывом к сохранению мира, был убит. Примирения рабочих всех стран, а в особенности немецкого и французского народов, о чем так мечтал Жорес, не произошло.

28 июля Австро-Венгрия объявляет войну Сербии. Германия по соглашениям Тройственного союза объединяется с Италией, союзницей империи Габсбургов. Россия выступает личной союзницей Сербии. Она входит также вместе с Францией и Англией в Антанту. И вот 1 августа Германия объявляет России войну. Франция должна вступить в военные действия... Конфликт катится дальше, вызывая целую серию войн. В

конце концов в войну втянута почти вся Европа, чуть позже — полмира. Хорошо, что отдаленные друг от друга родины Эжена Гренделя и Гала Дьяконовой еще принадлежат одному лагерю: что стало бы с ними, если бы французская дипломатия объявила Россию вражеской нацией?

Там, на родине Гала, царь Николай II правит страной вместе с Распутиным, сибирским мужиком, приехавшим из тобольской деревни (в Тобольске живет бабушка Гала по матери), чтобы помочь императорской семье своими молитвами и колдовскими способностями. Если одни говорят, что он всего лишь безграмотный крестьянин, похотливый, развратный, алчный — одним словом, бесноватый, то другие признают за ним не только колдовские, гипнотические чары и дар предвидения, но также и то, что он наделен политической интуицией и умеет постигать вещи, недоступные большинству смертных. Григорий Распутин был одним из немногочисленных «советников», если не единственным, кто предостерегал Николая II от войны. Из Сибири, где он стал жертвой покушения (его ударила ножом одна крестьянка, желая убить в нем Антихриста, 28 июля, в день когда Австрия открыла военные действия), он послал царю телеграмму. В ней Распутин умолял государя не ввязываться в войну, потому что «это будет концом России и императоров, это будет бойней, где погибнут все люди до последнего»*.

Но к его мнению больше не прислушиваются. Объявление войны встречено во Франции с энтузиазмом. В русской Думе так же, как и на улицах

* Приводится Анри Труайя в книге «Николай II, последний царь». Flammarion. 1991. стр.300.

Москвы и Санкт-Петербурга, раздаются крики «ура!», толпа распевает «Боже, царя храни!». Даже Керенский, депутат от крайних левых, написал в день вступления своей страны в войну, что «не стало больше баррикад, стачек и демонстраций на улицах». В России еще, хоть и в другом политическом контексте, война объединяет людей. Во Франции социалисты единодушно голосуют в Палате депутатов за предоставление кредитов армии. Жоресу, убитому за три дня до этого, остается лишь перевернуться в могиле. В России меньшевики хотят, чтобы русские защищали родную землю, пусть даже им придется для этого пойти на временное сближение с империалистическим правительством. Только большевики (от их имени говорит живущий в Швейцарии Ленин) предпочитают поражение России победе царизма. Во Франции, как и в России, солдаты готовятся раздавить Германию, и почти все они уверены, что война будет короткой.

Для Гала и для Поля война — еще одно препятствие на пути к их воссоединению. Клеман и Жанна-Мария и слушать не хотят о помолвке под грохот пушек: их единственному сыну в декабре исполнится девятнадцать, он достиг призывного возраста, но без радости в сердце будут провожать они его на войну — «с цветком в ружье», как скажут лирически настроенные патриоты.

Что же касается Гала, ее сестра вспоминает, что она отказывается выходить из дома, посещать театры, сидит, запершись в комнате, с термометром во рту (ее лихорадит) и с ручкой в руке: она почти каждый день пишет своему жениху во Францию. Братья подсмеиваются, отчим вне себя — вся семья осуждает увлечение Гала. В двадцать лет не

стоит думать о совместном будущем с первым возлюбленным. Мать молча, с грустью смотрит на свою выросшую, но такую юную дочь, уже готовую с ней расстаться. Лидия, переживающая всю драму с чувствительностью ребенка, сохранила в памяти напряженное лицо сестры и выражение упрямства и озлобленности, когда с ней спорили. Ничто, даже война, не сможет помешать достижению цели Гала: любой ценой находиться рядом с Полем.

Вильгельм II захватил Бельгию и начинает масштабное наступление на Францию; сражение на границе длится около двух недель. С первых дней сентября немцы грозят захватить Париж. Царь Николай II, верный слову, данному союзнику, посылает две мощные армии в Восточную Пруссию, чтобы предпринять отвлекающие действия: там пройдут особенно кровопролитные бои (двадцать тысяч убитых и девяносто тысяч пленных!), но это позволит французам одержать 13 сентября победу на Марне и спасти Париж.

В Париже Поль ждет мобилизации. За свою худобу, поврежденное легкое и обнаруженное во время медкомиссии серьезное воспаление носоглотки, он был приписан к нестроевой службе. Призывной контингент номер пятнадцать, к которому он отныне принадлежит, будет мобилизован в декабре. Он находит себе занятия, помогает, как может, отцу в агентстве, часами дискутирует с симпатичным анархистом с Монмартра — своим переплетчиком и затем другом Жюлем-Аристидом Гононом, ходит в кино смотреть «Chéri-Bibi» и, конечно, пишет Гала. В тылу жизнь продолжается.

Война, начатая с песнями, обещавшая быть короткой, продолжается, и в каждой семье уже есть

убитые. Племянник Клемана Гренделя, работавший с ним, убит в августе, сиротой осталась его четырехлетняя дочь. В Москву товарные поезда привозят с фронта раненых сотнями, службы Красного Креста перегружены. Мать Гала ходит помогать в центральный госпиталь. Она возвращается оттуда со страшными историями и печальными прогнозами (о чем Гала не может писать из-за цензуры) говорят, что не у всех новобранцев, приехавших на фронт, есть оружие, что артиллерии из-за нехватки боеприпасов трудно поддерживать пехоту, что армия царя занимает гораздо менее значительные позиции, чем армия Вильгельма II...

Поражение в Антверпене, сражение во Фландрии. Французский театр военных действий простирается на семьсот километров — от Эзера до швейцарской границы. Армия Республики испытывает затруднения. Солдаты-фронтовики готовятся встретить свое первое Рождество в окопах. Сербы дали отпор австрийцам и вернули Белград. Русский фронт стабилизировался после львовского сражения в сентябре. С одной и другой стороны уже есть значительные человеческие потери. Эжен Грендель, так и не успев обучиться ремеслу отца, становится солдатом. Он вступил в мир взрослых в худший момент для истории Франции. Русская девушка, мечтающая только о том, как бы побыстрее увидеться с ним, переживает тяжелые времена вместе со своей страной. Между Полем и Гала в огне и крови лежит Европа. Их разделяют поля сражений, усеянные трупами.

ВОЙНА НА ВСЕХ ФРОНТАХ

Мировой конфликт осложняется семейным, так как война, втянувшая обе страны в страдания, эхом отдается в обеих семьях, где сражение ведут двое взрослых детей, борьба идет ежеминутная и беспощадная. Поль и Гала противопоставляют свой общий фронт авторитету родителей. Отвага, стойкость и верность — вот их оружие. Они борются, сопротивляются, отказываясь уступить силе. В то время как солдаты во Франции и России сражаются по-настоящему, у них своё поле битвы.

Весь 1915 и начало следующего года больной Поль проводит в госпиталях: его здоровье не выдержало перегрузок, плохого питания и голода. С января 1915 года он два месяца находится в госпитале в Жантее с бронхитом. Ему разрешают ненадолго поехать подлечиться домой. Поля, едва вставшего на ноги, назначают старшиной в 21-ый полк колониальных пехотных войск, в 23-ю роту. Он не успел еще надеть военную форму, как его уложили в госпиталь — на этот раз в Брока с церебральной анемией и хроническим аппендицитом — в течение многих месяцев он будет страдать от мигреней, болей в животе, лихорадки, упадка сил. Все эти симптомы бывшего больного туберкулезом обескураживают и беспокоят врачей. После двух месяцев, проведенных в Брока, и второго отпуска домой по болезни Поля переводят в 23-ю роту, там он опять заболевает, и его

весь август держат в медпункте. Затем, так как состояние его здоровья не улучшается, его направляют в госпиталь Кошена, откуда он выйдет лишь 14 декабря, — в день своего двадцатилетия.

Пройдя от Жантйи до Кошена через Брока, находясь более полугода в больницах, Эжен Грендель не видел войны. Война ничуть не удалила его от родительского гнезда, что радует мать и теток Эжена; они навещают его, сидят с вязанием рядом с ним в госпитале, когда он читает или пишет той, которой ему недостает и при упоминании о которой Жанна-Мария Грендель хмурит лоб. Так как связь между матерью и сыном очень сильна и у обоих есть время излить друг другу душу, Эжен подолгу говорит о Гала, выступая защитником русской девушки и ее чувства. Мадам Грендель, по природе снисходительная женщина, потихоньку впускает в свое сердце чужестранку, и та становится уже «этой маленькой русской» — материнская неприязнь смягчается.

Следует сказать, что отца теперь нет рядом для того, чтобы следить за соблюдением дисциплины и учить уму-разуму своего мальчика. Его, скоропятилетнего, тоже мобилизовали: в марте 1915 года он ушел служить в 37-ой пехотный полк в Оксере. Клеман Грендель хорошо написал диктант, и его зачислили в управление военных хлебопекарен в Боран-сюр-Уаз, где он с горечью наблюдает продолжение войны, отвлекшей его от дел. Оттуда он посылает жене и сыну письма, полные нежности, заботы и советов.

Поль тоже пишет отцу — как маленький мальчик, не ставший еще мужчиной, — наивные письма, в которых без конца и довольно прозрачно говорит о Гала.

«Судьбы всех печальны сейчас, и даже радости не бывает без слез», — так Поль напишет своему родителю 17 октября 1915 года*. Он называет отца «папочкой». «Папочка, я скучаю, но я постоянно думаю о тебе, о маме и еще о ком-то, кого ты хорошо знаешь и кто тоже имеет причины скучать, потому что тоже любит и ждет». Суть этой тарабарщины ясна: Эжен не собирается забывать девушку, имени которой не осмеливается назвать. «Сейчас, — добавит он несколько дней спустя, — я очень часто и регулярно получаю письма из России». С упрямством сына, с виду послушного и нежного, но никогда не отказывающегося от своих капризов, он непременно подчеркивает в конце каждого письма главное (он все еще влюблен) и приобщает упоминание о девушке ко всему, о чем сообщает. Он медленно подготавливает родителей к тому, чтобы они впустили в душу ту, кого считают чужой. Его тактика неизменна: говорить о Гала, повторять, что он ее любит и считает своей невестой, что он больше всего хочет ее приезда во Францию.

Склонив мать на свою сторону, приложив немало усилий, чтобы заставить ее не считать больше Гала соперницей, врагом, но союзницей в сердце сына, Эжен пытается убедить отца принять его невесту в Париже. Но отец дает категорический отказ и не позволяет себя разжалобить. Напряжение между отцом и сыном возрастает. Клеман Грендель в качестве главы семьи еще претендует на командование. При любых обстоятельствах решающее слово за ним, он не хочет ронять свой авторитет. Он считает, что дела идут

* «Юношеские письма». Seghers, стр. 53.

хуже некуда: Эжен болен, война продолжается, торговля приходит в упадок... Говорить о помолвке, по меньшей мере, несвоевременно. Впрочем, Эжен — младший. Он должен подчиниться. Грендель-старший сам подчиняется сейчас своему командиру. «Я не понимаю, зачем сейчас обсуждать вопрос об этой русской девочке. Мы не в состоянии ничего сделать», — пишет он,^{*} раздраженный и убежденный в том, что у его семьи должны быть другие приоритеты.

Пригласить Гала в Париж? Эта затея кажется ему абсурдной. С одной стороны, ему не хочется заниматься иностранкой. Ведь она, приехав в Париж, должна будет находиться под его опекой, и, возможно, он должен будет обеспечить ей содержание. «Ты достаточно устала с начала войны, — пишет он своей жене, которая, вероятно, хлопотала за мальчика в одном из своих писем, — для того, чтобы добавить ко всем нашим моральным, физическим и финансовым тяготам еще одну. В настоящий момент это невозможно»^{**}. С другой стороны (и это, без сомнения, его главный аргумент), он хорошо знает, что помолвка — шаг к женитьбе. Сын кажется ему еще вовсе не созревшим для такого серьезного события: пригласить к себе с другого конца света эту девушку значит принять ее безоговорочно. И тогда уж недалек тот день, когда Эжен женится на ней. Клеман Грендель накладывает вето на женитьбу. Он черным по белому напишет это уже в 1916 году. Сражение велось не на

^{*} Опубликовано Жан-Шарлем Гато в книге «Поль Элюар». Цит. соч., стр. 52.

^{**} Там же.

шутку, и ни отец, ни сын не сложили оружия. «Я не хотел бы, чтобы она оставалась у нас», — заявляет Клеман Грендель своему «дорогому мальчику».

В 1915 году на фронте более-менее спокойно, во Франции начинают даже поговаривать, что военные действия затухают. Но тут по приказу маршала Жофра организовываются бесполезные, принесшие большие потери наступления в Шампани, Артуа, в Аргоне, затем в Вогезах. В госпитале Эжен поверяет матери свои пацифистские убеждения и понимание долга: он боится войны («Война приводит меня в отчаяние», — признается сын ей), но он готов идти защищать свою родину и огорчен тем, что вынужден находиться в тылу со стариками, женщинами и детьми. В первый раз Эжен говорит ей о другом желании, кроме любви к Гала: он мечтает сражаться на фронте, как все мужчины (к огорчению матери и невесты). В 1915-ом и 1916-ом — только тогда в первый раз в жизни одна и другая (мать и невеста) были счастливы от того, что Поль болен: пусть хотя бы бронхит и аппендицит защитят его от войны.

На восточном фронте Россия терпит поражение. Она оставила Галицию. Австрийские и немецкие войска завоевали Польшу, Литву и — с помощью Болгарии — Сербию. Армия Николая II уже потеряла более трех миллионов человек убитыми и пленными. Солдаты его вызывают жалость: они не только плохо экипированы, но и голодают, иногда выступают со штыками против немецких винтовок. Работа транспорта налажена плохо, что затрудняет доставку оружия и бое-

припасов. Почти все военное имущество разрушено; не имея военной индустрии, Россия вынуждена заказывать у союзников вооружение, которого тем и самим не хватает.

Гала с семьей осталась в Москве. Вокруг нарастает всеобщее недовольство. Особенно это заметно в народной среде, где раздаются голоса революционеров против тех, кто развязал войну: против генералов, князей и царя. Дома, в кружках либерально настроенной буржуазии критикуют Николая II за то, что он слишком далеко зашел в своей помощи Франции, проявляет упрямство в военной политике вместо того, чтобы остановиться. Его упрекают в неумении управлять, в том, что он находится под влиянием плохих, противоречащих друг другу советников: с одной стороны — великие князья, с другой — Распутин и императрица Александра. «Россия вступила в эту войну против воли Божьей... — провозгласил Распутин. — Христос негодует от всех жалоб, поднимающихся к нему с земли русской... Говорю вам, Божья кара будет ужасной».

В Москве еще пока нет полного обнищания, но тринадцать миллионов воюют, и, следовательно, сельскохозяйственное производство снизилось, продовольствия уже кое-где не хватает. Нужно запастись продуктами, расходовать их экономно. Одна из тетюшек, у которой имеется хозяйство в деревне под Москвой, подкармливает Дьяконовых. Никаких других изменений в их жизни пока не произошло. Гала, если бы хотела, могла бы даже ходить в театры или на балет. Но у нее нет желания. Чем больше проходит времени, тем неотступнее мысль о поэте-французе. На

здоровье ее оказывают воздействие печаль и ежедневные сражения с близкими — она заболевает. Усталость, горячка, головные боли. По обе стороны от этой абсурдной войны молодые люди, избежавшие туберкулеза, находятся под смертельной угрозой. Врачам — как французским, так и русским — судя по всему, не удастся излечить от того, что, без сомнения, является болезнью любви. Благодаря тому, что она так переживает свою страсть и ни на грамм не уступает увещаниям домашних (всех вместе взятых: братьев, матери, отчима), Гала удастся в результате непреклонного упрямства и бесконечной выдержки отстоять свое решение. Любовь придала этой хрупкой девушке невероятную силу.

«Я все делаю для тебя, я все всегда буду делать»*, — напишет она Полю в ноябре 1916, когда наконец получит разрешение приехать во Францию. «Я не могу без тебя жить, мне не хватает тебя, как чего-то абсолютно необходимого, как чего-то незаменимого»**.

Вера Гала способна двигать горы. Так как Гала считает, что они с Полем стали уже прочной парой, неразъединимой, она, опережая события, подписывает свои письма жениху так: «Твоя жена навсегда».

* «Письма к Гала». Цит. соч., стр. 373.

** «Письма к Гала». Цит. соч., стр. 394.

«БЕРЕГИ СВОЮ ЖИЗНЬ... ТВОЯ ЖИЗНЬ — ЭТО Я САМА»

Эту блажь, мечту, подобную мечтам многих тысяч девушек, верящих в первую любовь, можно было бы считать банальной. Для Гала мечта стала вызовом — вызовом семье, сражающемуся миру, собственной слабости и болезням. Ее она противопоставляет враждебной и мрачной действительности, которая не раз давала ей возможность отречься от мечты. Гала — девушка неординарная: ее воля, упрямство и смелость необыкновенны. Она хочет осуществить свою мечту, несмотря на опасности и волю случая. Дома ей не перестают повторять: молодой человек, ждущий ее во Франции, может очень отличаться от того, кого она знала в Клаваделе. У него другая религия, язык, обычаи — все это может стать непреодолимым препятствием на пути друг к другу; а к тому же он еще почти ребенок... Но нет доводов, способных переубедить Гала, вера ее выше всяких сомнений.

Преграды падают одна за другой. Сначала сдаётся семья: за обещание выучить французский и записаться в Сорбонну Гала получает разрешение на поездку в Париж. Ведь удалось ее подруге, Марине Цветаевой, получить у своего строгого отца разрешение поехать туда одной, до начала войны. Марина для Гала всегда была примером для подражания. Димитрий Гомберг является уж слишком пылким защитником либеральных идей,

чтобы становиться тираном. Антонина — женщина очень мягкая, непреклонная воля старшей дочери обезоруживает ее, она грустит из-за предстоящего отъезда, но быстро смиряется с его неизбежностью. Гала не только очень волевая девушка, она еще и очень настойчивая. Если уж в голове ее созрел план, то осуществление его становится навязчивой идеей и она во что бы то ни стало старается воплотить его в жизнь. Гала без конца пишет письма Полю и мадам Грендель, чтобы быть уверенной в том, что ее не забыли, что ее ждут и что ей окажут должный прием. Ее письма к Полю сколь энергичны, столь и нежны. Она не только неустанно напоминает своему жениху обещание быть с ним, потому что страстно его любит, но еще и старается его успокоить, как бы опасаясь, что вдали от нее ослабнет возникшее между ними в Клаваделе, в той далекой уже жизни, чувство. Она напоминает Полю — на тот случай, если он вдруг забудет, — что их любовь — исключительное чувство. «Только мой любимый Поль-Эжен, — пишет она ему, — мой маленький мальчик, мой ребенок...»* У Гала зарождается материнское отношение к Полю. Невеста ему как мать. Жених — это ребенок, о котором она проявляет заботу и беспокоится.

Гала хочет его защитить. Она также хочет им руководить. «Дорогой мой, — пишет она ему по-русски, «мой дорогой возлюбленный, душенька моя, мой дорогой мальчик». Гала инстинктивно в обращении к жениху выбирает ласковый тон, заботливый материнский тон: «Мой самый единственный мальчик, только мой и навсегда...» Не-

* «Письма к Гала». Цит. соч., стр. 377.

веста так же верна и эгоистична, как мать. Она понимает, что мадам Грендель ревнует, потому что растет влияние русской девочки на ее собственной территории. Гала опасна: она обладает терпением паука. Гала ловко плетет паутину вокруг Поля и быстро добивается капитуляции мадам Грендель. Она быстро поняла главное. «Твоя мать, — говорит она Полю, — влюблена в тебя». Материнское чувство к Полю смешивается с чувством любви, чувство любви — с материнским чувством. Совершенно очевидно то, что обе женщины должны договориться, в противном случае Поль будет несчастен. Хитрая Гала согласна первой сделать шаг к примирению. Вместо того, чтобы настраивать Поля против матери, она решает завоевать ее любовь. Девушка призывает на помощь нежность. «Дорогая мадам, — пишет Гала, может быть, я поступаю слишком наивно, потому что, не зная Вас достаточно хорошо, прошу Вас успокоить меня, развеять мои сомнения!»* Избегая конфронтации с мадам Грендель, Гала взывает к ее доброте и, хорошо зная, что думают о ее происхождении родители Поля, с любовью подписывается: «Русская девочка Гала».

В этом письме она еще называет Поля Эженом. Поль — это секрет поэта и любящей его Гала.

Тем временем на французском фронте война становится все более жестокой. Призыв в армию все увеличивается, в тылу женщины пытаются заменить покинувших семейный очаг мужчин. Поль выздоровел, но умудрился вывихнуть колено, в результате чего у него развился артроз и он вынужден ходить на костылях. Он таскается по дис-

* В книге Жан-Шарля Гито «Поль: Элюар». Цит. соч., стр. 55

пансерам. И вот, по иронии судьбы, бывший «великий больной» становится санитаром в военных госпиталях! В феврале генерал фон Фалькенгейн предпринял наступление на Верден (сражение затянется до декабря и обескровит обе армии). Медицинский персонал перегружен в связи поступлением жертв войны. Полю, у которого нет специального образования, поручают помогать при перевязках и уходе за ранеными. Работая до самой весны в 10-м парижском округе, а затем в Росни-сюр-Сен, он узнал, что такое ад, от тех, кто там побывал. Поль стыдится своей отсрочки. Несмотря на риск и страх, он хотел бы разделить судьбу тех, кому приходится страдать.

В июне его посылают в Аржикур, в Сом, для участия в устройстве НОЕ* в десяти километрах от места, где 1 июля генерал Жофр с генералом Хейгом развяжут франко-британское наступление, беспрецедентное по размаху и силе. Оно продлится четыре месяца и принесет еще многие тысячи погибших, покалеченных, раненых — все они пройдут через Аржикур перед отправкой в специализированные госпитали или на кладбища, в спешке устроенные вблизи госпиталя. «Машины идут вереницей», — пишет Поль матери, умалчивая, чтобы не пугать ее, о страхе и сострадании, которые вызывают у него предсмертные муки солдат (кто-то сходит с ума).

Полю вручают блокнот, перо, чернила и усаживают его на табурет. Жуткая миссия для поэта: на его долю выпала печальная участь сообщать семьям об умерших родственниках.

* Hôpital d'évacuation militaire (франц.) — военный эвакуационный госпиталь.

В первый раз с тех пор, как он покинул Клавадель, потрясенный увиденным Поль возобновляет занятия поэзией и пишет сборник «Долг» — двадцать стихотворений, которые распечатывает в кабинете своего капитана и помещает в тонкую обложку из бежевой бумаги. «Продается у Поля-Эжена Гренделя, НОЕ-18».

Из этой деревни тихой
Идет, трудна и крута,
Дорога к слезам и крови.
Наша душа чиста!*

В феврале 1916 года Клеман Грендель посылает сыну последнее наставление: «Поговорим о женитьбе после войны. В настоящий момент это невозможно. Будь терпеливым, мой мальчик». Отец не принимает в расчет все возрастающее влияние Гала. В марте Поль пишет матери, что он в отчаянии и не может думать о Гала, «настолько это [ему] доставляет страдание». Но в начале следующего месяца девушка приняла решение: она объявляет о своем приезде, не уточняя пока дату. События, вопреки воле Клемана Гренделя, разворачиваются стремительно. Поль прежде всего обеспокоен практической стороной предстоящего приезда и тотчас же пишет матери письмо с инструкциями. Он советует снять комнату для девушки за два-три франка: «... Желательно в доме, где живут одни женщины, на бульваре Сен-Мишель. Там, конечно, есть то, что нужно. Посмотри в справочнике. Иностранцам там сдают охотнее, в этих местах много иностранцев...»

* Первое стихотворение из сборника «Долг и тревога». *Pléiade*, т. 1, стр. 19. Перевод М. Ваксмахера.

В апреле, вызвав настоящий приступ ярости у своего отца, он впервые совершает обряд причастия. Гала одержала еще одну победу! Она убедила Поля, который был только крещен, в необходимости выучить катехизис и пройти этот, считающийся главным, по мнению христиан, обряд. Тогда она сможет венчаться в церкви...

В Москве Гала готовит приданое. Так как мадам Грендель уже договорилась о комнате в пансионе для дам недалеко от улицы Ордене, Гала остается организовать самое сложное — свой отъезд. Жюстина, гувернантка-француженка, будет ее сопровождать (не в качестве компаньонки, а потому что, ввиду осложнения в ходе военных действий, решила вернуться на родину). Очевидно, что в 1916 году невозможно проехать через Германию из России. Невозможно ехать через воюющие страны. Невозможно проехать через Турцию, которая является союзницей Германии и немецкого лагеря. Гала остается лишь один путь (который, впрочем, тоже опасен, так как немецкие субмарины патрулируют Балтийское море): через Хельсинки (Финляндия, русская провинция, еще не охвачена войной) она может добраться до Стокгольма (Швеция — нейтральная страна); оттуда по северу — в Лондон; на поезде она доедет до Сауттемптона, затем на пароходе — до Дьепа; там сядет в поезд на Париж. Представить только, какие странствия ждут Гала! Путешествие будет долгим и опасным, с трудными пересадками и риском застрять в пути или погибнуть даже под флагом нейтральной страны от немецких мин. Но Гала не боится ничего. Она отправляется в дорогу.

В то самое время, когда знойным и тревож-

ным летом санитар и писарь Эжен Грендель получает известие о том, в чем было уже чуть не изувечен, до него доходят отголоски жестоких сражений на реке Сом. «За два дня, — пишет он своей матери, — мы получили и эвакуировали более трех тысяч раненых. У меня много дел. Все эти бедные люди, массы раненых солдат покрыты коркой из грязи и крови. Раненые боши* — их тоже много — выглядят еще более жалкими, чем наши»**. Он отправляет семьям несчастных до пятидесяти писем в день, становится свидетелем агонии умирающих солдат, ночью вынужден помогать копать могилы.

«Стыдно перед настоящими солдатами за то, что отсиживаешься здесь». Юноша упрекает себя в том, что уклоняется от опасности. Совесть его неспокойна. Несмотря на мечту увидеть Гала, он хочет пойти сражаться, чтобы доказать, что он не трус. Он предпринимает все возможное для того, чтобы его перевели в действующее подразделение. Эжен движим не патриотизмом (он слишком убежденный пацифист для этого), но чувством солидарности и чувством справедливости. Он не хочет оставаться в стороне.

Когда Гала, целая и невредимая, с небольшим багажом приезжает в Париж, на перроне вокзала ее встречает мадам Грендель. Эжен находится в Аржикуре. Поэтому девушка быстренько устраивается в квартире Гренделей — в доме номер три по улице Ордене. Будущая свекровь, думающая только о счастье своего сына, отдает ей комнату Эжена. Дворец сказочного принца находится в

* Пренебрежительное прозвище немецких солдат (прим. пер.).

** «Юношеские письма». Цит. соч., стр. 125.

рабочем квартале. Скромное жилище может показаться Гала, привыкшей жить в более просторном помещении, слишком тесным и мрачноватым по сравнению с московской квартирой под самым небом, на седьмом этаже. Удобства у Гренделей самые примитивные: квартира отапливается печкой, умыться можно только в раковине на кухне (ванной комнаты нет). Само здание с его темными коридорами и узкой лестничной клеткой, запахом кухни и пищевых отходов вызывало в воображении поэта малопривлекательное сравнение с «норой крота» и с «горячей тенью, которой морская пена предписывает сквозняки из чистого воздуха...»^{*} Реакция Клемана Гренделя неизвестна, в то время как сын, жена и русская девушка и думать забыли о его настойчивых просьбах. Прожив спокойно несколько недель вместе, мать и невестка придут встречать Эжена на вокзал: он получил увольнение на неделю. В его существовании, где было место лишь для наблюдения за страданиями, образовалось пространство для счастья.

Стала ли Гала женой Поля во время первой увольнительной? Отдалась ли она ему до свадьбы? Давала ли мадам Грендель влюбленным возможность побыть наедине, чтобы после двух лет разлуки узнать друг друга и познакомиться заново?

После отъезда Поля жизнь обеих женщин постепенно налаживается. Гала записывается на курсы рисования и французского языка в Бурже. Туда она ездит на поезде. Вечерами мадам Грендель заставляет ее писать диктанты. Грамматика и орфография улучшились, но русский акцент все еще

^{*} Полное собрание сочинений. *Pléiade*, т. 1, стр. 372.

чувствуется. По-французски Гала говорит непринужденно, допуская ошибки всякого рода, но речь ее остается при этом музыкальной, своеобразной и очень выразительной. В свободное время, когда она не занята письмами к Полю или своим родным*, Гала шьет, вяжет, немного помогает по хозяйству. Она так волнуется за своего жениха из-за того, что он решил пойти сражаться, что пишет ему каждый день, иногда по несколько писем сразу. Она умоляет Поля отказаться от его понимания чувства долга и подумать об их любви.

«Я не могу жить без тебя! Я прекрасно знаю, что не смогу без тебя жить. Вот почему я прошу тебя беречь свою жизнь. Моя жизнь неразрывно связана с твоею» (25 ноября 1916).

«Хорошо делай перевязки, ты нежный, добрый и способный, ты принесешь несчастным больше пользы на своем месте, чем в страшных окопах. Не перечь мне» (второе письмо от 25 ноября).

«Если хочешь, рискуй моей жизнью, но не своей, потому что умереть не так ужасно (я не стесняю краски, просто говорю правду), Как жить без тебя» (26 ноября).

И дальше, в том же письме: «Делай все, что от тебя зависит, чтобы остаться в госпитале и не идти под огонь, в окопы. Уверяю тебя: еще год — и война закончится. Нужно употребить все усилия, чтобы суметь выйти живым из этого кошмара. И потом ты никогда не пожалеешь о прожитой жизни, никогда, обещаю тебе, потому что нас ждет слава и жизнь наша будет чудесной».

* Письма Гала семье потерялись: ее сестра Лидия увезла их с собой из России в Персию в 1923 году, на границе таможенники конфисковали все ее документы.

И далее: «Береги себя, береги свою жизнь. Она более чем драгоценна, более чем дорога, она — все для меня. Она — это я сама, меня не будет без тебя».

14 декабря, за два дня до убийства Распутина в Санкт-Петербурге, Поль исполнился двадцать один год. Он стал наконец совершеннолетним. Этого события Поль с нетерпением ждал с тех пор, как решил жениться на Гала. Он отпразднует этот день рождения, в первый раз смело и открыто провозгласив свою волю взрослого человека. Во-первых, он пренебрегает мнением родителей, сообщив им, что собирается жениться как можно скорее. Им остается лишь подчиниться: «Уверяю тебя, — пишет он 20 декабря своей матери, — что ваше согласие мне будет бесконечно дорого. Но в интересах нашего общего существования ничто не смогло бы изменить мою волю»*. Тон повелительный. Поль объявляет «желание» сочетаться гражданским браком и венчаться в церкви, в самом узком семейном кругу, без особых церемоний и пышности. И добавляет аргумент в пользу такого мудрого решения: «Я хочу, чтобы Гала носила мое имя, стала моей женой до того времени, о котором придется сказать: "Слишком поздно", — или когда это станет невозможным, потому что серьезные осложнения отодвинут нашу свадьбу на конец войны». Он не думает о смерти, но намекает на то, что Гала может быть беременной, что, вполне вероятно, лишь способ напугать родителей.

Однако, хотя Поль и делает выбор, о котором столь долго мечтала Гала, его уже перевели в пехоту и он ждет приказа отправиться по назначению. Когда он объявляет Гала о своем самом боль-

* «Юношеские письма», стр. 132-133.

шом счастье — она скоро станет его женой, он по особому разрешению получил увольнительную на три дня начиная с 20 февраля, — она узнает также худшую из новостей: Поль собирается присоединиться к «настоящим солдатам» в окопах. «Болеть в такие моменты было бы трусостью»*, пишет он своей матери. Итак, исполняя желание Гала, он готов соединиться с ней перед людьми и Богом, но пренебрегает ее просьбой остерегаться войны. Он отказывается, вопреки ее воле, быть эгоистом в любви. «Умоляю тебя... — пишет он ей из лагеря в Муи, где проходит подготовку, — дай мне пожить жизнью более трудной, чем у прислуги»**.

Напрасно Гала умоляет, гневается и угрожает вернуться в Россию, отправиться медсестрой на фронт. Она впервые сталкивается с попыткой к сопротивлению у своего такого нежного, послушного — она думала, что сможет командовать им, как ребенком, — жениха. Ее «дорогой мальчик», «дорогой ребенок» говорит ей в одном случае «да», в другом — «нет». Власть королевы любви частично оспаривается. Однако Гала необходимо чувствовать постоянно, что ее обожают и отдают должное ее величию. Для нее это неперемнное условие. Даже самое несущественное уклонение от любви отражается на ее самочувствии. «Я люблю только тебя, — пишет она в отчаянии Полю. — У меня нет никаких способностей, ни ума, ни воли — ничего, ничего, ничего, кроме любви. Это ужасно. Вот почему, если я потеряю тебя, то потеряю себя саму тоже, я уже не буду больше Гала — я буду бедной женщиной, каких существует многие тысячи».

* «Письма к Гала», стр. 379.

** Там же, стр. 376 (письмо от 17 ноября 1916 года).

Без любви Поля Гала не существует. «Нужно, чтобы ты понял раз и навсегда, что во мне нет ничего от меня самой: всем, что есть во мне, полностью владеешь ты. И если ты меня любишь, ты сбережешь свою жизнь, потому что без тебя я как пустой конверт. Ты в ответе за мою жизнь».

МНОГОГРАННОЕ ЗЕРКАЛО

Кто же она, эта русская девушка, тревожащая или раздражающая родителей Эжена Гренделя, она, кому, несмотря на невероятные трудности, удастся навязать свои желания, подчинить всех своим капризам? Пятнадцать писем, датированных 1916 годом (все, что уцелело до наших дней после уничтожения любовной переписки*), позволят восстановить если не портрет, то хотя бы эскиз ее многогранной личности.

* Поль Элюар порвал в 1946 году все написанные ему Гала письма, объясняя этот поступок так: «Не будем оставлять после себя следов нашей интимной жизни» (письмо от 25 ноября 1946 года). Гала, напротив, будет хранить до своей смерти письма, которые их дочь разрешит опубликовать в 1984 году. Вместе с 272 письмами Поля к Гала находились эти 15 уцелевших писем Гала к Полю, датированные ноябрем-декабрем 1916 года. Они напечатаны на страницах 373-400 в «Письмах к Гала». Все цитаты в этой и следующих главах взяты из уцелевших писем Гала к Полю. Орфография, ударения и пунктуация Гала, часто невообразимые, в них, очевидно, сохранены — так же, как и ее оригинальный стиль.

Первое, что бросается в глаза при чтении писем: Гала одержима страстью. Ничто не может ее заставить отречься от любви, и ничто не занимает ее больше, чем любовь. Все, включая самые мелкие обыденные дела, сводится к одному, как будто ничто другое, кроме чувства, которое ее воодушевляет и на которое она затратила столько энергии, для нее не имеет значения. Гала живет страстью, эта страсть дает смысл ее существованию. Без страсти, — она это говорит, она это повторяет — не следует и жить: «... У меня нет ничего, ничего, ничего, кроме любви...»

Одна из основных черт ее характера — упрямство. Когда у Гала появляется какая-нибудь навязчивая идея, она культивирует ее и никогда от нее не отказывается. Чем больше идея вызывает возражений, тем притягательнее она становится для Гала. Гала вовсе не склонна к промедлению, к сомнению, дилеммам. Эта девушка быстро принимает решения и никогда от них не отступает. Раз уж она выбрала свой путь, то идет по нему, рискуя, впрочем, заблудиться. Она непреклонна. Гала не листок, летящий туда, куда дует ветер. Есть в ней что-то, в том, как она создает свою биографию, от «железной женщины». Под самыми нежными словами водяными знаками проступают ее исключительные уверенность в себе и воля.

Но такой анализ был бы слишком поверхностным. Гала — это становится понятным из ее первых писем 1916 года — не проста. Она вся создана из противоречий. Рядом с железной женщиной, пассионарией, клянущейся в вечной любви, в ней соседствует диаметрально противоположная натура.

Гала легкомысленна. Хотя о ней нельзя сказать, что у нее денег куры не клюют, но все же,

несмотря на то, что идет война, она, едва приехав в Париж, начала бегать по магазинам. Ее жених в Аржикуре, в нескольких километрах от страшнейших боев, его скоро переведут в действующую часть, но Гала пишет ему, чтобы сообщить о покупке «Blanc de Coty» — духов, от которых она без ума. Она признается, что разорится на «Blanc de Coty»: «... Так как я очень порочна, я люблю духи». Чтобы оправдаться, Гала утверждает, что начнет ими пользоваться, только когда вернется Поль: «Обещаю тебе не трогать их до того, как ты будешь здесь, и — ты увидишь, — флакон будет полным». Легкомысленная мотовка! Ее заботы часто бывают достойными красавицы Отеро или Лианы де Пужи — этих непревзойденных куртизанок: она красит ногти, пользуется духами и наряжается, не боясь, как они, разориться на безделушках. Так как Гала умеет шить (да и мадам Грендель — бывшая портниха), она придумывает себе фантастические наряды. Однажды она приколола образчики ткани к одному из своих писем и нарисовала на полях сказочные туалеты, над которыми трудилась: черное платье, розовая блузка, жилет «а-ля рюс» цвета золота, с зеленой подкладкой и меховой оторочкой. Представляла ли Гала себе, насколько ее жизнь отличается от повседневной жизни Поля в госпитале, в окопах?

По крайней мере, она употребит свой талант на то, чтобы скрасить отдых воина. Женщина до кончика ногтей, Гала оставляет за собой привилегию быть красивой, следовательно тратить деньги на несущественные вещи (непременное желание иметь их удивляет всех, особенно Поля и его родителей). Она расходует массу денег на духи, платья и говорит: «Верь мне: все это, чтобы нравиться

тебе!» Гала умеет соблазнять. Кокетство — это всего лишь оружие, призванное осуществить благородную задачу — завоевать любимого мужчину. Полного завоевания так никогда и не произойдет, но оно останется делом каждого мгновения ее жизни. «Не думай, что я порочная кокетка, я говорю тебе правду. Верь мне. Это единственно для тебя». Гала из тех женщин, кто следит безжалостным критическим взглядом за своей внешностью, не довольствуется первой победой и относится к любви как к длительному крестовому походу.

Кокетство Гала — качество врожденное и довольно развитое. Никто ее не обучал кокетству. Ей совершенно естественно привилась любовь к роскоши, столь чуждая семье Грендель, придерживающейся скромных нравов вопреки финансовому благополучию отца. Гала холит свое тело, руки ее безупречны. Мать называла ее, расскажет Гала Полю, «принцессой-на-горошине», потому что, как героиня сказки о принцессе на горошине, она занимается только собой, читает, шьет или пишет Полю. Она никогда не портит свои драгоценные руки домашней работой. Метла и половая тряпка ей так же мало знакомы, как и «бесполезные» походы в бакалею, хотя она всегда готова побродить по магазинам, полным «приятных мелочей». Если Жермена, горничная Гренделей, отсутствует в течение нескольких дней, Гала все же спускается со своих высот и может, засучив рукава, почистить и постирать, потому что она не терпит неопрятности. Любовь к чистоте и порядку у нее маниакальная, она считает, что на ней или вокруг нее все до мелочей должно быть в безукоризненном порядке. Была какая-то строгость в ее женской натуре, безупречность, и даже если ей по вку-

су были оригинальные, неожиданные вещи (такие, например, как жилет «а-ля рюс» с меховой отделкой), она никогда не упускала из виду мелочей и не допускала никакой небрежности ни в искусстве следить за собой, ни в окружающей обстановке. По поводу мании наводить порядок, овладевавшей ею, когда она видела хаос, запустение, Гала любила говорить, что родилась не для «этого». «Этим» Гала презрительно называет домашнюю работу. Она может ею заниматься, но скрепя сердце: «Я ненавижу заниматься хозяйством, — пишет она Полю, и Поль примет ее слова к сведению. Все это бесполезная работа, она истощает силы бедных женщин, эта повседневная домашняя работа повторяется каждую минуту, но оценивается не так, как работа мужчины; на книги, работая дома, не заработаешь».

Книги, а также духи и красивые платья — это еще одна слабость Гала, еще одна ее всепоглощающая врожденная страсть. Это третья ипостась девушки кокетливой и страстной, решительной и легкомысленной: ни одного шага в своей жизни она не может сделать без книг, она уверяет, что предпочитает их друзьям.

В то время как Поль находится на войне, Гала исследует его библиотеку и в письмах дает ему полный отчет о своем чтении. Выбор книг эклектичен, но читает она всегда запоем. Гала нельзя назвать синим чулком: непосредственность и чувство юмора всегда приходят к ней на помощь. Она хвастается своими познаниями в литературе, гордится своей культурой и часто безапелляционна в суждениях. Не считая, что она в образовании уступает Полю, Гала часто отпускает замечания, включающие другое мнение. Жан Мореа «старо-

ват и скучен». Эмиль Верхарн — «чем тут восхищаться, есть и получше, чем он». Юг Ребел «поверхностный и претенциозный». Андре Салмон «больше умен, чем талантлив». Чаще всего она прямолинейна и беспощадна — это еще одна из ее граней: у образованной девушки, которая много читает и предпочтение отдает «хорошим авторам», острый критический ум.

В области искусства, где труднее всего оставаться собой, Гала отнюдь не является безумной подражательницей. Если у нее есть мнение, то оно никогда не бывает бледным отражением модного мнения или того, что думает ее жених, это всегда ее собственное мнение, и она им дорожит. Непредсказуемая, часто дерзкая, иногда несуразная, Гала всегда неповторима. Так, она в своем письме от 20 ноября пускается в сравнительный анализ Досты (Гала из лени пишет сокращенно: речь, конечно, идет о ее дорогом Достоевском) и Ш.-Л. Ф. (Шарля-Луи Филипа, автора «*Bubu de Montparnasse*»). Сравнение, мягко говоря, рискованное. О втором она говорит: «Он не так запутывает, он понятнее и проще, чем Дост». Можно оспаривать доводы Гала, считать их резкими, несправедливыми, неточными, но они, по крайней мере, искренни, хоть и граничат с беспардонностью. Поль, должно быть, не раз смеялся над ее письмами. Гала высказывается в них с запальчивостью, близкой к неистовству. Она, фанатичная почитательница Достоевского, в 1916 году пристрастилась к чтению книг Гюстава Кана («Это меня очень интересует»), Шарля-Луи Филипа и Альбера Флери. Но Гала обнаруживает также в библиотеке Поля произведения Гийома Аполлинера, стихи которого ей читал Поль и кого они вместе поместили в «пантеон поэтов».

Пусть с ним Гала еще только знакомится, но уже утверждает: «Он нравится мне, и я люблю его все больше». В том году у Достоевского был всего один соперник, и он также сражался на передовой — солдат и поэт, как и ее жених.

Отныне Гала увлечена, предоставив мадам Грендель кухню, покупкой книг для Поля. Книгами Гала занимается с полной ответственностью и часто бывает, что она отправляет Полю заказанные им романы и стихи после того, как прочитает их сама. Поль и Гала по-прежнему, как во времена, проведенные в Клаваделе, любят читать. Но несмотря на это увлечение, Гала способна на безрассудный поступок: она может потратить за один вечер на «Blanc de Coty» деньги, предназначенные для книг. Ее разные увлечения часто противоречат друг другу. Она не испытывает по этому поводу никаких угрызений совести, ни даже легкого чувства вины. Гала считает, что Поль простит ей, потому что все это, «чтобы понравиться» ему. «Я стану настоящей кокеткой и буду много-много читать», — так выглядит программа Гала накануне замужества. Предполагается роскошная жизнь; не связанная утомительными обязанностями, как-то: работа, дом — она хочет совершенствовать свое тело, совершенствовать свой ум, совершенствовать свою любовь.

Четвертая грань этой разносторонней личности включает все другие, делая их еще более выразительными: Гала — великая мечтательница. Для обрамления своей настоящей и будущей любви она грезит вовсе не о богатстве как таковом. В мечтах Гала не завоевание богатств проливается золотым дождем на ее жизнь, украшает ее и делает из нее праздник. Ей хотелось бы, чтобы жизнь, в полном

смысле игры слов, всегда была в одеждах «гала»^{*}. Следует признать, что это французское слово (итальянского, впрочем, происхождения) словно для нее создано. Оно сочетается с ее любовью к роскоши, с желанием очаровывать. «Гала» предполагает исключительность и пышность, соответствует ее неиссякаемой потребности в праздничности и блистательности.

Об этом празднике — или точнее о гала, что больше, чем праздник, — девушка мечтает не только для себя. Она помышляет создать его для двоих. В свою мегаломанию^{**} Гала вовлекает компаньона. К тому же, она нуждается в нем — прежде всего, потому что он окрыляет ее, и еще потому что, будучи поэтом, Поль лучше подготовлен к тому, чтобы придумывать жизнь. Личным врагом Гала является обыденный ход вещей, то, что она с ужасом называет «посредственностью», будь то обстановка в квартире Гренделей на улице Ордене, домашние дела или книги Жана Мореа; она ненавидит «посредственность», которую еще иронически называет кратко «мелкая буржуазия» (это значит «мелкобуржуазный стиль»). Первым приобретением Гала в период ожидания замужества стала покупка у антиквара кресла из красного дерева для того, чтобы оживить немного слишком безрадостный и слишком функциональный интерьер, в котором проходили ее дни. Гала поставила кресло в комнату Поля. И, закрыв глаза на все остальное, сконцентрировавшись на образе сказочного будущего, Гала пишет ему: «Мы в самом деле заживем заме-

^{*} Гала — торжество, празднество; торжественный, праздничный, парадный (прим. пер.).

^{**} Мания величия, чрезмерные амбиции (прим. пер.).

чительно, с небольшим количеством денег мы преобразим все вокруг, потому что мы оба умеем улаживать дела со вкусом и живописно!!!»

Грендели — мелкие буржуа. Слово это, хотя и новое для них, имеющих рабочее происхождение, очень точно обозначает их социальную принадлежность. Оно характеризует стиль их жизни, их историю, вкусы, манеру одеваться и устраивать жилище, так и выбор квартала, где они поселились. Люди, заселяющие улицу Ордене, похожи на Гренделей; это простые труженики, они гордятся своим ремеслом, своей семьей и всем, что их окружает. Прилагательное «скромный» меньше всего подходит Гала. Гала была смиренной, когда добивалась любви, смиренной, когда говорила Полю, что любит его и что без него «Гала не будет больше Гала», но она обрела уверенность в себе сразу же, как только поняла, что их жизни непременно соединятся. Зная наверняка, что жизнь вдвоем дает определенные гарантии, Гала обнаруживает суть своей грандиозной натуры: ее привлекает все редкое, ее привлекает все, что красиво.

Гала не перестает повторять в своих письмах к Полю: их жизнь не будет обычной, как у «мелкой буржуазии». Их жизнь будет украшена искусством, юмором и немного сказкой. «Хи! Хи! Хи!» — девушка часто смеется от счастья, думая о будущем. Гала видит его так отчетливо, как будто она уже в нем, она рисует его сверкающими красками. «Чудесный» — вот ее любимое прилагательное, оно всегда на кончике пера, когда Гала думает о завтрашнем дне. Несмотря на войну, несмотря на разлуку, несмотря на тесноту и монотонность существования на улице Ордене! Гала не просто надеется на то, что их ждет замечательное буду-

щее, — она в это верит всей душой влюбленной женщины и хочет убедить в этом своего несколько подавленного жениха, оптимизм которого сильно пострадал во время войны.

«Обещаю тебе, — вновь и вновь пишет Гала, — нас ждет слава, а жизнь наша будет чудесной».

БОГ, СЕКС И ЛЮБОВЬ

Почему Гала настолько уверена в своем будущем с Полем, что без колебаний и во весь голос заявляет о грядущем счастье так, будто она его видит? Письма 1916 года, простые и наивные, вдохновленные ностальгией по жениху, ушедшему на фронт, позволяют приблизиться к разгадке тайны Гала: да, она хрупкое создание, но от нее, словно парфюм, исходит сила.

Эта столь непростая девушка, реалистка и мечтательница, фривольная и прилежная, которая в письмах своих не бывает похожей на себя саму и ни на кого другого и о бездонных глубинах души которой еще только можно догадываться, — прежде всего, эта девушка, не терпящая ординарности, верит в Бога. «Я действительно глубоко верующий человек», — пишет она в своем письме от 22 декабря. Вера ей сопутствует, руководит ею и защищает ее. Никогда Гала не отделяет свои чувства от власти Всевышнего. Это Бог свел ее с По-

лем и позволил им встретиться вновь, и Бог готовит им чудесное будущее.

Она приехала во Францию с помощью Бога православных. Но Гала не фанатичка: «Я считаю, что Бог есть везде, во всех религиях», — говорит она. Уже тогда, являясь сторонницей идей экуменизма, Гала говорит, что ей все равно, о каком Боге идет речь — о Боге католиков, например, или православных или это «Бог краснокожего или чернокожего дикаря». Ей вовсе не свойственен фанатизм. Она просто верит в единого Бога, управляющего людьми и Вселенной: «Мой Бог всегда Один, Единственный Бог в мире». Гала полностью полагается на верховную волю, к которой взывает в минуты сомнений и слабости и которая всякий раз приходит ей на помощь. Иконы, привезенные из России, укрепляют ее силы и веру. Неисправимая кокетка, интеллектуалка-пожирательница любовных романов верит в духовные силы.

«Начало нашей совместной жизни является для меня очень серьезным событием, — пишет она Полю 22 декабря. — Я хочу, чтобы Бог благословил нашу любовь». Гала отказывается принадлежать ему до брака: «Ничего не надо делать до Божьего благословения в церкви».

Она добивается того, что Поль продолжает изучать катехизис и исполняет обряд первого причастия (это вызывает у Клемана Гренделя крик возмущения: «Да нас...ть я хотел на причастие и на иезуитов!»*), она делает к возлюбленному большой шаг еще тем, что обращается в католичество. Едва ли она боится согрешить, меняя вероисповедание: «Для меня, — утверждает Гала, — все рав-

* В книге Жан-Шарля Гато «Поль Элюар». Цит. соч., стр. 49.

но, кем быть — католичкой или православной, лишь бы я оставалась верующей». Итак, Гала не позволяет себя запутать ни семье Поля, ни собственной совести. Она навязывает свою веру жениху и, чтобы быть уверенной в том, что станет его женой перед Богом, меняет вероисповедание. «Я действительно глубоко верую. Вот почему (это единственная причина) я настаиваю на венчании». Вера Гала не банальна. Она живая и лежит в основе ее личности.

Во время войны Гала молится в минуты радости и горести; позже, когда наступит мир, она будет молиться от счастья. В письмах 1916 года ее объяснения в любви похожи на молитвы: «Одно твое слово, — шепчет она Полю, — и я выздоровлю». «Я благословляю и целую тебя, — так заканчивает Гала свои письма. — Я тебя целую и благословляю».

Сила к ней приходит только с неба. Это он дает Гала любовь. С Полем она разговаривает с такой же горячностью, с таким же доверием, как с небесными силами. Гала испытывает к нему чувство одновременно мистическое и сладострастное. «Никогда не думай плохо о наших прошлых ласках, — пишет она Полю. — Если я делаю с тобой все, даже странные вещи, это потому, что я уверена, что с тобой, так как я люблю тебя, все чисто, все прекрасно, все правильно».

Она совсем не верит в греховность плоти. Гала еще хранит девственность, но ей знакомы уже любовные игры. «Я целую тебя в рот и везде», — беспрестанно повторяет она. Или: «Я целую тебя везде». Она признается, что обладает тем, что называет «качествами путаны». Гала говорит, что любит любовь. Но защищается, заявляя, что ни-

когда ни на ком не испытала эти свои таланты. «Я не целовала ни одного мужчину, я презирала их всех, я смеялась над их проявлением нежности». Возможностей у нее, вероятно, было предостаточно, но она строго бережет себя для жениха. «Никогда до нашей встречи я ни с кем не была такой, как с тобой».

Поль, напротив, в этой области признает за собой вину. Желая убедить в серьезности отношений с Гала, в том, что с ней он обретет покой, свою мать, он говорит ей о своих «заблуждениях». «Гала известно все о моем прошлом, и знай: она будет бороться вместе со мной», — пишет он ей. О какой ошибке идет речь? Об уединенных занятиях «этим» с самим собой, что считалось тогда вредным и опасным? О тайных отношениях с другими женщинами, с проститутками?* О склонности к гомосексуализму? Каких заблуждений он боится? Неизвестно**. Когда Поль выражает беспокойство по поводу смутного чувства вины, Гала, юная девушка 1916 года, относится к этому более свободно и спокойно. «Если ты считаешь **это** порочным, плохим, прости меня...» — говорит она. **Это** — конечно же, занятие сексом. Когда Поль говорит Гала о том, что считает некоторые вещи «грязными», она защищает свои ласки, уверяя, что

* По словам Люка Дюкона («Поль Элюар». Balland, 1982), первого зятя поэта. Элюар рассказывал якобы близким друзьям, что, еще будучи школьником в черном фартучке, он «ходил к очень большой женщине».

** Это одна из загадок биографии Элюара: он намекает матери и невесте на то, что чувствует себя виноватым за сексуальные ошибки, совершенные в еще очень юном возрасте. Неизвестно какие. Гала пишет ему 26 ноября такие слова («Письма к Гала»): «Обещай мне никогда не думать о том, что ты совершил. Ты НИЧЕГО, НИЧЕГО не сделал! Слыхивши? Я говорю это искренне. Верь мне».

они являются «самым святым и священным ... проявлением» её натуры.

Любовь не есть любовь, если она не всеобъемлющий дар. Никогда Гала в своих посланиях к лишенному физических ласк возлюбленному не отделяет тело от того, что она пишет с тремя или даже с семью гласными «а»: «душааа», «душаааааааа»... Любовь для нее является насколько физической, настолько и духовной, она для Гала священный культ. Гала решила себя ему посвятить и делает это со всей преданностью, на какую способна. Она моногамна и монотеистична и искренне хочет быть женщиной одного мужчины. Обладая способностью к абсолютному самоотречению, она согласна ради этого пожертвовать своей независимостью: «Я твоя навсегда, полностью, тебе принадлежит моя душааа, мое тело, мой ум».

Сила Гала в том, что она любит, но она становится сильнее, зная, что любима. Для хорошего самочувствия Гала необходима взаимность. Без любви она чахнет, без нее Гала вновь превращается в «une petit chose», — «пустячок», как она говорит, — и страдает, совершенно не зная, куда себя деть. Любовь преображает ее. Гала это объясняет Полю так: «Ты уезжаешь, и я становлюсь ненормальной, вялой, старой. Томительное, безутешное беспокойство и полное уныние». Любовь — ее сила и самая большая слабость. Гала не ищет свободы в любовных отношениях. Напротив, она страстно желает существования в осмосе*. «Когда ты рядом, я чувствую себя сильной, уверенной в своих мыслях и поступках. В разлуке с тобой я станов-

* Осмос — здесь: взаимное влияние, взаимное проникновение (прим. пер.).

люсь страдающей вещью. Исчезает моя светлая *душааааааа*, и вместо нее остается черная или мрачная дыра». Вдали от Поля она теряет себя. Без Поля Гала перестает быть Гала.

У нее, эмигрантки, впервые приехавшей в Париж, нет друзей и, что самое удивительное, нет желания их заводить. «Я не люблю иметь друзей», — пишет она Полю. Без него она остается в полном одиночестве. Но в противоположность большинству своих ровесниц Гала не боится одиночества. Для нее это как сказочный кокон из мечты. «У меня не будет ни русских, ни французских друзей, — уверяет она. — Я не люблю иметь друзей».

Между Гала и Полем с самого начала существует любовное равновесие. Полю необходима Гала, чтобы через ее силу прийти к вере в себя. Гала ободряет его и поощряет вниманием, нежностью и восхищением постоянно. Можно сказать, он освобождается от тяжести вины рядом с девушкой, умеющей оправдать секс, сохраняющей тем не менее — в его глазах — свежесть невинности.

Двое молодых людей, зависимых и в то же время солидарных друг с другом, знают заранее, что их союз будет счастливым. Вот почему они, несмотря на ветра, приливы и отливы, не свернули с пути навстречу друг другу. «Храни нашу любовь, спаси нашу жизнь», — пишет Гала 29 декабря.

Не имея другого идеала, кроме Поля, она не может понять ни его желания разделить страдания солдат, ни стремления к самопожертвованию. Будучи эгоцентричной, Гала, как только речь заходит о спасении жизни возлюбленного, с особенным эгоизмом стремится осуществить единственную значимую для нее задачу — удержать Поля

рядом, запретить ему жертвовать собой. Его любовь представляет для Гала такую большую ценность, что она считает: это благодаря любви Поля она живет. Без него ее ждет прозябание в неизвестности, то, от чего она страдала до встречи с Полем. Впрочем, Гала больше не говорит от его имени — в том декабре 1916 года она говорит от их имени: «Храни себя для нас обоих», — умоляет она Поля.

НОВОБРАЧНАЯ В ЗЕЛЕНОМ ПЛАТЬЕ

21 февраля 1917 года Гала Дьяконова, двадцати двух лет, стала женой Эжена-Эмиля-Поля Гренделя, двадцати одного года, в мэрии 18-го округа, расположенной на площади Жюль-Жоффрен. Венчание состоялось в тот же день в церкви Сен-Дени-ля-Шапель, находящейся вовсе не в Сен-Дени, где Эжен Грендель родился и был крещен, но на улице Шапель в Париже, в ближайшей к улице Ордене приходской церкви. Посвященная Святой Женевиеве, эта старая церковь, возведение которой относится к эпохе Меровингов, прославилась тем, что в ее стенах молилась Жанна д'Арк. В этом достопримечательном месте, пропитанном историей Франции, их просто, без богослужения, обвенчал священник в присутствии немногочислен-

ных родственников Поля и четверых свидетелей. Поль захотел скромной, немногочленной свадьбы. Новобрачная не в белом — на ней платье из темно-зеленой, отливающей черным тафты, с белым кружевным воротником и манжетами. Получилось, что в красках столь долго ожидаемого ею торжественного дня присутствует траур. И действительно, через три дня ее молодой супруг вернется на войну, на передовую, туда, где каждый солдат приговорен к смерти.

Свидетели Поля — Аристид-Жюль Гонон (друг-анархист, переплетчик с улицы Леон-Сен-Поль, старше жениха и немножко его наставник в том, что касается чтения) и кузина Люсьена Декулер, муж которой, бывший служащий Клемана Гренделя, был убит в августе 1914 года. Среди свидетелей Гала нет русских, это родственники Поля: дядя Анри Грендель (отец Люсьены, механик) и другая его кузина, Клеманс Ганни, дочь дяди-сапожника (мужа сестры Клемана). Состав свидетелей красноречиво говорит об одиночестве невесты: рядом с кланом Гренделей, настоящего племени, связанного кровными узами, в котором лишь фигура Гонана является необычной, Гала кажется оторванной от своих близких, одинокой как сирота.

Свадебное платье Гала, больше напоминающее воскресный туалет девушек из пансиона, придает ей вид скорее патетический, чем романтический, и гасит своим приглушенным оттенком ее лицо в ореоле темных волос и черные глаза. В это военное время белое платье было бы, конечно же, неуместно. Зеленый цвет — цвет удачи и надежды, весны и счастья. Все, что окружает Гала в день свадьбы, символично. Зеленое платье на ней как необычная, таинственная оправа. Девушки, как

правило, бывают в розовом или в голубом, в светлых пастельных тонах, а роковые женщины — в красном. Гала выбирает цвет зеленых глаз змей, кошек и волшебниц, зеленый цвет очарования, колдовства и сумерек.

Так как молодожены будут жить у родителей, свадебную ночь они решили провести в отеле: «Мы уйдем на ночь в семейный пансион, чтобы нас не стесняли и чтобы вас не стеснять»*. По возвращении на улицу Ордене они поселятся в комнате Поля, куда мадам Грендель, по просьбе сына, поставила высокую и мягкую деревенскую кровать, массивную, прочную и удобную. «На ней, — уверен он, — мы будем жить и на ней умрем»**.

Эжен — солдат, и его жена остается полностью на попечении его родителей. Месье и мадам Грендель дают семьдесят пять франков в месяц молодой семье, и мать Гала присылает дочери сумму в пятьдесят франков; если умножить на двадцать пять, чтобы получить эквивалент этих денег в 1995 году, получится около двух тысяч пятисот франков на карманные расходы. Все эти деньги быстро уходят на книги, подарки, а позже — на путешествия. Так как Поль получил увольнение всего на три дня для того, чтобы жениться, и двадцать третьего февраля он должен вернуться в полк, Гала, не желая смириться с судьбой Пенелопы, обещает приезжать к нему, где бы он ни был: она проехала всю Европу не для того, чтобы читать и вязать, сидя в темной квартире родителей мужа.

Прошло меньше чем полмесяца после свадьбы, как в России произошло то, что в истории

* «Юношеские письма», стр. 32.

** «Юношеские письма», стр. 136-137.

получило имя **февральской революции** вследствие несовпадения православного и грегорианского календарей. В начале марта в Петрограде бастовали двести тысяч рабочих; двенадцатого марта военные в городе восстают, происходит первое заседание рабочего совета, в то время как Дума создает исполнительный комитет для того, чтобы принять власть у царя и контролировать ситуацию, ухудшающуюся с каждым днем. Русская армия терпит полное поражение. Экономическое положение в стране, лишившейся мужчин, на грани краха; повсюду нищета, продовольствия не хватает, особенно в городах. Пятнадцатого марта до Гала, беспокоящейся о своих близких, доходит новость: Николай II отрекся от власти. Князь Львов возглавил Временное правительство, которое решает против воли Петроградского Совета, становящегося все более и более могущественным и намеревающегося заключить мир с Германией, продолжать военные действия. Ленин возвращается из ссылки, чтобы поддержать российских, числом около двадцати тысяч, сторонников большевизма. Керенскому, ставшему военным министром в мае, не удастся одержать ни одной победы против австро-немецких войск, продолжающих наступление.

Гала издаലെка следит за губительными последствиями бурь, обрушившихся на ее родину, за бесконечными поражениями. До нее доходят плохие новости, она ощущает на себе их воздействие. Тревога за судьбу близких, еще большее ощущение того, что она лишается корней вдали от серьезных событий, которые, по воле обстоятельств, касаются ее все меньше и меньше... С течением времени Гала становится все более чужой для своей родины. Февральская революция со всеми ее ура-

ганами и неопределенностью интересует ее меньше, чем франко-немецкий фронт, где Поль, приписанный к двадцать второму пехотному полку, после двух месяцев, проведенных в окопах, вновь заболевает.

Слабое здоровье Поля не выдерживает спартанских условий солдатской жизни. «Даже самые сильные не выдерживали, — пишет он своим родным. — Мы шли вперед пятьдесят километров без продовольствия, у нас ни хлеба, ни вина»*. С двадцатого марта он находится в госпитале Амьена с признаками плеврита. Поль сообщает о своем местонахождении Гала, и она приезжает, устраивается рядом, в гостинице «Марк д'Ор», и проводит с Полем, как раньше в Клаваделе, долгие вечера: ухаживает за ним, наблюдает, как он пишет стихи, или слушает, как он их читает (Поль возобновил занятия поэзией). Двадцатидневный отпуск по болезни позволяет им совершить свадебное путешествие. В Лектуре, Жере, Арманьяке молодые супруги забывают о войне и на праздник Пасхи пьют парное коровье молоко. «Нам так спокойно, здесь мы как баловни судьбы», — пишет Поль своим родителям**. Его, вернувшегося в полк 24 апреля, вновь эвакуируют — на этот раз из-за бронхита — в госпиталь Пари-Пляж, откуда он видит сосны и море. Гала рада покинуть улицу Ордене, где она скучает без мужа, и приезжает к нему на десять дней. В июне солдата Гренделя переводят во вспомогательные службы. К великому счастью Гала, Поль теперь будет воевать «издалека», в интендантской службе: сначала в

* «Юношеские письма», стр. 145.

** «Юношеские письма», стр. 147.

Бургуэне, в Изере, позже, в июле, его приписывают к форту Монлюк в Лионе. Полю дают работу в бюро учета мучных запасов. Гала приезжает к нему, снимает комнату на бульваре Либерте у некой мадам Муаре и каждый вечер ждет к ужину своего муженька. Больше, чем события в России, больше, чем политический исход мирового конфликта, Гала беспокоит здоровье Поля, от которого так непосредственно зависит ее собственное счастье. Теперь ей безразличны сражения и революции. Ничто, кроме угрозы ее любви, не тревожит по-настоящему Гала.

В Париже родители Поля считают, что молодые слишком беззаботны и неэкономны: их жизнь в отеле и рестораны стоят очень дорого, слишком дорого. Они не перестают напоминать Полю, что Гала должна оставаться с ними, поскольку Поль еще в армии и у него еще нет профессии. Родители жалуются, что молодые люди перестали вести себя разумно. Поражение наступления в Нивеле, на Шмен-де-Дам, в апреле вызвало серьезный кризис во Франции, где генерал Петен, став генералиссимусом, должен был реорганизовать армию, прежде чем предпринять новое наступление на Верден, затем на Элет. Из России эхом доносятся вести о политических беспорядках: страну, в которой одно за другим сменяются временные правительства, подстерегает анархия. В течение всего лета и начала осени 1917 года Поль пишет стихи. И Гала живет ради любви.

Стихи объединяются в цикл под названием «Долг и тревога» — в «маленькую книжицу», как ее назовет Поль. Гонон издал сборник тиражом в двести экземпляров. Гала, верная своему предназначению, присутствовала и при вынашивании за-

мысла, и при его рождении. Сборник подписан ПОЛЬ ЭЛЮАР. Там поэт пишет:

Долг и тревога рвут
Жизнь мою пополам
(Поверьте, мне нелегко
В этом признаться вам)*.

Будучи искренним пацифистом, погрузившись в ужасы войны, Поль Элюар познал душевные муки. Он хотел сражаться на передовой, испытать страдания и страхи своих братьев-солдат. Но молодой человек никак не мог убедить себя в необходимости жертвоприношения: он считает, что война — абсурдное, нехорошее дело. Все, что Поль извлек из собственного опыта, — это чувство горечи. Стремление к простым радостям жизни превосходит глубокое чувство патриотизма: он зол на мир, в котором сосуществуют и суетные заботы, и загубленные жизни. Не возмущаясь, уверенный в том, что ни одно великое дело не стоит того, чтобы за него умирали, находясь рядом с заботливой Гала, он мечтает о «спокойствии духа».

В то время как в России Керенский 14 сентября провозглашает республику, Гала думает о своем будущем во Франции: она беременна и весной следующего года должна родить. У родителей есть некоторые основания для беспокойства: тогда на их плечи ляжет забота уже не о двух, а о трех детях.

Будущий отец пишет:

* «Полное собрание сочинений». Pléiade, т. 1, стр. 21. Перевод М. Ваксмахера.

Жизнь решительно победу одержала, можно
домой возвращаться.
Хлеба созрели и равнина огромна.
Уверены мы навсегда, что счастливы будем и
беззаботны.
Равнина моя огромна, я пью забвение в ней...
Глаза застилает влагой, и солнце танцует*.

РЕБЕНОК К ПЕРЕМИРИЮ

Осенью 1917 Гала вынуждена вернуться в Париж, где у нее начинается размеренная жизнь с родителями Поля и его бабушкой по отцовской линии в ожидании возвращения мужа. Она занимает отдельную комнату на четвертом этаже, снятую родителями для того, чтобы не мешать уединению молодоженов. Кровать, стол, красное кресло и библиотека. Обстановка строгая, но теперь здесь Гала мечтает о «прекрасном окружении», которое у нее однажды появится, о мебели, картинах, о диковинных вещах, которые она будет покупать, когда у нее появятся деньги. Она уже немного зарабатывает сама, давая уроки русского языка отвергнутым или обескураженным войной ученикам из своего квартала. В сентябре к ней в увольнение на две недели приезжал Поль.

* «К цели». «Полн. собр.». Pléiade, т. 1, стр. 27.

Но он уехал опять в Лион, оставив Гала одну в состоянии растерянности на долгие месяцы. Она плохо переносит разлуку. Беременность не заменяет присутствия любимого человека. Отныне и впредь Гала перестает быть собой (и последующая жизнь этого не опровергает), когда остается одна.

Несмотря на высадку американских войск во Франции весной, военные действия продолжают-ся в обстановке всеобщей усталости, с мятежами, с участвовавшими случаями дезертирства. Клемансо становится председателем Совета министров в ноябре месяце. Решив любой ценой добиться полного поражения Германии, он преследует сторонников безрезультатного мира — Жозеф Кайо вскоре предстанет перед Верховным судом*.

В России Октябрьская революция привела большевиков к власти. С середины ноября Совет Народных Комиссаров под председательством Ленина, с входящими в его состав Рыковым, Милутиным, Троцким, Луначарским — эти имена Гала услышала в первый раз — уничтожил помещичью земельную собственность и принял первый декрет в защиту мира. В марте 1918 года будет подписан между Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Россией Брест-Литовский договор, по которому Россия, оставив значительные территории (Польша, Балтийские страны, Финляндия, Украина и Грузия), выйдет из войны. Сорок австро-немецких дивизий, то есть около семисот тысяч человек, ушли с восточного фронта на подкрепление своим войскам во Францию. С марта месяца союзники отступают, сдавая территорию врагу, стре-

* Его арестуют в 1918, приговорят в 1920 году.

мительно надвигающемся на столицу. Беспомощный Поль начиная с Лиона присутствует при «яростном штурме варваров».

С конца 1917 года немцы бомбят Париж. При каждом сигнале тревоги горожане спускаются в подвалы. Грендели эвакуировали немощную бабушку в более спокойный район, к кузенам Поля в Бре-и-Лю, деревушку в Сен-и-Уаз. Поль пишет, чтобы Гала тоже покинула Париж и приехала к нему в Лион, где беременность ее будет протекать в тишине, в защищенном от бомбардировок и пушечных выстрелов месте. Он тщательно рассчитал бюджет, но натолкнулся на категоричный отказ родителей, которые отправляют молодую невестку и будущую мать в деревню в начале 1918 года. В находящейся на границе Нормандии, Пикардии и Иль-де-Франс деревне Бре-и-Лю с зелеными лугами и коровами, где Поль почти всегда проводил каникулы в детстве, Гала ждет молоко, масло, мясо, отдых — все, чего не хватает в Париже, но также и опасное соседство с фронтом: немецкое наступление на Пикардию, к Амьену и Компьеню подтверждает начиная с марта наступление вражеских войск, которые берут еще Мондидье и Аржикур (где Поль был санитаром); они угрожают добраться до этой тихой гавани, так красиво названной по имени рек, пересекающих ее, и расположенной на севере от Манта, как раз на дороге к Парижу. Генерал Фош взял на себя командование армией союзников, но повсюду до мая месяца они только отступают. Тень поражения витает над всей страной.

10 мая 1918 года, в ненастный весенний день, на свет появилась Сесиль. В комнате Гала собрались четыре поколения женщин: малютка, Гала

(почти двадцати четырех лет), Жанна-Мария Грендель (сорока трех лет) и Мари-Эжени Грендель (семьдесят семи лет). Отец сам выбрал имя своей дочери — нежное, ласкающее слух; такого еще не было в семье. У Сесиль будет еще имя Антонина — как у русской бабушки, с которой они никогда не увидятся. Девочка родилась дома, без особых осложнений, если не считать того, что мать предпочла бы иметь сына и назвала бы его Пьером. Приехавший в увольнение Поль по-своему празднует рождение дочери:

Младенец,
Тяжелый, как все, что лежит на моих коленях,
Слушай:
Я тебя люблю*.

Рождение Сесиль позволяет Полю-Эжену Гренделю, только что прошедшему другие медицинские комиссии и вновь признанному неспособным к действительной военной службе из-за верхушечного бронхита**, просить назначения поближе к семье. Поля отправляют в Мант-Гассикур, в двадцати километрах от Бре-и-Лю, где он продолжает интендантскую службу в военных магазинах. У него много свободного времени, и с Гала они решают оставить малышку с кормилицей при бабушке в Бре-и-Лю, где за ней будет присматривать и одна из его тетюшек, чтобы молодая мать смогла

* В «Юношеских стихах». Scheler et Clavreuil, 1978, стр. 28.

** Вопреки слухам, у Поля Элюара никогда не было отравления газами. 10 мая 1917 года его эвакуировали и несколько раз переводили во вспомогательные службы из-за бацилярного бронхита, или верхушечного бронхита: в июне, октябре, декабре 1917 года и в феврале 1918.

вернуться в Париж. Едва отняв Сесиль от груди — она кормила ее всего несколько недель, — Гала приезжает к Полю в Париж, чтобы заняться своим любимым. Пеленать, баюкать, кормить ребенка — все эти занятия не для Гала, им она предпочитает чтение и любовь. Уже в Бре-и-Лю она оставляла ребенка на других женщин, чтобы углубиться в чтение стихов Александра Блока и говорить потом о них часами с Полем, когда он приезжал в увольнение. Она живет исключительно для своего мужа, когда ждет его и когда он находится рядом. Появление ребенка не уменьшило ее страсти и ничуть не изменило ее сильного, всеобъемлющего, эгоистического чувства — первой и единственной любви.

Маленькая девочка проведет долгие месяцы до того, как закончится война, в деревне, на содержании своей тети, на свежем воздухе, вдали от лишений, которым подвергались в то время жители городов. Мать навещает ее нерегулярно. Армиям союзников, благодаря ухудшению внутреннего положения в Германии, становящегося катастрофическим, удастся остановить вражеское наступление в июле, потом с двенадцатью армиями, брошенными в наступление от моря до Мёза, прорвать фронт — начиная с осени до отступления войск Вильгельма II на Рейне в начале ноября. Гала больше не боится за Поля, которого окончательно перевели в тыл, но она с нетерпением ждет исхода военного конфликта, мешающего ей жить так, как она хочет, то есть супружеской жизнью, рядом с любимым. После долгожданного перемирия, подписанного 11 ноября в Ретонде, она должна еще потерпеть: очевидно, для того, чтобы избежать общественных беспорядков или революции в резуль-

тате массового возвращения изнуренных и обремененных мужчин, солдат будут демобилизовывать постепенно. Поль выразил опустошенность и отчаяние всех несчастных, разделить судьбу которых ему выпало на долю, напечатав в июле 1918 на голубом, сложенном вдвое листке одиннадцать маленьких «Стихов во славу мира»*. «Мир ослепленный, мир оглохший», — написал он в качестве предисловия. Эти стихи воспевают любовь, счастье, чистоту мира, мечтающего забыть о кровавых боях и кладбищах.

Великолепная, с высокой крепкой грудью,
Жена моя, святыня, лучше, чем когда-то,
Когда я с тем, и с тем, и с тем, и с тем
Несли винтовку и манерку — нашу жизнь**.

Эти стихи воспевают счастье вновь найти Гала, тело и любовь женщины, смех прекрасного ребенка, подаренного ею.

Как долго мне было лицо ни к чему,
И вот наконец
Лицо пригодилось для нашей любви,
Лицо пригодилось для нашего счастья***.

Поль подписал эти стихи именем Элюар, как и сборник «Долг и тревога», и отослал их по совету своего друга Гюнона нескольким известным в литературном мире личностям, в частности Аполлинеру, Андре Спирю и Жану Полану. Гала помогла ему подготовить и отправить сопроводительные

* В томе 1 «Полн. собр.». Pléiade, стр. 31-33.

** Перевод П. Антокольского.

*** Перевод П. Антокольского.

письма. Ответили немногие. Однако журналы «Les Cahiers idéalistes français» и «Les Trois Roses» опубликовали одно-два стихотворения. Солдат начинает подумывать о карьере поэта.

Тем же летом, в ночь с 16 на 17 июля, когда появились «Стихи во славу мира», императорская семья: царь, его жена и их четверо детей, были расстреляны в Екатеринбурге. Этот варварский акт запечатлевается в памяти Гала, в общем-то безразличной к политике и поразительно нечувствительной к тому, что не имеет прямого касательства к ее судьбе. Вся ее семья, преданная России, живет в Москве и не помышляет бежать от нового режима, но Гала решительно не принимает революцию и революционеров, виновных в огромном количестве преступлений. Как и ее подруга Марина Цветаева, судьба которой Гала неизвестна (Марина, покинутая мужем, влачит с двумя маленькими дочерьми жалкое существование; они буквально умирают от голода), она начинает ненавидеть проповедников идеалов, обещавших добро, но принесших зло.

- Где лебеди?
- А лебеди ушли.
- А вороны?
- А вороны остались,* —

так пишет, чувствуя то же самое Марина.

С войной заканчивается эра страданий и жертв. Поль потерял пять лет своей молодости. Он видел вокруг себя раненых, жестоко покалеченных людей или тех, кого ужас лишил рассудка,

* «Лебединый стан».

он видел, как страдали и как умирали. В 1918 году Поль — еще очень молодой человек с удвоенной жаждой жизни; ему нужно наверстать потерянные годы и украденную юность. Но он и молодой мужчина, повзрослевший от ран, нанесенных войной, и авторитет взрослых уже не может влиять на него, как прежде. Он исполнил свой долг и расплатился сполна, но держит зло на тех, кто в ответе за всю пролитую кровь, за все загубленные жизни. Осталось столько незавершенных произведений, потому что поэты тоже погибали в бою: так же молоды, как и он, были Шарль Пегги, Эрнест Псишари, Луи Перго и другие. По выражению Даниеля Алеви, поэтов Франции выкосили, их истребили*. Те, кто выжил, спаслись чудом.

Поля и Гала привела в ужас смерть автора «Alcools» его они любили больше других. Жизнь Гийома Аполлинера утасла в Париже, накануне перемирия. Доброволец, артиллерист, переведенный по его собственной просьбе в пехоту, он был ранен осколком снаряда в голову и скончался в марте 1916 года.

Ожидая демобилизации к 10 мая 1919 года, к годовщине со дня рождения дочери, Поль Элюар — отныне так звучит его имя — мечтает лишь о свободе, о простом житейском счастье и о любви Гала. Его Гала, вырванная революцией и войной из прежнего мира, не желает ничего иного, кроме как наслаждаться вместе с Полем настоящим, радоваться каждому мгновению жизни,

* В официальных списках значится 450 писателей (прозаиков и поэтов), погибших за Францию.

** «Юношеские письма», стр. 181.

столь подверженной катастрофам. «Война заканчивается, — пишет Элюар Гону* 9 ноября 1918 года. — Нам предстоит сражаться за Счастье после сражения за Жизнь». Гала в этом клялась ему еще до свадьбы: «Я люблю тебя бесконечно. Это единственная правда»*. Для нее, как и для Поля, на заре двадцатых годов начинается настоящая, наконец свободная, наконец взрослая жизнь.

* «Письма к Гала», стр. 395.

Спутница

ЗОВ ПОЭЗИИ

Дорогу к широким горизонтам им откроет Жан Полан. На десять лет старше Поля, с темными глазами, черными квадратными усами, этот молодой преподаватель мальгашского в школе восточных языков, сын философа Фредерика Полана (основателя французской школы научной психологии) сам является писателем, первые произведения которого имели уже значительный успех. Полан стал известным после опубликования в 1913 году сборника популярных мальгашских поэм («Les Hain-Tenys mēinas») которые он сам прокомментировал, пытаясь разгадать секрет языка: «Язык не является инертной и прозрачной средой, как оконное стекло, оставляющее пейзажу свое место в пространстве, свои размеры; он — среда специфическая, обладающая собственными законами преломления...» Полан направил свой ум на изучение средств поэзии. Мобилизованный в войска зуавов с 1914 года, раненный в лесу Сен-Мар, освобожденный, как и Поль, весной 1919 года, он опубликовал в разгар войны роман, вдохновленный собственным опытом. В нем честный молодой человек, исполненный добрых намерений,

проходит школу жестокости, несправедливости, ужасов. Роман называется «Старательный воин».

Элюар, чуткий ко всему, что может питать его поэтическое творчество, заинтересовался лингвистическими поисками Полана; к тому же, очень личный тон повествования волновал его, пережившего то же, что и автор. Но, как начинающий поэт, он, прежде всего, находится под впечатлением человека, имеющего уже положение в литературном царстве. Поль отправил ему свои «Стихи во славу мира» и в ответ получил* наряду со свидетельством восхищения несколько советов о том, что читать (Поль Валери, Кнут Гамсун), рекомендательное письмо к молодым людям, затевающим издание нового журнала, куда Поль, если его стихи им понравятся, мог бы писать. Журнал называется «Littérature». Полан очень тепло пишет о Поле, и он настаивает, чтобы Поль непременно показал в журнале свои стихи. Новая жизнь, которую так ждали Гала и Поль, зависит от этого письма.

Сразу же после окончания войны, еще даже до демобилизации, прозаики и поэты очень активно возобновляют свою деятельность, которую если не прервали на пять лет солдатской жизни, то очень сильно замедлили. Появляется много новых журналов. Поль вместе с Гала проглатывает их содержимое. Они читают вместе, вслух, новые стихи, часто превосходные, увлеченно следят, как рядом с уже известными авторами расцветают сотни новых талантов. От напечатанной в журналах (начиная с «Nord-Sud» и заканчивая «Sic», включая

* Жан Полан, «Избранные письма», (I, 1917-1936). Gallimard, 1986. В книге представлены семь писем к Элюару (1919-1921).

вновь появившийся «Nouvelle Revue française») продукции первых послевоенных дней может закружиться голова. В супружеской комнате, где Поль еще и пишет (пока очень робко), Гала без усталости читает или слушает стихи, обладающие странной и фантастической способностью возбуждать ее.

На улицу Ордене после эйфории, связанной с возвращением и наступлением мира, пришли серые будни. Дни похожи один на другой, и кажется, что ничего удивительного не может произойти. По утрам Поль спускается в бюро к отцу. Он работает с документами, ведет переписку с администрацией, клиентами или муниципальными службами. Ему поручено заниматься подготовкой строительных площадок, которые прежде всего должны быть обеспечены канализацией и подъездными дорогами. Дела Клемана Гренделя идут с размахом, семья зарабатывает деньги, много денег. Клеман Грендель нанимает шофера, Жанна-Мария — кухарку, Поль начинает водить Гала в рестораны, в театры и кино, он мечтает о каникулах на берегу моря...

Так как Поль вовсе не заражен деловым вирусом и часто выполняет в бюро нудную рутинную работу, он развлекается тем, что подыскивает имена для улиц на новых участках и дает этим кварталам, лишенным души и биографии, имена любимых поэтов: улица Бодлера и улица Жарри в Обервилье, улица Аполлинера и улица Нерваля в Сен-Дени*. Поля спасает поэзия; случается, что он записывает стихи в конторских книгах.

Но четырьмя этажами выше безнадежно ску-

* Эти улицы все еще существуют.

чает Гала, так как Поля нет с нею. Она по-королевски ненавидит все, что ее отвлекает; походы в магазины, домашнее хозяйство, кухню — все это она доверяет мадам Грендель и кухарке, но не больше она любит гулять со своим ребенком, играть с дочерью, терпеливо убаюкивать ее песенкой или ласками. Будничные дела вызывают у Гала отвращение. А мелкие рутинные дела, которые обычно обрушиваются на хозяйку дома, становятся причиной ее мигреней. Вот что она любит делать дома: мечтать, читать, переставлять мебель, примерять платья, переделывать их с помощью кружев, бантов или перекраивать, а еще заниматься любовью. Весь день она ждет возвращения Поля. Без него — Гала говорит это без преувеличения — она способна умереть со скуки. Второй этаж принадлежит мадам Грендель-матери — воплощению всех домашних добродетелей. Жена, мать, свекровь, бабушка — она исполняет свои разные женские роли просто, не задавая себе вопросов. Она надежна, терпелива, экономна, по-матерински заботлива, строга и нежна и испытывает особенное чувство восхищения и признательности к своей семье, своему маленькому миру. Это чувство так сильно, что мешает желать чего-нибудь другого. Мадам Грендель слишком хорошо знает, что такое нищета и горе, чтобы не любить свой очаг, и не считает в тягость никакую, даже самую примитивную и обыденную работу. Тремя этажами выше — ее полная противоположность, невестка: своенравная, нетерпеливая, неэкономная, без признаков материнских чувств. Во владениях Гала царит порядок (она тоже умеет быть домашней волшебницей), но сразу становится заметной разница: интерьер молодых суп-

ругов никогда не бывает постоянным, он меняется, он трансформируется. Если мадам Грендель-мать устраивается для жизни, то мадам Грендель-невестка не вписывается в раз и навсегда определенные рамки, она ощущает постоянную потребность в новизне. Спокойное, комфортабельное существование, окутанное нежностью, что было бы заветной мечтой для большинства женщин, очевидно, не удовлетворяет ее. Она ищет другого, сама не зная чего.

Гала — она будет часто это повторять — не оглядывается назад. Прошрое ей безразлично. От будущего она ждет сюрпризов. Но с тех пор, как Гала реализовала свое желание выйти замуж за Поля, у нее нет больше никаких конкретных планов. Она живет в неопределенности. В противоположность мадам Грендель-матери, женщине, придерживающейся традиций и вечных ценностей, характер Гала менее устойчив, менее удобен и намного более неопределенный. Она сама точно не знает ни того, кто она, ни того, кем хочет быть. Вот Гала и приходится злиться на мир, каждый день отбирающий у нее единственную радость (это значит Поля), погружающий тем самым ее в меланхолию.

Глубокая меланхолия присуща натуре Гала. Самые мрачные настроения руководят ею как только могут. Гала склонна к хандре, как другие к лакомствам. Замужество ее не изменило: став женщиной, она еще чаще бывает мрачной, беспокойной (если не встревоженной), чем веселой или счастливой. Она продолжает страдать от заболевания психосоматического характера, от мигреней, болей в животе, рецидивных простуд, которые, по-видимому, являются результатом ее настроений и симпто-

мами болезненного восприятия жизни. Это терзающаяся женщина, которая как только достигла того, чего хотела (выйти замуж за своего французского поэта), вновь продолжает искать свой путь. Только любовь Поля успокаивает ее, помогает ей быть сильной; повседневная жизнь кажется ей банальной, не похожей на ее «чудесные» мечты. Гала разочарована однообразием новой жизни во Франции, она надеется на что-то, что не приходит и чего она не может определить.

Она, теперь семейная женщина, томится в замкнутом пространстве домашнего очага. Не умея совладать со своим волнением и плохим настроением, Гала часто убегает с улицы Ордене. Она бродит по городу, чтобы немного развлечься, идет покупать книги, аксессуары к нарядам или просто разглядывает витрины, воображая, что она смогла бы, вернувшись домой, сделать с этими шляпами, вещами, мебелью, которые ее очаровывают. Гала бродяжничает: не только по Парижу, который она, любопытная до новизны и всего необычного, беспорядочно исследует, но и по своей комнате, будь то с романом или шитьем в руках. Больше всего она любит отрешиться, улететь от повседневных забот. Ее влекут мечты.

Гала не художник. Она не пишет, не рисует. Она не творит. Но то, что ее интересует, всегда связано с искусством: литература, живопись, декорация, мечта. Этот мир ей близок, он для нее значит больше всего, потому что он украшает жизнь. Выйти замуж за поэта — это значит получить привилегию, выйти в мир магический и прекрасный, взлететь, наконец. Поэт, в ее глазах, — особенный человек, наделенный властью заставить ее мечтать.

Эта страсть Гала к поэзии, к искусству вообще, за исключением музыки*, вовсе не является снобизмом. Сильно развитое чувство изящного, инстинкт влекут ее ко всему, что освещает жизнь. «В нашем спокойствии нет ничего мелкобуржуазного, наше спокойствие — это сила и красота»**.

Гала очень внимательно следит за работой Поля. Любопытно, что, несмотря на любовь к роскоши, профессия мужа, хотя она и денежная, ее интересует гораздо меньше, чем то, что пока еще является его хобби, — поэзия. Она полюбила и любит в Поле поэта. Гала восхищается тем, что Поль пишет, она хочет, чтобы он продолжал заниматься творчеством. Гала обожает, когда Поль читает ей свои стихи. Она поощряет все его попытки публиковаться, получить известность. Вместо того чтобы удерживать его в мире конкретных, слишком реальных вещей, она желает взлететь вместе с ним. То, что Поль может познакомиться с людьми искусства и благодаря Жану Полану, вдохновенному автору мальгашских «Hain-Tenys», связать обе их жизни с кругом поэтов, стало бы значительным шагом к ее мечте от унылой обязанности быть хранительницей очага, значительным шагом к переменам.

* Гала любила литературу и все пластические искусства, но абсолютно не была меломанкой.

** «Письма к Гала», стр. 395 (19 декабря 1916).

ТРИ МУШКЕТЕРА

Троих молодых людей чуть моложе Поля (всего на несколько месяцев, родившихся, соответственно, в феврале 1896, августе и октябре 1897) из журнала «Litterature», которых Полан рекомендовал Элюару, зовут Андре, Филипп и Луи. Все трое — поэты, бакалавры и студенты. Уцелев в Великой войне, находясь еще под знаменами, так как армия и их не слишком торопилась демобилизовывать, они стали борцами против войны, испытывающими отвращение к кровопролитиям и развязывающим их политикам, с одним единственным импульсом в теле — жить. Они друзья. Их объединяет, их делает братьями общая страсть к поэзии — единственный идеал, поддерживавший их в окопах и госпиталях. Андре, Филипп и Луи — поэты, и, как обнаружилось, все трое хотят, чтобы поэзия изменила наконец их жизнь.

В двадцать два-двадцать три года они еще холостяки. У них нет профессии, нет прочного положения. Они продлевают свою юность, отказываясь слишком рано вступить в мир взрослых, о котором думают, что он не создан для них. Юные строптивцы, уставшие от слишком строгой дисциплины и лишений, решили не поддаваться обществу, которым уже и так были глубоко разочарованы.

У Андре Бретона львиная голова с гривой каштановых волос, серые глаза, крупный нос и подбо-

родок, пухлый рот. Он высокого роста, движения его медленны и тяжелы, в нем чувствуется физическая сила. Оба других по сравнению с ним кажутся намного моложе.

Филипп Супо — угрюмого вида, с грубыми чертами лица, на котором лихорадочно горят черные глаза, с короткими вьющимися волосами, худой как виноградная лоза, с нервными порывистыми жестами и тем не менее грациозный — рядом со «львом» скорее, напоминает дикую кошку, посаженную в клетку. Он самый задиристый и самый холерический из троих.

Моложе всех Луи Арагон. Обольститель по натуре, он озабочен впечатлением, которое производит на окружающих. Если Андре желает убедить, Филипп — растерзать, то Луи жестами, голосом ласкает и старается понравиться. Маленький, щупленький, с узким бледным лицом, с тонкой полоской каштанового цвета усов над губой, с сероголубоватыми глазами, он в своей вылинявшей военной форме благодаря легкой походке обладает элегантностью, которая сразу же бросается в глаза. Бархатистый взгляд, деликатные манеры делают Луи похожим на лань в компании льва и дикой кошки: он наименее вирильный или наиболее женоподобный из троих. Он также самый неистощимый, бесконечно изобретателен и всегда находит неопровержимые аргументы.

Явившись на совет журнала «Littérature», проходивший в комнате Андре Бретона в отеле «Grands Hommes» (9, площадь Пантеона), Поль Элюар оробел: эти парни не намерены впускать первого встречного в свой тесный дружеский круг. Уверенные в своем поэтическом призвании, несмотря на то, что их самих еще только начали изда-

вать, они скорее способны быть требовательными, чем снисходительными. И хотя они так непохожи между собой ни внешним видом, ни биографией, ни талантом, сразу чувствуется, что они единомышленники.

В биографии Андре Бретона много общего с биографией Поля. Он родился в Теншебре, в Орне, в провинциальной семье; его бабушка и дедушка живут в Лорьяне, он вырос в Пантене; как и Поль, Андре — мальчишка с парижских окраин. Его отец сначала служил жандармом, затем стал счетным работником, как раньше Клеман Грендель. У его матери не было профессии, в детстве она узнала, как и Жанна-Мария Грендель, если не нищету, то уж бедность точно. У них в семье не умели ни читать, ни писать. И, наконец, как и Поль, Андре — единственный сын, жертва, можно сказать, чрезмерного обожания и чрезмерных перенесенных на сына амбиций своих родителей, в особенности матери, женщины очень властной. На этом сходство заканчивается. Андре даже изучал философию. Он сдал экзамен на степень бакалавра в тот год, когда Поль получил свидетельство об окончании коллежа. Родители мечтали, что он поступит в Высшую политехническую школу, и записали его в лицей Шапталя на бульваре Батиньоль, потому что там великолепно преподавали науки. Андре особенно отличался в истории и французском, но чуть было не провалился на выпускных экзаменах, так как все его время уходило на чтение Аполлинера и Валери; и, чтобы окончательно не расстраивать своих родителей, Андре записался на медицинский факультет. Война застала его окончившим подготовительный курс. Как и многие студенты-медики, он был задействован в медицинс-

ких службах и армейских госпиталях, где смог продолжить в ужасных условиях изучение будущей профессии. В марте 1919 (дата его встречи с Элюаром) Бретон еще посещает курсы в Валь-де-Грас и переживает глубокий конфликт с родителями. Его родители обосновались в Лорьяне и посылают сыну ежемесячное содержание для оплаты учебы в Париже и отеля. Поэзия у Бретонов — запретная тема.

Филипп Супо принадлежит к верхушке буржуазии. Он родился в Шавиле, приходится родственником автомобильным магнатам Рено, вырос в богатых квартирах и на просторных фамильных владениях. Филипп живет с матерью в доме номер 250 по улице Риволи, напротив сада Тюильри. Он обладает чувством юмора, старается быть естественным и, чтобы посмеяться над собой, охотно рассказывает своим друзьям, что в 1914 году он прочитал призыв к мобилизации на стене отеля «Грийон», рядом с рестораном «Максим», в двух шагах от своего дома. У него, оставшегося без отца в семь лет, есть старшие братья и то, что он называет «слишком большой семьей» (Филипп не любит об этом говорить). Он рос фантазером, с переменным успехом учился в различных религиозных коллежах, затем мать записала его в Кондорсе — один из самых престижных столичных лицеев, который он, к удивлению своих дядей, тетей и многочисленных кузенов, окончил в 1915, получив степень бакалавра. Юноша записался на юридический факультет тогда, когда его старшие братья уже находились в армии. Дед соблазнял Филиппа должностью адвоката в Кассационном суде. Один из дядей, нотариус, хотел, чтобы племянник работал в его

канцелярии. Супо заставил себя выдержать лекции по римскому праву, не расставаясь с навязчивой идеей заняться литературой. Ничто другое его не интересует.

Наконец, Луи Арагон... Родился в Нейи, в богатом квартале, вырос в семейном пансионе своей матери на авеню Карно, рядом с площадью Звезды. Испытывая нужду в деньгах, он вел скромную жизнь, далекую от светских развлечений. Андре Бретон и Филипп Супо считали, что все знают о друге, но Луи Арагон носил в себе страшную тайну. Известно, что он, оставшись без отца, живет с матерью и сестрой. Но это всего лишь камуфляж. Правду он сам недавно узнал и решил никому не рассказывать: та, которую он так долго считал своей старшей сестрой, на самом деле его мать; та, кого он считал своей мамой, на самом деле мать его матери, которая не является его сестрой. Луи Арагон — незаконнорожденный ребенок. Отец, не соизволивший его признать, нашел все же — из кокетства — сыну имя с теми же инициалами, что и у него. Его отцом был выдававший себя за крестного префект полиции Луи Андрие. Этот известный государственный муж потребовал от матери Луи открыть сыну правду в день, когда тот будет мобилизован. Юноше тогда было девятнадцать лет. Эту тяжелую тайну Луи Арагон еще никому не доверил*. Он продолжает выдавать себя за сироту, живущего с матерью и старшей сестрой, которого навещает иногда «крестный».

Воспитанный в лучших религиозных учебных

* Пьер Дэ в первый раз рассказал об этом обмане в биографии Луи Арагона («Aragon, une vie à changer». Le Seuil, 1975).

заведениях Нейи, Арагон сдал экзамен на степень бакалавра в лицее Карно в 1914 году. В 1917 он записался на медицинский факультет. Благодаря войне и медицине Луи повстречал Бретона: они оба были студентами-практикантами в Валь-де-Грас и познакомились на «пятом лихорадочном» — это значит на пятом этаже военного госпиталя, где находились умалишенные. Там во время ночных дежурств среди стонов больных они читали друг другу стихи. Нет необходимости говорить, что Арагон также с самого детства обнаружил призвание к сочинительству и в нем прочно засела страсть к книгам.

Дружба Бретона с Супо началась в кафе «Флор», куда Аполлинер, постоянно там бывавший, пригласил их обоих и представил друг другу. Это был год Верденского сражения, Бретон находился в увольнительной, Супо — в отпуске по болезни.

Когда Поль Элюар явился в отель «Grands Hommes» в середине марта 1919, он был еще в военной форме, и это явилось для троицы лучшей из рекомендаций. Все четверо — еще солдаты: Луи Арагон готовится к отъезду в оккупированную Германию, Андре Бретон продолжает изучение военной медицины в Валь-де-Грас, а Филипп Супо так же, как и Поль в армейском управлении, занимается перепиской в комиссариате по горючему и нефтепродуктам. Три поэта непрестанно старались опозорить войну: не принимали восторгов тыловых французов, аплодировавших в 1917 «Параду» — спектаклю, сочиненному Жаном Кокто на музыку Эрика Сати с декорациями Пабло Пикассо. Они клеймят «Парад» и считают Жана Кокто, который выдавал

себя за участника великого жертвоприношения, а на самом деле неплохо развлекался, пока они сражались, трусом.

Война прошла по «трем мушкетерам» со всей силой. Андре, находившийся на военно-медицинской службе в различных госпиталях в Нанте, Сен-Дизье, Ле Вале, смог наблюдать ее страшные последствия на людях, потерявших рассудок. Он провел два месяца на передовой, не расставаясь с носилками во время наступления на Мёзе. По ночам Андре со своей «рогозиной» выходил подбирать солдат или то, что от них осталось, сортировал живых и мертвых, оказывал первую помощь.

О Луи думали, что он погиб: в Кувреле, на фронте в Шампани он тоже был санитаром и три раза был погребен заживо во время бомбардировок, воевал в окопах, служил танкистом. Арагон был награжден военным крестом, орденская планка которого украшает его серую военную форму.

Филипп, проходивший службу в полку кирасиров, вот уже два года страдает болезнью легких. Врачи не ручаются за его жизнь. Он был много раз госпитализирован, его лучший друг, который был для него «как брат-близнец»*, Рене Декамп убит в 1917 году. Супо, как и все они, исполнил свой долг, но больше, чем остальные, убежден в том, что кровь пролилась напрасно.

Все трое находят спасение от несчастий и тайных обид в дружбе. Они ненавидят окружающий их взрослый мир. Их учеба — юриспруденция, медицина (Поль очень быстро это поймет) всего лишь алиби, как работа для него самого. Чего они

* Филипп Супо «Mémoires de l'oubli (1914-1923)». Lachenal et Rittler, 1981.

хотят — так это жить жизнью, отличной от жизни своих родителей, не отрешаясь от юношеской мечты. На пустынном горизонте для них сияет всего лишь одна звезда, и они решили идти по пути, указанному ею, — к *Поэзии*. Филипп опубликовал свой первый сборник «Аквариум» в 1917, Андре представил несколько своих стихотворений в журналах «Sic» и «Nord-Sud»*, Луи накапливает неизданные стихи («Musique», «Bars», «Chambres», «Pitres»), а вместе они задумали и создали «Littérature», — журнал для того, чтобы печатать свои стихи и любимые стихи старых и новых авторов. В журнале они важные шишки. Филипп Супо финансирует печатание «Littérature» за счет отцовского наследства. Название журналу предложил Поль Валери**, автор «Юной парки». Нужно, объясняют они, все понимать наоборот: это из-за отвращения к прозе — здесь они хитрят — и любви к поэзии, единственному достойному уважения и правдивому словесному творчеству, они собрались вместе.

Андре Бретон занимает маленькую комнату в глубине грязного коридора, но с таким сногшибательным адресом (площадь Пантеона, отель «Grands Hommes»***), что Поль Элюар входит туда, краснея от робости, словно будущий монарх накануне возведения на престол. Он принес с собой написанные от руки на разрозненных розовых и зеленых листках свои «Стихи во славу

* «Sic» — журнал, издаваемый Пьером Альбер Биро, «Nord-Sud» — Пьером Реверди.

** Андре Бретон с шестнадцати лет переписывался с Полем Валери, которого считал самым заметным поэтом и который по-отцовски давал ему многочисленные советы «по литературе».

*** Grands hommes — великие люди.

мира» и рукописную тетрадь со странным названием «Животные и их люди, люди и их животные». Он прочитывает вслух отрывки перед строгим жюри из трех поэтов, творческий путь которых еще только начинается. «Мы были тогда всего лишь подающими надежды подростками...»* — напишет однажды Андре Бретон, вспоминая себя в этот день 19 марта 1919 года. Поль Элюар с честью выдержал испытание: хозяевам — его судьям — понравился его стиль и они выбрали с общего согласия для третьего номера «Littérature» стихотворение «Корова», в котором можно услышать очень далекий от надуманности «Юной парки» голос ребенка:

Не ведут корову
На скошенный сухой луг,
На луг колючий.
Травка ей нужна
Нежная, как шелковая нить,
Как молочная струйка**.

Гала оставалась дома, она не присутствовала при этой мужской беседе. Встреча проходила под знаком мужской дружбы. Побывав среди поэтов, Поль принес в тот вечер своей жене немного свежего, нового воздуха — из Парижа, со стороны отеля «Великие люди».

* «Полн. собр.». Pléiade, т. 1, стр. 40

** «Полн. собр.». Pléiade, т. 1, стр. 40

ОНИ... И ОНА

Расставшиеся с оружием и военной формой «мушкетеры» из «Littérature» ни за грош отдали юность, но намерены жить. В прошлом — исполненный долг, далеко впереди — профессия. Ни у одного из них нет желания копировать собственного отца, его карьеру и достижения. Все трое — отныне уже четверо и Гала в качестве зрительницы — решили пойти своей дорогой.

Общество хотело бы поставить их в строй, как в страшные армейские времена, и сделать из них храбрых, полезных граждан, но они — сначала мягко — противятся этому. Бывшие солдаты выбирают бегство. Они часто отсутствуют в университете или в конторе под всякими туманными предлогами; в двадцать три года бывшие прилежные ученики и хорошие солдаты начали пропускать занятия. Днем они пишут стихи, вечером их читают. Они прогуливаются по набережным Сены, бродят по Буль-Мишу и по Монпарнасу, теряются в лабиринтах тупиков квартала Оперы. Неустанно шагая, они могут пройти километры днем и ночью, они встречаются, когда захотят, и обсуждают то, что наполняет сердца, — это их тайный протест.

Поэты считают взрослых дураками, напичканными буржуазными принципами и моралью, которую сами они отвергают, потому что она отдает предпочтение комфорту, деньгам, респектабельности, а не поиску личного счастья. Они ненавидят

политических деятелей так же, как и военных и всех благополучных, амбициозных людей, имеющих хоть какую-нибудь власть. У них нет политического идеала. Они хотят выйти из стада послушных овец и держаться в стороне, не соглашаясь ни на какие лишения, ни на какие уступки. Их идеал — свобода, и за нее они заплатили раз и навсегда.

Устав бродить, молодые люди останавливаются в кафе, чтобы продолжить бесконечный разговор и выпить гранатовый сироп или кофе со сливками. Они боятся искусственно созданного рая. Наркотики погубили лучшего из них. Его звали Жак Ваше*. Душа компании, человек неординарного ума, он умер в двадцать три года от слишком большой дозы опиума. Друзья считают, что Жак покончил с собой. Ваше лучше всех мог выразить их общее отвращение и негодование. Он ничего не оставил после себя, но был поэтом больше, чем они. Элюар с ним не был знаком, но в кружке все еще принято считаться с Ваше, говорить о нем, вспоминать его мрачные шутки и предсказания, относиться к нему, как к живому участнику «Littérature».

Иногда юные поэты ходят в кино — идеальное времяпрепровождение для бездельников, которых они старательно изображают. «Вампиры» — их любимый фильм. Они много раз смотрели этот шедевр Луи Фейяда из-за актрисы Мюзидоры. Обнаженная Мюзи в черном трико, обтягивающем ее

* Родился в сентябре 1895; умер в январе 1919. Андре Бретон познакомился с ним в Манте, где он, раненый, находился в госпитале. «Военные письма» Ваше, которые Бретон опубликовал в 1920 г., являются его завещанием.

длинное, тонкое, как лиана, тело стала их идолом. Эта свободная, порочная, опасная женщина околдовала их. Им хотелось бы повстречать и любить такую же независимую авантюристку, как Мюзидора.

Покуривая крепкие сигареты черного табака, к которым пристрастились на войне (болевшие туберкулезом Элюар и Супо курят больше всех), друзья часто читают друг другу вслух, если не свои книги, то книги любимых авторов, с которыми никогда не расстаются. Они носят их с собой в карманах. Аполлинер из числа почитаемых: Бретон и Супо были с ним знакомы, Бретон даже шел за его гробом на кладбище Пер-Лашез.

Но у них есть и другие идолы, кроме Жака, Мюзидора и Гийома. Так как друзья постоянно испытывают голод по книгам, они посещают книжный магазин в Латинском квартале, называющийся «Домом друзей книги» (7, улица Одеон), похожий на пещеру Али-Бабы. Владелица магазина, Адриен Монье, всегда одетая в длинные серые платья, как у монахинь, разрешает им смотреть книги и читать их на месте, если у них не хватает денег на покупку. Здесь они встречаются писателей постарше, принадлежащих к другому поколению, устраивающих в магазине встречи с друзьями: приходят Валери Ларбо, Андре Жид, Леон-Поль Фарг. Адриен Монье хочет купить часть тиража «Littérature» и советует своим клиентам подписаться на него. Она бескорыстно его рекламирует забредающим в ее логово зевакам, и те не выходят от нее без журнала молодых неизвестных авторов под мышкой. Это у нее Супо откопал в 1917 году «Les Chants de Maldoror» — эпопею в прозе, гениальную и мучительную, которую Адриен продавала

со скидкой. Это был шедевр такого же, как и они, малоизвестного автора, умершего очень рано, — Изидора Дюкаса, графа де Лотреамона*. С тех пор они не переставали восторгаться Лотреамоном. «Мушкетеры» тут же приобщили Поля Элюара к почитанию нового идола. Они открыли ему фантастический мир этого бунтаря, этого безумца, который не признает Бога и который вложил всю свою ярость, всю созидательную силу в образы, в возвышенные, непонятные слова своей большой поэмы. Поль увлекся. Мальдорор, Лотреамон — для поэтов это как магические формулы, заклинания. Они приоткрывают дверь в область мечты. Мальдорор, Лотреамон — это ключи, позволяющие обойти судьбу и опрокинуть слишком пристойные границы существования. Прогуливаясь вместе по парижским тротуарам, они в свете газовых фонарей размышляют над еретическим советом из «Песни номер пять», который Элюар прочитает однажды вечером Гала: «Счастлив тот, кто мирно спит на ложе из перьев, вырванных из груди гаги, не замечая, что предает самого себя. Вот уже тридцать лет, как я не сплю...»

«Мушкетеры» увлеченно, лихорадочно ищут новый идеал, в котором не было бы ничего общего с современными политическими и философскими программами. Они охотятся за вдохновением по ночам и, чтобы было светлее, обнаруживают для себя маяк в дополнение к Мальдорору — умершего и возрожденного ими к жизни поэта Артюра Рэмбо. Он начал писать очень рано. Друзья читают друг другу его стихи наизусть, ни один ни на минуту не расстаётся с томиком его «Illuminati-

* 1846-1870.

ons». Артю́р Рембо шлет им послания из потустороннего мира в форме «красных криков», говорит Арагон, и дорожке всех им стал «Changer la vie». Поэты не понимают сами, как это случилось, но они уверены, что пришли туда, куда звал их Рембо: прежняя скучная жизнь перестала существовать.

Яростный Филипп еще долго будет оставаться в чиновниках. Он только что женился на девушке, вовсе непохожей на Мюзидору, и дал окончательное согласие на должность в Министерстве общественных работ, где ему придется заниматься нефтяными судами. «Нужно было как-то жить», — скажет он*. Только сборники, которые Филипп издает за свой счет (его тайное занятие), немного беспокоят семью. Ему хотелось бы быть более скандальным, более маргинальным, но пока приходится довольствоваться малым.

Андре в конце концов порвал со своими родителями. На ультиматум, выдвинутый матерью — или продолжить учебу (с 1920 года, сдав экзамен на помощника врача, он запустил занятия), или же вернуться в Лорьян и работать, — он отказался дать определенный ответ. В чем он уверен — так это в том, что хочет остаться в Париже и писать стихи. Но родители сразу же перестали высылать ему деньги. И тогда Андре был вынужден подыскать себе место, оказавшееся даже прибыльным. С помощью Поля Валери, который рекомендовал его в издательский дом «Gallimard», Андре удалось устроиться секретарем к Марселю Прусту на пятьдесят франков за сеанс. Автор романов «Наслаждения и дни» и «По направлению к Сва-

* «Mémoires de l'oubli», стр. 101

ну», усталый и больной, запутался в корректуре колоссальной рукописи. Довольно методичному Андре самому трудно разобраться в бесконечных исправлениях, добавлениях, скобках и авторских уточнениях. Он считает свою работу нудной, роман «В поисках утраченного времени» навевает на него скуку. А Пруст, который, однако, подписался на «Littérature», жалуется издателю на своего сотрудника, обвиняя его в халтуре и в плохой работоспособности. Поль Валери снова хлопочет за своего юного протеже, и Андре теперь читает гранки журнала «Nouvelle Revue Française», издание которого было прервано на время войны. Старания оказались напрасными: Андре Бретон продолжает зевать. Он ждет только одного: побыстрее закончить эту работу — чистое наказание для него — и вернуться к себе в отель, чтобы писать или встречаться с друзьями.

Ведущие преподаватели медицинского факультета обещают несомненно талантливому Луи Арагону самое блестящее будущее. Свою одаренность и трудолюбие Арагон и не помышляет направить по этому пути, хотя на этом поприще его социальный комплекс, обиженность незаконнорожденно-го, его амбиции могли бы найти разрешение. В то время Арагон был увлечен «Анисетом» — историей молодого человека, порвавшего с семьей и отправившегося бродить по миру в поисках абсолютной истины. Он ее прочитал урывками в кругу друзей, в свободное от дежурств время.

Четвертый «мушкетер» внешне выглядит самым дисциплинированным. Находясь под бдительным оком отца, он не может отлынивать от работы, кроме как мечтая над раскрытыми конторскими книгами. И только вечерами или по воскресеньям ему

удается тайком сбежать из-под слишком сильного влияния семьи. Не Гала его тяготит, а условия жизни: улица Ордене, проживание у отца с матерью, работа у отца — он несвободен и у него мало времени на фланирование по улицам. Иногда Поль может удрать, но он женат, у него ребенок, у него больше обязанностей, чем у других.

Самые интересные моменты в жизни Поля происходят не на работе и не в отцовской семье, а с Гала и его новыми друзьями (одно другого не исключает). В отеле «Grands Hommes», у Андриен Монье или у Филиппа Супо (из всех троих с ним у Поля меньше всего сходства), который живет теперь на набережной Бурбон, в кафе Латинского квартала или у Оперы — в местах их свиданий — Элюар может часами дискутировать, читать свои последние стихи, слушать, как читают другие, говорить обо всем и ни о чем — о духе времени. Поль болен той же болезнью, что и они, тем, что заставляет их уходить от действительности и работы в мечты. Они обмениваются книгами. И «Мальдорор», таким образом, доходит до улицы Ордене... Песни Лотреамона громко резонируют и сотрясают стены спокойного мирка семьи Грендель. «Мальдорор» не покинет больше прикроватного столика Гала, баюкая ее днем и ночью. Лотреамон, или его призрак, надолго устраивается в ее спальне.

Во второй половине дня вместо того, чтобы заняться Сесиль, она на манер южных женщин, склонных к продолжительной сиесте, ложится на кровать, чтобы спокойно почитать. Гала способна читать до наступления ночи, оставаясь безразличной ко всему, что ее окружает, ссылаясь на простуду, мигрень, боль в животе, чтобы остаться в

постели. Дома считают, что у нее хрупкое здоровье, и никто не осмеливается беспокоить жену Поля, надоедать ей. К ней относятся, как к ценной и бесполезной игрушке. Лучший предлог для Гала — это ее здоровье; оно алиби для того, чтобы потихоньку уйти от повседневных хлопот. Ее комната служит убежищем, а книги — способом уйти от действительности, спутниками в ее одиночестве, когда Поль уходит на работу или на встречу с мужчинами. Он не всегда приводит ее к Андре Бретону, к Филиппу Супо или в кафе и никогда не берет с собой к Луи Арагону.

Тогда Гала придумывает предлог, чтобы уйти из дома. Мамаша Грендель крайне редко просит объяснений, потому что всегда рада остаться со своей обожаемой внучкой. Гала вольна делать все что хочет и когда хочет. Она уходит бесцельно бродить по улицам Парижа, заходит в магазины подержанных вещей. То, что красиво, притягивает ее безудержно, но только если это что-то далекое от классических норм. Красивое для нее — это всегда что-то необычное, неизбитое. У Гала совершенно особенное эстетическое восприятие, теоретическое обоснование которому она нашла у Лотреамона, но инстинктивно она это ощущала еще до знакомства с ним: красота — это «как если бы на прозекторском столе встретились зонтик и швейная машинка», это редкое, удивительное, иррациональное явление. Купленное платье Гала перекраивает, перешивает, добавляет какие-то аксессуары или, наоборот, убирает их для того, чтобы добиться желаемого эффекта — оригинальности. Как и поэты из «Littérature», еще не зная их мнения, она хочет быть непохожей, выделиться из толпы.

Когда Гала фланирует по Парижу, убивая время, ее меньше терзают тревоги. Она по-своему переживает душевный дискомфорт, присущий послевоенной молодежи. Она понимает недовольство жизнью у друзей Поля, понимает их протест, их отвращение ей знакомо. Гала тоже мечтает об освобождении. Она никогда не станет призывать их ни к благоразумию, ни к тому, чтобы вернуться домой.

Гала, можно сказать, опередила их всех. Свои корни в первый раз она обрубилa покинув Россию, оставив семью, решившись выйти замуж под небом другой страны. Она не будет проповедовать ни комфорт, ни традиции. Гала боится лишь одного: что ее поглотит рутина и что закон Гренделей — долг превыше всего — подчинит ее своему игу. Она стала матерью, и ее поведение уже может вызывать возмущение у окружающих женщин, отметивших ее неприспособленность и то, что она не слишком стремится усердствовать. При мысли о том, что она навсегда может остаться «домашней хозяйкой», у нее на голове поднимаются волосы, а за спиной вырастают спасительные крылья. Но Гала зависит от мужа, от его семьи, она сама выбрала место в тени любимого человека, провозгласив себя добровольной рабой любви. Гала не женщина вольных нравов, не «*garçonne*»*, не эмансипированная девица, каких появится много в двадцатых годах.

Да, Гала остригает волосы, укорачивает юбки, но она не работает, не приобретает профессии

* «*La Garçonne*» («Эмансипированная Девица») Виктора Маргерита выйдет в свет в 1922 году. Его героиню зовут Моник. Написанная по роману пьеса будет впервые поставлена в 1926 году.

и смиренно продолжает наблюдать за жизнью, находясь в тени Поля. Ей на самом деле удастся избежать стереотипов: не домашняя хозяйка, не эмансипированная девица, не раба, не свободная, не мудрая, не сумасшедшая, не интеллектуалка, не артистка, не просто обыкновенная женщина, она что-то среднее между Мюзидорой и Гарсонпе, между мамашей Грендель и Мариной Цветаевой — необъяснимая женщина. Ее оригинальность — результат терзаний между желанием убежать от действительности и любовью, как предполагается, до смерти и не меньшей, чем у Тристана и Изольды.

Гала никогда не будет выдвигать перед Полем материальных требований. Она разделяет его стремления, понимает его недовольство и сомнения по поводу будущего в конторе отца; она знает: его призвание в другом. Гала не боится, что он оборвет якорные цепи, и не удерживает его у берега. Она просто ждет, чтобы он принял решение за двоих. Гала верит поэту, который, по ее убеждению, способен изменить их жизнь.

Для этой разочарованной интеллектуалки, которую болезнь лишила возможности продолжать учебу и которой собственная нервная организация мешает посвятить себя какому-нибудь продолжительному, серьезному и сознательному занятию, для этой женщины, которая предпочитает, как и ее муж, ценности искусства ценностям буржуазного общества, а поэзию суровой действительности, — для нее занятия Поля являются панацеей. Вот почему Гала пытается проникнуть в кружок друзей. Она все чаще и чаще сопровождает Поля, который ей ни в чем не отказывает, на их встречи. Она хотела бы внедриться в их

тесный круг. Но ее присутствие не вызывает энтузиазма. Ее находят «надоедливой». Филипп, которого она невероятно раздражает, называет ее «la Punaise*». Если едва ли менее снисходительные Андре и Луи и заинтересовались ее славянским происхождением, русским акцентом и тайной ее черных глаз, то им не нравится, что она пытается затесаться в их мужскую компанию. Они не доверяют Гала, не находят ее симпатичной. В кино им нравится Мюзидора. В жизни они, пожалуй, боятся встреч с женщинами такого типа. Личность Гала вызывает у них чувство опасности. Поля они принимают с распростертыми объятиями (Поль самый мягкий, самый безобидный из людей), но из осторожности, опасаясь как возможных истерик, так и тяжелого молчания собирающейся навязать себя в подруги Гала, они держат ее на расстоянии.

Она никогда не войдет в их кружок. Даже несмотря на то, что является женой одного из них, и по этой причине ее сила и влияние не могут остаться незамеченными, как бы они этого не хотели. Поэзия для них — дело мужское. А Гала своей обнаженной женственностью их обескураживает. Из мести она рассказывает Полю, что они влюблены в нее. И, скорее польщенный тем, что жена нравится его новым друзьям, он верит...

* La punaise — (разг.) шлюха, дрянь, тварь (прим. пер.).

ВЕЛИКАЯ ПСИХОДРАМА

Одно детское словечко будоражит Париж. «Дада» — эти два слога возмущают одних и смешат других, никого не оставляя равнодушным. «Dada» на языке французских детей — маленькая лошадка. Но «дада», о котором говорил Париж, вовсе не французский — это экзотический «конек» и он, как и Гала, прибыл с восточных границ. Происхождение его возмущает патриотов, они видят в нем призрак истонного врага, новую угрозу бошей!

«Дада» родилось в Цюрихе, в 1916 году. В нейтральном городе пацифисты, объединенные ненавистью к войне и ее неприятием, нашли в наугад открытом франко-немецком словаре это совсем простое, ничего не значащее слово для выражения своего протеста и состояния духа: «дада» — что-то из детства, что-то детское, направленное против мира взрослых, навязавшего им этот кошмар. «Конек» родился в кабаре Вольтера под знаком иронии. И вот уже четыре года он не дает покоя жителям Цюриха, которые неоднократно пытались заставить его замолчать и приструнить его. Но все напрасно. Дадаизм не довольствуется сотрясением устоев Швейцарии — он распространяет ужас и бешеное веселье, рассылая свои журналы по всей Европе, туда, где его хотят услышать молодые поэты. У «дада» уже есть свои герои: в Цюрихе немцы Хуго Вал и Ричард Хуельзенбек, эльзасец Ханс Арп, румын Тристан Тцара уже за-

явили свое кредо (ни во что не верить) и продемонстрировали первые проявления своего нигилизма. Они разбивали столы и стулья, оскорбляли прохожих и полицию, исписывали стены кабаре бессмысленными посланиями, освистывали представителей власти, изрыгали проклятия и сочиняли, не считаясь с законами просодии, стихи, удивительно красивые и свободные.

В Париже Андре Бретон узнал от Аполлинера о существовании этого ниспровергающего движения. В 1917 он показал Андре первый дадаистский журнал, присланный ему из Цюриха Тристаном Тцара. Бретон тогда не обратил на него особого внимания. В начале 1919 года манифест «Дада 3» ослепил его и озадачил: «Я разрушаю ячейки мозга и социальной организации, — писал Тцара. — Логика — это осложнение. Логика всегда ошибочна... Ее цепи убивают. Это огромная многоножка, удушающая независимость». Взрыв бомбы открыл клапан безопасности. У Бретона на глазах выступили слезы: «дада» напомнил Жака Ваше, слишком рано ушедшего друга, его жестокий юмор, его ненависть к статусам и статуям, его интерес к небытию. «Мы не любим ни искусство, ни художников», — утверждал Ваше в одном из своих писем, упрекая поэтов — попробуй пойми! — в «незнании генераторов постоянного тока»*. Вместе с Арагоном и Супо, которым понравилась идея, он решает вступить в ряды дадаистов, этих пылких детей беспорядка, так замечательно выразивших то, что все трое чувствовали со времен войны: усталость от правил приличий, лишений и порядка и удивительное («огромное», как провозгласит

* Жак Ваше, «79 военных писем». Jean-Michel Place, 1989.

«дада») желание сделать праздник. Тцара, из Цюриха наблюдавший за поэтической жизнью, попросит молодых поэтов из «Littérature» сотрудничать в его журнале и пришлет свои неизданные вещи: они начнут обмениваться текстами, подумывая о знакомстве.

Прежде чем достичь Парижа, движение породило соперников в Барселоне, где Франсис Пикабия, сорокалетний художник франко-кубинского происхождения, находившийся во время войны в Нью-Йорке, создал «391» — журнал, вдохновленный «Дада», его протестом и его неистовством. Он также просит тексты у юных поэтов из «Littérature», но в 1919 году после короткого путешествия в Швейцарию, во время которого он встретился с «бандой» из кабаре Вольтера, Пикабия устроился в Париже. Пикабия — сорт лихорадочного латинца, переполненного экстравагантными идеями, — предстал в оставшемся с юношеских лет дадаистском нимбе, угнетенный тем, что еще неизвестен, намереваясь завоевать славу. До войны он был импрессионистом, но быстро переметнулся в ряды кубистов — еще до переезда в Нью-Йорк, где встреча с Марселем Дюшаном* стала для него решающей: Дюшан научил его относиться к жизни шутя, внушил идею о превосходстве предметов над самой мыслью и это с ним, по утверждению критиков, Пикабия «придал антиискусству левый уклон». Когда Бретон встретился с Пикабия у его любовницы Жермены Эвелинг в январе 1920 года,

* Марсель Дюшан родился в 1887 г., младший брат художника Жака Вийона и скульптора Раймона Дюшана-Вийона, автор «Обнаженного, спускающегося по лестнице» (Нью-Йорк, 1912) — одного из первых произведений анти-искусства. Это Пикабия открыл мир Марселя Дюшана поэтам из «Littérature».

то сразу же был им покорен. С Франсисом Пикабиа дадаизм сделал большой шаг вперед.

Элюар и Гала, информированные своими новыми друзьями, присоединяются к ним и, в свою очередь, увлекаются «дада», этим персонажем без лица, чужеземцем, изрыгающим огонь и пепел. «Дада» — это тот, кто говорит: «Порядок = беспорядок; я = не я; утверждение = отрицание — наивысшее проявление абсолютного искусства». Это дадаисты написали: «Пусть каждый человек крикнет: "Предстоит совершить большую деструктивную, негативную работу!". Подметать, подчищать, свобода...»

Элюар посылает стихи в Швейцарию; вечерами он дает Гала возможность насладиться чтением манифеста. Текст его громогласно звучит в их супружеской комнате, возвещая апокалипсис: «Мы не дрогнем. Мы не сентиментальны. Мы разрываем свирепым ветром белое облаков и молитв и готовим великий спектакль бедствия, пожар, расчленение».

«NRF*», это буржуазное издание, подозрительно смотрит на поэтов-ветеранов, братающихся с немцами, отказниками по этическим соображениям, и ему есть отчего беспокоиться. Дадаизм мечет громы и молнии. Он выражает бешенство и ненависть. Отрицает все ценности. Он все хочет перевернуть вверх дном: общество, искусство, взаимоотношения между классами, между мужчиной и женщиной, язык и даже Бога. У него нет ни к чему уважения: ни к войне, ни к жизни, ни к мужчине, ни к женщине. Он отрицает все в целом. Он хочет рассмеяться над грудой руин и остаться «чу-

* Журнал «Nouvelle Revue Française» (прим. пер.).

десным», как сказала бы Гала, эхом над пустыней. Смех «дада» — это его холодное оружие. Смех разрушает, он хуже, чем штык. Например: «Я пишу потому, что это так же естественно, как писать...» Литература не ускользает от его иронии, она не что иное, как еще один смехотворный акт, как отброс или экскремент.

Поль и Гала улыбаются. Они не совсем согласны. И Поль в предисловии к «Животным и их людям, к людям и их животным»*, вышедшим в январе 1920 года, не колеблясь, выражает свою сдержанность. Он слишком глубоко верит в поэзию, чтобы отрицать ее. Он не может стать, он никогда не будет нигилистом, как дадаисты.

Но ему и Гала довольно симпатичен этот ветер дальних стран, приносящий огромными порциями воздух протеста и свободы. Во время самоопределения, на пороге обуржуазивания, когда он скучает над колонками цифр, а Гала — в немилой ей роли домохозяйки, «дада» кажется им развлечением, возможностью похулиганить. Огромный красный воздушный шар поднимается над горизонтом, он наполнен подарками-сюрпризами. «Дада» может их всех вернуть в детство и перекрасить в розовый, желтый и зеленый цвета их серую жизнь. Если провалится его попытка взорвать Вселенную, он хотя бы попробует победить скуку. Вся компания молодых парижан, желающих побезумствовать, может петь, смеяться, нести чепуху — их ждут цирк и всеобщий базар. Братец с востока вернет им способность веселиться, но его игра напоминает русскую рулетку. Воз-

* Les Animaux et leurs hommes. Pléiade, т. 1, стр. 37.

буждая, он может оказаться опасным, потому что смех убивает: такова миссия дадаизма.

Вот почему всех, кто готовится в Париже к встрече Мессии, лихорадит. Глашатай идей дадаизма предоставляет им возможность подождать себя. Андре Бретон, в течение многих месяцев умоляющий его приехать, уже пять раз не солоно хлебавши возвращался с Лионского вокзала. Он без конца пишет в Цюрих, но его письма как бутылки, выброшенные в море. Наконец, в январе 1920 года, «дада» решился. Он пребывает соло, с маленьким чемоданчиком. Он никого не предупредил — на вокзале нет организационного комитета. Вот он — Тристан Тцара.

Румын — румын и еврей — напоминает Андре Жида, родился в Мойнешти в 1896 году, считает себя основателем движения, являясь самым блестящим и активным его провозвестником. Настоящим гением дадаизма, его создателем является немец, суровый и одинокий друг Тцара — Хуго Бал, странствующий пианист и актер, мистическая натура и поэт в жизни. Он предоставил свободу действий этому статисту, обладающему гораздо большими способностями, чем он сам, в делах рекламы и агитации. Тцара — поэт, умеющий донести свои идеи, он любит выступать в кружках и в клубах. «Благородный организатор» представляется в Париже как «дадаист во плоти» (абсолютно никаких комплексов). С надменным видом рассматривает он этих юных парижан, которые, в его глазах, всего лишь провинциалы, культурно отсталые, будущие новообращенные, которых он должен обучить своей скандальной философии и сноровке. Бретон и его друзья навсегда останутся всего лишь членами секты, главой которой он считает себя.

Соперничающий с ним Пикабия, встречаясь с ним, всякий раз насупливал брови.

Внешне Тцара был неказистым. Маленький, худой, одетый в скромную тесноватую одежду, с черной прядью волос цвета воронова крыла на лбу, в длинном сером пальто, с чемоданом в руке, он не выглядел элегантным. Появление его, так как в его облике не было ничего, имеющего сходство с разрушителем, вопреки ожиданиям «мушкетеров», разочаровало. Пикабия принял его на бульваре Эмиль-Ожье, в элегантном квартале Мюэт, у своей подруги, где собралась вся группа. Здесь Тцара проживет первое время своего пребывания в Париже. Гость пробормотал несколько еле внятных слов на исковерканном ужасным акцентом французском языке. В том, как он произносит слово «дада», нет ничего привлекательного — напротив, это выражение даже кажется немного смешным.

Приезжий делает незаметные неловкие жесты (от этого всем становится не по себе) берет ребенка Пикабия к себе на колени, забавляет его «утугуканьем» и, наконец, к всеобщему удивлению, разражается смехом. Его великолепный, громкий и заразительный смех завоевывает сердце каждого. «Тцара, смех которого как павлин...» — скажет Филипп Супо, мало склонный, однако, к комплиментам.

С этого момента лед треснул, и все почти сразу же сдружились. Не хватает только Гала и Поля, они задержались на отдыхе. Несколько дней спустя поезд привезет их из Монте-Карло. На первой встрече их не было. Не будет их также 23 января 1920 года во Дворце торжеств на улице Сен-Мартен, на первом большом вечере дадаистов, во время которого Андре Бретон стирал тряпкой кар-

тину Франсиса Пикабия (так надо было по замыслу автора), чтобы показать находящуюся под ней другую, перечеркнутую аббревиатурой, которая, как он сразу понял, содержала шутку, — LHOQO*. Тцара читает — как стихотворение, вперемешку с другими нелепыми текстами, со своим резким акцентом — последнюю речь Леона Доде в Палате депутатов. Супо и Бретон позванивают колокольчиками. Арагон, подражая лояльному господину, представляет своих друзей то мяукая, то порыкивая.

Поль присоединяется к ним, он, не колеблясь, становится таким же дадаистом, как и основатели движения вместе с Тцара.

Наполовину убежденный в важности миссии, из солидарности с товарищами и из любви к игре он включается во всеобщее веселье и тянет за собой Гала. Гала этому очень рада. И вот они, два скомороха, уже вовлечены в большую психодраму.

27 марта в Доме творчества Элюар в первый раз поднимается на сцену. Он, переодетый женщиной, вместе с Гала играет нищенку. Она подает ему реплику в комедии «Пожалуйста», написанной Бретоном и Супо.

— Бывало ли, что вечером, месье,
Остерегались вы бродячих нищих? —

шепчет Гала со своим русским акцентом, прежде чем уйти за кулисы.

Поль вновь появляется на сцене в последнем

* Формула, придуманная Дюшаном, которую он написал на портрете Джоконды с подрисованной бородкой и усиками.

акте, уже без Гала. В этот раз он изображает деревенского дурачка, завернувшегося в бумажный мешок. Он играет Пипи в «Первом небесном приключении господина Аа Антипирина» и четыре раза подряд кричит «Zoumbai!», прежде чем отважиться прочесть (падает дождь из помидоров и бифштексов) текст, написанный Тцара:

— Amertume sans église allons allons charbon chameau synthèse amertume sur l'église isissise les rideaux dodododo*.

Так же, как и Поль, Тцара любит слова, занятие языком — это для него большое дело, если не его большая любовь. Он пишет по-французски (тут уж акцент не заметен!), даже если шовинистически настроенные критики упрекают его за происхождение и мятежный дух. Сотрясающий все дадаизм в первую очередь принимается за слова. таково предписание: слова — начало и конец всего.

Гала больше не приглашают. Она должна оставаться в тени, ждать, когда среди рева и свиста толпы раздадутся голоса Поля и его друзей. Она не пропускает ни одного сборища, где выступает Поль. Но она никогда не станет дадаисткой в полном смысле слова: если мужчины и доверяют ей сочинять приглашения и наклеивать на них марки, то в театре она всего лишь дублер, ожидающий в кулисах, которому никак не удастся ухватить роль.

14 апреля Поль стоял под проливным дождем перед церковью Сен-Жюльен-ле-Повр. Он продавал подарки-сюрпризы. Он и его преданная супруга потратили несколько недель на их изготовление, и вот теперь от них надо было как-то избавиться. В

* Горечь без церкви пойдем пойдем уголь верблюд синтез горечи. на церкви изисис занавес додододо (*gr.*).

руках у Поля были разрисованные пятифранковые банкноты, стилизованные фаллосы, кусочки ткани с ничего не значащими — как и предполагает дадаизм — фразами. От воды тряпки намокли — затея терпит крах. Тем лучше, говорит Тцара, «дада» любит провалы. Удача программой не предусматривается. «Дада» любит бузотеров, а не патронов и дипломатов — так написано в манифесте. Луи и Андре, Филипп, Тристан — все они «президенты». Поль — тоже «президент», все дадаисты — «президенты». Для этого достаточно, как утверждает Тцара, создавать беспорядок и все ломать.

26 мая Гала отлучили от мужа: Поль, завернутый в бристольский картон, вышел на сцену торжественного зала Гаво на улице Бозси, арендованного для фестиваля дадаистов, сменившего в репертуаре заведения Баха и Моцарта. Поль снова читает Тцара:

— Ребенок спекшийся на откидном сиденье
ночной горшок тебе лучше быть балансиром и
тем лучше зацеп...

Он с большой выразительностью произносит бессвязный текст, а по публике волнами прокатываются ругательства. В зале присутствуют Полан и Жид. «"Дада" — это счастье всмятку», — было написано в программе. Супо, переодетый негром, протыкает ножом большой воздушный шар с именем Кокто и растаптывает его каблуком. Половой член «дада» — картонный конус с прикрепленными к нему воздушными шарами — украшает площадку, на которой будет показан гвоздь программы, другая пьеса Тцара — «Симфонический вазелин». Разъяренная публика напевает «La Ma-

delon»*. Осторожный Пикабия предпочел ретироваться до начала антракта. Для тех, кто остался, пытка продолжается. Еще раз появляется Поль, наряженный женщиной, в белом парике и в желтом платье, чтобы сыграть в новой пьесе воодушевленных Бретона и Супо — «Вы меня забудете» — швейную машинку. Публика ее освистывает. Супо получает антрекот в физиономию и вскарабкивается на балкон, чтобы обменяться ударами с редакторами из «Sarraute». Появляется Бенжамин Пере**, новый поэт-дадаист, горланя: «Да здравствует Франция и картошка жареной земли!» — в то время, как один чужак пробирается к органу и начинает наигрывать фокстрот. «Тридцать шесть садовых выюнков закружились вокруг громоотвода. Введите воров в салон!» — строчит швейная машинка под градом ругательств и дождем из апельсинов и тухлых яиц.

Дадаисты считают, что вытворять безобразия с языком — это значит ломать привычки и предубеждения. Поль Элюар, усердный и преданный дадаист, создает свой собственный журнал — «Proverbe»***. Журнал доставляет ему много хлопот и дарит за десять су неожиданные поговорки или пародии на поговорки, некоторые из которых сочинил Тцара, ставший большим другом. Поль пытается подражать японскому искусству и сочиняет плохие хокку. «Дада» не любит шедевры, но

* Песня, сочиненная в Париже в 1914 году и популярная во время первой мировой войны.

** Родился в 1899 году в Резе (Луар-Атлантик). С кружковцами его познакомил Пикабия. Неисправимый бунтарь, он будет верен дадаизму всю свою жизнь.

*** Журнал выходил с конца января по май 1920 года. Proverbe — пословица, поговорка.

этим можно занять время свободное от подготовок спектаклей, обреченных на провал.

Автомобиль действительно помчался,
Четыре головы жертв
Катятся под колесами.

С одной стороны, он участвует в ломке традиционных ценностей, с другой — продолжает верить, несмотря ни на что: несмотря на «дада», несмотря на Тцара, — в очарование поэзии. Ему все труднее и труднее становится высиживать в конторе на улице Ордене, где он мечтает о своих пословицах, о хокку и о ролях в дадаистских спектаклях, обдумывает новые бурлескные изобретения. Поль взял за привычку почти каждый вечер ходить в «Cetá», баскское кафе недалеко от Оперы, где друзья собираются ежедневно в час аперитива. Очень часто его сопровождает Гала. Там постоянно бывает Андре Бретон, он ведет тетрадь посещаемости и напоминает каждому о важности этих собраний. Луи Арагон часто приносит почитать свои тексты, он один из самых плодovitых авторов кружка. По настроению Филиппа Супо чувствуется, что дадаизм его уже раздражает, ему уже надоело разыгрывать клоуна, и более того «плохого клоуна», в пьесах Тцара и так называемых «декорациях» Пикабия, которого он упрекает в постоянном отсутствии. Еще приходит Бенжамин Пере, со своей круглой головой и любовью к фарсу. На встречах бывает Теодор Френкель*, врач, бывший товарищ Бретона по лицею Шалталя, острый критический ум которого побуждает поэтов к

* На два месяца моложе Бретона, они вместе сдавали экзамен на степень бакалавра.

творчеству. Жорж Рибемон-Десэнь*, как и Пика-
биа, художник и поэт, большой друг Марселя Дю-
шана и бывший автор журнала «391», — тоже мас-
тер на иронию, из которой Бретон часто извлекал
пользу. Бывал там также и Рене Илсум**, еще один
соученик Бретона по Шапталю и по медицинскому
факультету; он стал их издателем, создав под вы-
веской «Au Sans Pareil» издательство, опубликовав-
шее в 1919 и 1920 годах «Военные письма» Жака
Ваше, «Гору любви» Бретона и «Огонь радости»
Арагона (их первые сборники), «Розу Ветров» Супо,
«Животных и их людей» Элюара. И еще эти со-
брания посещает Жак Риго***, двадцати одного года,
секретарь художника Жак-Эмиля Бланша, который
очень хорош собой и очень элегантен; Риго коллек-
ционирует спичечные коробки и разрушает стихи,
которые сочиняет... Иногда к веселым дадаистам в
«Certá» присоединялись посетители: кроме Марсе-
ля Дюшана, вернувшегося в Париж в 1919, еще один
ветеран, раненный на войне, — Пьер Дриё ля Ро-
шель. В 1920 году ему было двадцать семь лет. Друг
Арагона, упорно защищая свою независимость,
аплодирует эксцентричным выходкам поэтов из
«Littérature». Еще реже к ним присоединялся Анри
де Монтерлан, двадцати четырех лет, автор «Утрен-
ней смены» (книги, которую одиннадцать раз отвер-
гали разные издательства).

* Родился в Монпелье в 1884 году, он был чем-то вроде старшего брата. Очень одаренный человек: художник и поэт, писал также пьесы для театра. Отец, профессор медицинского факультета, отрекся от сына, когда тот выбрал артистический путь.

** Родился в 1895 году и тоже преклонялся перед Полем Валери.

*** Жак Риго родился в 1899 году и покончил с собой в ноябре 1929 года, до этого он долго хвастался, что способен на «беспричинное» самоубийство.

Любимая игра в «Certб» — выставять оценки от -20 до $+20$ писателям, научным и политическим деятелям, а также чувствам, абстрактным понятиям, отношениям... Дадаисты часами просиживают за этим занятием. Особенно эта деятельность увлекает Бретона, неутомимо и методично он вычисляет средние баллы, но в итоге мало кого может обрадовать. Среднее число, впрочем, не имеет никакого смысла, потому что Тцара систематически, не раздумывая, ставит -20 , Рибемон-Десэнь выставляет любую цифру наугад. Более снисходительный Элюар ставит $+20$ Жаку Ваше, 19 — Достоевскому и Лотреамону, 18 — Бретону и Тцара.

Гала помогает Полю сохранять дистанцию: во время отпуска она увозит его на юг, в Монте-Карло, где проигрывает — она азартна — небольшие суммы в казино. Родители Поля, обеспокоенные образом жизни своих детей, которые после окончания войны только и думают, что о развлечениях, вынуждены призвать их к порядку. Они требуют, чтобы Поль и Гала вернулись в Париж и вели себя поспокойнее, чтобы они были позкономнее... Напрасный труд! В декабре 1920 года молодые супруги Элюар-Грендели отпразднуют двадцатипятилетие Поля в Тунисе, как молодожены. В отеле «Сен-Жорж» на авеню де Пари они сошли бы за обычных туристов, если бы не выступление Элюара на конференции, устроенной им в честь своего дорогого «дада», за которое местная газета назвала его шарлатаном. Гала с ангельским терпением поддерживает его инициативы и никогда не препятствует его планам. В то время, как в Париже их друзья дают выход своей энергии за счет слишком буржуазного, по их мнению, общества, Поль

и Гала едут в Меденин праздновать под солнцем свою любовь. В знак того, что они остаются дадаистами даже в романтических путешествиях, супруги покупают хамелеона. Вернувшись в Париж, они дарят надоевшего зверька Жану Полану, подлинному ценителю поэтических редкостей, только что поступившему секретарем в (слишком) мудрую и спокойную «Nouvelle Revue Française»*.

«ДАДА» И ЕГО ЖЕНЩИНЫ

«Дада» — это мужское сообщество. Женщины — не «президенты». Приписанные к кулисам, они играют, как Гала, с большим или меньшим блеском скромную роль подруг. В жизни они редко бывают дадаистками.

Самой дерзкой, самой безумной, несомненно, была Жоржина Дюбрей — любовница Андре Бретона, с которой он только что порвал. Жоржина была замужем и жила на улице Суффло, недалеко от отеля «Grands Hommes». Она была красива, как цветок, ходила, виляя бедрами, чем и привлекла внимание Бретона — он подошел к ней на улице. «Ее любовь была как вспышка»*, — напишет он однажды.

* Полан будет директором «NRF» с 1925 по 1940 год. В 1953 году он вновь разделит пост директора с Марселем Арланом. «NRF» публикует несколько дадаистских текстов Бретона, Арагона и Элюара.

ды. Пылкая и чувственная, она была еще и извращенкой: читала Бретону вслух обнаруженные ею в одном из карманов мужа письма, которые тот получал от своей любовницы. Андре забавлялся, читая их затем Полю Валери... Разнузданная Жоржина ревновала, однако, больше своего любовника, чем мужа. После шести месяцев страстной любви она устроила, прежде чем покинуть его, последнюю сцену, невероятно бурную, хотя приступ ее ревности, был, по словам Бретона, «абсолютно ничем не оправдан»: однажды, не застав Андре в комнате, она решила все разорить. Жоржина порвала фотографии, письма, книги Аполлинера с дарственными надписями, рукописные тексты Жака Ваше и несколько картин: две Дерена, три Мари Лоренсен, одну Модильяни — начало коллекции Бретона и все, что он любил. Воодушевленная методами Тцара и его группы — все разрушить, все смести! — как настоящий Аттила, она оставила на полу небольшую кучу пепла. Потом исчезла, написав шокированному Бретону послание в дадаистской форме: «Все восходит к периоду расцвета античной эпохи: граффити, приводящие в восторг маленьких мальчиков, — всего лишь сердца и треугольники, окруженные огнем»**.

Трудно придумать что-нибудь лучше в том же жанре: благодаря Жоржине у Бретона произошел разрыв — на теоретическом уровне — его гнева и его страданий. По сравнению Жоржиной, являющейся в большей степени дадаисткой,

* Тридцать пять лет спустя, в статье, названной «Повседневная магия».

** Цитата из книги Анри Беара «André Breton, le grand indésirable». Calmann-Lévy, 1990, стр. 85.

чем мужчины, не будучи при этом «президентом», Гала — тихая заводь. В ней нет ничего демонического, ничего от фурии. Для Гала, какой бы страстной она ни была, любовь не может представлять угрозу. Любовь должна быть поддержкой, доказательством доверия и взаимной преданности. Столь серьезные чувства не достойны «дада».

С недавнего времени в группе появилась женщина, которая, в отличие от Жоржины, не соприкасается близко с кругом особо посвященный и свободно посещает и одних, и других. Ее зовут Симона Кан, ей двадцать три года, у нее черные волосы, немного тяжеловатое смуглое лицо, она покоряет своей подвижностью и умом. Симона — лучшая подруга невесты Теодора Френкеля, Бианки Маклес. Она родилась в Икитосе, в Перу, получила прекрасное образование, пройдя курс английской литературы в Сорбонне. Дриё ля Рошель, рассматривающий женщин всегда под одним углом, называет ее «очень богатой еврейкой». Симона увлекается литературой. Вместе с Бианкой она присутствовала на фестивале в зале Гаво, зал показался ей «непростительной грубятиной и убожеством»^{*}.

Ее несходство с Гала тотчас же становится заметным: Симона обладает критическим умом, что нельзя затмить даже любовью. Тогда как Гала слепо доверяет всем затеям любимого человека, Симона Кан во время своей первой встречи с Андре Бретоном в Люксембургском саду бросает ему ни с того ни с сего: «Вы знаете, я не дадаистка». Она всегда будет защищать свои взгляды. Бретону по-

^{*} Там же, стр. 104.

нравился вызов; усмехнувшись, он будто бы ответил ей тогда, чтобы не прервать беседы: «Я тоже нет...»

Чем она еще не похожа на Гала? Симона Кан — интеллектуалка, мысли ее оригинальны, словарь точен (картезианка, пользующаяся и злоупотребляющая своим безупречно логическим умом). Доказательством является то, как она описывает своей кузине Андре Бретона, с которым у нее был флирт: «Очень специфический поэт, увлекается всем редким и невероятным — тем, что выбивает из равновесия; обладает точным умом даже в бессознательном состоянии, проницателен, абсолютно неподражаем... Очень прост и искренен даже в противоречиях».

У Гала нет такого таланта оперировать понятиями. У нее другой склад ума. Она прислушивается прежде всего к своей интуиции и не знает другой логики, кроме логики своей любви и своих капризов. Она мало рассуждает. Ее сила в том, что она верит в судьбу человека, которого она воспринимает крайне не критично.

В 1920 году Симона Кан официально стала называться невестой Андре Бретона. Иногда она приводит с собой кузину и близкую подругу — Дениз Леви, очаровательную блондинку, с правильными чертами, с улыбкой, перед которой невозможно устоять, «существо высочайшей гармонии», по словам одного из современников*. Она замужем, ее муж потерял ногу на войне. Дениз живет в Страсбурге, но часто приезжает на несколько дней в Париж к родителям Симоны. Здесь

* Маргерит Бонз «Андре Бретон, рождение сюрреалистической авантюры». José Corti. 1975.

она может отдохнуть, побродить, развлечься, насладиться всеми удовольствиями столицы. В «Certá» Дениз всем ужасно нравится. Свободная в своих суждениях, лукавая, излучающая очарование, она пленяет Арагона, но и другие поэты немножко влюблены в нее. Насколько они не любят Гала (она навсегда останется музой только одного из них), настолько им нравится Дениз — своей веселостью, светлыми глазами, сложностью сентиментальной жизни*. Андре Бретон за спиной Симоны тайно пишет навеянные образом Дениз стихи. Даже Элюар поддается ее очарованию. «Я хотел бы иметь право любить Дениз, быть, например, ее кузенком, чтобы хотя бы иметь право целовать ее в обе щеки», — скажет он вскоре наивным тоном, хотя на самом деле он опасно увлекся другой женщиной, но тоже не своей женой. «Vive les concubines et les concubistes!»** — провозглашал Франсис Пикабия в «Манифесте "дада"». Он проповедовал собственный пример, потому что оставил свою жену Габриэль Бюфэ и детей, чтобы жить с Жерменой Эвелинг. Дадаизм, ненавидящий условности и привычки, допускает любовь, но не выносит брака. Для него хороша только свобода, а ведь брак делает несвободным. Брак ограждает от случайностей жизни. Нужно иметь возможность любить кого-то угодно, где угодно, когда угодно и без уз — утверждает «дада». В «Certá» мужчины дискутиру-

* По словам Пьера Дэ, очень эмоционально описавшего Дениз в «Повседневной жизни сюрреалистов» (Hachette, 1993, стр. 185-196). Он говорит, что никто не был воспет сюрреализмом более, чем она.

** Острота построена на игре слов: concubine — сожительница; concubiste — соп (дурак) + cubiste (кубист).

ют и на эту тему: как можно быть одновременно дадаистом и влюбленным, хорошим дадаистом и хорошим супругом, сходить с ума и сохранять верность?

Дилемма эта беспокоит ум Элюара, она наложила отпечаток на его стихи. В первый раз он воспеваает не одну женщину, а призрак многих. Мечта о множестве тел, о множественном очаровании овладевает им. Очень глубокий фантазм выражается пока еще робко; позже он займется его изучением, но уже никогда не откажется от него: «Счастлив один и счастлив другой, мечтая во сне о сердце, способном многих любить»*.

Луи Арагон посещает бордели, ночные кабаки, он любит рассказывать женатым и обрученным мужчинам из «банды» дадаистов о своих холостяцких ночах, проводим часто вместе с Дриё. Недавно женившийся Супо уже намеревается развестись. У Тцара есть подруга в Швейцарии — Майя Крузец. Бретон не расстается с Симоной, а Элюар, пока еще благоразумный, вынужден довольствоваться мечтами и фантазиями. Что думает Гала обо всем этом? Гала нравится быть красивой и соблазнять (она доказала это еще в Клаваделе). В настоящий момент у нее в сердце только один мужчина, но... «Когда-нибудь она выберет того *группого*, тот *группой* рядом с ней», — думает и пишет Элюар**. Был ли у нее, как у Поля, соблазн «любови со многими»? Или же любовный фанатизм охранял ее от соблазнов, кои не могли не возникнуть в жизни группы, стремящейся прежде всего к сен-

* Стихотворение в сборнике «Определение» в «Потребности жизни...». Pléiade, т. 1, стр. 92.

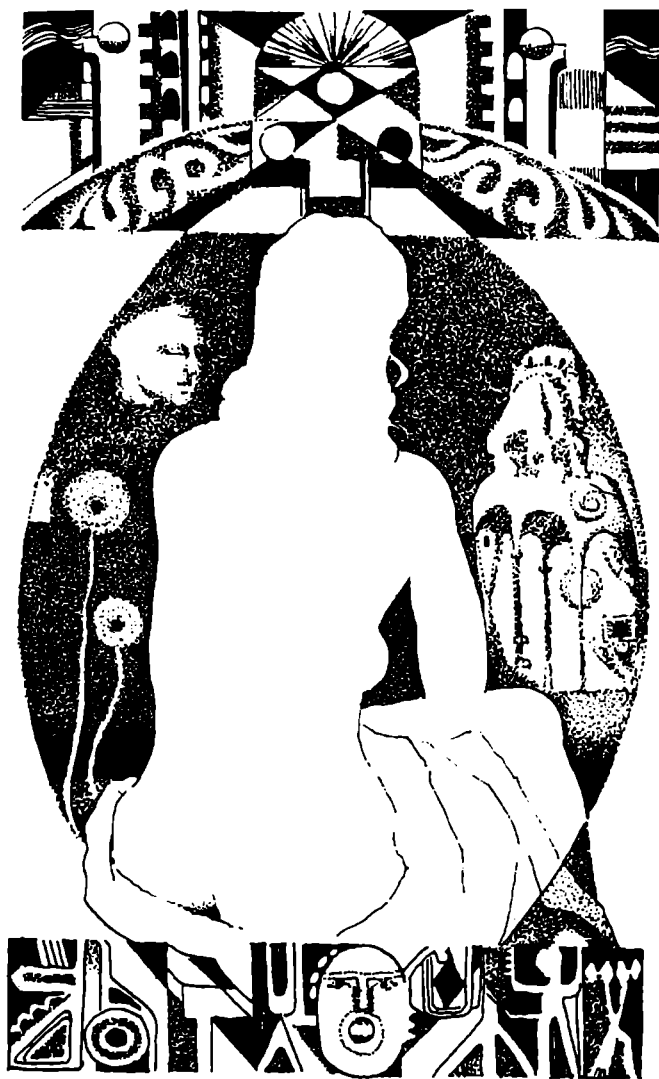
** Стихотворение «Комедиантка», в сборнике «Потребности жизни...». Pléiade, т. 1, стр. 87.

сациям, вызванным нарушением порядка и новизной?

Посвященный Гала — «Gala — это значит тебе» — сборник, вышедший в 1921 под названием «Потребности жизни и последствия снов», положил начало эпохе двусмысленности: «сесть на рассвете, уснуть в другом месте»* мечтал Элюар, признаваясь, что его «первой пыткой» является «счастливая женщина».

* Стихотворение «Первая пытка», в сборнике «Потребности жизни...». *Pléiade*, т 1, стр. 90.

Женщина-зеркало
объединившихся художников

1

ПАЛИТРА ПОЭТА

Для дадаизма поэзия — это не территория, втиснутая в тесные границы. Дадаисты считают, что поэзия намного превосходит все проявления искусства, имеющего отношение к жизни. Она в облаке и в башмаке, в собачьей конуре и в церкви, в улыбке, в слезе. Она в предметах. Она на стенах. Она повсюду, где рука художника — Бога, ребенка, скульптора, бродяги, простого трубадура — оставила свою метку, дала свою интерпретацию абсурдной тайне вещей. Гала слышит поэзию в текстах, сочиненных Полем, но она учится также видеть ее в картинах художников, которых он ей открывает. Поль Элюар безумно любит живопись, в ней он различает один из многих ликов поэзии. Под предлогом украсить их комнату на улице Ордене в ожидании переезда в новую, более просторную квартиру он собирает рисунки и живописные полотна и передает свою страсть жене; та, в свою очередь, становится фанатом формы и цвета. Живопись — это другое измерение любви Поля и Гала, рамка, в которую впишется их история.

Приобщил Поля к этой новой области Амеде Озанфан. Неизвестно, как Поль познакомился с

художником, но он регулярно и довольно часто наведывался с Гала в его мастерскую, чтобы обсудить новые, потрясающие мир искусств течения. Импрессионизм устаревал, фовизм отжил свое, кубизм уже не относится к авангарду — эпоха других «измов» восходит на горизонте. Озанфан родился в 1886 году, он старше Элюара почти на десять лет, он вместе со своим другом Эдуаром Жаннере*, является основателем «пуризма». Он создал журнал, само название которого является программой — «L'Esprit nouveau» («Новое сознание»). В нем он выступает за простоту форм, сдержанность цвета и верит только в одну абсолютную ценность, давшую имя его школе, — чистоту. Идея, близкая к аскезе Поля Сезанна (юный «предок», от которого уже начинают отказываться), ложится прямо на сердце Элюара, все стихи которого уже инстинктивно выбрали простоту слов, фраз и эмоций. «Попробуем; это трудно — остаться абсолютно чистыми, но тогда мы заметим все, что нас связывает», — писал он**. У художника с поэтом завязывается диалог, свидетелем которого становится Гала.

На пути, по которому его ведет Озанфан, Поль Элюар выбирает несколько маяков из своих современников постарше. Андре Дерен (сорок лет, друг Вламинка) участвовал в выставках с фовистами, но он ищет новый стиль, исследует его под южным солнцем Франции и редко приезжает в Париж. Поль и Гала покупают у Дерена свою первую пастель. У Озанфана они также встречаются тридцатипятилетнего Андре Лота, которому каким-

* Ле Корбюзье.

** В предисловии к «Животным и их людям». Pléiade, т. 1, стр. 37.

то чудом удавалось быть одновременно кубистом и фигуративистом, пять рисунков Лота иллюстрируют сборник «Животные и их люди». Верные памяти Аполлинера (который первым спровоцировал раскол во мнениях, опубликовав до войны, в том же году, что и «Alcools»*, работу, прославляющую его еще не очень известных друзей — «Художники-кубисты»), Поль и Гала интересуются также Жоржем Браком и Хуаном Грисом**. Брак рисует мандарины, тарелки, черных рыб, пишет резкими красками скромных размеров натюрморты, часто похожие на детские рисунки. Грис тоже пишет натюрморты — «в миске» или «на стуле». Строгость и точность его красок нравятся Озанфану. Синеватые воробышки Гриса напоминают Полю его первые стихи, а Гала — то далекое время, когда она была невестой. С пастели Дерена и нескольких работ Озанфана начинается коллекция современного искусства Элюаров. Коллекция значительно пополнится весной 1921 года, во время распродажи в зале Друо сокровищ немецких торговцев Канвайлера и Уде, специалистов в области кубизма, на имущество которых во время войны был наложен секвестр. Там Элюар приобретает первые в его коллекции картины Брака и Гриса. Но, увлекающийся поэзией во всех ее проявлениях, он добавляет к картинам африканские предметы: статуэтки, весла, дротики, оружие или тотемы, наивной чистотой которых восхищается. Потемневшие от времени, они добавляют штрих

* В вышедшем в 1913 году сборнике есть портрет поэта работы Пикассо.

** Жорж Брак родился в 1882 году, Хуан Грис — в 1887, Андре Дерен — в 1880, Андре Лот — в 1885 г. Все кубисты или бывшие кубисты все на 10-15 лет старше Элюара и поэтов его поколения.

необычности, темной тайны к краскам картин, блеску вещей. Эти предметы имеют неоспоримое художественное достоинство. Элюар, так же, как Бретон или Пикассо, соберет из них ценную коллекцию.

По мнению Пикассо, друга Аполлинера (они родились, соответственно, в 1881 и в 1880 годах), суждения Поля, скорее, умеренные. Пикассо не воодушевляет его. Доказательство тому — оценка, которую Поль, обычно такой снисходительный, выставляет художнику в «Сертá»: — 2. Бретон в тот же день дает ему 15, а Арагон — 19! Андалузец, живущий в Париже с 1904 года, пишет арлекинов или обнаженных розовых женщин. Все это еще не очень трогает поэта, в то время как Бретон уже повсюду расхваливает «Авиньонских девушек». Пикассо, на взгляд дадаистов, допустил роковую ошибку, рисуя в разгар войны (в то время, как они были солдатами) декорации к «Параду» Жака Кокто. Поэты считают это оскорблением. Но Пикассо смог отказаться от легкой славы, завоеванной импрессионистскими работами в юности, чтобы заняться живописью, шокирующей современников, из-за чего вынужден был жить во Франции жизнью проклятого художника.

В те времена Поля и Гала больше интересовали другие художники. Прежде всего — Джорджо де Кирико. Этот итальянец, родившийся в Греции в 1888 году, живущий в Париже с 1919 года, покоряет их своими полотнами и многочисленными перспективами. От аркад портиков отделяется тень странных очертаний или перед зрителем предстает маленькая девочка с серсо, рука на обресе книги, белая поверхность яйца — и возникает ощущение глубокой тайны. Кирико, как и

Элюар, не ограничивает свое искусство — он пишет стихи, навеянные миром своей живописи:

Портики на солнце. Заснувшие статуи.

Красные печные трубы. Ностальгия неизвестных
горизонтов...

Осознавая, что эти сочетания малопонятны, он назвал свои произведения «Меланхолия», «Тайна» и «Ностальгия».

Вторым авторитетом был француз, когда-то раньше выбравший для жительства Америку и только что вернувшийся во Францию. За ним осталась слава художника, провоцирующего общественное мнение. В 1912 году его «Обнаженный, спускающийся с лестницы» явился таким вызовом законам перспективы, цвета, геометрии и самому смыслу, что даже самые просвещенные комментаторы до сих пор его расшифровывают. Марсель Дюшан, которого им представил их друг Пикабия, малоразговорчивый здоровяк, не удосуживается давать какие бы то ни было объяснения своей немногочисленной, но восторженной публике. Металлический мир Дюшана, бесспорно гениальный, имеет свою собственную логику, или, скорее, как говорит художник, свою «металлогику», то есть другую логику, логику открывающую путь в вероятную бесконечность. Его «Сети образцовой художественной штопки» (1914), с их волнообразной вибрацией, также вызывают у комментаторов различные интерпретации: есть такие, кто видит в них частично дендизм, частично онейризм или, если отказаться от «измов» (Дюшан их страшно не любит), частично металл, юмор и даже ласку. Дюшану очень нравится это «даже»...

Его LHOQQ (изобретенное в нью-йоркский период экспонирование реальных вещей, так называемых *ready-made*) добавили к легенде великого гуру скандальной славы, о чем Париж узнал с большим опозданием. Наряду с загадочными, редкими полотнами Дюшан выставляет предметы «готовые», *ready-made*, например: ящик для бутылок, писсуар, переименованный в «фонтан», который, по словам художника, самим фактом показа поднимается до «уровня произведения искусства». Некоторые критики, из тех, у кого плохо с юмором, утверждали, что Дюшан смеется над ними. Где, в самом деле, работа художника? Но для дадаистов так же, как и для многих современных художников, этот поступок был основополагающим: обыденное становится еще одной областью поэзии, которая не знает границ и завладевает всем. *Ready-made* не мешают Дюшану работать в течение многих лет, нравится это или нет критикам, над произведением, которое никто никогда не видел и которое, кажется, никогда не будет окончено, но о котором говорит мирок фанатиков новой поэзии. Это картина, написанная маслом на стекле (три на два метра) с применением свинцовой нити, которая так и называется: «Большое стекло».

Рядом с этим скромным идиолом, настоящий тотем «антиискусства» (это его слово) Франсис Пикабия — с его подвижностью, болтовней, спортивными машинами, на которых он гоняет по бульварам, с его громогласными обращениями и с его досадной привычкой отправлять друзей на дадаистские драчки, в которых сам никогда не принимал участия, — является личностью намного более спорной и как друг, и как художник. Тот, кто

в 1920 (до того, как у него украдут громкое имя) был любимым художником дадаистов, пишет механоморфные полотна и называет их «Udnie», «Ed-taonisl» или «Serpentins» (1916). Он исключил из своей палитры мягкие краски, импрессионистский стиль и отныне творил в серых, коричневых тонах с неожиданными вспышками кричащих желтого, красного и зеленого — результат поиска форм, поиски, навеянного поэзией. Пикабия — мощный художник, не похожий на других. «Идни, американская девушка, или Танец», например, является невероятно «танцующим» произведением, движение в нем вызвано натиском объема и цвета. Пикабия так никогда и не расстался со своими латинскими фантазмами и любит писать больше провоцирующие, чем чувственные, портреты южно-американских женщин, в которых ощущается ностальгия, вызванная кубинским происхождением. В апреле 1920 года в «Sans Pareil» у Рене Илсума прошла его выставка семи картин и пятнадцати рисунков начиная с «Маленького одиночества среди солнц» и заканчивая «Берегитесь живописи». Она потерпела полный провал: никакого отклика в прессе, никто ничего не купил, кроме друзей-дадаистов. Пикабия, мечтавший прославиться за счет движения и стать «супер-дада» в «банде» дадаистов, ставил себе в особую заслугу то, что он пригласил Тцара в Париж, ввел его в кружок «Lettérature» и организовал с ним первые дебри «нового сознания». Но экстравагантному, неуловимому «исследователю редкостного "я"», как он написал в одном стихотворении, эгоистичному, по всеобщему признанию, не удалось заполучить себе львиную долю славы. Для дадаистов, за исключением Жоржа Рибемона-Дэсэня, его вос-

торженного поклонника он является поэтом и художником авангарда, но не их другом. Поль и Гала посещают Пикабиа, но не высказывают в его адрес особого восхищения.

Когда Элюар издает сборник стихов, он просит кого-нибудь из художников иллюстрировать обложку: поэт уже не может обойтись без пикантного обмена слов и красок. У Луи Арагона и Андре Бретона такая же страсть. Вот почему Пикассо по просьбе Арагона украсил своим рисунком фронтиспис «Огня радости», а Дерен дал в том же (1920) году два рисунка Бретону для его «Горы почитания». Франсис Пикабиа ни с кем из трех не сотрудничал. В действительности, пройдя через увлечения нетрадиционной живописью, находясь в поисках самих себя, поколение дадаистов так никогда и не нашло настоящего светоча.

Каких художников еще любят Поль и Гала, а также Андре, Луи, Филипп и другие? Кто умеет выразить их бунт, мечты и сомнения? Мир изменяется вокруг них, возрождается к жизни целое поколение, покалеченное войной. Поэты из «Lettérature» и Гала вместе с ними любят Мари Лоренсен, подругу Аполлинера, за ее мягкую палитру и за «Женщину с голубкой» (1919) — вечную мечту о чистоте. Они любят Анри Матисса за его открытые окна, за горизонты, за великолепную игру красок. Им нравится «Художник и его модель» — полотно, в котором реальность теряется в отражении кривого зеркала. Им очень нравится Анри Руссо («таможенник» Руссо), потому что эта наивная живопись, с отдыхающими буржуа, лошадьми, собаками, забавными птичками, кажется им детскими цветными рисунками.

Впрочем, дадаизм так и приказывает: нужно

избегать скуки, людей серьезных, людей разумных... Нужно быть легким, беззаботным, не принимать ничего полезного, обязательного, необходимого... Быть поэтом, быть безумным и, если возможно, играть, играть на всех картинах — вот в чем смысл жизни.

КЕНГУРУ

2 мая 1921 года Элюары еще в путешествии, они отдыхают на Лазурном берегу: Гала должна вылечиться от непрекращающегося насморка, тошноты и головокружений. Вот из-за чего они отсутствуют на главном событии этой парижской весны — на выставке в книжном магазине «Sans Pageil» картин новичка в клане дадаистов, некого Макса Эрнста, которому Тристан Тцара, вызывая тем самым приступы зависти у Пикабиа, не перестает петь дифирамбы.

Макс Эрнст — немец. Уже в этом состоит его вызов. Действительно, в послевоенное время, немцы, которых большинство французов называют «бошами», считаются злостными врагами, жупелом для нации. Организовать выставку Макса Эрнста в Париже в 1921 году — после того, как только что разошлись картины, находившихся под секвестром знаменитых коллекций Канвайлера и Уде, — уже было вызовом чистой воды. И уж, без

всякого сомнения, это будет расцениваться как антипатриотический поступок. Это как раз то, что нужно Тцара: выставка Эрнста задумана, чтобы вызвать скандал и привести в ужас порядочных людей.

Макс Эрнст не так уж неизвестен. В своей собственной стране он не сходит с газетных полос, потому что пишет стихи на французском в особо непристойных дадаистских журналах — таких, как «Die Schammade» («Я ограничиваюсь тем, что пользуюсь носорожьими щипцами для отрывки...» — заявил он по поводу своего искусства), а также потому, что выставляет картины, являющиеся не картинами, но коллажами. Он называет их «почтовыми открытками». Метод, как сказал поэтам Тцара, который Эрнст изобрел, состоит в том, чтобы наклеить на холст картинки, изначально не имеющие никакой связи между собой, но, совмещенные друг с другом, они в конце концов приобретают какой-то смысл, сходство с чем-то. Эти коллажи, которые Эрнст нарезает из книг по истории, по анатомии и зоологии или из старых гравюр, финальная почтовая открытка из которых ничуть не напоминает их происхождение, имеют весьма отдаленную связь с «наклеенными бумажками» кубистов. Если Брак или Пикассо наклеивали иногда игральную карту или кусок газеты на уголок своих картин, то Эрнст использует вырезки в качестве материала. Его коллажи не украшение, они сами являются картиной. Художник сопровождает их ничего не значащими подписями, напоминающими строчки из дадаистских стихов: «Улитка легкоплавкой комнаты», «Маленькая слезная фистула говорящая "тик-так"», «Объем мужчины, рассчитанный аксессуарами женщины»...

Критики и люди серьезные с легкостью говорили, так же, как и соотечественники художника, что Эрнст не умеет писать красками: он манипулирует словами, ножницами, клеем, потому что отказывается — несомненно, из-за некомпетентности — пользоваться кистями и тюбиками с красками — настоящими инструментами художника. Тристан Тцара прав: выставка Макса Эрнста станет не только скандалом — она потерпит фиаско. Следовательно, это настоящий дадаистский шедевр. В апреле в Кельне (он там живет) автор «Маленькой слезной фистулы, говорящей "тик-так"» провел несколько дней в полицейском участке за порнографию и подстрекательство к бунту! О чем большем могли мечтать дадаисты?! Однажды вместе с друзьями-художниками он присутствовал на вечере, организованном в пивной Винтера в честь милого сердцу боевого конька. При входе «Предмет для деструкции», к которому был привязан топор, предлагал посетителю разрубить его на кусочки. В подвале между другими диковинными вещами находился аквариум с красноватой водой, в котором плавали будильник, парик и деревянная рука.

Коллажи Эрнста (их было двадцать один), оцененные как непристойные, до такой степени возмутили рейнскую публику, что она попыталась разгромить помещение и даже принялась опустошать аквариум. Полиции пришлось вмешаться, чтобы сдержать ярость и разнять дерущихся, ссора переросла в драку. Арест Эрнста — это его визитная карточка, наилучшая рекомендация для парижской группы, характеризующая его как индивида строптивого и крайне безрассудного. Тцара выдвинул идею, а ее осуществлением с энтузи-

азмом и старанием займется Андре Бретон. Макс Эрнст может возрадоваться. Он, кто так долго мечтал выставляться в Париже, в столице искусства и мысли, поэтому более притягательной, чем дорогой ему родной город, и кто в течение многих месяцев приставал к Тцара с тем, чтобы тот принял что-нибудь из его коллажей, видит, что его заветное желание близко к осуществлению. Коллажи приходят по почте, один за другим, маленькими бандеролями на адрес Франсиса Пикабиа, к мадам Жермене Эвелинг, на бульвар Эмиль-Ожье. Бретон сам приходит их распаковывать. Видя, с каким волнением встречают эти необычные, оригинальные, ни на что не похожие творения, ужасно ревнивый Пикабиа часто злится по пустякам. Если раньше он значительно помогал в финансировании выставок дадаистов и участвовал в их разработке, то теперь отмежевывается от выставки Эрнста и категорически отказывается брать на себя расходы по ее организации. Преисполненный восхищения почтовыми открытками, в которых он видит проявление «эйнштейновского мышления», Бретон взывает к своему верному другу и помощнику Луи Арагону. Они в отсутствие Элюара вместе будут готовить выставку. Друзья начинают с покупки багетов, в которые сами будут вставлять с бесконечным терпением одну за другой эти маленькие провокаторские картины. Хотя у них почти ничего не оставалось, несмотря на скудные субсидии, выделенные их новым работодателем Жаком Дусе, который поручил им собрать коллекцию современных рукописей и картин, они оплатили из своего кармана печатание каталога и назвали его «Помещение в морское виски осуществляется в креме цвета хаки и в пяти устройствах». Бретон

составил к нему предисловие, в котором объяснял, что художник в этих странных и новаторских коллажах «делает доступными для наших чувств абстрактные образы, обладающие такой же напряженностью, такой же выразительностью, что и другие образы».

И вот к понедельнику 2 мая, благодаря усилиям друзей, все было готово. Поэты сами занялись развешиванием картин на стенах книжного магазина их друга Илсума, в «Sans Pareil»*. Никогда еще вывеска так точно не соответствовала герою дня, который, ко всему прочему, отсутствовал: лишенный паспорта из-за своих проделок и получивший запрет на пребывание во Франции, Эрнст остался в Кельне. Никто еще, даже сам Тцара, не знает, как он выглядит.

Об открытии вернисажа, назначенном на девятнадцать часов, как о знаменательном событии было объявлено за несколько дней. Журналист Астэ д'Эспарбес оповестил об этом в «Comœdia»: «Нас ждет чертовское приглашение, с которого в галерее начнется целая гамма невероятных содроганий».

Излагалась также программа:

в 22 часа — кенгуру;

в 22 часа 30 мин. — высокая частота;

в 23 часа — раздача сюрпризов;

начиная с 23 часов 30 мин. — интимные отношения.

Что из пристрастия к экзотике, причудам и сюрпризам прячет художник в своих карманах, как кенгуру? Если имеешь дело с дадаистами, объ-

* Sans Pareil — бесподобный, несравненный, беспримерный (прим. пер.).

яснения не нужны. Праздник начинается с загадки, и организаторы выставки предстанет перед ошеломленной публикой. У входа в книжный магазин стоят дадаисты почти в полном составе, в рубашках и белых перчатках, без галстуков; они встречают своих гостей — художников и писателей со всего Парижа, имитируя крики животных. Бретон в компании своей отважной невесты чиркает спичками. Луи Арагон мяукает в лицо каждому вновь прибывшему. Жорж Рибемон-Дэсэнь кричит, без усталости повторяя: «На череп каплет дождь!» Жак Риго вслух подсчитывает жемчуга дам и комментирует стоимость их великолепных украшений. Филипп Супо играет в прятки с Тристаном Тцара: они вдвоем снуют между людьми, прикрываясь ими, как ширмой, раскручивая их волчками, отталкивая, как подвесную грушу. Благодаря шуму, поднятому в афишах, и приглашениям, посетителей пришло много. Кое-где во всеобщем хаосе мелькают знакомые авторитетные люди: Иоахим Мюра, Марк Алегре, Анри Дювернуа, Люсьен Доде, Марсель Эран. У большинства настроение по-прежнему хорошее. Есть и такие, кто скрежещет зубами и изрекает ругательства. Но при виде картин — это больше, чем балаганный фарс клуба дадаистов, — у них на голове встают волосы. Перед сорока двумя вызывающими коллажами, восьмью рисунками и четырьмя «fatagagas» Макса Эрнста люди, в лучшем случае, качают головами в знак сомнения, протестуют или прыскают со смеху: они принимают художника за шутника.

- Шум в зале продолжается. Луи Арагон, закрывшийся в стенном шкафу, отпускает шуточки и даже ругательства в адрес тех, кто проходит перед ним и у кого он подмечает, как мальчишка-проказник,

смешные стороны и недостатки. «Высокая частота» сдержала свое обещание — напряжение поднимается. Быстро наступает ночь. Неожиданно гаснет все освещение. Дверца, ведущая в подвал книжного магазина, открывается, и оттуда раздаются душераздирающие стоны и медленно поднимается подсвеченная красным деревянная фигура старого портняжного манекена. Разносят печенье. Андре Жид в накидке романтического поэта снисходительно улыбается. Художник Ван Донген перед всем этим цирком и коллажами изрекает незабываемое: «Эти дадаисты мертвы, я предпочитаю работы Фрателлини!» И тогда Тристан Тцара, который всегда находил что сказать, объявляет гвоздь программы. Зловещим голосом (к этому времени каждый уже выпил по стакану оранжада) он объявляет, что один стакан — единственный — был им отравлен: он туда добавил слабительное! «Если вы действительно Борджиа, я завтра набью вам морду», — бросает одна из предполагаемых жертв, собираясь отхлестать Бенжамина Пере по толстым щекам.

Последующие дни сбавили запал. Несомненно, выставка, к великому огорчению Пикабиа, добилась желаемого скандального эффекта: пресса единодушно и с возмущением о ней говорит. Но Макс Эрнст не продал ни одну из своих почтовых открыток, и нужно будет их все отправить назад, в Кельн. К тому же, он получил в Париже репутацию плохого художника, даже еще хуже — репутацию нехудожника. Эрнст выступил в роли обманщика и шута; люди, познакомившиеся с его искусством, обвиняют его в том, что он не знает своего ремесла и занимается коллажами только потому, что не умеет ни писать красками, ни ри-

совать. В глубине души каждый убежден, что Эрнст ничего, кроме как вырезать, не умеет делать. Луи Арагон вспоминал: на следующий день после вернисажа в «Sans Pareil» его друг Дриё ля Рошель сказал ему с нескрываемым презрением («я ничего у него не спрашивал», — уточняет Арагон), что дадаистам «не везет с их художниками и что у них нет художников, которых они заслуживают».

Блестящее и одновременно неудавшееся восхождение на сцену Макса Эрнста, нового призрачного попутчика «дада», окутано тайной (никто никогда не видел автора) и неуверенностью в том, сможет ли он когда-нибудь отделаться от репутации паяца и простачка. Вернувшийся с каникул и информированный о грандиозном провале Элюар сразу же заинтересовался подписями-стихами к этим «живо-живописным» картинам (Бретон переписал их на автобусные билеты). Он считает, что коллаж расширяет художественное поле, дает новые дерзновенные возможности диалогу живописи и поэзии. «Над облаками шествует полночь, — написал Макс Эрнст. — Над полночью парит невидимая птица дня. Чуть выше птицы налегает эфир, и стены, крыши плывут». Вот она, встреча с мечтой!

С этого момента начинаются соперничество, ссоры и первые размолвки: группа распадается — без Пикабиа — на сторонников и противников этого незнакомца, в недавнем прошлом — врага, боша, которому так блестяще удалось вызвать гнев парижан и который культивирует, что очевидно, искусство, отличное от другого. Так как он не может выехать из страны, дадаисты принимают решение нанести ему визит. Впрочем, с приближением лета Эрнст должен покинуть свою родную

Рейнскую область и приехать в Тироль: он получил у немецких властей разрешение провести там каникулы. Узнавший об этом первым Тцара объявил, что он со своей подругой Майей отправится к Эрнсту в августе. Эрнст ждет их в Австрии, в Тарренце, в закусочной Цонна.

Из Тарренца Тцара и Майя Крузец, Эрнст и его жена Роза посылают в Париж почтовые открытки (настоящие на этот раз) и приглашают всех остальных к ним присоединиться. Но у каждого свои собственные планы на отпуск, согласованные с жизнью семейной, профессиональной или сентиментальной: за рамками праздников дадаисты не очень-то любят авантюры и импровизации. Проходит август, но они не отвечают на приглашение Макса Эрнста. Затем Андре Бретон 15 сентября женится на Симоне Кан в Париже и увозит ее в свадебное путешествие в Австрию. Элюар же в качестве ответа на настойчивое приглашение Тцара присоединиться к ним признается в своей нерешительности и беспокоится по поводу климата: «Как вам известно, — пишет он в конце августа, — отдых нужен моей жене, у нее хрупкое здоровье. Хорошая ли у вас будет погода осенью?»* Наконец, после множества всяких сомнений он приедет в Тироль с Гала (полумертвой от усталости, с расстроившимся здоровьем) в конце сентября, когда вся «банда» уже разъехалась... Остались только Андре и Симона. Влюбленные мечтали побыть одни, но, впрочем, были готовы сорваться с места, потому что Андре непременно хотел воспользоваться предстоящим путешествием для того, чтобы посетить доктора Фрейда в Вене.

* Жан-Шарль Гато. Цит. соч., стр. 92.

Поль и Гала проведут вдвоем в Тироле целый месяц. Это прекрасное место напомнит им пребывание в швейцарских горах, на чудном воздухе альпийских лугов; здесь они гуляют, отдыхают, читают, как прежде, и счастливы, что вновь обрели мир и покой, благоприятствующие поэзии и красоте Гала. Она в самом деле хорошеет, расцветает вновь, смеется, когда находит на деревянных балконах австрийских шале выгравированные по-немецки и на латыни благочестивые формулы. Наступает время возвращаться в Париж, перспектива занятий земельными участками в северном пригороде и рутины повседневной жизни так мало радует Поля, что они по взаимному согласию решают продлить каникулы и прежде, чем вернуться во Францию, заехать в Кельн. Элюар, разочарованный тем, что не застал Эрнста в Таренце, не желает возвращаться, не повидав этого провинциального, но в то же время демонического художника, который недавно иллюстрировал своим «Препаратом на костном клее» написанный им в сотрудничестве с Тристаном Тцара и еще одним своим другом Хансом Арпом* веселый манифест «Дада на свежем воздухе**».

Во второй половине дня 4 ноября сопровождаемый Гала, загоревший под тирольским солнцем Элюар звонит в дверь мастерской художника в доме номер 14 по улице Kaiser Wilhelm Ring в Кельне.

* Родился в 1887 году; он известен также под именем Жан Арп.

** Немецкое название — «Der Sängerkrieg in Tirol».

ДАДАМАКС И ЕГО ХИМЕРЫ

Макс Эрнст больше похож на чемпиона по теннису, чем на скандально известного художника: высокий, стройный, мускулистый, живой и подвижный, он производит впечатление человека с прекрасным здоровьем и физически крепкого, и это сразу покоряет Элюаров, так как они оба более хрупкие и болезненные. Хотя «ernst» по-немецки означает «серьезный, важный», он — полная тому противоположность: улыбчивый, непринужденный, с радостным настроением. Художник сразу же вызывает симпатию у супругов, которые думали, что приехали в гости к очень важному человеку.

Макс — уменьшительное от Максимилиана, короткое и насмешливое, как и он сам, прозвище. Он еще представляется как Дадамакс: «Дадамакс Эрнст, устрашимый». Так же он заявлял о себе на афишах, украшенных птицами и коровами, на первом представлении кельнского «дада», которое, как известно, ему стоило нескольких дней, проведенных в полицейском участке, отречения от него отца и лишения наследства.

Макс Эрнст — блондин с голубыми глазами. Его худое лицо, обветренное, как у спортсмен, — дадаист на свежем воздухе! — выглядит мужественным и одновременно лукавым. Он красив, его облик соблазняет. Макс родился в 1891 году, ему тридцать лет — на пять лет больше, чем Полю, на четыре, чем Гала, — но кажется, что он младше обоих, так как улыбка, манеры, внешность добав-

ляют ему молодости. Он абсолютно не выдает себя за старшего, еще меньше — за мэтра. Дружески настроенный, искренне любезный и простой, художник настолько не принимает себя всерьез, что кажется даже развязным. Задорный, игривый, шаловливый — это человек, которому легко жить. Искусство для него — игра, а не обязанность.

Эрнст женат на молодой немке, белокурой, розовой и шелковистой, зовут ее Луиз, но называют Лу или еще Розой («Как Розу Бонёр»*, — говорит она). Эрнсты любят придумывать себе имена. У них есть годовалый сын, голубоглазый Ульрих; отец переименовал его в Джимми** и дал ему прозвище Минимакс... Макс и Лу повстречались в Боннском университете, где студентами изучали: он — философию, она — историю искусств. На одном занятии по рисованию — они оба их посещали — Макс взял у Лу: из рук карандаш и одной линией, не колеблясь, великолепно нарисовал никак ей не удававшиеся кроки.

Они поженились сразу же после войны и с тех пор живут в Кельне, не испытывая особых материальных затруднений, на доходы Лу, она работает в музее Вальраф-Ришартц и получает значительную денежную помощь от отца, богатого фабриканта-шляпника. Макс — фактически изгнанник. Он в ссоре со своей собственной семьей с тех пор, как, по выражению отца, ее «обесчестил», играя в дадаистские игры. У него также прохладные отношения с семьей жены: родителям Лу

* Французский художник (1822-1899), писал сцены из сельской жизни, («Нивернезская пахота» и др.).

** Повзрослев, Джимми Эрнст напишет однажды свои мемуары, они выйдут во Франции под заголовком «L'Ecart absolu» («Абсолютный разрыв»). Balland, 1986.

не по нраву инаковерующий и слишком богемный зять. Макс — католик, а Лу, урожденная Штраус, — иудейка, как и ее родители. В глазах шляпника избретатель скандальных коллажей предстает личностью безответственной, человеком с уже намеченной судьбой, какая бывает ни к чему не способного или неудачника.

Эрнсты не общаются с родственниками, у них мало друзей. Лучший друг Макса — Ханс Арп, художник и скульптор, родившийся в Страсбурге, — принадлежит к культуре наполовину германской, наполовину французской и дадаистской, конечно; живет он в Мюнхене и приезжает в Кельн лишь изредка, чтобы навестить Эрнстов. Супруги посещают только Иоханнеса Грюневальда, сына очень богатого банкира, живущего в Кельне, во дворце, окруженном большим парком. Он является также поэтом и художником, по-дадаистски распространяет большевистские идеи в журнале «Der Ventilator», который сам издает. Этот художник, веселый смутяня, участник всех заварушек, перекрестил себя в насмешку над своей семьей в Бааргельда (или Дадабааргельда), что значит «Наличные деньги».

С тех пор, как Эрнст слывет опасным возмутителем спокойствия, ему не только отказывают в получении виз на выезд из Германии, но и все, чем он занимается, подвергается цензуре. Лишенный свободы и обреченный на замкнутую семейную жизнь, он еще тяжелее переносит отсутствие посещений и дружеских визитов — то, к чему его обязывает статус человека, находящегося под наблюдением, которому веселая «банда» с берегов Имста привила вкус к праздникам и жизни в артистической среде. Поэтому Эрнст и рад принять

у себя поэта своего поколения, поэта-дадаиста, поэта из Парижа — города, в котором он хотел бы жить (и где никогда еще не был) вдали от своей целомудренной провинции, вдали от ее фанатичности и пугливых буржуа. Даже если Париж во время его первой выставки не смог его понять, не говоря уже о том, чтобы полюбить, Макс не держит на него зла. Он не представляет своего будущего вне столицы искусств и свободы.

С 4 по 10 ноября Элюарам и Эрнстам предстоит прожить вместе — неразлучным квартетом — целую неделю, великолепное каникулярное время без единого облачка на небе. Маленький Джимми повсюду сопровождает их на прогулках, вечерами он тоже не расстается со взрослыми. Всей компанией ходят в цирк, в парк аттракционов и потанцевать, подолгу разговаривают, и даже ночью хозяева и гости веселы, оживлены, им трудно расставаться. Они полудремут в мастерской Макса в час, когда все порядочные люди уже спят. Они даже позируют, привалившись друг к другу, сидя на паркете в мастерской перед фотоаппаратом с замедленным спусковым механизмом. Там обе пары с Джимми посередине лениво, шаловливо перемешались, сплывались. «Мы танцуем во все стороны, — пишет восторженный Поль Тристану Тцара. — Ленточки развеваются, собаки боятся».

Макс и Поль, такие разные, сразу же подружились. У них полная и взаимная симпатия. Поль Элюар, искренний, обходительный, медлительный, является полной противоположностью Макса Эрнста, подвижного, лукавого и прячущего под повадками веселого малого чувства более сложные, чем это может показаться вначале, интриги и раны. Элюары это вскоре заметят: Эрнст — человек, пол-

ностью порвавший с обществом и семьей и, может быть, с самим собой. Протест его глубок и бесповоротен. Даже если это не сопровождается ни речами, ни какой бы то ни было теорией, ни попыткой пропаганды. В противоположность Андре Бретону, с его педагогическим умом, Эрнст — одинокий рыцарь и не ищет себе помощников. Его бунт находит выражение в живописи, живописи антиклассической по сути и настолько попирающей нормы, что у попавших в его мастерскую Поля и Гала (ранее они были знакомы лишь с коллажами Макса) перехватило дыхание.

Инстинктивно, с первого взгляда на картины художника Поль испытывает к Максусу Эрнсту чувство огромного восхищения, какого он никогда не испытывал ни к одному из своих современников. В то время как никто, кроме Бретона (и то довольно сдержанно), не может по достоинству оценить работу Эрнста, Поль считает своего нового друга гениальным. Он купит картину, ослепившую его (она еще сохнет на мольберте), — «Слон Селебес». На фоне грозового неба, где летают зеленые рыбы, создание, напоминающее слона (полукотел-полуснаряд с головой быка и хоботом в форме печной трубы), смотрит в направлении обнаженного бюста безголовой женщины, наклонившейся резко вправо, к основанию металлического тотема. Это большое, написанное маслом полотно размером сто тридцать на сто десять сантиметров — творение необыкновенное, дающее заявлениям парижских хулителей Эрнста — «он не умеет рисовать» — бесспорное опровержение.

Однако, несмотря на очевидное мастерство, Макс признается ошеломленным Элюарам, что он никогда не учился живописи. Он обладает врож-

денными талантами. Насколько себя помнит, он всегда умел рисовать... Его отец, рассказывает Макс, герр Филип Эрнст, выставивший сына за дверь, работает учителем в Брюле, в пятнадцати километрах от Кельна, в школе для глухонемых. Макс сам родился в Брюле, там и учился, он старший из пятерых детей. Свои воскресенья *Heft Ernst der Vater**, намного более «серьезный», чем его сын, посвящал живописи. Эрнст-отец — великолепный копировальщик. Он превосходно воспроизводил религиозные сюжеты из Библии, а Макс позировал ему в качестве Иисуса-младенца... Но больше всего он любил расположиться с мольбертом в деревне и тщательнейшим образом выписывать пейзажи Брюля. Однажды наблюдавший за его работой Макс был напуган странной сценой, на всю жизнь запечатлевшейся в его памяти: отец заканчивал кропотливую работу по воспроизведению поля или лужайки и вдруг заметил, что забыл перенести на полотно одно из деревьев пейзажа. Охваченный подлинным приступом ярости, он побежал домой за топором и, задетый за живое в своем навязчивом стремлении к точности, срубил дерево, присутствие которого искажало в его глазах его собственную картину! С этого воскресного дня начинается протест Макса Эрнста, его ненависть к тому, что он называет «преступлением против воображения», и чувство неприятия отцовских амбиций. Выступая против отца, который был «слишком Ernst» и доходил до маниакальности в своей верности нормам, Макс возглавил тесное содружество завоевателей красоты.

* Der Vater (нем.) — отец (прим. пер.).

Элюары сразу же поймут, что светловолосому красавцу-атлету из такой веселой компании не дают покоя ужасные фантазмы. Если бы не юмор, его живопись напоминала бы путешествие в преисподнюю. Новым друзьям Макса Эрнста кажется, что искусство его возникает из области подсознательного, приходит как будто с другой, незнакомой и таинственной, планеты.

Макс Эрнст ничего не забыл из своего детства: ни гигантских черных деревьев в лесу Брюля, плотно окружающих, словно армия теней, его дом; ни криков птиц, которых он принимал за драконов; ни грома, гремевшего среди ночи и освещавшего огненными бликами его комнату; ни шума молнии, подающей поблизости. Маленький мальчик, чувствительный и впечатлительный, мучимый кошмарами апокалипсиса (стоит ему закрыть глаза, как по воле его безудержной фантазии возникают странные существа, полулюди-полуживотные, невообразимые формы и краски), рассказывает обо всем этом на потрясающих картинах Дадамакса, где днем и ночью животные, люди, предметы и их действия создают фантастические образы. Великое искусство Макса Эрнста, занимающее место между существующим миром и обратной стороной вещей, очень мощное, но вызванное темными силами и уже до такой степени расцветшее и такое совершенное, не могло не пленить Поля Элюара. «Слон Селебес» — это чистый дадаизм. В большей степени дадаист, чем скорее надуманный — Пикабиа, в большей степени дадаист, чем Кирико с его классическими основами, более дадаист, чем сам Дюшан с его интеллектуальностью и «антиискусством», Эрнст намного выше простой игры в провокацию ради провокации. В глазах поэта, очаро-

ванного мощным и шокирующим воображением художника, Эрнст предстает как мастер сновидений, самый великий породитель галлюцинаций.

Макс, к тому же, — превосходный приятель. Он естественнее, забавнее, обольстительнее, чем большинство парижских друзей Поля и Гала. Красивый и умеющий легко жить, он кажется Элюарам в первую неделю их знакомства самым очарованием. И кроме всего — Поль не перестает повторять это Гала, — он гениален. Очень, очень большой художник. Как его не полюбить?

Одной недели хватило, чтобы Поль Элюар стал считать Эрнста своим братом. «Король танцевал на дереве. Макс, я уже не единственный сын», — писал он Тцара*. Он наконец нашел то, что так долго искал и что Гала не вполне может ему дать: брата и друга, который мог бы разделить его поэтические страсти и способен понять, как и он, выход мечты за пределы реального мира.

Для Макса Эрнста Поль Элюар — первый, кто смог понять его живопись и принять его протест. «Мы стряхнули пыль с наших вен** в наши стаканы», — пишет он тому же Тцара и с тем же пылом. Оставшийся в одиночестве, без друзей, Макс нашел в лице одаренного и искреннего молодого французского поэта мужскую поддержку и почитателя — то, чего ему не доставало, чтобы преодолеть встречающиеся на пути бури. Энтузиазм Элюара, способности к мечте и поэзии делают его по-братски близким для Макса человеком. Между

* 21 марта 1922 года.

** *Veine* (франц.) — 1) вена; 2) дарование (поэтическое), настроение, вдохновение (прим. пер.).

ними, как об этом Эрнст поэтично напишет Тцара, существует кровная связь.

Оба молодых человека вскоре обнаружат еще одну родственную связь: в 1917, на фронте, на реке Сомм, они, оба солдаты, находились в окопах и были врагами. Они могли бы друг друга убить... Такие воспоминания — не у многих мужчин они есть — тоже объединяют. Как и Поль Элюар, Макс Эрнст вышел живым из Великой войны, но с ожесточенным сердцем*. Он не может этого простить старикам, считающим себя мудрецами, ни за что отправившим их на бойню. Ему глубоко безразличен левый берег Рейна.

Но женщин, смущенных и не уверенных в том, что их примут в мужскую компанию, эти два сразу признавшие себя братьями, художника, упавшие друг другу в объятия, держат в тени.

Женщины разные как день и ночь: Роза-Лу блондинка — Гала брюнетка; Роза открыта — Гала замкнута; Роза простая и спокойная — Гала загадочна; Роза нежная мать — Гала, оставившая ребенка во Франции, сконцентрировалась на любви к мужу. Роза скромна и неприметна. Макс запрещает ей смотреть, как он работает. Когда он рисует, дверь мастерской для нее — табу. Гала, напротив, присутствует при рождении стихов Поля: творчество интересует ее, она высказывает свое мнение если, по очень давно установившейся привычке он его у Гала спрашивает. Женщины настолько не созданы для того, чтобы поладить, что Гала — это ее постоянная женская черта — даже не пытается подружиться. У нее нет ни потреб-

* Мак Эрнст служил солдатом в артиллерии.

ности, ни желания в доверительных отношениях с подругой. Она по складу характера дика и эгоистична, и ей хватает любви Поля, чтобы заполнить жизнь. Гала терпеть не может болтовни и сплетен и изо всех сил старается избегать классических женских занятий, того, что напоминает ей быт, заботу о ребенке и семейном очаге. Вся во власти феерий артистического мира, она повсюду следует за Полем, а значит, и за Максом. Очень скоро Роза-Лу со своим ребенком, оказывается вроде бы покинутой, позабытой. В рамках недели совместной жизни из квартета выделяется трио, и оно потихоньку избавляется от лишнего, стесняющего и тяготящего элемента. Лу в конце концов станет лишь бесполезным и печальным свидетелем их игр.

Поль и Макс вместе пишут стихи. Вместе с Гала они выбирают одиннадцать коллажей Эрнста для иллюстрации готовящегося сборника Элюара «Повторения»*. Макс рисует на стекле портрет поэта: на переднем плане человек, изображенный в профиль, вдыхает ноздрями — с помощью трубок — содержимое тарелки. Он пишет также Гала с обнаженной грудью. Картина выполнена гуашью и увенчана коллажем, также навеянным Гала, — «Пертурбация — моя сестра». Название говорит о чувстве, которое эта женщина вызывает в Максе: для него Гала, жена «брата»-художника, — конечно же, сестра, но сестра, не приносящая мира; ее присутствие беспокоит, оно нарушает порядок. Пертурбация — моя сестра... Когда Поль и Гала возвращаются в Париж 10 ноября, Макс записывает: «Как толь-

* В «Полн. собр. соч.». Pléiade, т. 1, стр. 103-119.

ко двое Элюаров уехали, двое Эрнстов впали в детство». Он еще не знает, кого ему больше не хватает: Поля или Гала. Если только не обоих...

КОМПЛЕКС ЛЮБВИ ВТРОЕМ

Если Элюар доверил Тцара, что после встречи с художником удивительных коллажей он перестал быть «единственным сыном», то Эрнст на обратной стороне той же открытки написал, что французский поэт — его «*meilleur ami et demi*»*. Дружба явилась к ним как удар молнии. В марте 1922 года, как только вышел изданный в «*Sans Pageil*» сборник «Повторения», иллюстрированный рисунками Макса Эрнста, Поль Элюар приезжает в Кельн, чтобы лично, в собственные руки вручить «брату» предназначенные ему экземпляры. Сорок девять стихотворений — «совершенно кристальных», как скажет Элюар**, — составляют сборник, открывающийся путеводным стихотворением «Макс Эрнст», которое окрашивает своим красным светом чувства Поля на заре дружбы двух мужчин.

* Можно перевести как «лучший друг и вторая половинка его самого» (прим. пер.).

** Письмо Жаку Дусе, приводится Люсьеном Шелером и Марселей Дюма в «Полн. собр.». Т. 1, стр. 1342.

В одном углу проворный инцест
Вертится вокруг непорочности платица
В другом углу небо разродившееся
Колючей бурей бросает белые снежки.

В одном углу светлее чем другие если
присмотреться

Ждут рыб печали
В другом углу машина в летней зелени
Торжественно застыла навсегда.

В сиянии юности
Слишком поздно зажженные лампы
Первая показывает свои груди красные
насекомые их убивают.

От картины, где образы заканчивающегося лета играют со знаками-предвестниками бури, исходит тревога. Что это за «inceste* agile» (проворный инцест, кровосмешение) в первом стихе? Случайно брошенное слово? Или разгадка к событию, первый намек на двусмысленность братских чувств, когда одна женщина является объектом желания обоих? Роза «Бонёр» (bonheur – счастье) могла лишь с горечью констатировать, что Гала и ее муж попали под взаимное очарование. Для Поля Элюара становится также очевидным, что жена и лучший друг нравятся друг другу. Макс вертится вокруг Гала, он флиртует с женой своего «брата». Инцест намечается сразу же после их знакомства, на горизонте их дружбы.

Для начала они стремятся углубить свое сотрудничество. Пока женщина все еще, как в стихотворении, остается как бы на заднем плане, они

* По-французски inceste – инцест, кровосмешение; insecte – насекомое (прим. пер.).

решают продолжить свои совместные поэтические поиски и пытаются творить в осмосе*. Хотя «Повторения» установили уже между поэтом и художником «чудесные соответствия», оба хотят пойти дальше, чтобы узнать, до какого предела возможно смешивать миры воображаемого и мечтать вдвоем. Они хотят открыть друг другу свою душу и свою технику, перемешать свои безумства, сплавить воедино свои фантазмы. «Без усталости, с головами, связанными руками моей активности», — так писал Элюар в «Глазе глухого», сорок девятом стихотворении из «Повторений». В этом великом проекте Галя не принимает участия. Мужчины решили для начала существовать друг для друга («с головами связанными», как сказал Поль), в деле, предусматривающем полное единение, и хотят обойтись без музыки в качестве посредника.

Двумя годами раньше Андре Бретон и Филипп Супо, околдованные словами, возникающими из снов, задумали написать вместе книгу с примерами общего творчества такого рода. Составив тексты наугад, «автоматическим письмом», что давало безграничную свободу их вдохновению, они опубликовали «Магнетические поля», и никто не смог сказать, что в них написано Бретоном, а что Супо, даже лучший друг Бретона Арагон растерялся. Тем не менее, оба автора писали по отдельности, каждый у себя, читали затем друг другу тексты, прежде чем совместить их или перемешать по собственному усмотрению. Вот почему «Магнетические поля» — возмутитель спокойствия в литературе, — имевшие целью прежде всего утвердить престиж

* Осмос — взаимное проникновение, взаимное влияние.

иррационального и несуразного, открыли дорогу всем домыслам по поводу грез и махинаций на эту тему. Для читателя личность автора при этом теряла свое величие, и книга стала чем-то вроде китайской головоломки: кто что написал?

В области живописи Макс Эрнст уже пробовал провести такой эксперимент, работая над «*fa-tagagas*» («*fabrication de tableaux garantis gazométriques*» — изготовление картин с газометрической гарантией) со своим другом Хансом Арпом. Он уже создал — в данном случае склеил — произведения искусства (или неискусства) и запутал следы, то подписываясь под тем, что исполнил Ханс Арп, то делая обратное, или же один и другой подписывались под неизвестно чем...

Весной 1922 года Элюар и Эрнст решают еще больше углубить свой «братский» эксперимент в творчестве. Находясь вдали друг от друга, они прибегают к помощи почты, отправляя друг другу одно и то же стихотворение. К первой фразе одного, брошенной наугад или пришедшей из грез («метод» «Магнетических полей»), другой добавляет свою фразу, исправляет предыдущую, намечает следующую, завершает все в целом таким образом, чтобы ни одно из стихотворений не было полностью написано ни Элюаром, ни Эрнстом, так, чтобы никто из них ничего полностью не написал, но во всем принял бы участие и чтобы перо Элюара абсолютно перепуталось с пером Эрнста. Книга должна стать не patchwork* сложных друг с другом текстов, как в «Магнетических полях», но творением двух авторов, пора-

* Patchwork (англ.) — 1) лоскутная работа; 2) мешанина (прим. пер.).

ботавших вместе не над кусками, а над каждой фразой, над каждым словом, над каждой запятой. Эрнст уже больше не иллюстрирует слова поэта, потому что, забросив кисти и тюбики с красками, клей и ножницы, он рисует, но рисует словами и по-новому монтирует — это для него как новое приключение.

Получаются такие случайные тексты: «Над кокетством круглых столиков гусиные лапки сокращают крики призыва женщин в белом...» («Встреча двух улыбок»). Или: «Сквозь бумажный холод школьники пустоты краснеют через стекла» («Два Все»). Или еще: «Соберите под дубами веснушки и родинки, следуйте в лодке за днями затмения, созерцайте с камешками в глазах неподвижность всемогущих манекенов...» («Советы друга»).

Гала непосредственно не участвует в «Несчастьях Бессмертных» — так называется этот странный сборник. Но она и не отлучена от его создания полностью, потому что Поль Элюар, верный своей привычке, читает ей все, что пишет, и все, что присылает ему Эрнст. Она слышит, как соединяются их слова, общаются их грезы.

На Пасху оба друга вместе с женами приезжают в Имст — туда, где должны были встретиться в первый раз. Есть фотография, обессмертившая эти каникулы: Гала в элегантном лыжном костюме, в длинной — до щиколотки, до самых ботинок на крючках — юбке, довольная, позирует, стоя между двух мужчин на лыжах, одетых, как и она, в толстые пуловеры. Справа от нее — стройный блондин, длинноногий и улыбающийся. Слева — задумчивый и слегка расплывчатый муж. За объективом, вероятно, находится

невидимая Роза, исключенная из воспоминания; запечатлено только трио: женщина между двух «братьев».

«Несчастья Бессмертных» выходят в июле в издательстве «Six», которое возглавляет жена Филиппа Супо — все происходит в пределах сераля*. В ознаменование события Элюар и Эрнст проводят лето вместе, с женами и друзьями. Поль и Гала, Макс и Роза-Лу с Джимми, Тристан Тцара и его подруга Майя Крузец, Ханс Арп с подругой Софи Тойбер — вся эта компания в третий раз приезжает в Таренц-на-Имсте, где к ним вскоре присоединяется американский журналист, *aficionado* от проделок «дада», убежденный, что центр Вселенной на несколько недель переместился в Тироль, — Мэтью Жозефсон**. Он редактор журнала «Broom» (что означает «метла») и собирает для него летнюю хронику.

Если книга скрепила их дружбу и показала, что у обоих художников невероятное взаимопонимание, то каникулы приняли странный поворот. В Торенце Эрнсты занимают квартиру, а Поль и Гала, оставившие Сесиль бабушке с дедушкой, сняли маленький домик на берегу озера. Остальные члены «банды» живут в отеле «Gasthof Post». Едва прошло несколько дней с тех пор, как все съехались и устроились, как Эрнст, оставив квартиру Розе и Минимаксу, переезжает в дом Элюаров. Тцара, Арп, их подруги и Мэтью Жозефсон становятся свидетелями идиллии, которую даже не скрывают: Макс

* *Sérial* (франц.) — 1) сераль (дворец, гарем); 2) замкнутая среда, окружение, где плетутся различные интриги (прим. пер.).

** Мэтью Жозефсон напишет впоследствии «Life among the surrealists», («Жизнь среди сюрреалистов»). Holt Rinehart Winston, Нью-Йорк, 1962.

и Гала крутят любовь на глазах у всех. Они держатся за руки, обнимают друг друга за плечи и предпочитают общим прогулкам уединенные горные тропинки. Лу Эрнст скажет позже, что ее муж не способен лгать, не способен даже прятать свои чувства: Дадамакс, это совершенно очевидно, без памяти от жены своего лучшего друга.

Хотя Гала, со своей стороны, тоже ничего не скрывает от Поля, а поэт также не может не замечать взаимного влечения своей жены и своего друга, он ничего не предпринимает, никак не противится их связи. Поль ведет себя так сдержанно и снисходительно, что создается впечатление, что он их одобряет. Все очевидцы в Таренце это замечают: Поль Элюар не пытался удержать Гала на пороге приключения, о котором узнал первым, даже если и страдал. «Вы не знаете, что такое быть женатым на русской женщине! — говорит он им, доверяя Мэтью Жозефсону признание, которое намного глубже и трагичнее, чем признание обманутого и несчастного мужа. — Я люблю Макса Эрнста намного больше, чем Гала»*.

Фраза не безобидная. Она попадает в самое сердце истории. Поль Элюар действительно ставит на одну линию в порядке привлекательности и желания мужчину, своего друга, «брата», и женщину, которая — он не перестает об этом писать — является его второй половиной, частью его жизни. Испытывает ли он к Максу интеллектуальное влечение, братское чувство, чувство любви, как к Гала? Мог ли произрасти из мужской дружбы, которая уже пыталась в твор-

* Цит. соч., стр. 179: «Well, I love Max Ernst much more than I do Gala».

честве осуществить мечту невозможного союза, росток другой любви? В книге «Аристотель, или Комплекс предательства»^{*} доктор Аленди, который позже станет психоаналитиком Анаис Нэн^{**}, так анализирует отношения Аристотеля с его лучшим другом Гермием: их дружба — не только обогащающий обмен, благородная взаимность, но «ощущение проецирования себя самого на друга, или идентификация... равенство не между другим человеком и им самим, но между его двумя частями». Для Элюара (он говорит об этом Тцара), истерзавшегося в долгих поисках другой своей половины, которую он никогда не знал, в поисках «брата», которого ему недоставало с самого детства, Эрнст был, несомненно, намного больше, чем соучастник в творчестве или хороший товарищ. Он, если применить употребленный Аленди термин, является «равенством двух частей его самого». Наконец-то полная адекватность!

Собравшейся в Таренце компании ясно одно: Галя не станет яблоком раздора, Эрнст и Элюар прекрасно ладят между собой, они не соперники. Она залог их дружбы, она их взаимная мена, их общая женщина. Любя ее, они любят друг друга.

По мнению доктора Аленди, «идентификация — это один из типичных психических процессов, свойственных гомосексуальности»^{***}. В одной из самых интересных глав его диссертации «Гомосексуальность и предательство»^{****} он

^{*} Editions du Mont-Blanc, Женева, 1940, стр. 67.

^{**} Анаис Нэн — американская писательница, родившаяся в Париже (1903-1977).

^{***} «Аристотель, или Комплекс предательства», стр. 67.

^{****} «Аристотель, или Комплекс предательства», стр. 67-68.

показывает, как один мужчина, который говорит о своем друге как о своем другом «я» или о части самого себя, приступая тем самым к идентификации их сложных натур, их инстинктов или их творческих порывов, пытается спроецировать вне себя самого, на пару, которую формирует со своим другом, болезненный дуализм своей личности, раздираемой больше, чем обычно, потому что в каждом индивидууме, будь то мужчина или женщина, заложено две склонности — между собственными мужским и женским началами.

Этому человеку, озабоченному решением своей двойственности, женщина не в состоянии помочь вернуть полное равновесие. Он должен найти другого мужчину, своего двойника, чтобы избавиться от противоречий. Доктор Аленди приводит в качестве примера Пифиаду, жену Гермия. Аристотель похитил ее, чтобы жениться на ней. «Можно объяснить, почему Аристотель смог привязаться к этой женщине. Она представляла эманацию* его друга, квинтэссенцию его женского начала». Предложить женщину вместо того, чтобы предложить самого себя! «Такого рода извращение, — пишет Аленди, — довольно распространено в настоящее время, и практика совместных оргий является всего лишь вариантом для светских людей, у которых нет нужды зарабатывать этим деньги — речь идет, несомненно, о гомосексуальности, латентной или сознательной»**.

* Эманация (физ., хим.) — испарение, излучение, истечение (прим. пер.).

** «Аристотель, или Комплекс предательства», стр. 74-75.

Хотел ли Элюар доказать себе и Эрнсту силу своей дружбы, давая ему понять, что способен поделить с ним то, что было для него ценнее всего на свете, — любовь Гала? Искал ли он допинг для связи, потерявшей за время, прошедшее с рождения Сесиль, остроту, исступленную восторженность, то, что, возможно, заменялось все возрастающей нежностью? Очевидно, он находил в дружбе с человеком, похожим на него самого, с которым связывал новое равновесие и даже творческий расцвет, расширение своего эмоционального диапазона. Какую бы гипотезу не принять — скрытая гомосексуальность, поиск новых возбуждающих средств или культ благородства — толерантность Поля по отношению к Максусу и Гала, даже его пособничество, пока еще не вменяется ему в вину.

Удивленные Арп и Тцара видят, как удаляется к берегам озера влюбленная парочка — художник со своей музой, которую он взял у поэта, — но они также замечают, что Элюар смотрит им вслед с любовью.

В отношении Розы ко всей этой сцене нет ни капли снисхождения. Позже она проанализирует ситуацию и обвинит Гала в том, что она спровоцировала и распалила ее мужа. Но Роза возложит также частичную ответственность за свою супружескую драму на Поля: она уверена, что все произошло с его «согласия». Пройдут годы, но обида Розы не утихнет, и она напишет: «Эта русская женщина, это скользкое, мелькающее создание с черными распущенными волосами, с черными, слегка восточными и блестящими глазами, с тонкой костью, которой не удалось навязать мне своего мужа, чтобы завладеть Максом, в конце кон-

цов решила сохранить обоих мужчин — с любовного согласия Элюара».

В то время как беспримерно деликатный Поль Элюар ничего не предпринимает, чтобы разлучить влюбленных, в то время как Роза-Лу, взволнованная и грустная, не осмеливается устраивать сцены, боясь напугать своего ребенка, в то время как Макс Эрнст беззаботно наслаждается новым счастьем, только Гала, одна она, накликает бурю. Как в стихотворении «Повторения», где красное свечение угрожало хрупкому равновесию, она становится фактором нарушения порядка и потрясений. Еще в одном свидетели — Тцара и Жозефсон — категоричны: Гала смотрит на сложившуюся ситуацию трагически. Она не обладает ни великодушием Поля, ни непосредственностью Макса, ни смирением Лу. Гала плохо переносит свою двойную любовь. Нервная, вспыльчивая, раздражительная и раздражающая, она проявляет растерянность и тревогу в сценах, которые надолго останутся в памяти друзей, приехавших в Таренц. «Это занудно, это невыносимо!» — пишет Тцара, упрекая Гала в том, что она «своими драмами на манер Достоевского» испортила им всем каникулярный воздух*. Она желала бы выбрать. Обычно такая решительная, на этот раз, она не может сделать выбор.

Это значит, что Гала не создана для двух мужчин. Сама дилемма ее удивляет. Она любит Поля, любит Макса — они оба поймали ее в ловушку: Поль ей расхваливает Макса, Макс говорит о Поле лишь нежные слова. Гала не доставляет удоволь-

* Мэтью Жозефсон «Life among the Surrealists». Цит. соч., стр. 179.

ствия дележка, которая, судя по всему, устраивает обоих мужчин: ее мужа и ее любовника.

Каникулы подходят к концу. Все это время друзья не рисовали и не сочиняли. И веселья было намного меньше, чем в прошлом сезоне, когда устраивали праздник «"Дада" на свежем воздухе». Любовь Гала перевернула все лето. 30 августа группа распадается, все возвращаются домой. Макс Эрнст сопровождает Розу и маленького Джимми до Кельна, но, находясь под очарованием «русской женщины» и французского поэта, решает поехать к ним в Париж. Поль Элюар поддерживает намерение Макса и, прощаясь с ним, оставляет ему свой паспорт — до этого он объявил о его потере и получил дубликат в консульстве. Макс Эрнсту все еще запрещается въезд во Францию. 2 сентября, приняв на несколько часов имя и лицо своего «лучшего друга и второго "я"» — доктор Аленди без труда смог бы прокомментировать этот сдвиг личности, — Эрнст подпольно пересекает границу. Его давняя мечта увидеть в Париж — наконец осуществляется. Элюары, приехавшие накануне, ждут его с нетерпением — он и она. Макс будет жить у них.

ПРЕДСКАЗАНИЯ ВО СНЕ

Элюары не живут больше в Париже — они переехали в Сен-Брис-су-Форе, в деревеньку в северном пригороде, в восемнадцати километрах от столицы, где Клеман Грендель снял им домик с маленьким садиком. Городская среда губительна для Поля и Гала: их больным легким для дыхания требуется определенное количество хлорофилла. Для Макса Эрнста Сен-Брис своей изолированностью, покоем олицетворяет возвращение к истокам: маленький, дремлющий рядом с сумрачным лесом городок напоминает ему Брюль, детство и бывшие кошмары.

Сразу же, как только в доме появляется Макс, семейная жизнь налаживается. Утром Поль садится в поезд и едет до Северного вокзала. Он приходит на работу к отцу, обедает у матери, на улице Ордене. Он возвращается домой лишь к ужину. Гала не слишком обременяет себя домашним хозяйством, поднимается чуть позже, читает и приводит в гостиную одетую в пышные юбки Сесиль. Девочке четыре года. Когда Гала едет в Париж, она оставляет ребенка у свекрови, самой верной бабушки, всегда готовой принять на себя обязанности няни. Но после приезда Макса Эрнста Гала предпочитает оставаться в Сен-Брисе, чтобы скрасить одиночество ничем не обремененного художника. Без документов, без работы подпольный визитер Эрнст проводит несколько недель в заточении в домике Гренделей. Дни тянутся долго.

Бездельничающие Гала и Макс — присутствие девочки их мало беспокоит — проводят их тет-а-тет.

Жан Полан — в который раз! — оказывает известную услугу своему другу Элюару: по его просьбе достает Полю по неизвестным неофициальным каналам поддельные документы на имя Жана Пари*. И Эрнст теперь сможет подыскать работу, потому что у него нет ни гроша, а он не хочет жить прихлебателем у своих друзей. Но так как Жана Пари никого не знает в Париже, кроме дадаистов, они взяли на себя труд найти ему заработок — кроме живописи и другого творчества, Эрнст не владеет никаким ремеслом. Так он становится, для того чтобы оплачивать свою часть расходов по хозяйству и хотя бы занятия живописью и кисти, шлифовщиком стеклянных камней на маленькой фабрике по улице Бретань, рядом с площадью Республики. Там он получил прозвище *Молчун*: Макс мало разговаривает. Он также отливает из галалита ходовые товары: «Эйфелевы башни», «Триумфальные арки» для туристов, пепельницы, портсигары, браслеты с подвесками и другие дешевые сувениры. Галалит — это пластик, в названии материала имя Гала... Однажды, гуляя по городу, как советовали Элюар и Пере, Макс проходил по Страсбургскому бульвару рядом с кафе «Эльдорадо» и наткнулся на группу людей, снимающих фильм; его привлекли в качестве статиста. Был ли это фильм «Три мушкетера» Анри Дюман-Берже с великим Эдуардом де Максом в главной роли — непостижимое совпадение имен; —

* Пари — Paris (Париж) (прим. пер.).

или «Двадцать лет спустя»? Макс не в состоянии это вспомнить.

Вечером Эрнст, наконец, становится самым собой: он друг Поля, и Гала, и даже маленькой Сесиль. Но по воскресеньям, иногда на неделе, он оставляет их и запирается в своей комнате, чтобы рисовать. Ни изгнание, ни подпольное существование, ни даже галалит и кино не могут лишить Макса наваждения — его искусства. В Сен-Брисе, где Поль и Гала с уважением относятся к его потребности в одиночестве, он тайно работает над большим полотном, которое назовет «На свидании друзей». Это картина о его молодости в Париже а скорее — о молодости их всех в кругу поэтов, его друзей.

Утром Поль Элюар и Макс Эрнст едут вместе: один — в контору, другой — в мастерскую. Гала остается ждать их, как если бы у нее было два мужа. Ее брак стал браком втроем.

С тех пор, как у Макса появились документы, он может выходить без риска быть арестованным как опасный немецкий шпион. После работы они с Полем встречаются в кафе «Certá» или «Petit Grillon», недалеко от Оперы, в священное время аперитива. Их друзья приходят туда каждый день: Андре Бретон и Луи Арагон, Филипп Супо и Бенжамен Пере, Тристан Тцара и Жорж Рибемон-Дэсэнь — вся группа «молодых предков». Но есть и пополнение в лице Марсея Ноля (он приехал из Страсбурга, у него рекомендация от Денизы Леви, Пьера Навиля) юного философа, увлекающегося изучением современного общества, одного из немногих непозтов в группе; Робера Десноса — сына рыночного комиссионера, поэта-самоучки и большого друга Бенжамена Пере; и, наконец, Рене Кревеля,

тоже парижанина, только что отслужившего в армии и забросившего докторскую диссертацию о Дидро-писателе. Друзья обсуждают события дня, тщательно отобранные Бретоном, выставляют оценки известным личностям, думают о том, как вдохнуть жизнь в подуставшего «дада», читают стихи, говорят о картинах, рукописях, о разных предметах: веслах и тотемах из Океании, куклах из Мексики, африканских масках.

Бретон и Арагон хотят помочь Максу Эрнсту. Они очень тепло отрекомендовали его тому, кто отныне является их меценатом, потому что дает им возможность жить, посвящая себя своей страсти, — кутюрье и коллекционеру Жаку Дусэ. Дусэ расположился на улице Мира, он разбогател, одевая дам из высшего света, и очень увлекается искусством и красотой. Так как Дусэ не очень полагается на свой вкус, особенно в области авангарда, испытывает неуверенность, он пригласил Бретона и Арагона к себе в качестве советников по искусству. Покупая рукописи, редкие издания, друзья уже составили ему ценнейшую библиотеку и теперь ориентируют на современные произведения таким образом, чтобы каждый из их группы получил место под солнцем. Они также снабжают Дусэ картинами художников-модернистов. Когда Дусэ пожелал приобрести что-нибудь из Пикассо, Бретон заставил его купить «Авиньонских девушек»*. Но им потребуется все их красноречие, вся сила убеждения, чтобы уго-

* Пьер Дэ приводит письмо Бретона от 3 декабря 1921 года, в котором говорится о «Авиньонских девушках» как об одном из главных произведений Пикассо [...], историческое значение которого бесспорно». «Повседневная жизнь». Цит. соч., стр. 137-138.

ворить Дусэ, который был отнюдь не в восторге от автора «Слона Селебеса», купить какую-нибудь картину Макса Эрнста. Арагон хитроумно намекает на то, что это будет неплохим помещением капитала. Эрнст, убеждает он кутюрье (тот любит спекулировать на картинах) художник будущего. Арагон предлагает ему за пятьсот франков «В интерьере зрения» — картину, на которой изображены пять хрустальных ваз (по сто франков каждая) и цветы в них стоят наоборот; ножки в воздухе, головки в воде. Бретон занимается полюбовой сделкой: Дусэ хотел бы иметь две вазы, вместо пяти и, разумеется, всего лишь за двести франков! Последнее слово остается за молодыми людьми: Дусэ покупает «В интерьере зрения» с пятью вазами, а Эрнст выполняет версию с двумя вазами для подарка — «Сообщающиеся вазы...»

В то время как поэты занимаются взаимовыручкой, Гала приезжает в Париж прогуляться, побегать по магазинам, побродить по антикварным лавочкам. В эти дни она бывает с мужчинами во время аперитива. Гала сидит среди них, ничего не говорит, слушает. Ее черные, непроницаемые для тех, кто ее не любит, глаза наблюдают и фиксируют. Гала не делает никаких комментариев, но, по свидетельству очевидцев, ее присутствие тяготит — друзья предпочитают собрания, где бы не было Гала. Когда она удаляется, элегантная и строгая, в сопровождении своих двух мужчин, у всех возникает чувство неловкости. Никто не понимает, какая у нее роль.

Андре Бретон, молодой, чрезмерно стыдливый муж, безмолвно осуждает эту «семью втроем». Филипп Супо откровенно ненавидит женщину: он обвиняет ее в том, что она доведет до отчаяния

любящего ее Поля, злоупотребляя дружбой поэта с Максом Эрнстом. Более снисходительный Луи Арагон не хочет выносить приговора: он жалеет Элюара, знает о его хандре — чувстве, которое поэт пытается скрыть от друзей, но которое не ускользает от Арагона, свидетеля его ночных страданий, когда Элюар, совсем несчастный, бежит от домашнего очага в Сен-Брисе и спектакля о слишком очевидной близости Эрнста и Гала.

Все не так уж безоблачно в отношениях «семьи втроем». Тревога овладела Полем — он уже не наслаждается, как в первые дни, двусмысленностью такой дележки. Он все еще очень любит Макса Эрнста, он все еще очень любит Гала, но ему трудно подыскать себе место рядом с ними. Слишком ли влюблены друг в друга Макс и Гала? Поль часто чувствует себя изгнанным из-под своей собственной крыши, изгнанным любовью, все более и более соединяющей его жену с лучшим другом. Все чаще и чаще он остается в Париже с друзьями-любителями ночной жизни. Арагон водит их по кабакам в поисках смазливых девок и полного забвения. Поль курит, пьет, но остается печальным. Дадаисты понимают: Элюар несчастен.

Проходит год, пребывание Эрнста в Париже продлевается, говорят даже, что он намерен остаться. В Сен-Брис приезжает Лу с Джимми, чтобы попытаться отвоевать беглеца. Лу уедет, утратив иллюзии, убежденная, что Гала держит обоих мужчин под каблуком. У Лу не осталось больше надежды когда-нибудь вернуть Дадамакса в семью*. Веселая «банда» дадаистов садится вечером в по-

* Эрнсты разведутся в 1926 году.

езд, и едет веселить обитателей маленького домика. Рене Кревель обучил всех новой игре вместо наскучившего выставления оценок и грубых шуток — игре в «плодовитые сны».

Правила новой игры: все собираются вокруг стола, но не для того, чтобы его вращать, а для того, чтобы спросить: кто способен добровольно заснуть и войти во взаимодействие со своими самыми глубокими сновидениями? Кревель, обучавшийся гипнозу, превосходно справляется с этим трудным упражнением. Робер Деснос, Бенжамен Пере, его подружка — единственные, кому удается уснуть по команде. Сон — что и должна доказать игра — обладает волшебной силой. Спящий возведенный в звание колдуна, должен сохранять способность говорить. Из недр колодца без названия, в котором прячется память, происходят слова мистического небытия, отягощенные правдой и смыслом.

Исследования доктора Фрейда увлекают группу, предающуюся игре в «плодовитые сны» с воодушевлением неофитов. То на улице Фонтен, у Бретона, то в Сен-Брисе знаменитые сеансы, секретарствует на которых внимательная Симона Бретон, собирают поэтов, художников и нескольких допущенных ими к участию женщин. Ни Элюару, ни Эрнсту, ни Гала — так же, как Бретону и Арагону, — никогда не удавалось уснуть, несмотря на их усилия. Гала, хотя Элюар убежден в ее связи с невидимым миром (к тому же она гадала на картах и в таро), вовсе лишена способностей медиума.

Настоящей звездой в игре, главным медиумом и великим колдуном «банды», преуспевшем в игре больше, чем Кревель является Робер Деснос. Этот

поэт, весь день собирающий сплетни — он работает в светской хронике и должен подпитывать ее анекдотами, — превращается в пифию*, как только засыпает. Его гениальные находки приводят в восторг слушающих, когда с закрытыми глазами, сидя за магическим столом, он выстреливает удивительными идеями на вопросы, которыми его буквально бомбардируют, и никогда, ни разу, ни один из них не остался без ответа. Когда Деснос просыпается, он уверяет, что не знает, что делал, говорил или писал.

Однажды вечером в Сен-Брисе Бретон спрашивал его о Максе Эрнсте. Тот, по установленному правилу, положил свою руку на левую руку Десноса.

БРЕТОН. Это Эрнст дает тебе руку. Ты его знаешь?

ДЕСНОС. Кого?

БРЕТОН. Макса Эрнста.

ДЕСНОС. Да.

БРЕТОН. Он будет долго жить?

ДЕСНОС. Пятьдесят один год.

БРЕТОН. Чем он будет заниматься?

ДЕСНОС. Он будет играть с сумасшедшими.

БРЕТОН. Он будет счастлив с этими сумасшедшими?

ДЕСНОС. Спросите у женщины в синем.

БРЕТОН. Кто эта женщина в синем?

ДЕСНОС. Она.

БРЕТОН. Что она?

ДЕСНОС. Башня.

В предыдущем диалоге Деснос определил Элю-

* Пифия — предсказательница (прим. пер.).

ара, дотронувшегося до его руки. Бретон, мастер на вопросы, спросил у него:

— Что ты видишь об Элюаре?

— Он синий, — ответил Деснос.

Элюар синий. Синий, как Гала. В сомкнутых глазах Десноса — это цвет супругов. Видения Десноса часто подтверждаются. Они привлекают Макса Эрнста, играющего с безумцами (Макс уже давно интересуется творчеством душевнобольных и показывал своим французским друзьям труд Ханса Принхорна об искусстве умалишенных). Женщина в синем, являющаяся башней, — Гала, с ее высокомерием, полным тайны, закрытым характером, она как башня; человек в синем — Поль Элюар, которому предсказывается богатство.

БРЕТОН. Что будет делать Элюар через пять лет?

ДЕСНОС. Миллион франков.

Все эти игры, поначалу забавляющие группу, заканчиваются тем, что проливают свет на личные дела — дела, причиняющие беспокойство или печальные. Они точно попадают на раны некоторых из них, усугубляя интимные отношения одних и других, подчеркивают симпатии, но также и антипатии. Однажды в Сен-Брисе Деснос в порыве бессознательной или полубессознательной (по правде говоря — и это подтверждали современники, он не любит ни Поля, ни Гала) ярости схватил столовый нож и угрожал убить убегающего от него поэта. Он преследовал его до самого сада, где Макс Эрнсту с помощью Андре Бретона удалось его обуздать.

Коллективному увлечению «плодовитыми» сновидениями не удастся скрывать ссоры и глубоко-

кие разногласия. Однажды, разозлившись на Тцара, которого он называет *царем Тцара*, потому что тот ведет себя величественно-надменно и всегда поступает по-своему, Элюар разругался с ним. Едва они помирились, как Элюар рассердился на Бретона. Злопамятный и не склонный к примирению Бретон изорвал в клочья сборник стихотворений Элюара, приписав ему «чувства школьника, желающего понравиться продавщицам». Кажется, только Макс Эрнсту удастся ускользнуть от историй, портящих отношения в группе. «Улыбающийся, приятный, сдержанный», по словам Филиппа Супо, он держится чуть в стороне, избегает сражений на поле многочисленных дорогих Бретону теорий и предпочитает собраниям «банды» занятия живописью в одиночестве или часы «семейной» близости в Сен-Брисе с Гала или с Гала и Полем.

Большое полотно «На встрече друзей» фиксирует на темном фоне портреты поэтов и художников, которые вместе с Дадамаксом останутся в группе до заката дадаизма. Целое поколение, связанное дружбой и мечтами, написано с юмором. На переднем плане изображены Эрнст в окружении Теодора Френкеля, Жана Полана, Бенжамена Пере, а также Бааргельд, немецкий друг. Но втором плане стоят Филипп Супо, Ханс Арп, Макс Мориз, потом Поль Элюар, Луи Арагон, Андре Бретон и высеченный из мрамора на манер античного бюста Джорджо де Кирико. Нет Франсиса Пикабия и Тристана Тцара: у них с группой холодные отношения. Слева, между Морисом и Элюаром, — ангельское лицо Рафаэля, художника эпохи Возрождения. Эрнст пронумеровал все персонажи от 1 до 17 и написал от руки на черном фоне список имен — вни-

зу, с двух сторон картины. У него самого номер 4, у Элюара номер 9. Среди мужчин одна женщина, под номером 16, — Гала. Она самая крайняя справа, стоит, почти повернувшись спиной — кажется, что она удаляется и повернула голову к тому, кто ее пишет.

Макс Эрнст в символической форме представил жизнь группы. Изображенный анфас Бретон в широком шарфе, накинутом на плечи, с поднятой рукой, — похоже, председательствует. Рядом, в тени Бретона, — шаловливый силуэт Арагона, его рука застыла в грациозном движении. Кривель играет на невидимом пианино. Здесь же Полан, узнаваемый по китайскому типу лица, Пере со свои моноклем, малоприметный Деснос. У каждого схвачена какая-нибудь характеризующая его деталь. На всех, будто для того, чтобы отметить торжественность момента, пиджаки и галстуки, кое-кто в лакированных туфлях. Ни один не выглядит по-настоящему богемно. Друзья любили одеться с шиком. Поль Элюар изображен почти в полный рост, его красивое лицо подсвечивается белой рубашкой, левая рука сжата в кулак, глаза опущены. Он ушел в самого себя, тогда как Бааргельд, в желтом костюме, пританцовывает, а его соотечественник Арп, в светлом пиджаке, повернувшись в том же направлении, указывает на миниатюрное изображение кабаре «Вольтер» — колыбели «дада». Макс Эрнст, светловолосый, с загорелым лицом, очень тоненький, в костюме изумрудного цвета, сидит на правом бедре человека с бородой, как у русского мужика, одетого во все темное, — Федора Достоевского. Если не считать Рафаэля, изображенного на полотне, вероятно, для исторического намека на начало но-

вого Ренессанса, Достоевский — единственный несовременный персонаж. Макс Эрнст не дал по этому поводу никакого объяснения. Но дадаистам, близко знакомым с Элюарами, этот символ кое-что говорит. Предмет особой ненависти Андре Бретона (он видит в писателе врага авангарда), Достоевский является любимым автором Гала. Он также — любовь обязывает — один из писателей, почитаемых Полем Элюаром. Поль поставил ему девятнадцать баллов в игре в предпочтения. Когда Бретон в кафе «Certá» расспрашивал Элюара, какие романы ему больше всего нравятся, тот назвал «Вечного мужа» — произведение, менее известное, чем «Идиот», «Братья Карамазовы» или «Преступление и наказание». Выбор доказывает, что Поль хорошо знает великого русского писателя. В трагикомической истории «Вечный муж» рассказывается о человеке, завороченном до крайней степени, до безумия, до счастья и до слез любовником своей жены.

ВАЛЬС СОМНЕНИЯ

Поэты в большинстве своем утратили былой задор, а также сплоченность. С 1922 года ссоры учащаются, в отношениях старых и новых «друзей» намечается тенденция к расколу и полемическим разногласиям. Бретон в своем

обожаемом журнале выступил с попыткой примирения, призывая каждого к выработке общей идеи. Апрельский номер «Lettérature» предлагает дойти до логического конца дадаизма, до предельного бунта, что с самого рождения было заложено в сути движения. Объявленная программа четко и ясно призывала:

«Оставьте все!

Оставьте свою жену, оставьте свою любовницу.

Оставьте надежды и страхи.

Оставьте своих детей на краю леса.

Оставьте добычу в тени.

Оставьте благополучную жизнь, то, что вам дает положение в будущем.

- Отправляйтесь в путь!»

Собравшись у Андре и Симоны Бретон на улице Фонтэн, над двумя кафе, называющимися «Небо» и «Ад», друзья ведут бесконечные споры вокруг слова «отправляться». Оставить все, что любишь, и отправиться в путь — поэты-дадаисты склонны к коренным переменам. Луи Арагон только что подал пример: он «оставил» карьеру врача, нарочно пропустив трамвай, который должен был отвезти его на последний экзамен. Он не станет врачом. Опекун, то есть его настоящий отец, перестал платить ему содержание. Порвав со своей семьей, Арагон, как и Бретон, нашел работу у Дусэ: он второй «великий создатель» библиотеки и коллекции картин кутюрье.

Поль Элюар внешне еще обременен узами того, что «Littérature» предает проклятию: своим очагом, работой, рутинной жизни обеспеченного человека. Но все заметнее становится то, что признаки глубокого страдания, от которого он не может избавиться, нарушают его душевное равнове-

сие и омрачают горизонт. Присутствие Макса Эрнста вынуждает его к опасному пересмотру своих взглядов. Раздираемый любовью и дружбой будучи не в состоянии отказаться ни от одного, ни от другого, он никак не может выбрать. Ему кажется, что он достаточно силен для того, чтобы делиться, но он не может не считаться с Гала. Ее постоянные бурные сцены, нервные срывы доказывают, что она тоже страдает и не может выбрать. Она, заложница ситуации, которую захотел создать Поль, влюблена в Макса и все еще любит Поля. Она переходит от одного к другому — от мужа к любовнику, от любовника к мужу — в безуспешных поисках решения, так и не повстречав счастья. Сердце Гала, более мятежное, чем обычно, балансирует между двумя мужчинами — несомненно, что именно это труднее всего вынести Элюару.

«Иногда Элюарчик бывает в скверном настроении», — пишет Марсель Ноль*, ставший соучастником бессонных ночей поэта. Элюар часто приходит спать к нему, когда не хочет возвращаться в Сен-Брис, в сложную обстановку семейного гнезда.

Приступы плохого настроения Поля как раз приходятся на этот период перехода, который протекал под знаком великой дележки и сомнений. Они страшны своей силой и еще более показательны тем, что редки и удивляют, потому что случаются с человеком мягким и обычно терпеливым превращают спокойного любящего поэта в бешеное животное. Они переворачивают душу малень-

* Неопубликованное письмо, процитированное Пьером Навилем во «Времени сюрреального» (Galilée, 1975). Ноль добавляет: «Но он один из всех друзей любит жизнь, несмотря ни на что».

кой Сесиль, более чем удивляют посетителей «Zelli's» или «Сугано», «Mitchell» или «Pettoquet» — кабаков, в которых Элюар просиживал до утра.

Поль пытается найти забытие в алкоголе, у потаскух или в джазе. Вместе с Нолем — «большим, наивным, некрасивым ребенком с глазами больше, чем жизнь», как о нем писал Арагон, — ночными попутчиками Элюара являются холостяки из группы: Луи Арагон, неутомимый участник праздников с продолжением, Бенжамен Пере и Рене Кревель. От Рынка до Монмартра, от Сен-Дени до Бельвиля бродят они, переходя из одного кафе в другое, от забегаловки к публичному дому, дискутируя и цепляя девок. Часто друзья встречаются рассвет без сна, с осунувшимися лицами, разбитые от выпитого спиртного, хандры и бессоницы. Эти ночи оставляют горький привкус: «Наступает пробуждение с воспоминаниями о плохих снах и ознобом», — пишет Кревель*. В то время как в Сен-Брисе уже спят ребенок, Макс Эрнст и Гала, Элюар едва тащится куда-нибудь.

Опечаленный до такой степени, что не может больше писать, Поль начинает мечтать о великом молчании. «Оставьте все» адресуется тому, что любишь, тому, что держит, тому, что закрепощает. «Оставьте все» относится также и к занятию высшим из искусств — поэзией, а также и к любви. Марсель Дюшан уже объявил об этом в Париже: он решил больше не заниматься живописью. Небытие, этот абсолютный бунт, явилось бы окончательным решением, началом новой жизни. Вся группа по его примеру одно-время будет заигры-

* Письмо Кривеля Жан-Мишелю Франку приводится в книге Франсуа Бюо «Кревель». Grasset, 1991, стр. 51.

вать с идеей «коллективного самоубийства» (имеется в виду самоубийство художественное). Оно состояло бы в том, что все поэты отреклись бы от жизненно необходимого нерва — поэзии. Не творить больше, замолчать — для них это означает прекратить существование. В то время, как Элюар ищет забытие, стремится к саморазрушению, поддается соблазну молчания, которое могло бы положить конец всему, в то время, как его поэтическому творчеству угрожает бесплодие, Макс Эрнст представляет доказательство неизменной и плодотворной энергии. В Сен-Брисе он целыми днями занимается живописью в компании с Гала.

Вот картина, посвященная Андре Бретону, — «Люди об этом ничего не узнают»: аллегория с желтым рогаликом, солнцем, рукой, Землей и свистком. Вот «Убю-император», на которой герой Альфреда Жарри представлен в образе устрашающего волчка с револьверной пулей вместо усов и женским скальпом, закрученным вокруг шеи вместо шарфа. «Неустойчивая женщина» с всклокоченными волосами кажется ослепленной трубой перископа. Вот «Святая Сесиль»: маленькая девочка, играющая на невидимом пианино, как Кревель на картине «Встреча друзей», — пленница «зрячей» стены. «Старик, женщина и цветок» открывает новые перспективы: пейзаж просматривается через тело женщины, открытое, как цветок...

У Макса Эрнста совсем другое состояние души, чем у Элюара. В 1923-1924 годах он пишет на одном дыхании. Ни изгнание, ни Гала не смогли помешать его гению. Если, как это ясно определила Роза-Лу, Гала околдовала ее мужа, то художника в нем ей не удалось сдержать. Напротив. Как на картине, где женщина-цветок предлагает через свое тело беско-

нечность и открывает горизонт. «Прекрасная садовница» является самым лучшим примером любовных отношений, связывающих художника с его моделью. Для этой картины Гала позировала обнаженной. На берегу озера женщина выставляет напоказ свое стройное тело со вскрытым животом. Заметно дыхание ее легких. Голубка закрывает ей низ живота. У нее маленькие груди — эти «неосязаемые груди», о которых Элюар рассказывает в одном стихотворении. За ней, опоясанный листьями и фруктами, пляшет татуированный мужчина.

Вокруг трио, которое образуют вместе с встревоженной и измученной Гала утративший интерес к жизни поэт и пребывающий в состоянии эйфории художник, все остальные тоже переживают неопределенность. Тцара, желая выкрутить руки тем, кто не верит больше ни в шуточки «дада», ни в разрушительные способности плоского юмора, ссорится со своими друзьями вследствие избытка авторитета и энтузиазма. Андре Бретон, который хотел бы направить поэзию к другим, менее деструктивным и более позитивным берегам, сердится еще и потому, что Тцара переманил новичков, таких, как Кревель, и угрожает разбить вдребезги группу из «Littérature». Разрыв ускорится в результате одного события. Шестого июля 1923 года в театре «Мишель» Тцара устраивал представление «Бородатого сердца», дорогой ему пьесы, автором которой он сам являлся и показ которой хотел бы сопровождать чтением стихов, и не только своих, но кое-каких стихов Супо и Элюара; у них самих он ничего не попросил и решил перемешать их стихи — из провокационных соображений — с текстами Жана Кокто! На сцене рядом с Тцара находились Рене Кревель, Жак Барон и Пьер де Масо — молодежь, которую он «на-

нял к себе на работу». Художница Соня Делоне, хорошая подруга Тцара и Кревеля, сделала им невероятные костюмы. Пришедшие, чтобы поулюлюкать, Арагон, Бретон, Элюар, Деснос и Пере устраивают в зале огушительный гвалт. Когда Масо оскорбляет Пикассо («Умер на поле чести!»), Бретон встает и с воплями поднимается на сцену, требуя извинений. Не получив их, он ударом трости ломает руку непокорному артисту. Вызванная Тцара полиция входит в театр, выдворяет оттуда Бретона, затем Десноса и Пере — они орут и дерутся до тех пор, пока их не выводят на улицу. Элюар из протеста против насилия полиции тоже вскакивает на подмостки, за ним следом — Ноль и Арагон. Поль дает Тцара пощечину. Он дает почешину Кревелю. Рабочие опускают занавес, хватают Поля за руки и оттаскивают. Он падает на пол. Тцара хочет ударить его тростью своего приятеля Ильи Зданевича, прозванного Ильяздом, но Илья цепляется за трость: он любит Элюара. Ноль и Арагон стеной встают вокруг поэта. Потасовка заканчивается на улице: в кулачном бою принимают участие актеры, авторы и зрители — под присмотром полиции, но без ее вмешательства.

Несколько дней спустя Тцара, оказавшийся под угрозой оплаты из своего кармана электрической рампы, разбитой неизвестно какой стороной, хочет возложить возмещение убытков на Элюара: Тцара просит у него восемь тысяч франков. Префект полиции запретил постановки «Бородатого сердца», и это стало серьезной утратой для румына, которого Элюар с тех пор из мстительности стал называть болгаринном. Бретону он выскажет свой короткий комментарий по поводу вечера, узаконившего разногласия: «Все вздрогнули».

Полю Элюару плохо. Его супружеская жизнь

дышит на ладан. Нет поэтического вдохновения. Ссоры с друзьями. И его все более и более удручает работа: на улице Ордене, где он все еще служащий у своего отца — (служащий» — это слово пишет Клеман Грендель на доверенностях, которые дает своему сыну), торговые сделки ему более чем наскучили. Они вызывают у Поля депрессию: он сам должен регулировать человеческие проблемы, связанные с приобретением и сдачей участков, и, пересиливая себя, пишет постановления о продажах с торгов, снятиях ареста, об отказе слишком скромным клиентам. Работа вызывает у него отвращение: он не находит в ней ни малейшего облегчения своим страданиям.

Родителей беспокоит то, что в дом Поля внедрил немецкий художник, у которого, если верить Полю, редчайший из талантов, но живет он за их счет, нахлебником, в скандальной близости с Гала. Клеман Грендель, благосостояние которого растет с каждым днем, приобрел великолепное имение в Монлиньоне, в лесу Монморанси. Он хотел бы, чтобы сын переехал в расположенный неподалеку, за парком, домик. Когда Элюар отказался, испугавшись, что придется жить слишком скученно, добрый папочка купил ему виллу на участке в две тысячи квадратных метров, на расстоянии в четверть часа от своего владения, в маленьком городке Обон. Уголок довольно уединенный, но воздух в нем напоен лесом. Теперь уж до Парижа не добраться на поезде. И Поль, и Гала не умеют водить машину и попадают в полную зависимость от транспорта Клемана Гренделя: от машины, которую он водит сам, или от той, которую доверил шоферу. Супруги соглашаются. В двадцать девять лет Поль становится собственником. Но вскоре Клемана Гренделя постигнет разочарова-

ние: он надеялся приблизить сына и невестку к зоне своего влияния, подарив им домик, расположенный по соседству, и оттеснить чужака, но тщетно.

«Кукольный домик» в Обоне, как скажет Элюар, прячется за каменным забором, в саду из каштановых деревьев и секвой. Эта хорошенькая вила под номером 4 на авеню Энок («Номер телефона в Обоне — 45», — читаем в записной книжке Бретона, январская запись 1924 года) — что-то среднее между стилем «модерн» и подражанием стилю Людовика XVI. У нее черепичная крыша и светлый фасад, украшенный керамическим фризом с изображением лотосов. В высоком первом этаже расположены кухня, гостиная и столовая. На втором этаже — комната супругов, комната Сесиль и ванная комната. Родители Поля думали, что их сын мог бы устроить на третьем этаже свой кабинет или игровую комнату для Сесиль, лишь бы он не превращал ее в чердак, едва устроившись в доме. Поль принимает твердое решение: нужно разрушить часть стены под крышей, с северной стороны, и — что очень удивило родителей — застеклить ее большими витражами. На третьем этаже будет мастерская. Для кого? Для Макса Эрнста, конечно! Поль Элюар это ему пообещал. Художники — возможно, Клеман Грендель об этом не знал — любят работать при северном освещении.

Новоселье они отпразднуют втроем и проживут дальше под одной крышей, в муках, причиняемых любовью и дружбой.

ДОМ МЕЧТАНИЙ

В Обоне, в своем доме, поэт сразу же разместит библиотеку и предметы, дающие ему возможность мечтать. Поль, как компетентный коллекционер, собирал фетиши, тотемы, кукол, тамтамы из Африки и Океании — с континентов, воображаемым исследователем которых он стал. Но Обон — это еще и дом художника: из мастерской, где он работает, Эрнст спускает большие картины и вешает их в гостиной, в столовой или в супружеской спальне. В доказательство подлинного творческого безумия, как будто место питает его вдохновение, Макс Эрнст не довольствуется тем, что создает картину за картиной, — он пишет на стенах, на потолке, на дверях, его искусство захватывает весь дом, выплескивается на владения Элюара и поселяется повсюду. Оно так сильно и эксцентрично, что заставляет забыть обо всем остальном в доме. Его искусство преобразило дом.

Луи Арагон по просьбе Дусэ, в надежде убедить его наконец в том, что Макс Эрнст талантлив, пишет так: его картины — «это апокалиптические пейзажи, невиданные места, пророчества. Он переносит вас на другие планеты, в другие эры, к огромным вулканическим лианам, огромным угольным пустошам»*.

* «Макс Эрнст, художник иллюзий в коллажах». Hermann, 1965.

Мир, представленный на картинах Макса Эрнста, с его странными и страшными грезами и горьким юмором, на первый взгляд, совсем не то, чем хочется украсить свою гостиную. «Кто такой Макс Эрнст?» — спрашивал Бретон у спящего Десноса. «Водолаз и испанская грамматика», — отвечал Деснос.

Миролюбивый и милый художник с глазами цвета лазури, сдержанность которого с первого взгляда успокаивает, «очаровательный молодой человек», как о нем говорит его врач, рисует кошмары, в которых непросто понять, где мир реальный, где безумие, и в которых безгранично, с полным размахом господствует абсурд, насмешка, страх. «От его картин хочется вопить... — говорит врач. — В самом деле, можно подумать, что это написано сумасшедшим». Эрнст, у которого не было ни гроша, расплатился с врачом своей картиной*.

Хотя, как и Элюар, Гала, в отличие от славного доктора, восхищается всем, что пишет Макс Эрнст, его мир не раз удивлял ее и обескураживал. Нет, впрочем, ничего более не похожего на поэзию ее мужа, вызывающую с самой естественно простотой, с идеальной строгостью и чистотой на свет повседневной жизни человеческие чувства, все, что мужчины, женщины, дети планеты Земля могут ощутить или воспринять, нет ничего более не похожего на нежный, ностальгический мир Элюара, чем живопись Макса Эрнста, с его видениями, которые, как говорит Арагон, переносят того, кто их созерцает, на другие планеты. Па-

* Этот анекдот был рассказан Жаком Бароном в книге «Год первый сюрреализма». Denoël, 1969.

радоксально, что Макс Эрнст, «очаровательный» приятель, игрок, балагур, — художник с тревожными фантазмами. Элюар всегда описывал и воспевал Гала только как женщину в большей или меньшей степени чувственную, кокетливую, возвышенную, деспотичную и изменчивую в соответствии с красками их совместной жизни. Эрнст, напротив, ее преображает. Он представляет ее по-другому; конечно, в женском облике, но как бы упавшей из другой галактики, освобожденной от законов тяготения: закрученной вокруг одной линии или висящей в воздухе, со вскрытым животом, с красными волосами, без глаз или покрытой насекомыми... Из-под его кисти она выходит ирреальной или сюрреальной. Удивление, смешанное с тревогой, — для Гала это новое ощущение в любви, очень далекое от чувства безопасности, которое дает ей обожание Элюара с его вечными комплиментами.

Именно в Обоне Макс Эрнст начинает и заканчивает загадочную картину «Пьета, или Революция ночи», которая многие месяцы будет украшать одну из стен гостиной и которую затем купит Бретон: буржуа с большими усами, в костюме, в галстуке и в котелке держит на руках бездыханного молодого человека, худоба, светловолосость и орлиный профиль которого напоминают автопортрет художника*; изображаемый на втором плане, на последней ступеньке лестницы, другой человек — бородатый, с закрытыми глазами, опущенными плечами — производит невероятно

* Такова, по крайней мере, интерпретация Сарэна Александриана в его книге «Макс Эрнст». Somogy, 1992, стр. 60.

грустное впечатление: висит одной ногой в пустоте рядом с белой трубкой душа. Абсурд или символ? Это ночная сцена, о чем можно догадаться по темному фону и бледным лицам, будто бы освещенным светом луны. «Пьета»* — так назвал Макс Эрнст картину, в которой ищут и не находят Богородицу, если только она здесь не представлена в мужском обличье и в шляпе. Что такое «Революция ночи»? Загадка, ребус? Гимн ночи? Закамуфлированное выражение страхов и вины художника? Искусствовед Сарэн Александриан истолковывал произведение в свете личной драмы в Обоне. В стоящем персонаже, в его явном смирении, в его отчаянии он угадывал Поля Элюара в 1923-1924 годах и его страдания. Оба персонажа, красивый молодой человек и грустный молодой человек, подчеркивает он, равным образом пассивны: один (бесстрастный) и другой (удрученный) подчинены вирильной силе, рабами которой являются. Не Гала ли этот деспот? Хотя в картине заключена огромная сила, тайна и каждый, кто ее рассматривает, может получить о ней собственное впечатление, не связанное с биографией художника, она является типичной для живописи обонского периода Макса Эрнста из-за своей необычности, мощи и неразгаданных секретов. «Великое искусство по большей части двусмысленно». «Революция ночи» выражает триумф онейризма, превосходство вещей, созданных в состоянии сна.

Можно представить себе атмосферу дома в Обоне, создаваемую стенами, покрытыми, как в итальянском дворце эпохи Возрождения, фресками с изо-

* Пьета — изображение скорбящей матери (прим. пер.).

бражением грез или наступающих друг на друга кошмаров художника. Вся гостиная, две угловых стены которой высотой больше чем в два метра разрисованы Максом Эрнстом, создает иллюзию волшебного сада, увитого синими и зелеными лианами. Гала в нем — царица. С поднятой рукой, с наклоненной головой, обнаженная, с животом, открывающим внутренности, она доминирует над пейзажем. Эрнст изобразил то, что составляет красоту ее тела более, чем гармоничные пропорции, более, чем длинные красивые ноги, более, чем ее девические груди: он передал ее королевскую поступь, статность. Гала соединяет в себе два редко совместимых достоинства, которые Макс Эрнст точно передал на фреске: силу и грациозность.

Вокруг нее играют волнующие и забавные призраки рая, созданного Эрнстом: чудесная канарейка; утки катаются на велосипеде (на «гидровелосипеде») в бассейне; нос (без лица) в форме тромбона; смешной человечек держит ногу на охрового цвета парусе прогулочного кораблика; множество жучков-богомолов, известных своей прожорливостью; руки, которые, как и нос, никому не принадлежат и, кажется, выступают из стены; обнявшиеся мужчины и женщины в саркофаге... И повсюду — напоминающие первозданные джунгли синие и зеленые лианы; откуда возникает, как наваждение, одно и то же женское лицо.

Фантазмы Макса Эрнста не ограничиваются гостиной. Они поднимаются выше: на этаже под мастерской они делают из комнаты Сесиль с простым фризом из цветов и странных животных детскую комнату, населенную персонажами из сказок для детей, рожденных от сумасшедших. Они проникают в ванную комнату, где огромная ягода

земляники, уродливая, как монстр, растягивается до потолка. Они, наконец, распространяются по спальне Поля и Гала: Макс Эрнст там изображает Гала в полный рост — на двери, как раз рядом с кроватью. Она, в гимнастическом трико, с обнаженной грудью и завязанными глазами, обвивает собой синию лиану. В руках у нее — белый паук.

Интерьер дома в Обоне так удивляет, что у Андре Бретона, благосклонного к Макс Э́рнсту и являющегося одним из рьяных его защитников, вырвался крик ужаса, когда он пришел туда с Симоной на ужин: «Подумать только, что в пригороде, в деревне, от нас прячут такие фокусы!» Действительно, Поль Элюар среди оптических иллюзий Макса Эрнста, которые он непременно показывает всем своим посетителям (он ими гордится), собрал и все, что любит сам, и все эти вещи, задвинутые на второй план невероятно агрессивными красками волшебного сада, составляют его собственный рай. Купленные на распродажах старинные книги находятся рядом со сборниками стихов, посвященных Полю его друзьями, картинами Дерена, Пикабиа, Кирико, Пикассо, Мари Лоренсен, африканскими масками и тотемами из Океании, вазами и фетишами первобытных племен и, наконец, народными куклами — их обожает Гала — из Нью-Мехико. В Обоне, в пригородном домике, с виду ничем не примечательном, за воротами прячется необыкновенный бедлам. Два воображаемых мира — мир поэта и мир художника — сосуществуют и способствуют созданию странной, неповторимой атмосферы того, что Бретон называет «фокусами» Обона, — созданию хаотического нагромождения наваждений.

Гала нравится этот мир. Ей был ненавистен бур-

жуазный интерьер в доме на улице Ордене. А здесь, на этой вилле, напоминающий волшебный дворец, переделанный то ли в лавку подержанных вещей, то ли в пещеру Али-Бабы, то ли в дом, населенный привидениями, ей очень нравится прогуливаться среди останков исчезнувших цивилизаций и среди красок мира, существующего лишь во сне. Оба, художник и поэт, заставляют ее мечтать. Каждый уводит ее слишком далеко от тусклой обыденности. Вот почему она так любит свой дом — интимный и сказочный, не вписывающийся ни в какие нормы, несущий в себе следы людей искусства.

Раздел, однако, неравный, один мир подавляет другой: в Обоне гений Макса затмевает гений Поля, созидательная сила на стороне художника. С самого порога — об этом говорят все свидетели — создается очень необычное впечатление: полагаешь, чтоходишь к Полю Элюару, а на самом деле совершенно неожиданно попадаешь к Максу Эрнсту. Весь дом раскрашен цветами его воображения. Это в его атмосфере, в его фантазмах, выставленных напоказ на всех стенах, на дверях и даже на потолке детской комнаты, Поль живет, ест, спит, пишет иногда, читает, играет с ребенком или любит Гала. Он позволяет себя поработить, он не противится этому. Он восхищается художником, своим другом. Он помогает ему материально, не только предоставляя крышу, но и покупая холсты. Поль все еще считает его, несмотря на страдания от дележки, пришедшие на смену прежнему восторгу, своим кровным братом. Его разъяренные родители хотели бы, чтобы сын избавился от нахлебника, но он им объясняет, что верит в гениальность Макса Эрнста, в его одаренность.

Редкие стихи, написанные Полем в обонский

период, все же передают его грусть: впервые он чувствует себя исключенным из любви Гала. В глазах Гала и Макса он потерял все шансы на успех. Он превратился в беспомощного зрителя, жертву собственного благородства и дружеских порывов. «Я это хорошо знаю», — пишет он в предисловии к поэме «Обнаженность правды»*.

У отчаянья крыльев нет,
И у любви их нет,
[...]
Я не двигаюсь,
Я на них не гляжу,
Не говорю им ни слова,
И все-таки я живой,
Потому что моя любовь
И отчаянье живы.

ИНТЕРЛЮДИЯ НА ПРОДУВАЕМЫХ ВЕТРОМ ОСТРОВАХ

24 марта 1924 года Поль исчезает. Он не предупредил ни Гала, ни Макса Эрнста о своем намерении уехать в путешествие или распрощаться с жизнью. Бретон и Тцара, два признан-

* «Полн. собр». Pléiade, т. 1, стр. 149. «Обнаженность правды» — одно из стихотворений сборника «Умирать от того, что не умер» (перевод М. Ваксмахера).

ных шефа группы поэтов, также ничего не знают о его желании уехать или порвать со всеми. Рене Кревель и Марсель Ноль, товарищи Поля по ночным забавам, также не знают, где он. Только Луи Арагон — он признается в этом намного позже* — имел накануне беседу с ним и очень встревожился, когда Элюар поведал ему о своих разочарованиях и горечи, о желании покончить с мучительным настоящим, которое, как ему кажется, ведет в тупик.

Он не предупредил никого, кроме отца, отправив ему утром перед тем, как сбежать, письмо по пневматической почте. Элюар, дойдя до крайней точки отчаяния, не покончил с собой. Он уехал в путешествие. Никто не знает, куда и на какое время. «С меня хватит, я уезжаю в путешествие»**, — послание более чем туманное. Разочарованный Поль уехал не пустым: «Я беру с собой деньги, имеющиеся у меня, — пишет он своему отцу, — то есть семнадцать тысяч франков». Огромная сумма — около ста пятидесяти тысяч сегодняшних франков.

«Не пускай по моему следу полицию — ни государственную, ни частную, — заявляет непокорный сын. — Первого, кто начнет путаться у меня под ногами, я обезврежу. А это сможет запятнать твое имя». Ни одного нежного слова! Тон воинственный и властный. Поль Элюар не нуждается в отцовских советах, не ждет благословения. «Ты скажешь, что я уехал в санаторий, в Швейцарию», — холодно продолжает он, посвящая последние слова не матери, которую даже не упоминает, а своей жене и дочери. «Позаботь-

* В книге «Человек-коммунист». Gallimard, 1953, т. 2, стр. 188.

** Приводится Робером Валетом в «Юношеских письмах», Seghers, 1962.

ся как можно лучше о Гала и Сесиль», — приказывает он. Больше ничего, точка!

Поль Элюар испарился. Никто не знает, в каком направлении его искать. Во Франции ли он, в Швейцарии или у черта на куличках? Несчастный поэт, решивший отвернуться от рутины и горя, мог отправиться куда угодно. Почти тотчас же распространившаяся в группе новость произвела эффект разорвавшейся бомбы. Не прошло и трех дней после получения Клеманом Гренделем письма, а Симона Бретон уже так описывает событие своей кузине Дениз: «Элюар исчез с понедельника. Он взял с собой семнадцать тысяч франков и угрожал в письме отцу, что убьет первого, кто будет его искать. Желание уехать росло в нем с каждым днем, особенно в последний период, когда он проводил время в кабаках с Нолем и Арагоном, соря деньгами, пьяный, боясь отправиться спать к себе домой, одинокий. Он уехал. Андре говорит, что никогда его больше не увидит»*.

Его неожиданный, необъяснимый отъезд, конечно же, напомнил всем этим дадаистам с романтической душой бегство самого любимого их поэта — Артюра Рембо. Тот тоже исчез однажды без объяснений, не оставив адреса. В двадцатилетнем возрасте, после того, как написал «Озарения» и «Сквозь ад», Рембо окончательно порвал с творчеством, обещавшим головокружительный успех. Элюару двадцать девять, скоро тридцать, он считает, что жизнь его как поэта закончилась.

Он оставляет завещание. Его последний сборник — он сам уточняет в предисловии, что речь

* Письмо приводится Пьером Навилем в книге «Время сюрреализма».

идет о последнем, — «Умирать от того, что не умер». Элюар подписал его в печать накануне, 23 марта. Заголовок объясняет состояние его души: невесел и далек от оптимизма. Поль заимствовал изречение из «Святой Терезы» д'Авила: «Que тиего ро-
que по тиего». Посвященный Андре Бретону, «чтобы все упростить», сборник вышел с обложкой, подходящей к обстоятельствам: на ней изображен нарисованный Максом Эрнстом портрет Элюара. В то время как в стихах говорится об одиночестве и грусти, о любви побежденной, о любви преданной, лицо поэта, тонкое и неуловимое, появляется из-под пера того, кто его погубил. Мертвый без смерти, Поль Элюар оставляет завещание уязвленного, огорченного человека, чьи стихи должны были бы задеть трагические струны в сердце Гала и всех свидетелей их любви. «Как извлечь удовольствие из всего?» — спрашивает поэт в стихотворении «В сердце моей любви»*. «Лучше все стереть», — отвечает он.

Одно из стихотворений называется «Не помня зла»**.

Слезы в глазах, и на сердце горе,
Постылое горе, унылые слезы,
Живой человек, ничего он не просит,
Печален в тюрьме и печален на воле.
[...]
Смутная тень ...
Все несчастья на свете,
А над ними любовь моя
Псом неприютным.

* «В сердце моей любви». Pléiade, т. 1, стр. 138.

** Там же, стр. 148 (пер. М.Ваксмахера).

Что думает Гала? Что думает она о муже, уехавшем, не дав ей знака, адресовавшем ей с другого конца света, а может быть, из потустороннего мира такое патетическое признание в своей любви и в своем отчаянии? Чувствует ли она себя виновной в том, что двойной любовной игрой довела Поля до столь отчаянного поступка? А может быть, напротив, сердится за то, что он оставил ее, не сказав ни слова, в ее жизни, лишенной определенности, с любовником, которого все еще считает своим другом? Она всего лишь взволнована или глубоко встревожена? Настроена оптимистически или пессимистически? Андре Бретон, три дня спустя случайно встретивший Гала на улице, так судит о ней: «... Спокойна... Хочет работать»*. Симона Бретон — возможно, потому, что она женщина, — объективнее оценивает ее драму: «Гала, — пишет она в письме к Дениз, осталась с четырьмястами франков, малышкой и в ситуации невозможной — из-за Макса Эрнста. Грендели будут ей помогать только, если он уедет. А он — это все, что ей остается».

Отъезд Элюара означает для Гала расставание. Как верно замечает Симона Бретон, она осталась без гроша, с ребенком на руках. Отвергнутая родителями Поля, в абсолютном одиночестве, она может лишь рассчитывать на материальную помощь любовника, но он сам живет за счет ее семьи. Гала осталась без средств и без дружеского участия, потому что не только родители, но и друзья Поля отвернулись от нее: они не могут простить ей отчаяния Элюара. Ни Бретон, ни Арагон, ни

* Рассказано Симоной Бретон в уже упомянутом письме.

кто-либо из поэтов группы не предложит ей помощи. Никто даже не поинтересуется, как она живет. Как только исчез Элюар, Гала сразу же вышла из клана и все двери перед ней закрылись. И то, что Гала иностранка, не облегчает ее положения: кроме друзей мужа, у нее во Франции нет ни родственников, ни связей. Она оказалась сиротой. С Максом в качестве утешения.

Хрупкая и слабая, когда все идет хорошо, Гала становится сильной в несчастье. Она человек твердых решений, умеет правильно оценивать положение вещей и по природе своей невосприимчива к ностальгии так же, как к сожалениям и угрызениям совести — чувствам, происходящим из прошлого, а оно Гала безразлично, потому что она живет только будущим. Будущее весной 1924 года означает отсутствие одного мужчины и опасное присутствие другого, а так как родители Поля перестали интересоваться ее судьбой, ей предстоит решать множество проблем: нужно найти средства к существованию. Гала не хнычет, говорит Бретон, — она сохраняет спокойствие и переходит к действию.

Раньше Гала терялась от неуверенности и сомнений, устраивая бурные сцены в поисках решения, пытаясь разобраться с обоими мужчинами, которых любила, но отъезд Элюара, не сломивший ее и не заставивший чувствовать себя еще более виновной, вернул Гала в действительность, наделив утраченным за время всей этой истории хладнокровием. Она вновь стала хозяйкой своей судьбы. Гала собирается начать работать. Не имея никакого диплома и никакого профессионального опыта, она решает заняться уличной продажей шейных платков и галстуков. Макс Эрнст мог бы

для них расписывать шелк, а она сама бы их шила. Соотечественник Гала Илья Зданевич (Ильязд) неплохо зарабатывает на шарфах, расписанных его подругой Соней Делоне. Гала пишет Ильязду и просит совета: «В наше время так мало друзей, вы ведь знаете». Она сдержанна, не жалуется на судьбу и с большим изяществом комментирует свою участь: «За исключением всех этих вещей (она только что спрашивала, как организовать торговлю на дому), все невероятно грустно».

В их дуэте слабее был Поль. Он приехал в Марсель, чтобы отправиться в долгое путешествие. До этого он остановился в Ницце, в отеле «Болье»: «Я так там плакал...» — признается он однажды*.

Поль неожиданно уехал, не оставил адреса, но он не может окончательно отвернуться от Гала, не может обходиться без нее. Очень скоро он напишет ей, чтобы сообщить, где находится и куда она сможет к нему приехать. Заботясь о финансовых делах жены, Элюар начинает с того, что посылает ей доверенность на продажу части их имущества: африканских вещей, книг, картин. На полученные деньги она купит билет на корабль. Гала, покинутая друзьями Поля, никому ничего не скажет. В то время как Бретон считает, что Элюар уехал навсегда, Арагон выпускает «*Le Paysan de Paris*», а вся группа продолжает свои художественные поиски. В то время, как они хоронят «дада» и, чтобы определить программу на будущее, выбирают в память об Аполлинере название **сюрреализм****, Элюар находится от них в тысячах километров.

* «Письма к Гала». Цит. соч., стр. 69 (июнь 1929).

** Слово взято из драмы «Сосцы Тересия», где оно употреблено в первый раз.

Гала это знает и никому об этом не говорит, кроме Макса Эрнста, конечно, который продолжает с ней жить и помогает как только может.

Поль написал Гала в мае месяце, что он на Таити. Он сел 15 апреля на «Антиноус», грузо-пассажирское судно, занимающееся морскими перевозками, с трюмами, загруженными копррой и с сотней пассажиров на палубе. Поль сделал остановку на Антильских островах, в Панаме и после шести недель путешествия по воде высадился в Папезте 30 мая. «Только ты мне дорога, я люблю только тебя. Я никогда никого, кроме тебя, не любил. Я ничего другого не люблю», — пишет сокрушенный Поль Гала, добавляя к письму двести марок. И далее: «Я целую тебя всюду. Я думал только о тебе каждую минуту твоего отсутствия»*. Это он уехал, это он сожалеет. По его собственному признанию, Поль хандрит. К туризму он безразличен. Он не обладает бойцовской закалкой, он также не похож ни на Сандрара, ни на Мальро**. Поль убивает время с таитянками, в окружении которых фотографируется в пареро, со злобщим выражением на страшно худом лице, с выступающими ребрами. Он пытался забыть Гала с помощью экзотики, но не смог: Поль скучает без нее, нуждается в ней, просит ее приехать. «Она приходит, но приходит лишь в полночь, когда все белые птицы сомкнули свои крылья над беспас-

* «Письма к Гала», стр. 17.

** Блез Сандрар (1887 — 1961) — французский писатель швейцарского происхождения; очень много путешествовал. Андре Мальро (1901—1976) — писатель и государственный деятель (был министром культуры Франции с 1959 по 1969 год), автор романа «Завоеватели» и др. (прим. пер.).

мятством сумерек, когда сестра мириад жемчужин спрячет обе руки в своих мертвых волосах»^{*}.

Гала не боится ни путешествий, ни моря, ни кораблей, ни даже опасных сирен, которые, кажется, так мало интересуют Поля вдали от нее. Ее единственная проблема — это деньги: как приехать к Полю, если ей здесь едва хватает на что жить с Сесиль и Максом? Несмотря на мольбу Жанны Грендель, снисходительной матери, тотчас простившей сыну неожиданный отъезд, Клеман Грендель отказывается смириться и оплатить поездку. У Гала не остается выхода: благодаря доверенности, высланной мужем, она организовывает продажу сокровищ, которые Элюар с любовью собирал. Это должно позволить ей присоединиться к Полю на другом конце земли. 7 июля в Друо на распродажу представлены семь рисунков и пять полотен Пикассо, четыре картины Хуана Гриса, три — Дерена, две — Брака, восемь — Кирико, три — Пикабия, одна — Мари Лоренсен, а также три картины Макса Эрнста, написанные маслом, которые почти ничего не принесут^{**}, негритянские маски, перуанские изделия из терракоты, персидский шлем и несколько китчевых старых вещей, не представляющих большого интереса. Из вырученных от продажи денег Гала в первую очередь возвращает свекру семнадцать тысяч франков, которые увез Поль, потом оплачивает другие свои долги, оставляет дочь свекрови и, наконец, покупает себе билет на корабль до Сайгона. Поль Элюар к тому вре-

^{*} Из «Града скорби». *Pléade*, т. 1, стр. 169.

^{**} Они распродадутся подешевке, меньше чем за 180 франков — максимальная цена, по которой пошла картина «В интерьере зрения».

мени покинет Папезте и через Сингапур, на том же самом «Антиноусе», где уже провел столько «долгих дней... дней разбитых зеркал и потерянных иголок, дней сомкнутых на горизонте моря век»*, переберется в Индокитай.

Макс Эрнст решил сопровождать Гала и тоже поехать к Полю. Так как ни один меценат во Франции не интересуется его живописью, Макс, для того чтобы уехать, дешево продает несколько своих полотен старой почитательнице художеств и художников — дюссельдорфской кондитерше, которая уже однажды помогла в юности и которую он называет Mutter Ei**. Среди этих полотен была картина, для которой позировала Гала, — «Прекрасная садовница». Она была выставлена в «Салоне Независимых» и привлекла внимание Дусэ, а тот — не без помощи Бретона — несомненно, купил бы ее, если бы не его супруга, шокированная обнаженностью модели.

У этой картины странная биография: ее приобретет дюссельдорфский музей, затем она будет представлена в Мюнхене на выставке «дегенеративного искусства» в 1937 году, среди произведений, отвергаемых новым режимом, а потом, вероятно, ее уничтожили нацисты. Картина исчезла.

И вот, после четырех месяцев разлуки трио из Гала, Макса и Поля Элюара воссоединилось в Сайгоне. Они живут в отеле «Казино». Они будут оставаться вместе до тех пор, пока не соберут деньги на обратное путешествие: с 11 августа (вероятная дата прибытия в Сайгон пакетбота «Поль Лека»)

* «Град скорби». *Pléiade*, т. 1, стр. 187.

** Mutter Ei (нем.) — Мамаша Яйцо (прим. пер.).

до 5 сентября (вероятная дата посадки Поля и Гала на корабль «Гёнтер», отплывающий на Марсель)*.

У любителей к перемене мест эта индокитайская прогулка вряд ли вызвала бы интерес. Поль Элюар назовет ее позже «идиотским путешествием». Бесплезно было бы приукрашивать этот эпизод, добавляя подробности о бутенвилиях**, мушкетерских кроватях, курильнях опиума к каникулам, которым недостает экзотики. И это самое малое, что можно сказать об интересе, или даже любознательности наших героев по отношению к другой цивилизации, другому миру, отличному от их собственного.

Индокитай — неподходящее место для примирений, когда не знаешь, как это будет происходить: быстро, трудно, невзначай или в результате выяснения отношений. Ни Поль, ни Гала никогда не станут рассказывать об этом путешествии (интерлюдии в их любви), которое не расширило, не изменило горизонта, но вернуло мир в семью.

В Сайгоне трио, просуществовавшее два года, распадется. Макс Эрнст удаляется в одиночестве, а супруги воссоединяются. Они вернутся в Париж вместе. Макс, возможно, чтобы сохранить еще очень неустойчивое равновесие, на несколько недель продлит свое путешествие. Вернувшись, он переедет из Обона.

«Гала приехала. Рад вернуться к вам — так же, как и к земельным участкам...» Успокоившийся Поль

* Маршрут путешествия был восстановлен Жан-Шарлем Гато в его произведении об Элюаре (цит. соч., стр. 119 и последующие) со множеством вопросительных знаков.

** Бутенвилия — вьющееся растение родом из Америки. Названо по имени Бутенвиля, навигатора (прим. пер.).

Элюар начинает телеграфировать своим родителям с 12 августа. Он остерегается им сказать, что Макс Эрнст приехал вместе с Гала и что они все встретились под индокитайским небом. Произошло полное семейное примирение, никаких туч. Элюар готовится к возвращению в Париж под руку с женой, без компаньона отныне исключенного: его дружба спутала все карты. Он намерен вести себя так, будто ничего не произошло, как если бы никакая буря не задевала гнездышка, в котором его ждут родители, успокоившиеся тем, что их послушный мальчик возвращается с намерением вновь приняться за работу. *«Рад вернуться к вам — так же, как и к участкам. Произошло не по вашей вине. Отвечайте телеграфом. Вас всегда любил. Грендель. Отель "Казино". Сайгон».*

Возникшие денежные проблемы вскоре будут решены (они задерживают возвращение блудного сына). Сын взывает к помощи в телеграмме, датированной 28 августа: *«Собираемся выезжать. Жизнь очень дорогая. Отправьте быстро чек не менее чем на десять тысяч с предписаниями банку Индокитая».* Клеман Грендель оплатит расходы, не заставив себя упрашивать. Неизвестно, была ли дана часть суммы Максу Эрнсту или он сам должен был выкручиваться, несмотря на «дорогую жизнь», чтобы вернуться во Францию. В то время как законные супруги воссоединяются, устраняя «любовника», другая пара переживает в том же Сайгоне — о чем первая не знает — другие перипетии: приговоренный трибуналом Пномпеня к трем годам тюрьмы строгого режима за разграбление барельефов храма Bentaï Srei Андре Мальро готовит апелляцию. Его жена Клара отплывает во Францию, чтобы организовать поддер-

жку неосторожному мужу-авантюристу. Из-за Мальро ей удастся объединить парижскую интеллигенцию — Андре Бретон не останется в стороне, в то время как в Индокитае Гала и Поль Элюар (они ничего не сообщили друзьям в Париж) ходят по Сайгону, ничем не выделяясь из толпы, и никто не знает, кроме, конечно, родителей Поля, где они находятся.

Появление Элюара после шести месяцев отсутствия и молчания вызывает в группе почти такое же удивление, как его отъезд. Друзья думали, что он умер или вычеркнут из жизни, как Рембо, считали, что он не вернется. По словам Супо и Навиля, никто никогда не говорил о Элюаре за все это время, хотя его не хватало всем.

— «Исчезновение человека ставит серьезный вопрос, — пишет Навиль. — Я не говорю о смерти, которая все упрощает. Но вдруг — пустота. Где он? След остается, но ветер замечает и этот знак...» Именно так и было, если только друзья-поэты не разочарованы банальностью возвращения к прежней жизни. Симона Бретон выразила мнение группы, ничего не понявшей в этом странном полубегстве, в этом бунте, который таковым не оказался, в этом разрыве, так быстро сменившемся новым счастьем. «Элюар вернулся. Без комментариев» — пишет Симона своей кузине Дениз, которую держит в курсе всех перипетий клана. — Это событие, вызвавшее различные впечатления, больше не обсуждается». Индокитайская история Элюара — в противоположность истории Мальро — не интересует никого, кроме Гала, его самого и, может быть, Макса Эрнста, ставшего второстепенным персонажем. С обоюдного согласия заинтересо-

ванные стороны никогда ничего не будут рассказывать о своем приключении. Они опустят этот эпизод в глубины своей памяти, где он, относящийся к печальному периоду их жизни, будет храниться. Затем его сотрут из памяти. Ни Поль, ни Гала не любили о нем говорить.

Андре Бретон, подписавший петицию в защиту Андре Мальро, иронически отзывается о вожаке поэта, сотрудничающего в «Littérature»: «Ты знаешь, — пишет он Марселю Нолу, — Элюару было совсем неплохо на Таити, на Яве, затем в Сайгоне с Гала и Эрнстом [...]. Все осталось по-прежнему, вне всякого сомнения. Это были всего лишь каникулы». Луи Арагон едва ли менее трогателен, чем раньше: «Мне Элюара очень не хватало, трудно представить как. И неважно, что я еще раз одурачен. Я решил таким оставаться раз и навсегда».

Вернувшись в Обон к фрескам Макса Эрнста (немногому из того, что осталось от коллекции), Элюар принимается за работу в агентстве по продаже недвижимости. «Пусть тот, кто не оплакивал каждый вечер своей жизни, глупость человеческую и долг, продиктованный ему самой насущной необходимостью, умолкнет»*. Поэт вернулся в строй. Гала? Никому до нее нет дела. Если возвращение поэта не вызывает никаких волнений и едва ли влияет на течение поэзии, то возвращение Гала откровенно раздражает кружок бывших дадаистов. Индокитайский эпизод еще больше усугубил всеобщее недоверие и антипатию по отношению к ней. Вот почему Симона Бретон признается Дениз в своей

* «Найденные поэмы», текст 1925 года. Pléiade, т. 2, стр. 799.

аллергии: «Я никогда не прощу ей даже не ложь, но ее лживое поведение в момент его отъезда. Я испытываю к ней безграничное отвращение. Я не прощаю, когда у меня крадут мои эмоции. Тем более, эмоции Андре»*. В чем одни и другие упрекают Гала, так это в ее безнадежном молчании, являющемся доказательством непримиримого характера и независимости, а это раздражает группу, где всякое решение принимается сообща. Если Элюар возвращается в кружок «как если бы ничего не произошло», по формулировке Бретона, то Гала, которая, впрочем, никогда в него по-настоящему не входила, отныне больше, чем когда-либо, держат на расстоянии. В глазах свидетелей она подозрительный элемент, возмутитель спокойствия, она колдунья. Виктор Крастр, один из поэтов, сотрудничавший в «Clarte», журнале идейно близком и в то же время соперничающем, предводитель другой группы художников и, следовательно, сторонний наблюдатель, не знакомый с подробностями семейных ссор, так воспринимал необычную ауру Гала: «Казалось, что эта худая славянка с пламенными глазами одержима какой-то невероятной силой (силой зла?); было что-то колдовское в ней, в молодой и очаровательной колдунье; от нее исходило колдовство и угроза бросить яблоко раздора в группу»**.

* Комментарий Бретона, Арагона и Симоны Бретон взяты из книги Пьера Навиля «Время сюрреализма».

** Виктор Крастр «Драма сюрреализма». Editions du Temps, 1963.

СБОРНИК В ПАМЯТЬ О ДВУХ ЛЮБОВЯХ

Уезжая, Элюар ничего не забыл. Примирение с Гала («Жизнь, к которой я возвращаюсь, — не моя ли это побежденная память, все мои прежние желания, мои неизвестные мечты, подлинная яростная сила, о которой не знал, которую я забыл?») не принесло облегчения его душе. В Париж вернулся раненый, неспокойный человек.

«Путешествия, — пишет он, — всегда уводили меня слишком далеко. Возможность возвращения для меня всегда была лишь сотым ударом молоточка в дверь, которая не открывается»*. Элюар остался пессимистом. Что касается Гала, вернувшейся к домашнему очагу с блудным мужем, для нее эта затянувшаяся история «любви втроем» также не прошла бесследно: чувство жертвы, принесенной на семейный алтарь, сделало из нее другую женщину. От ощущения горечи и фрустрации Гала пытается убежать, пускаясь в короткие внезапные путешествия, чтобы отвлечься. Каждый надеется на свободу, на новые удовольствия, официально сохраняя полюбовный союз, — таковы отныне иллюзорные планы четы Элюаров.

Пока Элюар плавал по свету, дадаизм умер и его похоронили. Родился сюрреализм с Андре Бре-

* «Подземелья жизни». Pléiade, т. 1, стр. 204.

** «Подземелья жизни». Pléiade, т. 1, стр. 313.

тоном во главе. Группа поэтов перебралась на другое место: теперь они любят собираться в кафе «Сирано» на площади Бланш, в двух шагах от резиденции Бретона на улице Фонтен, перед принятием ритуального напитка — теперь это не пикон-лимон, а мандариновый ликер. Встречи в час аперитива стали традицией: решено собираться каждый день в пять часов. Не разрешается приходить в пять часов пять минут: в пять, как свидетельствует один из них*, отмечают отсутствующих. Пунктуальность вменяется в обязанность.

В октябре 1924 года в издательстве «Кга» появляется «Манифест сюрреализма». Андре Бретон составил его в то лето, когда вернулся Элюар. Этот капитальный труд содержит определение нового движения, его кредо, его антипатии и список тех, кто его достоин или недостоин.

СЮРРЕАЛИЗМ: м. Чисто психический автоматизм, с помощью которого предлагается выражать вербально, или письменно, или любым другим способом реальное функционирование мысли; запись мысли в отсутствие какого бы то ни было контроля, осуществляемого разумом, вне каких бы то ни было эстетических или моральных интересов.

Достоевский пригвожден к позорному столбу, но в почете великие предки, милые сердцу Бретона: Рембо и Бодлер, Виктор Гюго и Марселин Деборд-Вальмор, Альфред Жарри, Стефан Маларме. Проявили себя как абсолютные сюрреалисты (Бретон перечисляет их в алфавитном порядке). Арагон, он сам, Деснос, Кревель, Навиль, Ноль, Пере, Супо и кое-кто другой. Тцара и Пикабия исключе-

* Эммануэль Берль.

ны. Поль Элюар вернулся как раз вовремя, чтобы его имя успели дописать от руки на пробных оттисках. И вот он стал сюрреалистом почти невзначай, он присоединился.

Текст Арагона, вышедший в одно время с «Манифестом», так рисует новый пейзаж: «Есть сюрреалистический свет, — пишет он в «Волне грез» («Une vague de rêves»), — тот, что в час, когда загораются города, падает на светло-розовую витрину с шелковыми чулками; тот, что пылает в магазинах, где продают бенедиктин* (его бледное подобие в складах с минеральной водой); тот, что украдкой освещает синее бюро путешествий на полях сражений на Вандомской улице; тот, который возникает позже на авеню Оперы у Барклэ, когда галстуки превращаются в призраков; свет карманных фонариков на убитых любовью...»

Поэты основали «Бюро сюрреалистических исследований». Находится оно в доме номер 15 по улице Гренель, в особняке, в котором проживает отец Пьера Навиля (это бывший особняк герцогов Ларошфуко). Каждый может туда войти и получить информацию о последних поэтических открытиях группы, которая намеревается заняться политикой и заигрывает с революцией. «Littérature» — журнал тех времен, когда им было по двадцать, — умер. На смену ему придет (поэтам скоро исполнится по тридцать) новый журнал — «Révolution surréaliste» («Сюрреалистическая революция»). Журнал будет выражать их новый идеал, попытается не только передать боль и ярость протеста своего поколения, но и наметить

* Сорт ликера (прим. пер.).

проект нового будущего, отличного от того, которое мечтали создать для них отцы и деды.

«Сюрреализм — это не новое или более легкое выразительное средство, и даже не метафизика поэзии, — читаем мы в журнале. — Он является средством полного освобождения смысла от всего того, что на него похоже». «Мы полны решимости совершить революцию, — утверждают поэты. — Сюрреализм — это обращенный к нему самому крик разума, намеревающегося решительно снять с себя все путы, при необходимости — с помощью реальных молотов»*.

Под руководством Бенджамена Пере и Пьера Навиля, затем новичка Антонина Арто — одаренного, удивительного молодого человека**, «который принес с собой атмосферу детективного романа, пронизанную вспышками света», как говорил о нем Бретон, журнал готовит большие перемены и намечает консенсус при том, что каждый продолжает параллельно, не нанося вреда коллективу, свой собственный опыт, свои блуждания, поиск собственного пути.

Поль Элюар бросается в бой. Инициатива принадлежит не ему, потому что во время вынашивания идеи он отсутствовал. Но он разделяет первые акции группы — с одной стороны, тем что постоянно сотрудничает с «Бюро исследований», а с другой стороны, тем, что подписывает новый коллективный текст. Это дало ему разрешение на вступление в сюрреалистическую религию.

* Декларация от 27 января 1925 года.

** Арто родился в 1896 году в Марселе, где его отец служил капитаном дальнего плавания. Арто отказался от священного сана ради театра, который ему открыли Люне-По и Шарль Дюлэн. «Арто был одержим какой-то яростью», — говорил Андре Бретон.

Речь идет о знаменитом «Труппе» с анафемой на смерть Франса осенью 1924 года. К ярости Арагона и ярости Бретона, к ярости Дельтейя и Дриёля Рошеля, сообща проклявших именитого автора с пылающим именем *Франс**, Элюар добавляет свое проклятие: он примиряется с самим собой и с литературой, с которой совсем недавно хотел распрощаться в состоянии ярости. «Трупп, тебе подобных мы не любим», — написал он в ряду других оскорблений, заканчивая свою отповедь на ультра-пессимистической ноте, значительно, превосходящей его презрение к писателю и передающей его собственное состояние духа: «Великое дыхание забвения далеко уводит меня от всего этого. Может быть, я никогда ничего не читал, ничего не видел из того, что бесчестит Жизнь?»**

Макс Эрнст в конце концов вернулся тоже. Он снял мастерскую на Монмартре, в доме «Ле Фюзен», на улице Турлак. У него нет ни гроша, ему даже не всегда хватает на пропитание. Поль Элюар его не покидает: помогает ему материально, покупает у него несколько картин — Эрнст все еще неизвестен и его живопись плохо продается. Гала лишила Макса своей любви, но Поль оставил ему свою дружбу. Весной 1925 года, в первую весну сюрреализма, выходит анонимный сборник, напечатанный скромным тиражом в пятьдесят экземпляров, содержащий восемнадцать стихотворений, четырнадцать из которых моностихи, и двадцать рисунков пером. Филипп

* *Франсе (франц.)* — Франция (*прим. пер.*).

** «Старик, как все другие» — текст Элюара для «Труппа», 18 октября 1924 года.

Супо сообщит в номере «La Revue européenne» от 1 апреля: авторами, поэтом и художником, творческое братство которых уже скреплено двумя работами, являются Поль Элюар и Макс Эрнст.

Сборник называется «Вместо молчания». «Эти стихотворения я считаю самыми лучшими из написанного со времен Бодлера», — утверждает Филипп Супо, «заявляя о чуде».

«Я замкнулся в своей любви, я грежу», — написал поэт рядом с одним (тонким и заостренным, четко выписанным) из нарисованных пером лиц со взглядом, «пронизывающим стены». Все двадцать рисунков — изображение лица Гала, увенчанного густой массой черных волос, в профиль, анфас и вполоборота, с удлинненными, как у азиатки, глазами, в которых, кажется, поселился огонь. Огонь без теплоты, разрушительный огонь, опустошающий, злой. Все эти мало друг от друга отличающиеся лица не стремятся понравиться — таково общее впечатление. Колдунья стала героиней и музой сборника «Вместо молчания». Гала предстает сильной, она пугает неразгаданностью своей тайны, непонятной даже ее любовникам. «Форма твоих глаз не учит меня жизни», — говорит один моностих. Другой ему вторит: «В самых темных глазах скрыты глаза самые светлые».

«Любовь, о моя любовь, я дал обет тебя утратить». Атмосфера любви черна, мрачна, как глаза Гала, как рисунки Макса и как слова Поля. Филипп Супо удивляется, что в «атмосфере скорбной, сумрачной и даже непристойной расцветает, как огонь, поэзия». У чар Гала дьявольское происхождение. Эрнст и Элюар — вышедшая книга является тому неопровержимым доказательством —

испытали на себе необыкновенную соблазнительную силу Гала, они не могли ей противостоять, они стали ее добровольными жертвами. «Раскрасьте демоническую женщину — она побледнеет», — самый красивый стих из сборника и самый загадочный мог бы стать загадкой о Гала. Кто эта женщина? Демон? Ищите женщину!

Стихам Элюара, влюбленным, жалобным и в то же время слишком светлым, соответствуют сумасшедшие рисунки Макса Эрнста — хоровод острых, злых, неприятных лиц, передающих на каждой странице без нежности, без ласки его восприятие Гала. Это его прощание. Может быть, окончательное. Последнее рукопожатие с Элюаром и свидетельство разрыва с очаровательной и загадочной Гала и ее миром сродни романам Достоевского с мечтами о невозможном счастье.

Гала не рассердится. Она даже пошлет с собственноручным посвящением один экземпляр «Вместо молчания» Жаку Дусэ. Гала, каким бы ни был замысел, даже если ей при этом приходится страдать, никогда не подвергает цензуре автора, которого любит, которого вдохновляет. «Жаку Дусэ с глубочайшим уважением от Гала Элюар», — написала она в посвящении*, не скрывая, что была моделью и причиной любовного стона, который вырвала у обоих мужчин одновременно; его эхом на страницах книги обмениваются художник и поэт.

Осенью следующего года Макс Эрнст встречает в художественной галерее двадцатилетнюю блондинку с голубыми глазами — Мари-Берт

* Библиотека Жака Дусэ.

Оранш. Она воспитывалась в монастыре «Верных подруг Христовых» на Джерси и была дочерью директора управления регистрации и оформления документов при коммерческом суде. Молниеносная любовь поражает их обоих, простодушная девушка покидает семью и следует за Максом Эрнстом. Скандал: отец кричит о соvrщении малолетней, он даже обращается в полицию. Макс ускользает у них из-под носа благодаря вмешательству своих друзей Бретона и Десноса и бежит с Мари-Берт на остров Нуармутье. Влюбленным потребуются многие месяцы, чтобы вырвать у вспыльчивого отца согласие на свадьбу, которая состоится в 1927 году. Эрнст пишет в этот период свои работы «Невеста ветра», «Макс Эрнст, показывающий девушке голову своего отца», «Молодые люди, попирающие свою мать» и «После нас хоть материнство», на которой птица-лягушка отлетает от женской груди, — картины, являющиеся, по словам его психоаналитика и толкователя, «живописью вызова, противопоставляющей любовь правилам приличия»*.

Параллельно с романом Макса Эрнста монотонно течет жизнь Гала. Она скучает в своем доме в Обоне, где стены напоминают о прежней любви. Элюар, поглощенный своими новыми приключениями в качестве поэта-сюрреалиста, посвящает все свое свободное время сочинительству, встречам с друзьями и подготовке многочисленных текстов, задающих ритм жизни революционера-сюрреалиста, — текстов пропагандистского и идеологического характера. Тем не менее, он не отказался от ночной бродячей жизни, начатой без

* Сарэн Александриан «Макс Эрнст». Цит. соч., стр. 84.

Гала во времена, когда она делила любовь с художником сюрреалистических видений. Иногда вечерами он ходит в «Zelli's» или в «Pettoquet» то с одним, то с другим из оставшихся холостяками друзей — Луи Арагоном или Рене Кревелем, если только этот последний, часто болеющий, не уезжает лечить легкие в какой-нибудь горный санаторий. Гала, чтобы как-то прогнать скуку, убегает из дома, от дочери и от мужа. Она придумывает себе курсы лечения то там, то здесь, вспоминая о плохом здоровье: как только ее перестает удовлетворять жизнь, как только она начинает строить планы на будущее, каким бы оно потом не оказалось, головные боли, кашель и усталость вновь вступают в свои права. 1925-1928 годы стали самым важным периодом для сюрреалистов, они полностью завладели умами поэтов, а для Гала они были самыми опустошенными и самыми тусклыми в ее существовании. Она, как может, наполняет их короткими путешествиями, надеясь на приключения или провоцируя хоть какие-нибудь случайные встречи. После истории с Максом Эрнстом, окрашенной в чудесные цвета, пришли послушно-вынужденное возвращение к нормальной жизни, фрустрация. Устала ли она после десяти лет супружеской жизни? Угас ли огонек, оживлявший их брак до встречи с Максом Эрнстом? Ясно, что Гала так же, как и Элюар, ищет остроты ощущений вне семейного очага, в другом месте ищет новых переживаний. Новообращенный сюрреалист Ман Рэй часто сопровождает Поля и Гала, ставших его друзьями, на ярмарку на Монмартре. «Однажды, — рассказывает он, — я катался на качелях вместе с Элюарами. Нас с силой бросило друг на друга, и я в какое-то мгновение

спросил себя, не ищут ли они физических — кроме интеллектуальных — впечатлений»*. Каждый из двоих продолжает искать то, что, вне всякого сомнения, покинуло их семью: «новые впечатления», о которых говорит Ман Рэй.

Какое будущее ожидает женщину, когда мужчина, с которым она живет, не вызывает у нее больше желания мечтать? Элюар пишет:

Сердце твое химерической формы,
А любовь твоя схожа с моим ушедшим желанием.
О душистые вздохи, мечты, взгляды**.

ЛЮБОВНЫЕ БЛУЖДЕНИЯ

3 мая 1927 года, после хирургической операции в возрасте пятидесяти семи лет умирает Клеман Грендель. С уходом отца семейства — фигуры строгой и утешительной, которая подчиняла себе и собирала у себя домочадцев, — равновесие в семье нарушается и она стремится к другому устройству. Поль, которому Грендель-старший перед смертью передал свои полномочия, уже больше не опекаемый сыночек, не протеежка отца, не «мальчишка», каким его считали родители. Лишив-

* «Автопортрет». Laffont, 1964.

** «Вместо молчания». Pléiade, т. 1, стр. 166 (пер. М. Ваксмахера).

шийся отцовского авторитета, он стал наконец взрослым и самостоятельным, исполненным ответственности и, конечно, избавился от постоянного контроля, от оценки отцом всех его поступков. «Служащий» перестал существовать. В деле Гренделя Поль становится новым «патроном». Он может распоряжаться имуществом по своему усмотрению и устраивать свою жизнь, как ему хочется.

В финансовом отношении его положение изменяется. Отец действительно оставил ему целое состояние: документ, подписанный у нотариуса для урегулирования раздела, оценивает его часть наследства в более чем миллион франков (около пяти или шести миллионов нынешних франков). За матерью остается движимое имущество, машины, участки и постройки; Поль же наследует акции и облигации. Ему больше нет необходимости трудиться, чтобы жить. Он стал миллионером и рантье.

Итак, финансовые дела Поля обстоят замечательно, но здоровье ухудшается. Является ли это следствием его ночной жизни, а может быть, результатом его новых полномочий, но он кашляет, температурит — проснулся призрак туберкулеза. Плеврит переходит в неподдающийся лечению сухой плеврит, закончившийся пневмотораксом. Врачи, все, как один, категоричны: они предписывают Полю лечение в санатории. Это напомнит ему волнующие и нежные моменты его жизни в Клаваделе, тревоги проведенного в заточении грустного отроческого возраста, из которого он хотел бы сохранить лишь образ первой любви. Болель, как навязчивое привидение, преследует Поля в то время, как полученное наследство могло бы позволить ему наслаждаться роскошной

жизнью Парижа или путешествовать с Гала по Европе в поисках новых развлечений. Вместо беззаботного времяпрепровождения, полностью посвященного искусству, жизни в свое удовольствие, он вновь должен вернуться в один из этих гетто, а ему так хотелось бы думать, что он покинул их навсегда. Поль стал пансионером в Ароза, и величественный пейзаж Граубюндена на высоте в тысячу восемьсот метров, солнце, рододендроны и вид на маленькое озеро Хубельзеели — всего лишь слабое утешение пусть для пленника роскоши, но все равно пленника. Он проведет там полтора года, с ноября 1927 по март 1929, и получит разрешение отлучиться всего лишь на месяц, в середине марта 1928 года, для того, чтобы запастись, если можно так сказать, воздухом Парижа. Пребывание в санатории дает Полю гарантию сохранить здоровье при условии, что он будет вести спокойную жизнь. «Врачи категоричны, — пишет он своей матери, — я должен больше отдыхать».

Гала — плохая сиделка: пока Поль лечится в Граубюндене, она то совершает набеги в Париж, то путешествует. Она также, освободившись от тяготящей власти отца семейства, злоупотребляет своей свободой. Поль позволяет ей распоряжаться временем по своему усмотрению, он не контролирует ее. Гала совсем немного времени проводит рядом с мужем в Ароза, потому что ненавидит неподвижность и спокойствие курортной жизни. Состояние ее здоровья хорошее, хотя мужа и свекровь продолжают беспокоить — так же, как и туберкулез Поля, — ее простуды, мигрени и повышенная утомляемость. Весной 1927 года, предоставив супругу заниматься вопросами

наследства и горным лечением, в первый раз за все время она предпринимает поездку на родину: Гала проведет один месяц в Москве и в Ленинграде. Поль, не зная ее русского адреса («Адрес, который ты мне дала, очень неразборчиво написан»), отправляет ей страстные послания. Они не сразу, но все же ее находят. «Я смертельно по тебе соскучился, я жду тебя с безумным нетерпением, возвращайся быстрее, я люблю тебя, я люблю тебя, я люблю тебя, я люблю тебя», — пишет он ей из Обона в июне*. Но Гала хранит молчание. В письмах Поля нет упоминания ни о матери, ни о братьях, ни о младшей сестре Гала — его мало интересуют ее близкие, — письма Поля хотят доставить ей на далекую землю очередную дозу нежности, которой ей должно не хватать. Гала никогда и словом не обмолвится о своем путешествии в Россию. У ее сестры Лидии Яролимок об этом визите тоже остались лишь смутные воспоминания. В СССР Гала уже больше не придет никогда.

Чаще всего Гала любит приезжать в Швейцарию — в край озер, климат которого, тишину и свежесть и, может быть, еще развлечения курортных городов она любит. Гала любит «прогуливать» свою новую модную одежду в Лугано, Магадино, Локарно, Зеелисберге. Судя по фотографиям, Гала сильно изменилась. Она уже не аккуратненькая, скромненькая женщина в платьях, сшитых какой-нибудь недорогой портнихой часто не без ее непосредственного участия, — Гала теперь носит красивые, подчеркивающие

* «Письма к Гала», стр. 24.

фигуру костюмы, сшитые в престижных ателье, меховые аксессуары, пелерины, пальто, украшения — все то, что делает ее элегантной, обольстительной, утонченной. Раньше, когда они с Полем только поженились, Гала посылала в конверте с письмами на фронт образцы тканей для туалетов, которые кроила и шила сама. Теперь Поль, когда бывает в Париже, относит к портнихе те из нарядов, которые Гала хочет подправить: у нее мания к переделыванию, она всегда добавляет какую-то оригинальную деталь к одежде и шляпкам. Многие письма свидетельствуют о бесконечных покупках преданного мужа, заботливо удовлетворяющего требования капризного ребенка, которого он хочет побаловать. Он знает ее размеры, ее вкусы. В отсутствие Гала Поль ходит по магазинам, пытается исполнить все ее желания. «Когда ты вернешься, — пишет он ей из Обона 29 мая, — я хочу нарядить тебя превосходно. Дай мне размеры, чтобы я мог купить тебе пижаму. Я хочу, чтобы у тебя было все, что можно иметь, все самое красивое»*.

С одной стороны — лучезарная любовь Поля: хотя он и флиртует в свое удовольствие вдали от Гала, но поддерживает в себе и для себя огонь вечной и незаменимой любви, которую посвящает своей супруге. Другие женщины — он честно признается, что есть другие женщины, — всего лишь мимолетные увлечения. Случайные, второстепенные, не остающиеся в памяти, тогда как Гала — единственная. «Я обожаю тебя наравне со светом, которым ты являешься, отсутствующим светом. Все остальное только, чтобы скоротать время, — заяв-

* «Письма к Гала», стр. 21.

ляет ей Поль. — Ты моя настоящая Реальность, моя Вечность»*.

С другой стороны — неуравновешенность и безразличие Гала: она приехала из Индокитая изменившейся. Страсть мужа ее уже не удовлетворяет, как прежде. Виногато ли в этом время, или же Макс Эрнст открыл для нее другой мир, другое царство любви? Из Сайгона вернулась сладострастная, уверенная в себе женщина, но не такая, как прежде. Это женщина, которой замужество уже ничего не дает. Приключение с Максом разрушило что-то между нею и Полем, некую существенную связь, а может, просто привычку к верности. Гала как бы незаметно отдаляется. Она ищет развлечений. А Поль, грустный, проницательный Поль, смиренно смотрит, как она уходит, не пытаясь даже что-то изменить. По собственному признанию, он не верит в риск окончательного расставания. Ему кажется, что они связаны так прочно, до такой степени неразрывно, что никакие взаимные любовные авантюры не способны вырвать их друг у друга. Для него — Поль это беспрестанно повторяет Гала — «другие» не имеют значения. «Другие, видишь ли, другие...» — пишет он ей, назойливо напоминая о своих изменах, таковыми в его глазах не являющимися. «Я обожаю тебя, ничего настоящего у меня с другими никогда не будет...»**, «У меня их выше головы...»***, «Плевать мне на других...»****, «Меня мутит от всех них, я

* «Письма к Гала», стр. 56.

** «Письма к Гала», стр. 57.

*** «Письма к Гала», стр. 58.

**** «Письма к Гала», стр. 53.

хочу только тебя»*. Остался ли он прежним по отношению к Гала? Элюару хотелось бы в это верить.

«Я усталый и грустный, да, по-настоящему грустный, как старый, пустой и пыльный флакон», — признавался он в письмах из Ароза, в то время как Гала находилась в Берлине под предлогом поиска антикварных вещей из Океании. «Я усталый и грустный», — повторяет он без досады. Поль не пытается ни задержать ее, ни лишить свободы. Он болен и, возможно, хотел бы видеть ее рядом с собой, как в счастливое время Клаваделя. Но то время прошло. Гала не концентрирует больше на нем силу своей любви. Впрочем, Поль ее не винит. Ему нравится, когда Гала хороша собой, в отличной форме, весела, и он предоставляет ей свободу получать удовольствия, все удовольствия, даже без него самого. Это благородный, снисходительный муж очень либеральных взглядов. Он сам не верен и хочет быть толерантным по отношению к своей неверной супруге. «Пользуйся свободой, — пишет он. — Свободой всегда нужно злоупотреблять»**.

Приободренная таким образом Гала пускается в авантюры. Возможно, что она бывает не одна во всех этих унылых курортных городах, прибежищах подпольной любви. Полку об этом все прекрасно известно. В письмах он говорит о некоем Б., приятеле Гала на тот момент. Он вовсе не ревнует. Поль верен принципам свободолюбия и является сторонником равенства в браке.

* «Письма к Гала», стр. 55.

** «Письма к Гала», стр. 27.

Он находит нормальным то, что у жены есть любовники, потому что у него самого есть другие женщины. Он любит сексуальные эксперименты. Но и у него возникают привязанности. Так, после возвращения из Ароза он поддерживает связь с девушкой из Берлина девушкой «с лицом индианки», с которой познакомился в поезде. Поль дал ей прозвище *Яблочко*, потому что девушку зовут Алиса Апфель*. Она очаровательна. «Сложена, как Гала», — говорит знаток женской красоты Рене Шар. Шар, автор «*Cloches sur le coeur*» («Звоны на сердце»), встречается Поля приблизительно в это время. Он готовит свой сборник «Арсенал». Шар живет на Иль-сюр-Сорг в Воклюзе, Поль обещал навестить его, потому что поэт лишь изредка приезжает в Париж, чего ему, впрочем, достаточно для того, чтобы с любопытством наблюдать за любовными блужданиями супругов. «Сложена, как Гала» — это, бесспорно, комплимент: фигура Гала совершенных женских пропорций.

Сохраняя верность желанию делиться, Поль не умалчивает о своих увлечениях во время выздоровления: «Яблочко очаровательна, но уж слишком легкомысленна. И нетемпераментна»**. Он даже не упускает возможности сообщить так часто отдаленной и так часто отсутствующей супруге о своих фантазмах. Судя по письмам Поля, Гала неотделима от его эротических игр, необходима ему для плотских грез. «Я мечтаю о тебе. Ты всегда здесь, ужасная и нежная королева из королевства любви... Только в тебе из моих желаний ро-

* Apfel (нем.) — яблоко.

** «Письма к Гала», стр. 55.

ждаются волшебные грезы, только в тебе моя любовь омывается любовью»*.

Он не перестает ей повторять, твердить ей, что не может и никогда не сможет расстаться с ней. «Я хочу заниматься любовью только с тобой. Другие — для развлечения, чистое дилетантство, — клянется он ей, повторяя снова и снова: — Когда я люблю других, не тебя, это меня утомляет, вызывает отвращение»**. Попытки Поля найти в другом месте полноту чувства, эквивалентные удовольствия остаются тщетными. «Во всех женщинах я нахожу лишь тебя — всю Женщину». Внутри у него, несмотря на встречи, мимолетные связи, эксперименты, все еще живет Гала. Он убежден, что Гала — его супруга навечно, женщина, с которой он будет жить всегда: «Ты во всем, что я делаю. Твое присутствие во мне — высший закон»***.

Отдавая себе отчет в своих противоречиях, нуждаясь как в Гала, так и в «других» и не представляя любовь без обменов и игр в обольщение, Поль в апреле 1929 года так описывает двойственную атмосферу своих удовольствий: «Яблочко очень мила, она меня обожает, она очень красива, у нее богатое любовное воображение, но, лишившись тебя, я смог бы ее возненавидеть... Все, что я делаю без тебя, лишь доказывает твои преимущества и заставляет желать тебя». Поль может заниматься любовью, только когда ассоциирует образ Гала с женщиной, которую держит в своих объятиях. Она приходит к нему в эроти-

* «Письма к Гала», стр. 55.

** «Письма к Гала», стр. 54.

*** «Письма к Гала», стр. 62.

ческих видениях, осязаемая даже в грезах. «Единственное, о чем я мечтаю, — это чтобы ты меня любила, была со мной, обнаженная и чувственная».

«Гала, Гала, Гала, Гала...» — так Поль заканчивает одно из своих чудесных писем*. «У меня лишь одно желание: видеть тебя, касаться тебя, целовать тебя, говорить с тобой, восхищаться тобой, ласкать тебя, обожать тебя, смотреть на тебя, я люблю тебя, я люблю только тебя; прекраснейшую, и во всех моих женщинах я нахожу лишь тебя — всю Женщину, всю мою такую большую и такую простую любовь»**.

Но эта любовь, такая сильная и верная, не смотря на измены, эта самая главная любовь не может больше лишать его подружек: они дают ему возможность сравнивать и избавляют от одиночества на то время, когда Гала прогуливается под руку с другим мужчиной. «Пока у тебя есть Б. или будут другие, — пишет ей Поль, — я не могу ждать в одиночестве и в тоске. Яблочко хороша собой, приятна, покладиста, она мое спасение»***. Каждый оставляет за собой право на свободу приключений.

Элюар уже не только мирится с увлечениями Гала, протекающими параллельно с его собственными, — он их поощряет. Так же, как в течение долгого времени он любил наблюдать за своей женой в объятиях Макса Эрнста, он и теперь не проявляет никакой агрессивности по отношению к тем, кого отказывается признавать своими со-

* «Письма к Гала», стр. 62.

** «Письма к Гала», стр. 32.

*** «Письма к Гала», стр. 77.

перниками. Поль интересуется ими, справляется о них, ему любопытно узнать, на какой стадии любви их держит Гала. Он больше не страдает, как во времена Макса Эрнста — может, потому, что и Гала уже не так увлекается своими друзьями, или Яблочко установила равновесие, преобразовав дьявольское трио в квартет? В Каннах, куда почти сразу же после лечения в санатории Поль поехал отдыхать с Гала, он представил ей молодого поэта, своего почитателя и одного из организаторов известного в Марселе журнала «Cahiers du Sud». Поэта зовут Андре Гайяр.

Весь свой юношеский пыл и задор Андре передает прекрасному марсельскому журналу, который идет по стопам «Fortunio», созданного Марселем Паньолем. По его инициативе журнал стремится сотрудничать с парижскими поэтами, такими, как Элюар, Кревель и Бретон. Гайяр работает в морской компании «Raquet», представительство которой в Марселе находится на площади Сади-Карно. Он хорош собой и даже элегантен. Его появление в бриджах и шотландских носках не остается незамеченным. Гайяр слышит гулякой, не прочь выпить, поразвлечься с девочками и очень любит поэзию. По словам его друга Блеза Сандрара, Гайяр будто бы очень боялся якорных цепей. В жизни Андре произошло большое несчастье: его двадцатилетняя невеста, девушка из Эльзаса, утонула в Рейне. Элюары познакомились с Гайяром весной 1928 года, когда только что вышел в свет его первый сборник — «Fond du coeur» («Бездна сердца»).

События развивались по известному сценарию: Поль только и делал, что подталкивал Гала в объятия Гайяра. Потом, как только встреча со-

стоялась, он оставил любовников в отеле, а сам незаметно исчез. Что у него в мыслях? Из Ниццы, куда Поль отправился, он пишет Гала такую записку: «Я люблю тебя. Наилучшие пожелания Гайяру». Или такую: «Мое почтение Гайяру. Крепко тебя целую». Или еще: «Скажи Гайяру, что он мне очень нравится»*. Между тем у Поля возникло извращенное желание организовать ночь втроем — желание, которое, судя по всему, не осуществится. «Пойми сама и дай знать ему, — пишет Поль в июне 1929 года Гала, — что хочется овладеть тобой вместе с ним, как мы договаривались»**.

Поль продолжает культивировать свою излюбленную мечту, в которой дружба ассоциируется с любовью: он хочет овладеть своей женой в присутствии или с участием, более или менее активным, другого мужчины. «Моя дорогая, моя нежная любовь, — писал он Гала в апреле 1928, до их совместного пребывания в Марселе, — мне только что приснился чудесный сон, один из тех повторяющихся снов, когда пережитые физические ощущения после пробуждения остаются с нами в форме желания... Я лежал на кровати рядом с женщиной — затрудняюсь сказать, знаком он мне или нет, — он так все время и оставался в покорной позе, сияющий и молчаливый. Я повернулся к нему спиной, и ты прильнула ко мне с любовью и поцеловала меня в губы очень нежно, а я ласкал под платьем твои неуловимые и такие живые груди. И очень осторожно твоя рука отыс-

* «Письма к Гала», стр. 69-71.

** «Письма к Гала», стр. 72.

кала за мной того другого мужчину и легла на его член. Я увидел это в твоих глазах...»*

Гала, своей «нежной, суровой, сладострастной, очень умной и очень дерзкой властительнице», Гала, которую он считает самой чувственной из своих любовниц («Тайна твоего тела, подаренная мне навсегда»), Поль адресует один-единственный упрек — упрек в способности жить только настоящим. Это потому, что она утверждала, что не имеет никаких воспоминаний ни о чем. Она не признает ностальгии. Если Гала была способна обходиться без своей страны, если Россия ей безразлична, то, опасается Поль, его любовь в результате простой замены закончится тем, что будет погребена в ее непамятливом сердце. «Мне не нравится, я никак не могу забыть то, что ты мне говорила в последние дни пребывания в Ароза: что у тебя нет воспоминаний, что ты их не любишь. Я вложил всю свою жизнь в любовь к тебе...»** Они играют друг с другом, но каждый по своим правилам. Любовные приключения Поля никак не сказываются на его глубокой, главной любви — к Гала, в то время как приключения Гала, переживаемые, если можно в это поверить, без ностальгии по тому, кто утверждает, что будет любить ее вечно, проживаются ею в настоящем. Они разрушают прошлое.

Они как двое измученных, отчаявшихся бродяг. Сесиль, которой скоро должно исполниться десять лет, живет на полном попечении бабушки. После смерти отца, после заточения в Ароза, Поль вновь вернулся к привычке бессонных но-

* «Письма к Гала», стр. 32.

** «Письма к Гала», стр. 54

чей. Страсть к поездкам почти не мешает ночному образу жизни. Он едет в Берлин сначала с Гала, потом без нее, увозя с собой вместо багажа Яблочко. Он навещает Рене Кревеля в Швейцарии, везет Сесиль в Зеелисберг... и интересуется «другими», в чем охотно признается. Он распыляется на девушек разного сорта (Яблочко — один из очаровательных образчиков), часто посещает кабаки в надежде на случайное знакомство, стремясь узнать все подробности эротики.

В конце концов он поссорился в Максом Эрнстом. Из-за Мари-Берт, которая во время одного коктейля плохо отзывалась о Гала: «Она не давала мне покоя своими беспричинными агрессивными нападениями», — объяснял позже Элюар своей отсутствовавшей на коктейле супруге. Он захотел ответить и, по его собственным словам, «разделал даму в пух и прах». Потом, когда Эрнст попытался вмешаться и, чтобы не сеять раздора в своей семье, поддержал Мари-Берт, Элюар обозвал его лгуном. Эрнст ответил ударом кулака в глаз Элюару (Боксерский аргумент на сверхчеловеческом уровне, на котором, как мне казалось, мы находились»). Один (Поль) называет другого (Макс) свиньей. «Мой лучший друг меня ударил, изуродовал», — жалуется Поль. «Из любви к тебе, — добавляет он, — я не сделаю ему ничего плохого... Но не предавай меня»*. Ссора положила конец дружбе. Она перечеркнула хорошие воспоминания, она дала выход скрытому соперничеству, не осмеливавшемуся до этого дня обнаружить себя. «Я хо-

* «Письма к Гала», стр. 19.

тел, чтобы он извинился за свое хамство и гнусности», — признается Элюар.

Для Гала Макс Эрнст — старая история, которую она хочет забыть в своих неожиданных и бесцельных, на первый взгляд, бегствах. Гала больше не сидит на месте. Гала уезжает в Альпы, пересекает во всех направлениях немецкую и швейцарскую границы, останавливается на несколько дней на Лазурном берегу, уезжает в Каркассонн, возвращается в Париж, остается там, но ненадолго, опять уезжает... Она превратилась в блуждающую звезду. Что ей нужно? Убежать от Поля? Забыть Макса? Убежать от самой себя? Ей уже невыносимо оставаться в семейном кругу. Она не может терпеть спокойствия. У нее еще не было ни одной продолжительной связи. Б. так же, как и Гайяр, — всего лишь мимолетное увлечение. Гала очень быстро все надоело. На одной фотографии она запечатлена сидящей в фривольной позе на коленях у незнакомого мужчины. Она уже не то, о чем мечтала до замужества, — не женщина одного мужчины. И любовников у нее много. Жертве своих чар — Гайяру — она не принесет счастья. Блестящий шеф-редактор «*Cahiers du Sud*» поверяет Полю — и Поль поспешил передать это Гала, — что никак не может прийти в себя от их ... связи: «Получил письмо от Гайяра, он жалуется, что эта история принесла ему много горя» (июль 1929 года). Гала провела с Гайяром всего лишь один сезон ночей в марсельских отелях «Бово» и «Ализе». Может быть, Блез Сандар — ему не впервой — предоставил им убежище в замке Лэскейроль, где у него была комната и куда Гайяр, имевший от нее ключ, приводил своих подружек.

Несколько месяцев спустя, 16 декабря 1929 года, Андре Гайяр упадет со скалы Редон в Марселе и разобьется насмерть. Блез Сандрар заберет его тело у берега. Все очевидцы будут долго задавать себе вопрос: не был ли несчастный случай на самом деле самоубийством? И люди, убежденные в том, что это был несчастный случай, станут говорить о влиянии черной звезды на небесной карте поэта... Гайяр болел и пребывал в беспросветной меланхолии. Его завещанием станет сборник стихов «Земля ничья».

Гала ищет тихую гавань, где она могла бы отдыхать в перерывах между путешествиями. Она не любит больше свой дом в Обоне с живыми следами Макса Эрнста на стенах. Как раз в начале лета 1929 года Поль Элюар, озабоченный ее бесконечными поездками, снимает квартиру из пяти комнат в одном из самых красивых уголков Монмартра, в доме номер 7 по улице Беккереля. Он пишет о ней Гала как о гнездышке, созданном для любви, спокойном, элегантном и светлом. Поль хочет все в нем устроить со вкусом, готов затратить значительные суммы на мебель, на украшение интерьера. Он хочет сделать из квартиры ларец для драгоценной Гала. Поль надеется, что Гала там понравится и ее страсть к кочевой жизни поутихнет. Но работы ведутся медленно, они сколь сложны, столь и дорогостоящи. Полю и Гала приходится жить в отеле, вместе или порознь. Без постоянного пристанища, как бездомные, вечерами они ужинают в ресторане, дожидаясь, когда Серж Море — декоратор, которого они выбрали, — закончит обустройство. Поль продает картину Кирико и несколько африканских масок, чтобы компенсировать затраты.

В таком ритме, при такой ненасытной потребности в комфорте, в развлечениях, при такой беззаботности состояние Клемана Гренделя быстро тает. Поль, как и Гала, расходует деньги не считая. Иногда в каком-нибудь письме он выражает смутное желание сэкономить, но очень быстро возвращается к тому, что его интересует: к покупке предметов для своей коллекции негритянского и с островов Океании искусства, к картинам художников, которыми восхищается, к редким изданиям любимых поэтов, к роскошным платьям для Гала. Он не умеет беречь деньги. К тому же, в результате кризиса 1929 года снизится стоимость их ценных бумаг на бирже, и Поль потеряет значительную часть своих средств. Он не сможет ни смягчить последствия кризиса, ни правильно распорядиться своим наследством. Несколько неудачных размещений денег принесли Элюарам миллионный ущерб. Усталым тоном, без ноты сожаления в связи со всеми этими так широко, так приятно израсходованными деньгами он дает Гала такое предписание на лето 1929 года: «Нам понадобится что-нибудь очень дешевое...» Если речи быть не может о том, чтобы жить в трехзвездочных отелях, к которым они так привыкли, то отказаться от развлечений Элюары не в состоянии: слово и вещь все еще остаются для них притягательными. Речи быть не может о том, чтобы они отказались от летнего отдыха, когда все покидают Париж, оставляя столицу туристам. Нужно что-то предпринять, подыскать недорогое жилье.

Несколько месяцев назад Поль, оставшись один, пошел на танцевальный вечер в «Табарэн», модный ресторан. Так как Гала была в отъезде, в

Лугано или в Леизене, он вовсю флиртовал с какой-то девушкой в черном платье. Они пили шампанское, когда подошел Камиль Гозманс. Бельгийский поэт Гозманс, поэт и друг, разделял страсть Поля к искусствам. У него была галерея на улице Сены. В тот вечер Гозманс был в компании молодого испанского художника — незнакомца с повадками дикого кота, с усами, тонкими, как линия, проведенная карандашом, с усами черного цвета, достойными верного компаньона маркиза Карабаса. Молодой человек показался Полю робким и даже напуганным. Однако он — довольно неожиданно, с ужасным акцентом — сразу же пригласил их, Гозманса и Поля, в свою мастерскую в Кадакесе — небольшом каталонском рыбном порту. Гозманс, который собирается у себя выставить картины дебютанта и уже повсеместно расхваливает его талант, потому что вернисаж назначен на ноябрь, настойчиво напоминает Полю о приглашении. Почему бы не воспользоваться случаем? Гала сначала состроила недовольную гримасу. Она не говорит по-испански и до сих пор предпочитает восточные пейзажи Европы, ее горы и озера. Южнее Лазурного берега она ничего не знает. Ее беспокоит то, что в августе в Испании стоит сильная жара. Но она позволяет себя убедить. К тому же, приглашены не одни Элюары, и Гала нет необходимости опасаться супружеского тет-а-тет: будет художник (ведь это его они едут посмотреть), но еще приедут с женами Камиль Гозманс и Рене Магрит. Собирается приятная компания. Еще один аргумент: жизнь в Испании им ничего не будет стоить. Поль обосновывает экономическую выгоду «дешевого» отдыха. Они возьмут с собой Сесиль. Семейные каникулы пол сре-

диземноморским солнцем всем будут очень полезны.

Счастливым от того, что вернул после стольких телесных разлук свою Гала «навсегда» («Ты моя маленькая, моя прекрасная, моя великолепная, сладострастная и гениальная Гала»*), он адресует ей свое последнее послание перед самым отъездом вместе в ней в Испанию, в июле: «Нам понравится все, что ты будешь делать, — в любом случае»**.

* «Письма к Гала», стр. 75.

** «Письма к Гала», стр. 78.

Изгнанница В поисках
своего солнца

ЛЕТНЯЯ ДОРОГА

Дорога — узкая, как заросшая козья тропа, — карабкается вверх между холмов, перемежающихся с гаригами, из которых проступает серебристая листва оливковых деревьев. Когда деревья кончаются, извилистый обрыв приводит к пропасти с красным дном, заполненной высохшим лесом из колючего кустарника.

Через открытые окна ветер доносит до сидящих в машине запах земли и огня: жара стоит невыносимая. Путешественники, уверенные, что едут к морю, во все глаза смотрят, надеясь отыскать голубую полосу, но видят все еще только небо и на его фоне, за насыпью, бесплодные печальные холмы. Негостеприимные места. Испепеляющее солнце. В пейзаже осталась только самая неприхотливая растительность: чертополох, укроп и оливковое дерево.

С самой границы до ущелья Пертус путешествие кажется бесконечным: после богатых, сверкающих красок французской Каталонии, ее полей, виноградников и абрикосовых деревьев в сиреновой тени, у подножия гор, ее персиковых деревьев, усыпанных плодами, ее миндальных деревьев и пробковых дубов, отроги Пиренеев выходят на

Ампурдан, монотонную безрадостную долину, в которой горизонт сужается, пейзаж становится еще более суровым и серым. Совсем не похожи на Лазурный берег, такой цветущий и кокетливый, эти новые для Гала места — юг Каталонии ей не нравятся. Строгий гористый край, нет радости, претенциозности. Но здесь во всем чувствуется сила. Что-то властное, гордое обрушивается на посетителя, разомлевшего на солнце, измученного трамонтаной*, охваченного образами другого века, когда планета еще не принадлежала людям, а была полностью во владении солнца, ветра и насекомых. Надоедливое, навязчивое пение сверчков сопровождает последний этап этого долгого путешествия к неизвестному за более чем тысячу километров от Парижа. Последний этап пути кажется самым длинным и самым извилистым. Парадоксом является то, что в этой стране надо подниматься вверх, и довольно круто, чтобы добраться до моря.

После крутых поворотов узкой опасной дороги, проезда наугад по последнему виражу, в то время как в заднее стекло видно все, что осталось позади: уходящие в перспективу холмы с сухим кустарником, шелестящие оливковые деревья, пыльный след на дороге, — вдруг оказывается, что впереди нет больше ничего, кроме Средиземного моря. И в голубой бухточке, которую оно образует у подножия ущелья Пени, виден порт в миниатюре — Кадакес, со своими кукольными домиками, белоснежная белизна которых сверкает на солнце. Спуск происходит быстро — всего несколь-

* Трамонтана — северный ветер на Средиземном море (прим. пер.).

ко отвесных поворотов. Пройдя горные испытания, вдруг оказываешься — удивленным, ошеломленным — на деревенской площади, единственной и совсем маленькой площади. Она опирается на дома и смотрит на пляж. Рыбацкие суденышки стоят на якоре в голубой воде Прюс, плещущейся по валунам. На улицах никого. В час послеполуденного отдыха деревня пустынна. Она просыпается к вечеру, когда старые каталонки выходят из дому, садятся на низкие каменные стенки и вяжут сети. Старики собираются в кафе или перед своей дверью, они что-нибудь обсуждают, курят, сидя на соломенных стульях. Булочник, бакалейщик и торговец красками возобновляют работу. Ощущение такое, будто находишься на краю света, в месте, изолированном от остального мира и необычном. Вечером, когда черный свет поглощает контрасты и неожиданно подступившая ночь уравнивает все, рыбаки выйдут со своими фонарями в открытое море, а на следующий день женщины будут продавать рыбу в Розасе, довольно большом городке в трех часах ходьбы от деревни. До утра, как блестящие черви во мраке ночи, рыбацкие фонари будут посылать свои короткие сигналы. Юноши и девушки из Кадакеса начнут водить хоровод под звуки *sobla* — маленького оркестра, состоящего из инструментов, выточенных из южных древесных пород. Это сардана. Ее танцуют во всех деревнях Каталонии, как только возникает желание потанцевать, в какое бы время это ни произошло — утром или вечером, по праздникам или в будни, — и всегда на свежем воздухе улицы. Это хоровод, в который входят, кто захочет: парни и девушки, молодые и старые, каталонцы и туристы, если пожелают, — все, кого зовет эта чув-

ственная и целомудренная музыка, то грустная, то веселая, завлекающая, — устоять невозможно. Она поднимает даже тех, кто обычно не любит танцевать. Ее магия вызывает неодолимое желание участвовать в танце, потому что достаточно подойти, как руки разъединяются, чтобы принять вас в круг; прием происходит быстро, без слов, движение ни на минуту не прерывается. В круг можно войти в любой момент. Нужно быть босым, чтобы шум шагов не мешал музыке, или обутым в сандалии на плоской веревочной подошве, со шнурками, завязывающимися вокруг щиколотки, какие носят в Каталонии. И вот, в то время как одни и те же жесты, одни и те же шаги неумолимо повторяются в двух сменяющихся ритмах — одном быстром, одном медленном, — к вам приходит настоящее счастье от ощущения раскованности, безмятежности, от того, что ваши руки находятся в других руках. Сардана — танец не смешной. Он слишком напряженный, слишком выразительный, слишком непосредственный, он душа каталонского края — этот танец заслужил такое определение. И его заводят как бы невзначай (в Кадакесе так же, как и на любой другой деревенской площади) под платанами или под вишнями в час, когда хочется увидеться с друзьями или любимыми.

И в этот новый мир попадает Гала. Мир этот, обособленный, необычный, суровый, с устоявшимися традициями, гордящийся своими корнями и своей непохожестью, сначала напугал ее. Ничто ей не напоминает Париж, его культуру и изящество. Здесь царит обычная жизнь со своими кажущимися первозданными обычаями. Люди живут по солнечным часам, и сами похожи физически и морально на суровую природу края, где родились.

Когда Поль и Гала вместе с Сесиль в середине августа, в разгар каталонского лета, приезжают в Кадакес, они устраиваются в деревне в отеле «Мирамар», где до них уже поселились Магритты и Гозмансы. Как и у всех, кто впервые приезжает в этот край, у них, изнуренных долгой дорогой, сложилось впечатление, что они сбились с пути и по ошибке, несмотря на дикую красоту местности, заехали в невероятный тупик.

Камиль Гозманс, которого сопровождает Ивон Бернар, уже выставлял в своей галерее на улице Сены работы Ханса Арпа — друга Макса Эрнста из Страсбурга — и полотна с изображением навязчивых видений молодого художника, наполовину американца, — Ива Танги. Он покровительствует начинающему Рене Магритту, своему соотечественнику, бельгийцу тридцати одного года, которого Андре Бретон недавно принимал в Париже, где тот хочет поселиться. Он приехал в Кадакес, покоривший его своими красками, чтобы поработать. Рене привез свою жену Жоржет. Элюар не был раньше знаком с Магриттом; он купит у него, конечно же, несколько картин, на которых обычные предметы изображены так, что лишь отдаленно напоминают о своем предназначении и кажутся подвешенными в тревожном лунном пространстве. Но героем этих каникул и господином здешних мест (Гозманс уже стал его *aficionado**) является каталонец. Этим вечером он придет выпить с ними аперитив в кафе под платанами, на площади.

Уроженца края зовут Сальвадор Дали. Тощий,

* *Aficionado* (исп.) — поклонник (прим. пер.).

бронзовый от загара, как араб, с волосами иссиня-черного цвета, приклеенными к черепу с помощью специальной помады, он шел подпрыгивая — его походка была такой же неестественной, как и его костюм: узкие белые брюки, шелковая рубашка с жабо и болтающимися на ней бусами. Молодой человек больше напоминает исполнителя аргентинского танго, чем кого-либо из местных жителей. Однако он вырос здесь, все зовут его Сальвадором и знают его причуды. Денди в вычурной экстравагантной одежде, он выглядит женоподобно, за что и получил прозвище *Magisun* (от *magica* — «баба»). Испанцы относятся к нему подозрительно. Единственная уступка моде соотечественников это то, что — его ноги обуты в черные сандалии со шнурками, завязывающимися почти под икрами (называются сандалии «*bigatanes*»).

Вначале Сальвадор Дали не разговаривал вообще, был робким и замкнутым. Его выпуклые глаза вместе с волосами бросают черные блики. Собравшиеся с полным основанием могут подумать, что странный молодой человек не следит за беседой или что он вообще умственно отсталый. Он сам намного позже, вспоминая этот эпизод из своей жизни, напишет, что его приняли тогда за «неумного кретина»*. Заговорил Дали короткими фразами, сообщая правдивые факты или вызывающую бессмыслицу с единственной целью — удивить. У него надтреснутый голос, он раскатисто произносит «г», что очень удивляет тех, кто впервые в Каталонии, его акцент так же не похож на акцент жителей Ниццы и Марселя, как и на парижский. Но молодой человек редко им пользуется.

* «Тайная жизнь Сальвадора Дали», *La Table Ronde*, стр. 193.

ся. Он очень молчалив. В то время как другие болтают и знакомятся, он пьет перно, посматривает диким взглядом вокруг и вдруг — никто не может понять почему — раздражается смехом, таким громким и катастрофическим, что не может больше остановиться. Дали держится за бока, он смеется, он надрывается от смеха и, ко всеобщему удивлению, бросается на землю в приступе истерии. Как только молодой человек пришел в себя, на вопрос, что с ним, он ответил, что представил, как маленькая сова перелетала с одной головы на другую, приклеиваясь к черепам своими экскрементами! И он вновь расхохотался безудержным смехом, как сумасшедший. Находясь во власти своего настроения, он смеялся в одиночестве над неприличным образом совы. Гости улыбнулись из вежливости, беспокоясь, однако, о психическом здоровье художника.

Гала, уже уставшей и скучающей — Дали сразу же заметил ее «плохое настроение», — он сначала показался «невыносимым» и «неприятным»*. Каталонец же, напротив, очень скоро стал глядеть на нее не отрываясь. Это на нее он смотрит, выделяя из группы людей, специально приехавших, чтобы на него посмотреть. Из всех них, старше его по возрасту, едва ему знакомых, одна Гала интересует Дали, только она, и ее внимание он решает завоевать. Любовь поражает его как удар молнии, и вот он уже ее жертва. Что же касается Гала, она сдержанна и холодна, более высокомерна, чем когда-либо, а поведение Дали ее, несомненно, раздражает. Гала рассеянна и даже презрительно окидывает взглядом окружающий пейзаж (слишком

* «Тайная жизнь Сальвадора Дали». La Table Ronde, стр. 175

суровый и слишком варварский), этого далеко не цивилизованного человека, смех которого выводит всех из себя. Они забрались так далеко, что Гала и думать не может о том, чтобы уйти. Но она злится на Поля за то, что он привез ее сюда, и спрашивает себя, что такого мог найти Гюэманс в этом бесноватом южанине, так хорошо скрывающем свою гениальность.

Она вскоре познакомится с его историей и, как только пройдут ее раздражение и уныние, привяжется к этому странному человеку, к его чудачествам, его юмору, его образу мыслей, примет эту необычайную личность вместе со страной, с которой они неразрывно связаны. Но это Дали, смешав в своей фантазийной манере дикую робость и любовную тиранию, предпримет попытку завоевать Гала. Гала лишь медленно падет перед очарованием этого молодого человека, который на десять лет моложе, чем она, и который так не похож на Поля.

Сальвадор Дали родился в 1904 году; когда Гала его встретила, ему было двадцать пять, ей — тридцать пять лет. Дали выглядит моложе своего возраста благодаря гладкой и свежей коже, живой мимике. Гала, с ее суровыми чертами лица и матовым цветом кожи, всегда кажется старше своих лет. Теперь это зрелая женщина. Если посмотреть на фотографии (а Поль Элюар снимал их вместе), то Гала на них выглядит как старшая сестра рядом с братом или как молодая мать со своим взрослым сыном. Каждый день группа находит Дали на пляже. Они купаются, разговаривают. Дали смеется. Он показывает друзьям красоты края, в котором родился и который любит больше всего на свете. Он показывает им в море красные скалы мыса

Креус и вдоль всего извилистого берега, покрытого маки* и цветами синеголовника, бухточки, где так приятно купаться. Он знает наизусть каждый уголок этого затерянного пустынного рая, царства сверчков и чаек, куда ветер приносит горные запахи. Он умеет определять время по тени на земле. Он любит гулять так же, как и плавать. На горных тропах он ловок и неутомим, как коза. Море для него — родная стихия, он плавает как рыба. Насколько Элюар и Гала горожане, настолько Дали необходимы физические контакты с природой, такой, какой он узнал ее с детства в Кадакесе. Сальвадор не может без нее обходиться: он утверждает, что вдали от родного каталонского края, необходимого ему для душевного равновесия, необходимого ему для дыхания, он не смог бы жить.

Здесь Дали живет у родителей, в доме, расположенном за деревней, на Плайя-дес-Ланерс, где его семья обычно проводит лето. Его отец, уроженец здешних мест, служит нотариусом в Фигерасе, столице провинции Ампурдан, расположенной на расстоянии сорока километров вглубь страны. В Фигерасе — он произносит *Фигерес* — Сальвадор родился и учился в начальной школе, где был неуправляемым и скрытным учеником и оставил о себе воспоминание как о тупице, невыносимом папенькином сынке, не превзойденном в глупостях и выкрутасах. Отец Дали — один из тех чистых и суровых каталонцев, мужчина высокого роста, плечистый, сильный, чье молчаливое присутствие тяготит; одет он, как буржуа; характер у него крестьянский, то есть сердце его отдано долгу и

* Маки — лесные заросли, чаща (прим. пер.).

семье. Отец обожает своего сына и прощает ему все шалости. Он строг только с виду, на самом же деле — большой жизнелюб. Его сын рассказал, что однажды, измучившись от невыносимой зубной боли до такой степени, что лицо его исказилось, отец будто бы встал из-за стола со слезами на глазах и крикнул: «Я согласен так страдать всю мою жизнь, только бы не умирать!»

Мать Дали (он ее боготворил), сама воплощенная нежность, умерла от рака в 1921 году. Ее смерть нанесла Сальвадору такую рану, что он не может об этом даже вспоминать. Он в обиде на своего отца за то, что тот после смерти матери женился на его тетке, то есть на младшей сестре его матери, почти ровеснице Сальвадора, которую, впрочем, он очень любит. Сын не может простить отцу то, что считает предательством.

У Сальвадора Дали есть младшая сестра Анна-Мария, хорошенькая брюнетка с кожей оливкового цвета (в то время сестра была его основной моделью). Окруженный любовью, обожаемый всей семьей мальчик никак не может избавиться от кошмара, уже много лет не дающего ему покоя: до него у родителей был сын, мальчик умер от менингита в возрасте семи лет и звали его тоже Сальвадор Дали. У второго ребенка осталось чувство, что он живой близнец своего брата, умершего за девять месяцев до его рождения, его двойник и узурпатор, потому что он долгое время замечал в грустном взгляде родителей потребность отождествлять его с их первым сыном, чтобы напомнить его себе живым. Навязчивое присутствие смерти в мыслях, подверженность заболеваниям, сказывающаяся на поведении, — все это, очевидно, следствие чувства вины, которое он ана-

лизирует сам и о котором так любит рассказывать. Что же касается его эксцентричных выходов, то они, скорее всего, являются результатом желания привлечь к себе — настоящему, единственному Сальвадору Дали — внимание.

В семье (его новые друзья очень быстро это поймут) Сальвадор — король. Впрочем, когда он был маленьким, его любимой игрой было, нарядившись в карнавальный костюм и нацепив картонную корону на голову, изображать короля. Так он играл все детство. Действительно, для своих домашних он центр Вселенной и хочет им остаться. Мастерская Сальвадора в семейном доме — святое место. Никто, даже отец, его там не беспокоит. Его одиночество уважают и восхищаются всем, что он пишет, потому что живопись здесь, в центре средиземноморского края, — это настоящее королевство для гениального ребенка, о котором говорят, что он пишет красками с колыбели. У него, не способного чему бы то ни было научиться, противника любого образования, как и у Макса Эрнста, врожденные способности к рисунку и письму красками, которые он углубил и усовершенствовал, так как много работал самостоятельно: рисовал и писал красками каждый день с десяти или одиннадцати лет. Друзья родителей, супруги Питхот — он произносит *Питшот*, — открыли перед ним необозримые перспективы, когда он увидел на стенах их летнего имения *Moli de la Torre* (Башенная мельница) недалеко от Фигераса, куда его привез отец, полотна Рамона Питхота, художника-импрессиониста, пишущего в манере Тулуз-Лотрека. Вот тогда и обнаружилось призвание Дали: с тех пор ничто другое, кроме живописи, его не интересует.

Когда Элюары вместе с Гозмансом и Магриттом попали в мастерскую Сальвадора Дали, у него на мольберте стояло большое полотно. На нем в резком свете изображен фантастический пейзаж со множеством кузнечиков, а на переднем плане — стоящий спиной мужчина в кальсонах, испачканных экскрементами. Поль долго рассматривает картину, новизна и оригинальность которой его интересуют и пленяют. Он тотчас же придумывает для нее название: «Скорбная игра». Это первая настоящая встреча поэта с художником, странное поведение которого в первые дни никак не способствовало тому, чтобы можно было в нем угадать столь выдающееся мастерство и такую мощную силу. Поль Элюар только что получил доказательство того, что перед ними настоящий мастер, творец, произведения которого, если они будут по уровню не ниже «Скорбной игры», еще предстоит оценить. Восторженный Дали просит Поля позировать для портрета, который ему же и посвящается: бюст Элюара стоит на размеченных женских волосах, к нему со всех сторон подступают львиные морды, муравьи и непременные кузнечики — одно из наваждений Дали; изображен он как бы в миниатюре, тончайшими штрихами, с большой точностью на маленьком картоне. Дали посещал занятия в мадридской художественной школе, откуда был исключен за плохой характер и неповиновение. Но он не разделяет мнения своих друзей, современных художников, потому что он не перечеркивает прошлое. Напротив, Дали уважает великих испанских и французских художников: Гойю, Веласкеса, всех импрессионистов и даже Месонье. Он провел много часов, копируя их. Дали чтит традицию в своем ремесле, рассмат-

ривая технику как необходимое средство для передачи гениальных идей. В художественной школе он упрекал профессоров в некомпетентности и никогда их не слушался. Вместо этого Сальвадор следовал советам, которые мог прочитать на полотнах тех художников, которых сам себе выбрал в учителя, и он от них никогда не откажется. В этом большое отличие Дали от Элюара и Эрнста: самоучка, как и они, он изучал свое искусство с маниакальной тщательностью и с уважением относится к техническим правилам рисунка. Его эгоцентризм парадоксальным образом питается от других миров. Вот почему Дали был и импрессионистом, и кубистом на — свой манер. Одновременно приверженный и протестующий, он находился под влиянием Месонье и Веласкеса так же, как и Хуана Гриса и Пикассо.

Хотя Сальвадор так никогда и не станет преподавателем живописи, как мечтал его отец, в Каталонии он уже довольно известен. Дали дважды выставлял свои полотна в галерее Далмо в Барселоне — одном из авангардистских центров. У авангарда есть свой журнал, который издается в Ситжесе, и он в нем сотрудничает. Это «L'Amic de les Arts» («Друг искусств»). Дали отдает в него стихи и статьи по эстетике. Одиночество и дикий образ жизни не мешают ему с интересом следить из Кадакеса за всеми событиями в современном искусстве, происходящими в Мадриде, Барселоне или во Франции. Дали в курсе ссор и модных течений, новшеств и споров. Среди художников у него, по меньшей мере, два друга, две выдающихся личности, два испанца, принадлежащих его поколению (один родился в 1899, другой — в 1900 году). Сальвадор познакомился с ними в студенческом

общезитии, когда был в Мадриде. Они выпили много шампанского и виски и ходили вместе слушать джаз.

Первый — андалузец Федерико Гарсиа Лорка, сын крупного собственника, которому принадлежат земли в окрестностях Гренады. Он красив, как смутный Аполлон, настолько элегантен, лучезарен, очарователен, что в него все сразу же влюбляются, — словом, поэт, наделенный всеми дарами. Он пишет как дышит, читает свои стихи под собственный аккомпанемент на гитаре или на пианино (этими инструментами он владеет превосходно), умеет симпровизировать песню или мелодию в музыке или в стихах и инсценировать комедии для кукол-марионеток, с которыми никогда не разлучается, берет их с собой даже в путешествия. Он издал несколько сборников, среди которых «Impresiones y paisages», «Canciones» и «El Romancero gitano». Он даже сочинил оду в сто тринадцать строк, посвященную его лучшему и самому дорогому другу. Это песнь любви, посвященная молодому человеку, его красоте, его искусству и его краю:

О Сальвадор Дали с оливковым голосом,
Я говорю о том, что мне говорит твоя личность и
твое творчество.
Больше, чем твою несравненную юношескую
кисть,
Я хвалю столь твердое направление твоих стрел
[...]
Я воспеваю также твое астрономическое нежное
сердце*.

* «Ода Сальвадору Дали», переведенная на франц. язык Андре Беламахом. «Oeuvres poétiques complètes», Pléiade. стр. 456-248.

Сальвадор рисовал костюмы и декорации к трагедии «Мариана Пинеда», которую Лорка написал в честь республиканской героини, исполнение роли которой доверил Маргерите Хиргу. Год назад пьеса была встречена овацией в театре Гойи в Барселоне. Дружба двух молодых людей столь крепка, что Лорка часто проводит каникулы в семье Дали, где его принимают с распростертыми объятиями, — летом и на Пасху. «Кадакес — колыбель для волны и косогора...» — говорит он. Дни друзей были заполнены купанием, прогулками, как сейчас с Элюарами, работой над картинами и поэзией, флиртом. Ночи они проводили в бесконечных беседах и мечтах. Лорка ухаживал за Анной-Марией, воспевал ее красоту: «Смугла, как олива, и бела, как свежая пена». Но больше он ухаживал за Сальвадором, грация и фантазия которого волновали его. Гомосексуальный Лорка был влюблен в Дали, чья женственная внешность, хрупкость, кокетливые повадки и игры с переодеванием не могли его не возбудить. «Юношеская кисть» в оде, посвященной Дали, со «стрелами», которые могут быть стрелами Купидона, очевидно, имеют двойной смысл. Но Дали, по его признанию, защищался от натиска поэта и устоял перед Лоркой. Он отказался и впредь будет отказываться (по крайней мере, он так утверждал) от гомосексуальной любви.

С Лоркой Сальвадор поссорился год назад, с тех пор, как отправил поэту неслыханно резкое, беспричинно злобное письмо по поводу выхода в свет «*Romancero gitano*» — произведения, о котором написал, что оно «ретроградное, стереотипное, банальное и конформистское». Со времени их разрыва вакантное место рядом с Сальвадором

занял другой друг. Андалузца рядом с молодым каталонцем сменил арагонец.

Это Луи Бунюэль — человек, ничем не похожий на Гарсиа Лорка, хотя и его друг. Он земной, а тот был легким, воздушным — сила в противовес изяществу, воля в противовес грации, бешенство в противовес куртуазности, едкая ирония в противовес нежности, доброте... Можно было бы долго продолжать противопоставление этих двух людей, которые, однако, долгое время были неразлучными. Внешность Бунюэля — маленький, коренастый — была лишена того шарма, что так привлекал в Лорке. Но голова его всегда была забита множеством планов. А энергия у него была такая, что он мог двигать горы. Для самовыражения он хочет «заняться кино», чего бы ему это ни стоило. Впрочем, он только что поставил с Сальвадором первый фильм, сценарий к которому они написали вместе и съемки которого на деньги мадам Бунюэль в том же году состоялись в Париже, — «Андалузский пес». «Пес» этот не имеет никакого отношения к Лорке, андалузскому поэту. Никакого отношения к собаке. Никакого отношения ни к чему. Серия раздражающих картинок, скандальных, паталогических, непристойных или просто забавных, проходит на экране как в кошмаре: Бунюэль старательно разрезает бритвой человеческий глаз (трюк, потому что на самом деле это глаз быка), разлагающиеся трупы ослов лежат на роялях, нагая женщина несет под мышками двух морских ежей... Главный актер, Пьер Башефф, начал рекламную кампанию в газетах тем, что покончил с собой в последний день съемок. Фильм еще

не показан публике, но все говорят о нем так, как будто уже его видели.

Бунюэль приехал в Кадакес к Дали и его гостям из Парижа. Он присоединился к их прогулкам, купаниям, разговорам, но вскоре разочаровался: он приехал с намерением подготовить с Сальвадором следующий сценарий, доработать ударные, провокационные места, изюминки и не может спасти своего друга от наваждения — глаз, тела, загадочной красоты Гала. Придя в отчаяние от того, что Дали все свое внимание сосредоточил на Гала и интересуется только этой замужней женщиной (а лично Бунюэля она ничем не впечатлила, у него даже возникало иногда — он об этом расскажет* — бешеное желание удушить ее), разъяренный Луис уедет не солоно хлебавши. Дали, забыв о дружбе и о кино, думает только о Женщине. Он идеализирует Гала. «Если бы я мог, — вспоминал он потом, — я тысячу раз снимал бы и надевал туфли на ноги Гала»**.

* В книге «Мой последний вздох». Мемуары Луиса Бунюэля. Laffont, 1982, стр.116.

** «Тайная жизнь Сальвадора Дали». Цит. соч., стр.178.

ОЧАРОВАНИЕ СТРАННОГО МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА

Что происходит в это время в уме Гала Элюар? Как под жгучим солнцем Каталонии, которую она еще не любит — под солнцем безжалостным, агрессивным и так отличающимся от всего, что было раньше в ее жизни, — могло зародиться в ней (вопреки ей самой, потому что она вначале была «раздраженной» и «скужающей») желание все изменить и связать свою жизнь с человеком, так непохожим на всех тех, кого она знала, с очень молодым человеком, будущее которого крайне неопределенно?

Первая (не лишенная оснований) идея: эта женщина, которую грядущие поколения назовут корыстной, скупой и в высшей степени амбициозной, вовсе не уверена в том, что Дали когда-нибудь разбогатеет и прославится. Если она делает ставку на его славу, то рискует, как игрок в покер или баккара, потому что держать пари на славу Дали в 1929 году было так же рискованно, как загадывать на будущее, бросать игральные кости наудачу. В самом деле, хотя Пикассо и заметил уже уверенный рисунок и воображение начинающего художника и удостоил своим присутствием его первую выставку в галерее Далмо, где долго, самым внимательнейшим образом рассматривал картину, изображавшую женщину (вид сзади), моделью для которой послужила Анна-Мария; если Жоан Миро и взял его под свою защиту и направил молодого

каталонца, своего соотечественника, в Париж, где рекомендовал его нескольким торговцам и меценатам, — Дали все еще известен только узкому кругу посвященных. Немногие могут оценить его талант. Например, Пьер Лозб, владелец галереи, знаменитый тем, что открывает новые имена, привезенный в Кадакес летом прошлого года Жоаном Миро, строил недовольную мину перед картинами Дали и снисходительно посоветовал не обращаться к нему в ближайшие несколько лет. Нет ничего более сомнительного, более проблематичного, чем будущий успех этого художника, которого одни считают авангардистом из авангардистов, а другие — традиционным художником, использующим чужую личину исключительно в целях эпатажа.

Сальвадор — сын провинциального нотариуса, зажиточного, конечно, но отнюдь не набоба, — ведет приятную жизнь, живет так, как считает нужным, но жизнь его может показаться парижанке, наслаждающейся путешествиями и ничегонеделанием, скучной и суровой. Жизнь Дали — монотонное, скромное существование, прерывающееся купанием в светлой воде, приемами самой простой пищи и прогулками по голым скалам мыса Креус. Вся его жизнь посвящена живописи, ей Сальвадор предан телом и душой, и хотя она не приносит золотого дождя, тем не менее от нее исходит аромат каникул с привкусом соли и солнца, в чем и состоит ее главное очарование. Своей кистью Сальвадор не заработал еще ни гроша. Этот вечный студент тратит деньги отца. Он, этот мужчина-ребенок без финансовой самостоятельности, находится в материальной зависимости от отца — так же, как и Поль на первых порах: как и он,

Дали — единственный сын (в каталонском краю сестра не в счет), избалованный, пригретый, защищенный фигурой *Командора* — средиземноморского двойника Клемана Гренделя. Он так же, как и Поль ищет в своем искусстве, непонятном реалистическому и конкретному уму Сальвадора-отца, раскрепощения. Живопись так же далека от нотариуса Дали, как поэзия была далека от торговца недвижимостью Гренделя. Своим призванием Элюар и Дали противопоставили себя семье. Их выбор сделал их одинокими рыцарями. Но как один, так и другой, несмотря на их кажущуюся несхожесть, не были способны пойти дальше и уйти из-под родительской опеки, вести без поддержки отцовского кошелька полностью свободное существование. Поль Элюар и Сальвадор Дали — мужчины, которые так никогда и не вышли из детства. И у них обоих — менталитет наследников. Хотя Дали, когда встретился с Гала, уже начинал зарабатывать своей живописью на жизнь, в то время как поэзия еще долго была для Поля, печатающегося за свой счет, роскошью, дорогостоящей любовницей. Сальвадор уже принес домой, к удивлению всей семьи, свой первый контракт: Камиль Гозманс заставил его подписать документ под бдительным оком главы семейства. Он должен получить три тысячи франков в обмен за свою летнюю продукцию, которая будет выставляться в Париже с осени. Эта сумма, конечно же, больше, чем просто карманные деньги, но все же не вождеденное состояние, мысли о котором, как будут говорить, не давали покоя Гала.

Второе довольно распространенное мнение: если Гала, по словам ее супруга, любила мужчин и любила любовь, то вряд ли ее могла привлечь со-

мнительная вирильность этого индивида, красующегося в бусах и шелковых рубашках, который флиртовал (если не спал) с Гарсиа Лоркой и, хотя и не спускал с нее глаз, видел в ней скорее не женщину, а явление. Ни в чем не похожий на Макса Эрнста, который, когда Гала с ним познакомилась, был донжуаном, любил и хорошо знал женское тело, Сальвадор Дали, будучи уже в двадцатипятилетнем возрасте, еще ни разу не занимался любовью. Если он говорит правду — зачем бы ему врать? — то он еще девственник, девственник, несмотря на Лорку, и никогда не был близок с женщиной. Его сексуальный опыт — это только фантазмы и мастурбация. «Никогда в жизни еще я не занимался любовью, — пишет он. — Мне казалось, что для этого акта требуется ужасная сила, диспропорциональная моей физической мощи; это было не для меня»*.

«До знакомства с Гала, — будет рассказывать Дали**, — я был убежден, что я импотент. Купаясь, я смотрел на половые члены моих товарищей и с грустью констатировал, что у всех они больше, чем мой. К тому же, я прочитал один жутко порнографический роман, в котором какой-то Казанова рассказывал, как, проникая в женщину, он слышал, что она трещала, как арбуз! Я сразу же себе сказал: "Ты, конечно же, не способен заставить женщину трещать, как арбуз"».

Его посвятит Гала. Так уже было с Полем: он впервые узнал любовь в ее объятиях, в Клавадеде. Но Элюару тогда было всего семнадцать лет, и Гала была тогда тоже совсем еще юной. А сейчас эта

* «Тайная жизнь Сальвадора Дали». La Table Ronde, стр. 188.

** Луи Пувель «Страсти по Дали». Denoël, 1968, стр. 66.

зрелая, опытная женщина должна будет открыть свое тело для боязливому молодому человеку, считающего себя импотентом.

С самой первой встречи Дали почувствовал физическое влечение к Гала, рожденное из двойственного созерцания ее строгого лица и ее великолепной спины, атлетической и обнаженной. «Углубление спины было крайне женственным и грациозно соединяло сильный и гордый торс с очень изящными ягодицами, которые осиная талия делала еще более желанными»*. Он смотрит на нее оценивающим взглядом, как художник смотрит на прекрасно сложенную, стройную натурщицу, но взгляд его не бесчувственен, увиденное волнует, потому что вызывает воспоминания. В детстве Сальвадор любил девочку, похожую на Гала, и эту девочку он узнает в ней. Гала оживляет старый и навязчивый фантазм, имеющий необыкновенную власть над Дали: он возбуждает. Из тайных глубин подсознания к Сальвадору приходит ощущение, что Гала уже принадлежит ему. Он зовет ее своей *Galutchka Rediviva* (воскресшей). Он уверен, что полюбил ее еще до того, как увидел: ему всегда снится сон о маленькой незнакомке, которую он обожает; одетая в шубку, она катится в санях по снегу. И вот русская девочка выросла и пришла из Зазеркалья. Она предстает перед Дали без улыбки и слишком реальной для призрака: вся из мускулов и плоти, она притягивает и вместе с тем отпугивает его.

Если для Сальвадора будущее уже не мыслимо без Гала (его предвещали сны), то что значит для Гала этот экстравагантный молодой человек с

* «Тайная жизнь Сальвадора Дали», стр. 178.

напомаженными волосами, который носит за ухом цветок герани, упрямо молчит во время самых оживленных разговоров, смотрит на нее как на божество, а в самый неожиданный момент с ним случается приступ бешеного веселья? Может быть, он психопат? Буйнопомешанный? А может, наоборот, он чересчур робок — что-то вроде дикаря, не приспособленного для жизни на земле, — и какое-то шестое, чисто женское чувство подсказывает ей, что это существо она должна приручить?

И опять — в который раз! — Элюар подталкивает Гала к ее судьбе. Это он просит ее пойти и поговорить с Дали наедине: так как группа должна что-то написать о «Скорбной игре», необходимо узнать, является ли Дали копрофагом* или человек, изображенный на переднем плане его картины с испачканными штанами, — всего лишь способ шокировать публику. Гала подчиняется. Она идет на прогулку вместе с художником, неожиданный тет-а-тет разжигает его, но он еще не осмеивается ни на какие признания. Гала берет на себя инициативу и спрашивает Дали о копрофагии и перед тем, как он ответит, выносит собственное суждение. «Если **эти вещи** соответствуют вашему существованию, — говорит она, строя фразу по собственным правилам, — то я нахожусь с вами в жизненной несогласии, потому что мне в моей жизни это кажется ужасным»**. Дали должен будет поклясться, что он не копрофаг, что непристойности, кровь и кузнечики — это всего лишь выражение его собственного страха, тайные

* Копрофаги — питающиеся экскрементами насекомые (прим. пер.).

** «Тайная жизнь Сальвадора Дали». La Table Ronde, стр. 180.

глубины, из которых происходят его сны и искусство. После чего Гала, наконец успокоившись, но все еще оставаясь неприступной и высокомерной, пожелала продолжить прогулку и оценить красоту края, к которому отнеслась равнодушно. «Ее плоть, такая реальная, такая близкая к моей, мешала мне говорить», — скажет потом Дали. Они забираются на скалы, и идут вдоль маленьких бухточек туда, где Сальвадор чувствует себя счастливым и сильным; там он открывает для Гала свой мир — уголок Испании, где ему нравится жить и где он чувствует себя некоронованным королем.

За время, проведенное в ходьбе, в плавании вдвоем, в молчаливых мечтах под ярко-синим небом, вымытым трамонтаной, когда Дали только для того, чтобы принять участие в диалоге, смеялся, как сумасшедший, своим апокалиптическим смехом, рождается очарование от удовольствия быть вместе. И тогда Гала, повинуясь внезапному импульсу, взяла руку Сальвадора и произнесла слова, которые полностью подтвердит будущее: «Мой мальчик, мы больше не будем расставаться». «Мой мальчик» — так обращается мать к своему ребенку. Это обещание нежности, защиты, а также силы, потому что Гала не говорит «я не покину тебя» — она говорит «мы»: «Мы больше не будем расставаться». Очень скоро к ним придет общее будущее.

Только Дали рассказал свою версию об их первой встрече и о рождении их любви. Гала, верная своему молчанию, сама об этом никогда не расскажет. Это Дали озвучил ее голос. Она же сама ни подтвердила, ни опровергла ничего. Как и в свое время с Полем, Гала позволяет говорить мужчине, уходя в тень своего образа, созданного им,

довольствуясь его правдой на свой счет (возможно, соответствующей действительности), только бы она была верно истолкована. Дали расскажет позже о своем удивлении, когда он глядел на ее напряженное и малоприветливое лицо, гордое и презрительное выражение которого его очаровало, и видел, как рождается чувство настоящей любви. Он был уверен с первого мгновения, что находится рядом с Женщиной с большой буквы, с Женщиной Вечной, предназначенной ему изначально, про которую он вдруг — словно на него нисходит озарение — понимает, что эта Женщина — его судьба. «Это была она, Galutchka Rediviva. Я узнал ее по обнаженной спине. Ее тело имело детское сложение, у слегка выступающих лопаток и поясничных мышц была атлетическая напряженность, как у подростков». Дали сразу же начинает за ней ухаживать, отчаянно старается ей понравиться, тогда как на Гала это лето в Кадакесе все еще наводит уныние и раздражение. И понемногу своими странностями, своей душевной чистотой, своими повадками дикого кота Дали начинает интересоваться Гала. И, почувствовав это, он изо всех сил торопится завоевать ее сердце.

Что она ищет в общении с этим одержимым молодым человеком, горящие, как угли, черные глаза которого смотрят только на нее, изучают ее как какое-то сверхъестественное создание, богиню, упавшую с небес, излучающую неизвестно какие потусторонние образы? Во взгляде Сальвадора Дали прочитывается очарование, восхищение и страх: женщина, любовь — это для него неизведанные, волнующие и притягательные, как тайна, миры.

Прежде всего в то лето Гала поняла, что бли-

зится конец одной истории. Желание покончить с потускневшей и вялотекущей супружеской жизнью утвердилось в ней здесь, на этих пляжах, куда она прибегает с ощущением полной свободы, предоставив Поля друзьям, мечтам и поэзии, чтобы полазать по скалам, исследовать гаригу и купаться часами в бухточках, которые для нее выбирает Дали. Гала никогда не была такой красивой. Стройная и загорелая, сильная, она великомерно себя чувствует. «Тело Гала, — говорит ослепленный Дали, — мне казалось сделанным из божественной плоти цвета золотистого муската». И вот она под лучами солнца превратилась в Единственную. В глазах влюбленного молодого человека, который не видит вокруг ничего, кроме Гала, она стала королевой.

Элюар уходил от нее. Напрасно он повторял в письмах о своей исключительной любви, о вечной страсти: действительность была куда прозаичнее. Он приударял за девушками, вдали от Гала аппетиты его разгорались, и, несмотря на торжественные заверения, ему не удавалось больше убедить ее в том, что она была ему необходима, как прежде. Проходило время, порождая вместе с монотонностью желание все изменить. Гала уже не раз пыталась находить развлечение в связях, коротких приключениях, но они не смогли ни дать ей новых сил, ни сдержать. Верная и страдающая, она ищет свою настоящую судьбу и предпочитает идти к ней прямой дорогой: ей претят фантазмы Поля, рождающие мысли о возможности делиться любовью. Пусть Гала и подчинилась Полю, чтобы нравиться ему, но жить в гармоничном союзе с ним и Максом она не смогла. В ее любви нет никаких извращений: она стремится отдаваться полностью.

Возможно, Дали не идеальный мужчина. Но верит ли еще Гала в идеального мужчину? В 1929 году Гала — разочарованная женщина, жизнь навевает ей скуку, она ищет новых путей, новых событий. Сальвадор Дали одинок, и он в ее расстройстве. Главное его достоинство состоит в том, Дали смотрит только на Гала, а ей нравится быть обожаемой. Расцветая в лучах восхищенного взгляда стоящего перед ней на коленях мужчины, она чувствует себя живой, она чувствует себя властительницей. Гала, с ее тревогами, постоянно нуждается в том, чтобы ее успокаивали, в том, чтобы в глазах своего спутника она могла читать клятвенное обещание верности. Дали сразу же стал ее почитателем, он сходит с ума от любви. Ей даже не надо было его завоевывать. Он пал сам, с первого мгновения, расхохотавшись (так выразились его «фанатизм» и «страх»), к ногам самого языческого из всех своих идолов.

Другое важное качество: Дали — еще ребенок. Он нуждается в защите. Гала же любит подчинять себе. Как и Поль в Клаваделе, даже еще больше, чем Поль, Дали — слабое и нежное существо, не способное бороться с жизнью в одиночку, без поводыря. Гала для того, чтобы любить, должна чувствовать, что в ней нуждаются, она должна руководить, утешать существо более слабое, чем она сама. Знание о том, что без нее не могут обойтись, наполняет смыслом ее существование, оправдывает его в ее собственных глазах, придает ему значение и расцветивает его. Эта женщина, проявлявшая так мало материнства по отношению к собственному ребенку, эта женщина, которая бывает матерью только с мужчинами, находит в Кадакесе призвание, казавшееся ей уже утрачен-

ным: в ее власти опять будет мужчина из тех, какие ей нравятся, художник, она сможет посвятить ему себя всю, подарить свое время, энергию, сосредоточиться только на нем. Такая же, как мать со своим ребенком, требовательная, взыскательная, но пользуясь при этом всей своей женской властью, пользуясь своим телом, своим шармом, она сможет его поддержать, подбодрить, приласкать, чтобы сделать из него человека, достойного всех этих талантов, всех своих жертв.

Взбираясь по отвесной скале над морем, Сальвадор впервые поцеловал Гала. «Я поцеловал ее губы — и они открылись. Я еще никогда не целовал так глубоко, я не знал, что так можно. И сразу все мои эротические парсифали проснулись от сотрясавшегося в моей столь измученной плоти желания. И этот первый поцелуй, в котором столкнулись наши зубы и перемешались языки, был лишь началом голода, заставившего нас кусать и съедать друг друга до самых глубин».

Будучи вне себя от возбуждения, Дали умолял: «Что вы хотите, чтобы я с вами сделал?» И Гала, из глубины сердца уже зная, что начинает новую жизнь, которую Гала вчерашняя — Гала Поля Элюара — слишком долго ждала, будто бы ответила ему, мешая свои фантазмы и свои тревоги с его фантазмами и тревогами: «Я хочу, чтобы вы заставили меня взорваться».

ВЫБОР ГАЛА

Гала делает неожиданный выбор. Поль еще долго будет оставаться в растерянности: два года спустя, если судить по его письмам, он еще надеется на возвращение капризной и своенравной супруги. Гала же, напротив, уверена в себе и строит макиавелиевские планы: этим летом, не имея никакого плана на будущее, но интуитивно осознавая свою роль, она ставит на карту все. Щадя самолюбие Поля, не лишая его уверенности в том, что скоро вернется, Гала решает продлить свое пребывание в Кадакесе и полностью заняться флиртом в этом месяце, августе. Паратиф Сесиль стал очень удачным предлогом: в то время как Поль, потом Гозмансы и Маргритты возвращаются в Париж, Гала намеревается остаться в качестве сиделки при больной дочери. Но, не имея ни терпения, ни призвания быть сестрой милосердия, она сбегает из отеля «Мирамар» к Дали на морской берег и сопровождает его в прогулках, превратившихся в любовные, вдоль синих пустынных заливов, где упрочивается их желание быть вместе. Солнечные каникулы кажутся вечными. Гала пришелся по вкусу климат, при котором ее тело, тело горожанки, приобретает великолепие, которого никогда не имело, — округлившиеся, золотистого цвета формы.

Парижанка с модной прической (каре из завитых волос), с ногтями, покрытыми красным лаком, в изысканных платьях, элегантных туфлях

уступает место мускулистой дикарке в шортах или просто в рубаше, в веревочных сандалиях, белые ногти выделяются на сильно загорелых руках, а волосы, выпрямленные солью и ветром, свободно спускаются на шею, как у богини. Любопытно, что без городских излишеств она становится похожей на каталонку. С тонкими лодыжками на сильных ногах, постройневших от ходьбы и плавания, с прелестными бедрами и маленькой грудью, она напоминает статую Майоля, его ню с необыкновенными формами, которую скульптор искал среди крестьянок Баниульса, жен рыбаков — он любил строение их тел, а в особенности ноги, затвердевшие от ношения сандалий. Гала, русская женщина, пропитывается этим летом ароматами Средиземноморья, она преобразится: ее черные волосы и матовая кожа, лицо с высокими скулами сделают ее похожей на местных девушек. Дали становится уверенней в себе, он называет Гала «моя оливка» или «мой мускат».

Отныне, до окончательного воссоединения, их ждут периодические расставания. Хотя Гала все же возвращается в Париж, куда ее зовет то, что осталось от супружеского долга, оставляя Сальвадора в привычном ему одиночестве («Я думал, что она научит меня любви и потом я снова останусь один, как я всегда желал», — признается он*), влюбленные пообещают друг другу встретиться, потому что Гозманс назначил выставку своего подопечного на конец ноября. Они проведут в разлуке около двух месяцев. В то время как Гала, с медным загаром, счастливая, вместе с бледненькой,

* «Тайная жизнь Сальвадора Дали», стр. 191.

исхудавшей дочерью садится впервые на поезд в Перпиньяне (позже она станет одной из самых преданных его пассажиров), Дали закрывается в мастерской, где возобновляет свою монашескую жизнь. Он заканчивает портрет Элюара и большое полотно с вызывающими символами: мертвенно-бледного цвета голова с розовыми щеками, огромный нос ее упирается в землю, как костыль, вместо рта у нее кузнечик, во вспоротом животе которого кишат муравьи; название полотна — «Великий Мастурбатор».

Едва приехав в Париж (тоже поездом из Перпиньяна, с тщательно упакованной коллекцией картин и рисунками), он посылает красные розы на улицу Беккереля, куда Элюары наконец переехали, встречается с Гала и исчезает с ней за два дня до вернисажа, даже не удосужившись проследить за развешиванием картин. Романтическое бегство удивит многих. Камиль Гоэманс возмущен беззастенчивым поступком молодого художника: это может не понравиться его потенциальным покупателям. Андре Бретон, согласившийся написать предисловие к каталогу, и группа его друзей-поэтов раздражены поведением Гала: во второй раз она предает одного из их друзей. И только Элюар не хочет думать, что это больше чем каприз с ее стороны. На вернисаж он пришел со спокойным лицом и не кажется расстроенным. Как бы то ни было, с 20 ноября по 5 декабря 1929 года почитателям и хулителям придется обсуждать искусство Сальвадора Дали в его отсутствие, в то время как он, безразличный к происходящему, будет наслаждаться любовью недалеко от Барселоны, в Ситжесе, пустынный зимний пляж которого стал фоном для медового месяца.

Гала все же вернется к Полю на Рождество, а Дали поедет в Фигерас, где его семья проводит зиму. Сальвадор явится туда как павлин, украшенный новым достоинством. Гозманс напрасно беспокоился: он продал почти все выставленные полотна, а виконт де Ноай лично приобрел за сумасшедшую цену «Скорбную игру», перед которой Андре Бретон стоял с высокомерным видом, не одобряя непристойной темы. Но не поздравления ждут Сальвадора в Каталонии. Луис Бунюэль присутствовал в доме Дали в тот вечер, когда отец Сальвадора, почернев от гнева, высказывал своему сыну в качестве приветствия самое ужасное из нравоучений. Он начнет упрекать Сальвадора в связи, о которой все говорят, в постыдной связи с замужней женщиной, в том, что ей хватает наглости появляться в деревне, не заботясь о своей репутации. Дали-отец считает, что она дает Сальвадору деньги, что она содержит его как альфонса и что разница в их возрасте является лишь доказательством порока. Образ «русской», порочного создания, развратного и развращенного, вызывает в нем приступ каталонского расизма; отец убежден, что опасность происходит из-за границы и только соотечественники — хорошие люди; его недоверие сродни неприязни Клемана Гренделя в те далекие времена, когда Гала, так как она была чужестранкой, вызывала дрожь у добропорядочного отца семейства.

Бунюэль опишет эту сцену и то, как Дали-отец, выйдя из себя, выставит за дверь провинившегося сына, навсегда запретив ему являться в дом. Дело в том, что ему еще есть в чем упрекнуть сына, хотя Гала здесь ни при чем, но он так зол, что считает ее виновной во всем. Из критических ста-

тей в «El Pais», испанской газете, он узнал о скандале, произошедшем на выставке: на своем рисунке, изображающем Сакре-Кёр, этот любящий сын, на которого Дали-старший возлагает все свои надежды, написал — волосы встали дыбом на голове у отца от этих слов: «Иногда я плюю ради удовольствия на портрет моей матери». Так как Сальвадор из упрямства отказывался объясниться, отец посчитал невозможным простить такое оскорбление и в приступе ярости лишил сына наследства. В знак серьезной перемены, метаморфозы, Дали, проклятый сын, бреет себе голову, затем без видимого сожаления покидает семью. Тщетно Бунюэль будет уговаривать его остаться — у Дали в голове нет другой мысли, кроме как поехать за Гала. Он намеревается жить с ней.

В Париже Сальвадор задерживается, чтобы лучше познакомиться с группой друзей Поля Элюара. Но Бретон, Арагон и большинство тех, кто отныне называется сюрреалистами, все еще скептически относятся к этому параноику, который боится переходить улицу, в ответ на предложение поехать в метро начинает вопить, абсолютно не способен поддерживать беседу и только и умеет, что вставлять в самые увлекательные диалоги восклицания на тарабарском языке и взрываться безумным хохотом. Все это их обескураживает, особенно Андре Бретона. Несмотря на болезненную робость, Дали все же позирует вместе с поэтами перед «кодаком» Ман Рея: худой и бледный, с опущенными плечами, со ступнями внутрь и печально висящими усами — трудно представить, что Дали, став звездой, будет фотографироваться в хвастливых позах. Его имидж настолько необычен, что никто, кроме Гала, не убежден в силе его

таланта. Живопись Дали вызывает интерес, но не зажигает группу, как это было с Максом Эрнстом, например. Он пуглив, кажется даже запуганным, и никто еще не знает о его чувстве юмора, здравомыслии, уме, как и о его гордыне. А пока Сальвадор просто не умеет себя вести. Это Гала предстоит заняться рекламой, расхваливая его повсюду. В Кадакесе Сальвадор показал Гала отрывки текстов в прозе и в стихах. Гала взяла тексты себе. Она читает со своим русским акцентом в кафе, где собираются поэты, эти причудливые, написанные на французском, в котором слышится рокот каталонского, фразы. Очевидно то, что Гала пытается убедить всех, что выбор ее неслучаен. Но Дали чувствует себя некомфортно в парижской обстановке. Он приехал за Гала и мечтает поскорей вернуться к себе на юг. Второй медовый месяц в другом пустынном курортном городе, благосклонно приютившем влюбленных, скрепит их союз.

Гала была уже здесь раньше с другим мужчиной, поэтому она увозит Сальвадора в Кари-ле-Руэ, что недалеко от Марселя. Они сняли две комнаты в отеле при замке. Одна служит мастерской Сальвадору (там он пишет «Невидимого мужчину»); в другой они занимаются любовью, Гала гадает на картах и мечтает о книге, которую Сальвадор напишет под ее руководством. Гала считает, что из разрозненных текстов, найденных в Кадакесе, можно создать роман, который станет контрапунктом к картине «Видимая женщина». Они два месяца не будут выходить из отеля. «Во время моего добровольного заточения я узнавал любовь с таким же изнурительным фанатизмом, с каким я отношусь к своим работам», — скажет Дали.

Несмотря на творческое и любовное воодушевление, у Сальвадора очень скоро появляется навязчивая мысль вернуться в Кадакес — единственное место, где он чувствует себя дома. Даже не заехав в Париж, где Элюар заходитесь от того, что их связь затянулась до неприличия, Гала и Сальвадор возвращаются в деревню. Ослепительно белая гавань любви и солнца, защищенная холмами, поначалу встречает их враждебно: двери отцовского дома закрыты, владелец отеля «Мирамар» боится накликать на себя гнев господина Дали-отца и отказывается их приютить, местные обыватели, чтобы не приветствовать Гала, стали делать вид, что не замечают Сальвадора. И вот они стали париями, отвергнутыми обществом Кадакеса.

Дали не признает себя побежденным. Не желая покидать родину, не мысля себя ни в каком другом месте, он находит прибежище на окраине деревни, в двух километрах по дороге к кладбищу, в маленькой бухте, где рыбаки устроили склад и хранят лодки и сети. Это Порт-Льигат — «закрытый порт», бухточка, зажата холмами, как тюремными стенами, одно из самых затерянных, самых пустынных мест на Коста-Браво. Здесь, на сухих каменистых скалах, не растет ничего, кроме маленьких и чахлах оливковых деревьев. Ни очарования, ни приветливости. Хорошее место для прокаженных, для изгнанников, какими они стали.

Вдова моряка — ее звали в деревне *Lidia, la ben plantada* (Лидия, прочно стоящая на ногах), — которая когда-то приютила у себя поэта Эуженио д'Орса, уступила им свою хибарку — помещение четыре на четыре метра, со смежным чуланчиком, который смог бы при необходимости, если раз-

грузить его от хлама, послужить кухней. Есть вода (ее нужно накачивать из колодца), но нет ни отопления, ни электричества. И все же, из этого дощатого запущенного барака, едва защищающего от сильных порывов трамонтаны, они вместе создадут настоящий дом, «их» дом. Гала и Сальвадор приложат все силы, чтобы отремонтировать постройку. Когда Дали купит его у Лидии на деньги, оставшиеся от продажи картин в галерее Гозманса, они станут жить любовью, питаясь святым духом, в отсутствие даже самого элементарного комфорта.

Ветры над Порт-Льигатом дуют пронзительные. Дни стоят сухие и холодные, зима окрасила Средиземное море в стальной цвет. Темнеет около четырех часов дня, на окружающий пейзаж ложится свинцовый туман. Гала, несмотря на дровяное отопление, знобит, она кашляет, температурит, она надолго заболит. Взбешенный ее поведением Элюар будет умолять Гала вернуться в Париж и затем поехать полечиться в Швейцарию или хотя бы в горы, в один из знакомых им обоим санаториев для легочников (он надеется, что там ему удастся вновь ее отвоевать). Но Дали, к великому несчастью мужа, чувствующего себя все более и более покинутым, увозит Гала в Андалузию, где, несмотря на пессимистические предостережения Элюара, солнце вернет ей здоровье.

В Торремолиносе, в пятнадцати километрах от Малаги, где их приютил один мадридский друг и в обмен на картину оплатил их расходы, они ведут суровую жизнь, близкую к природе, и, кажется, она их устраивает, в ней они оба черпают силы. «Это были дни пылкой любви, — напишет позже Дали, — мы загорели наравне с рыбаками, Гала

выглядела как обожженный солнцем мальчишка и прогуливалась с обнаженной грудью». Волосы, в которые Гала начала втирать оливковое масло, отросли, к ней вернулись красота и силы, и казалось, что она рвет последние нити, связывающие ее с Францией, мужем и дочерью. На улицу Беккереля вернется Гала, уверенная в себе. И уже не одна, а держа за руку Дали. Она убедила его возобновить отношения со столицей не для того, чтобы там остаться, а только чтобы собрать кое-какие деньги и как можно быстрее уехать жить в Кадакес, к ним в дом, который они, уезжая, наказали подремонтировать деревенскому столяру.

В Париже они живут семьей. Поль оказался за бортом: он оставляет им апартаменты, которые он так заботливо, с такой любовью обустроивал и меблировал, совершенствовал, намереваясь создать там королевство для Гала, и съезжает на скромную однокомнатную квартиру на улице Бланш, расположенную над квартирой своего друга Бретона. Бретон за это время развелся со своей женой Симоной, пожил с новой подружкой Сюзан Мюзар — она его только что покинула, чтобы выйти замуж за молодого интеллектуала, заигрывающего с сюрреализмом, Эммануэля Берля. Параллельные любовные романы то одних, то других друзей-поэтов сопровождают жизнь Поля и Гала. Холостяк поневоле Бретон и псевдомуж Элюар оказались под одной крышей. Но прошло время любви втроем, даже если Гала и приходит иногда к тому, кто все еще остается мужем, и даже если ей случается — еще довольно продолжительное время — заниматься с ним любовью. Письма Поля, относящиеся к этому периоду, когда она отдаляется, свидетельствуют о том, как ему,

словно наркоману, не хватает Гала и с каким нетерпением он ее ждет: «Я по-настоящему могу с тобой поздороваться только занимаясь с тобой любовью», — пишет он ей еще в апреле 1930 года.

Но у Гала другие заботы, важнее, чем тысячу раз упомянутая Полем любовь: для нее вопрос стоит о выживании, о возможности есть каждый день, платить за кино (единственное развлечение), за холсты или краски для Дали. Они оба бедны и откладывают то небольшое, что имеют, для того чтобы привести в порядок ожидающий их каталонский домик — наполовину построенный, почти нежилой, существующий в другом мире. Сальвадор работает целыми днями в светлой, как мастерская, гостиной. Он живет затворником, не выходит до тех пор, пока не придет Гала. Она уходит после завтрака, унося рисунки в папке под мышкой: ей предстоит пройти по галереям, побегать по столице из одного округа в другой, пытаясь продать несколько полотен или хотя бы рисунков. Но все это дает плохие результаты. Вечером изможденная, отчаявшаяся Гала, дотоле избалованная Гренделями, матерью и сыном, не допускавшими, чтобы она утомлялась, должна еще заниматься хозяйством и кухней, и сверх того поддерживать Дали, поднимая ему настроение, чтобы он не переставал писать: его живопись — единственный возможный источник для существования.

Без гроша в кармане в течение многих месяцев, отказываясь от богемы, они живут без общения с сюрреалистами, «всегда одни, вдвоем». Они не присоединяются к группе по праздникам, не посещают ночных ресторанов, не принимают алкогольных напитков и, когда не ходят в кино в

своем квартале, остаются дома и никого к себе не приглашают. «Наша сила, Гала и моя, состояла в том, что мы вели правильный образ жизни, всегда одни, вдвоем»*. Они занимаются живописью и любовью вдвоем. Это аскеза.

Никогда еще Гала не приходилось так бороться с денежными трудностями, с нищетой, никогда еще она не посвящала все свое время человеку, которого повседневная жизнь удивляет, человеку, не способному обеспечить материально свое существование, человеку, который, как ребенок, зависит от нее. В Париже Дали живет как в изгнании. В городе он чувствует себя чужим и потому не любит выходить. На улице он боится всего. Его прибежище — живопись. Гала — его опора, без нее он никогда не осмелился бы ходить по враждебным улицам. «Гала, дай мне руку. Я боюсь упасть», — повторяет он ей. Он больше не может без нее обходиться — до такой степени, что не представляет себе, как сможет жить без нее. Что же касается Гала, то она твердо решила: она не должна теперь заботиться о Поле, посылающем ей по почте отрывки из своих стихов. Она никогда не заботилась о Сесиль, которая живет у бабушки. Теперь рядом с ней мужчина, он ее ребенок, этим человеком она должна заниматься и ему должна быть предана.

Их спасение придет — потому что именно тогда о них начнут говорить в Париже — от виконта де Ноаяя. Он отправит на имя Дали чек в двадцать девять тысяч франков — авансом, за будущую картину. И настанет конец горькому и трудному этапу в их совместном существовании, и они смогут

* «Тайная жизнь Сальвадора Дали», стр. 229.

вернуться в деревню. Сальвадор ждал этого момента с нетерпением. Гала быстро поняла, что эта деревня необходима Дали для душевного равновесия и что она никогда не сможет лишить Сальвадора корней. Принимая Дали, она принимает все. Не колеблясь, Гала отказывается от городской жизни, в которой раньше находила столько очарования, отказывается от бутиков и антикварных лавок, от театров и кино для того, чтобы уехать за тридцать земель, в неприветливую Каталонию, где ее ждет у воды прислонившаяся к лесу деревянная хижина.

РАДОСТИ КАТАЛОНСКОГО ЛЕТА

Вокзал в Перпиньяне, первая остановка в их долгом пути, находится в тысяче километров: нужно ехать в поезде всю ночь, чтобы пересечь Францию, проезжая город за городом в тряском ритме железной дороги (Лимож, Кагор, Тулуза и Каркасон), и спуститься к конечной остановке; здесь, в префектуре Восточных Пиренеев, заканчивается SNCF*. Гала и Дали на рассвете вышли на перрон, все еще сонные, несмотря на выпитый в поезде плохонький кофе; старый каталонский носильщик — все тот же — по-

* Французская железная дорога.

могает им выгрузить чемоданы. Их путешествие еще только начинается. Начальник вокзала с тем же акцентом, что и у Дали, несколько раз проорал зычным голосом: «П-р-р-приехали! Все выходят!»

Не имея возможности оплатить такси, которое отвезло бы их прямо до Кадакеса, они должны ждать поезда на колесах с пневматическими шинами. Он повезет их через виноградники и поля, обсаженные абрикосовыми деревьями, вдоль моря, начинающегося с Колиура, через последние французские деревни — Банюалье и Сербер — до Пор-Бу, пограничного поста. По вагонам проходит таможенник. Гала и Сальвадор могут выбирать: взять такси и поехать в Кадакес по дороге, идущей вдоль моря, повторяющей изрезанный рельеф, или же сесть в испанский поезд, самый медленный и самый некомфортабельный из всех существующих, чтобы доехать до Фигераса; откуда другое такси могло бы их довести по прямой линии к подножию их последнего, неизбежного этапа, подъема в ущелье Пени, а затем их ждет отвесный спуск в маленький, совсем белый порт — конечная цель утомительного путешествия. Если они распростиются с поездом в Пор-Бу, то смогут избежать еще одной — третьей — погрузки в поезд. Можно подумывать, что они уезжают в Индию или осуществляют какой-то неслыханный переезд в далекую колонию, столько у них баулов, чемоданов и пакетов. Дали в самом деле везет все свои сокровища: коробки с красками, раздвижной мольберт, тщательно запакованные картины, коллекции насекомых и почтовых открыток. Гала перевозит наряды, книги, несессер, набитый медикаментами, и мебель с улицы Беккереля: стулья, маленькие хромированные столики, зеркало. Парочка, стоящая

на перроне, привлекает внимание. Дали подпрыгивает среди багажа, который нужно при каждой пересадке собирать, пересчитывать и вновь загружать, требует носильщика, нервно вращает тростью, выделявая опасные движения. Здесь его акцент никого не шокирует: в этом краю все так говорят. Гала, наоборот, невозмутима. Она трезво оценивает обстановку, сконцентрировалась на своей организаторской задаче (прическа ее безукоризненна, тогда как растрепанные волосы ее попутчика свидетельствуют о его паническом настроении): она отдает приказания, наблюдает и проверяет. Без Гала Сальвадор не смог бы перенести испытание столь долгим путешествием, сутолоку и все эти пакеты. Вытаращив глаза, он отыскивает свои картины, ужасно боясь посеять какую-нибудь из них в дороге или оставить на перроне. Но Гала следит за всем, особенно за бесценными материалами художника.

Такси, сотрясаясь под тяжестью багажа (загружено все что можно, даже крыша и переднее сиденье, а пассажиры сидят сзади, заваленные пакетами), везет путешественников за сорок километров по зигзагам перегретой и пыльной дороги, в конце которой их ждет рай. В Порте они также произведут сенсацию, потому что невозможно на машине доехать до Порт-Льигата: после кладбища нет другой дороги, кроме скалистой козьей тропы. Дали всех здесь знает, он находит рыбака, который согласился перевезти их с частью багажа на своей лодке, а остальное приедет к ним позже на спине мула. Первые несколько лет Дали смогут добираться до Порт-Льигата только на веслах, а это значит — медленно, наподобие самых древних путешественников, огибать холмы, проходить вдоль

других бухточек до своей, самой дикой и суровой, где живут только рыбаки.

На берег можно добраться лишь прыгнув в воду, потому что пристани нет — только пляж. Дали закатывает брюки до колен, выбрасывает носки на сушу и, опустив ноги в воду, радостно смеется. Этот смех не имеет уже ничего общего с истерическими припадками и красноречиво свидетельствует о его радости быть вновь в родной стихии, омыть ноги в любимом море. Гала следует его примеру: она ведет себя так же естественно, как Сальвадор. Сняв туфли и чулки, она поднимает юбку до бедер, чтобы помочь Дали и рыбаку разгрузить лодку, затем поднимается к дому, неся в вытянутой руке пакеты.

Столяр потрудился на славу. В бараке теперь можно жить. Благодаря виконту де Ноайю, крыша отремонтирована, стены обложены кирпичом, а в чулане устроены душ и туалет. Питьевую воду все еще надо накачивать из колодца. В доме все еще нет электричества, но Гала не забыла захватить из Парижа керосиновые лампы. Место стало пригодным для жизни: самые необходимые удобства обеспечены. Гала распакует весь багаж с присущей ей скупуплезностью, делающей из нее превосходную хозяйку дома, разложит по местам вещи, одежду, книги и кастрюли. Она помогает Дали расположить полотна, и с грехом пополам крошечная и единственная комната превращается в гостиную-спальню-кухню-мастерскую. Так как они не увеличат жизненного пространства, застраивая позже все вокруг стратегического пункта, которым останется для них старый барак Лидии, они должны будут довольствоваться этими «четырьмя метрами на четыре метра» — для них это сердце бу-

дущего дворца. А пока все вещи расположились в строгом порядке вокруг рабочего места Дали: первоочередная задача — дать Сальвадору возможность заняться работой, от этого зависит вся их жизнь.

Деревенские жители, рыбаки очень доброжелательно приняли появившихся в их владениях влюбленных, почти таких же бедных, как и они, так быстро привыкших к строгому, без излишеств образу жизни. Мужчина — из здешних, знаком с их традициями. Женщина очень просто одета, не боится ни моря, в котором купается нагишом, ни повседневных дел: все видят, как она переносит вещи, ходит за дровами, стирает белье в случайно найденном тазу и даже моет полы в бараке. Так как поначалу у них не было никого, кто мог бы помогать, Гала, одержимая соблюдением чистоты и физическим отвращением к малейшему беспорядку, в самом деле, закатав рукава, подметает, чистит и наводит порядок. Она носит шорты, мужские рубашки и сандалии.

Рыбаки и супруги Дали друг друга не стесняют. В Порт-Льигате каждый живет так, как считает нужным, деревенские сплетни сюда не доходят. Благодарный Дали, подружившийся с рыбаками, уважающими свободу Гала и его собственную, так описывает этих людей: «Они держатся почтительно, не бояться встретиться лицом к лицу со смертью, ногти их черны от рыбьих потрохов, ноги затвердели от мозолей цвета полыни»*. Он и Гала в первое время общались только с рыбаками, такими же одинокими и молчаливыми, как и они сами, со скалами и морем. Меньше чем в двух километрах, за холмом, на краю деревни, стоит дом, в котором Дали

* «Тайная жизнь Сальвадора Дали», стр. 235.

провел свое детство, отцовский дом, сияющий белизной на голубом фоне неба и Средиземного моря. Взобравшись на отрог, они могут его рассматривать, как и тени живущих в доме людей.

Порт-Льигат — затерянное место, почти остров. Изолированный от остального мира, отрезанный от жизни региона, решительно повернувшийся к морю, этот «микрокосм из микрокосмов», как о нем напишет писатель Анри-Франсуа Рей, — какое-то особенное место, словно отрицающее время и пространство. «Время здесь не существует, здесь его можно растягивать по своей воле, — объясняет этот приемный сын Каталонии в книге, которую он посвятил Сальвадору Дали. — Пространство становится эластичным — достаточно только этого захотеть; кажется, что сюда ничего не просачивается из остального мира, оставшегося за горой»*. Порт-Льигат — и впрямь затерянный остров, где живут «Робинзоны».

Сальвадор и Гала, чтобы запастись продуктами должны добираться в Кадакес — последний оплот цивилизации — в лодке. Но они могут днями и даже неделями никуда не ездить, потому что у них почти полная автаркия. Питаются они главным образом рыбой и ракообразными: морскими языками, сардинами или лангустами. Рыбаки продают их живыми, с ночного лова они прямо из сетей попадают к Гала и Дали в тарелки. Любимая рыба Сальвадора — *dentos*, такая вкусная, что каталонцы зовут ее «морской свиной»; они готовят ее с луковым соусом — в бульоне, приправленном ароматными травами и маленькими луковичками. Но оба туземца из Порт-Льигата часто сами ловят в своей изолиро-

* «Дали в своем лабиринте». Grasset, 1974, стр. 84.

ванной бухточке больших морских ежей с голубым мясом, которыми Сальвадор — он унаследовал эту страсть от отца — тоже любит лакомиться. Он способен съесть по три дюжины одним махом. Гала не такая чревоугодница, она довольствуется вдвое меньшим количеством. Жены рыбаков приносят им другую пищу: яйца или птицу из своих курятников, салат, помидоры и бобы со своих огородов. Они продают еще хлеб и колбасу. Гала складывает все это в комнате, среди красок.

Гала и Сальвадор ведут скромную жизнь. Прекрасное время года одаривает их своими прелестями: голубое небо, чистая свежая вода, сочные персики и абрикосы составляют их ежедневное меню. Сальвадор и Гала ходят с голыми ногами, покрытыми золотистым загаром, образовавшиеся на пятках мозоли уже защищают их ступни от колючек и острых камней. Они очень много времени проводят на улице, и у природы в их маленьком королевстве уже нет от них никаких секретов. Чем они все-таки отличаются от рыбаков, так это тем, что рыбаки никогда не купаются, многие из них даже не умеют плавать, а Гала и Сальвадор часами бывают в воде. Гала проплывает по-индейски, на боку, целые километры из одной бухты в другую, развивая силу и мускулатуру. Сальвадор любит подолгу лежать на спине в водорослях, покрывающих подступы и к их пляжу, — так, на свой манер, он принимает курс талассотерапии.*

Утром Сальвадор работает за мольбертом в доме или на улице — по настроению, а Гала готовит завтрак, пишет или читает, сидя рядом с ним.

* Талассотерапия — лечение морскими купаниями и климатом (прим. пер.).

Сиеста — это непреложный закон: они отдыхают вместе в тени дерева или в кровати. Потом Сальвадор возвращается к работе. Гала уходит побродить по пустошам или поплавать, чтобы исследовать бухточки, где она могла бы растянуться и позагорать обнаженной. Дали присоединяется к ней позже, и редкие туристы, любители этого дикого берега, часто видят знакомые силуэты на красных скалах мыса Креус, там, где вода опасна и образует в нескольких метрах от берега целую стену из пены. Они держатся за руки или томно обнимаются, иногда предаются странным играм и принимают театральные позы, стоя на берегу, как на пьедестале. Дали изображает клоуна. Чтобы развлечь Гала, он показывает ей скалы, похожие на фигурки животных: верблюда, быка, кота. Морякам эти скалы тоже известны, с течением времени волны их изменяют. Гала вскоре их приручит, как она приручила этот край, так непохожий на тот, где она жила раньше. Непривычное каталонское царство Дали становится ей близким и понятным и мало-помалу накладывает на нее свой отпечаток. Гала светится здоровьем и какой-то новой красотой, рядом со своим любезным компаньоном она чувствует себя легко и свободно, опять улыбается здесь, на природе, далеко-далеко от изысканного Парижа.

Вечером Порт-Льигат пустынен. Рыбаки ушли в море. Гала и Сальвадор закрываются в доме. Снаружи стоит темная ночь, несмотря на множество выпавших в небе звезд. Это время для комаров и голодных котов, которые пришли побродить вокруг их барака. Иногда они слышат, как перед дверью скрипят шаги двух сумасшедших, сыновей Лидии: они, как дикие коты, выходят лишь вечером и переносят неизвестно куда землю, чтобы

спрятать какое-то сокровище. После обеда Дали вновь принимается за работу, Гала рядом с ним перебирает открытки, шьет или читает какой-нибудь роман. «Когда я не спал, — вспоминает Дали первое время их совместной жизни, — она не ложилась и следила за моей работой еще внимательней, чем я сам». Чем бы Гала ни занималась, она часто поднимает глаза на полотно, рисунок и краски которого ее очаровывают. Гала молчалива, она говорит только тогда, когда Дали ее об этом просит, зачитывая, например, отрывок из книги, которую держит в руке. Керосиновая лампа горит до поздней ночи, иногда до самого рассвета, бросая из маленького окна их дома желтый отсвет, как маяк. Это единственный огонек в Порт-Льигате, а в море, на рыбацких суденышках, их мерцает множество.

ТАЙНЫЙ ВЫХОД НА СЦЕНУ НУШ

Когда в 1929 году выходит сборник «Любовь поэзия», Элюар еще посвящает его Гала. «Посвящаю Гала, — написал он, — эту книгу без конца». Экземпляр, который Поль ей подарит, хранит такое признание в любви: «Гала, все, что я сказал, — только для тебя. Мой рот так и не смог расстаться с твоими глазами»*.

* Факсимильный текст воспроизведен в книге «Поэт и его тень», стр. 58.

Рене Шару он напишет о чувстве, живущем в нем постоянно: «Рене, я восемнадцать лет люблю Гала — ты ее знаешь, ты ее видел. Если бы не она, ты не знал бы меня, мой дорогой, мой очень дорогой друг»*.

Испытывая ностальгию по супруге, Поль Элюар еще долго будет думать, что у Гала всего лишь легкое увлечение, летний каприз. Это ей он напишет:

К стеклу прильнув лицом как скорбный страж
Ищу тебя за гранью ожидания
За гранью самого себя
Я так тебя люблю что я уже не знаю
Кого из нас двоих здесь нет**.

В сентябре 1929 года в Париже — под предлогом присмотра за больной дочерью Гала осталась в Кадакесе — Поль активно занимается устройством квартиры на улице Беккереля, где, как он обещает Гала в то время, как она флиртует с Дали, «будет очень хорошая кровать — лучше быть не может — с роскошным матрасом, как в американских госпиталях»***. Он надеется принять Гала с большой помпой. «Вчера вечером, — пишет ей Поль в одном из своих многочисленных нескромных писем, — я замечательно мастурбировал, думая о тебе, представляя тебя похотливой и разнузданной, такой, к какой ты меня приучила. Я люблю тебя и хочу тебя ужасно».

Чем больше отдаляется Гала, тем больше воспламеняется Элюар. Во время частых разлук, не смотря на очевидность глубоких и бесповоротных

* Из архивов Мари-Клод Шар.

** «Любовь поэзия». «Полн. собр. соч.», т. 1, стр. 238 (пер. М. Ваксмахера).

*** «Письма к Гала», стр. 56.

перемен, он без конца говорил Гала о своей страсти. Несколько месяцев спустя после короткого возобновления супружеской жизни, Поль посылает ей в гостиницу при замке в Кари-ле-Руэ, где Гала проводит время со своим новым приятелем, все более и более нежные письма. «Я ужасно нервничаю. Я так хочу тебя. Просто с ума схожу. Я умираю от мысли, что встречу с тобой, увижу тебя, буду целовать. Я хочу, чтобы твоя рука, твой рот, твоё лоно не расставались больше с моим пенисом»*.

Ему не хватает Гала, ему всего не хватает, и он об этом пишет, стараясь понравиться чувственными объяснениями, в которых сияют, как обещания необыкновенных объятий, слова любви. Поль соблазняет ее миражом сладострастных ночей, таких, каких она, возможно, никогда не знала. Читает ли Гала в Кадакесе письма Элюара тайком от Дали или делится с ним откровениями супруга, который говорит с ней как любовник?

Элюар говорит о «большой меланхолии», «об огромной смиренной пустоте». Он жалуется на то, что живет один, хотя он ненавидит одиночество, несмотря на то, что он бывает на людях и пытается, как может, скрашивать свою жизнь холостяка поневоле. Но ни одного упрека. Слишком терпим, слишком либерален, чтобы читать Гала мораль или хотя бы попытаться убедить ее вернуться. Поль понимает ситуацию и ищет утешения в объятиях Яблочка или хорошеньких незнакомок, подцепленных в барах. Он все еще не потерял вкуса к экспериментаторству в любви. Пытаясь понять желания Гала, уважая ее независимость, он не помышляет о том, чтобы отвоевать ее силой или

* «Письма к Гала», стр. 91.

обещанием всяческих соблазнов. Элюар не рыцарь из великих крестовых походов за любовь. Он ведет себя как фаталист, позволяя Гала отдаляться. «Поступай, как хочешь, любовь моя. Я хочу только, чтобы ты была довольна, я хочу только, чтобы ты была свободна»*. Хотя Поль и страдает в отсутствие Гала, он не сердится на нее за неверность и без злобы, без раздражительности, с самой настоящей грустью мечтает о ней в большой и пустой кровати или кровати, покинутой другим — не ее — телом. Январь 1930: «Я сплю неважно. Столько снов о тебе! Ты со мной, когда я просыпаюсь, ты больше, тоньше и живая как никогда, но безнадежно недоступная». Он не только — хотя и сам ветренный муж и не сторонится любовных развлечений — не забывает Гала, но неустанно думает о ней. «Денно и ночью, — пишет он, — в каждую минуту своей жизни».

Однако грусть все сильнее сжимает горло поэта. Когда Гала отказывается вернуться и уезжает в Испанию, в Торремолинос, лечит свой плеврит, Поль жалуется на «неврастению», на одиночество и на «пропасть», в которую его ввергло ее отсутствие. Он говорит о мигренях, об усталости, о тошноте, соматических нарушениях, связанных с любовными переживаниями. «Гала, когда ко мне приходит мысль о том, что между нами все конечно, я действительно чувствую себя приговоренным к смерти», — заявляет он 3 февраля 1930 года.

Поль пытается приблизиться к ней сам — безнадёжный поступок. В сопровождении своего друга Рене Шара он приезжает в Марсель, с нетерпением ждет на Лазурном берегу весточки от нее, пи-

* «Письма к Гала», стр. 89.

шет, что сам может приехать в отель при замке и что ждет с ней встречи в Марселе. Но Гала держит мужа на расстоянии. Возвращению в семью, во что она, без всякого сомнения, уже не верит, Гала предпочитает продолжение внебрачных отношений. Она влюблена в Сальвадора Дали, расцветает рядом с ним, она нашла для себя подходящий образ жизни с человеком, который ее обожает больше всего на свете, и смысл своего мучительного существования.

Поль, от которого она отдаляется на все более продолжительное время и на все большее расстояние, покладистый муж, поставленный перед свершившимся фактом, едва ли ревнует. Ни слова о супружеской измене: конечно, ведь это было бы слишком банально, слишком по-обывательски и никак не вязалось бы с избранными ими для жизни принципами свободы. «Я хочу, чтобы ты была счастлива, — пишет он Гала, — настанет время — я буду весел и здоров, и тогда я попытаюсь сделать все, чтобы ты была счастлива со мной...» Вряд ли это сожаление — скорее, просто меланхолическое замечание. Когда он будет достаточно весел и достаточно хорошо будет себя чувствовать, чтобы попытаться сделать Гала счастливой? Ему не хватает сил и здоровья, а может, даже и желания решиться на такое трудное и рискованное завоевание. Гала убеждает, Гала отдаляется, и Поль обращается к ней, почти ничего не предпринимая, чтобы удержать жену, разве что повторяет, что любит ее.

Хотя он занимается еще с ней любовью во сне, хотя Гала становится для него «большим печальным сном», оставляющим «горький и ужасный вкус любви», Поль понемногу начинает отдавать себе отчет в безнадежности своей страсти. Несколько встреч, украденных у времени и у

Дали, несколько разделенных с ним ночей не оживят пламени в Гала. Напротив они еще больше убедят, если в этом есть необходимость, что она счастлива в другом месте, рядом с человеком, который теперь ей нужнее Поля.

«Я хорошо понимаю, что не могу тебя сохранить», — пишет он Гала в состоянии болезненной прозорливости. С этого времени, с середины 1930 года, на смену меланхолии приходит отчаяние. Изгнанный из парижской квартиры, о которой Дали, когда жил в ней, говорил как о своей, Поль иногда возвращается туда в отсутствие влюбленных, чтобы поспать «в постели Гала», на подушке, хранящей ее запах. У Поля остался ключ, но он не решается там жить: бродить среди призраков — только еще больше раздирать и тревожить свою рану. Однажды ночью он все же придет, чтобы наплакаться всласть.

Он находит средство, забыться от хандры, навеянной холостяцкой жизнью. 29 мая 1930 года, болтаясь вместе с незаменимым другом Рене Шаром по бульварам, недалеко от «Галери Лафайет» он встретил девушку с большими черными глазами. Так как приятелям нечем заняться, они приударяют за ней вместе и приглашают зайти в кафе. Все происходит, как в истории, которую Андре Бретон, вдохновленный другой героиней, рассказывал тремя годами раньше в своем романе «Надя»*. Девушка идет за ними не сопротивляясь и, едва усевшись за стол, начинает уплетать за обе щеки заказанные друзьями круассаны**. Она голодна. Двум изумленным молодым людям девушка при-

* «Надя» — история о случайно встреченной девушке, оставившей странный эротический след в жизни Бретона.

** Рогалики.

знается, что у нее нет крова, нет работы и ни единого гроша в кармане.

Ее зовут Нуш. Она из Эльзаса, родилась в Мюлузе. Родители ее — акробаты, она выросла в цирке и занималась воздушной гимнастикой. Она артистка по профессии. В восемнадцать лет девушка играла в пьесах Стриндберга. Но режиссеров не интересует ее талант. Ей пришлось уйти в мюзикхолл. Нуш была актрисой в кукольном театре. Несмотря на худобу, почти рахитическую, девушка очаровательна. У нее длинные тоненькие ножки, она очень грациозна и так легка, что создается впечатление, будто она не идет, а танцует.

Настоящее имя Нуш — Мария Бенц. Ей двадцать три года. Ее взгляд заворочил Поля. Взгляд этот настолько нежный, ласковый и умоляющий, насколько взгляд Гала мог быть суровым и требовательным. Поль сразу принимает девушку, ведет к себе и становится для нее отцом, покровителем — он на двенадцать лет старше — и любовником. Они станут неразлучны. Не случайно до 7 июля Поль ничего не писал Гала.

Но присутствие Нуш не восполняет отсутствия другой, все еще любимой женщины. Иногда Поль оживляет ее. Для Поля Нуш — всего лишь утешение, легкомысленное и прелестное существо, рядом с которым он перестает чувствовать себя «приговоренным к смерти», но увлечение ею нельзя сравнить со страстью, за долгие годы спаявшей их с Гала. Он привязывается к Нуш медленно, словно нехотя. Ее тело, все же такое юное и отзывчивое, нужно ему, по его собственному признанию, лишь как крайнее средство, вознаграждение за одиночество. Нуш не соперница Гала. Как она может ею стать, если во сне Полю еще удает-

ся заполнить вакантное место? «Сегодня ночью меня мучили ужасные кошмары. Я проснулся и разбудил Нуш тем, что громко позвал тебя. Я был в слезах», — пишет Поль в августе 1931 года, после года совместной жизни с обожаемой эльзасской девушкой.

Еще долго он будет испытывать необходимость думать о Гала, чтобы чувствовать себя живым. Отдаление Гала ничуть не лишает остроты ощущения, все еще переживаемые Полем в фантазмах о ней. Вот как она снится ему в феврале 1931 года: «Со всем голая, а ноги раскинуты, тобой овладели двое мужчин, через рот и через низ... И теперь еще при этом воспоминании я думаю, что ты для меня воплощение любви, самое острое воплощение желания и эротического удовольствия». Поль просит Гала прислать ему фотографии, где она была бы снята кем-то — неужели Дали? — обнаженной, и продолжает настаивать на своем излюбленном фантазме с тремя партнерами: «Мне хотелось бы иметь фото, где ты занимаешься любовью. И я бы занимался любовью с тобой, а Нуш пришлось бы только мастурбировать и делать все, что ты захочешь»*.

Мало сказать, что Нуш не оттесняет Гала. Она еще очень далека от того, чтобы вырвать Элюара из власти его наваждений. Для него Гала представляет образ женщины, чувственной, ненасытной, колдуньи для Вальпургиевых ночей, и он безутешен, потому, что исключен из них. Поль пишет для Гала стихотворение:

Женщина с которой я жил
Женщина с которой я живу

* «Письма к Гала», стр. 139.

Женщина с которой я буду жить
Одна и та же всегда...* —

в котором описывает ее в красном пальто, в красных перчатках, в красной маске и в черных чулках — завораживающей шлюхой, какой она не переставала для него быть. «Причины и основания видеть тебя совсем обнаженной... О наряднейший из нарядов — святая нагота!» Если Нуш дарит ему отдых и, может быть, покой, то Гала еще долго будет символизировать сладострастие.

Прошло сложное время поделенных радостей. Дали вовсе не так приятен Элюару, как Макс Эрнст в былые времена. Если Полю часто снится, как Гала «овладевают двое мужчин одновременно», то это значит, что для него любовь втроем — самый возбуждающий и полноценный способ чувственных переживаний. Впрочем, неверность Гала не вызывает ссор Элюара с Дали. Дали посылает Полю редкие коллекционные открытки, через Гала он держит его в курсе своих планов и хода работы. Элюару это интересно, он крайне внимателен к творчеству художника, который отобрал у него жену, но остается его другом, именно так он называет Дали в своих письмах к Гала). И с неизменной куртуазностью, несмотря ни на что, он заканчивает каждое свое письмо приветствиями: «Наилучшие пожелания Дали. Я тебя обожаю», «Мое почтение Дали. Пиши мне. Ласкаю тебя», «Тысяча приветов Дали. Т. н.» (Т. н. — это значит «твой навсегда» — любимая формула Элюара, «Поблагодари Дали за почтовые открытки. Я обожаю тебя. Я проникаю в тебя» и так далее.

* «Письма к Гала», стр. 137 (пер. М. Ваксмахера).

Но, кроме вежливости и интереса к живописи Дали, ничто более не вызывает у Элюара страсти, которую можно было бы сравнить со страстью к Максу Эрнсту. Как человек он Полю неинтересен, и он называет его иногда *Далишка*, подражая Сесиль, которая нежно и, как отец, беззлобно называет так человека, укравшего у нее мать.

Что же до мечты о трио, где на этот раз две женщины делили бы между собой мужчину (все, как в прежней истории, только наоборот), то, по всей видимости, Гала от предложения мужа отказалась наотрез. Элюар, как только познакомился с Нуш, все время хотел познакомить ее со своей женой. В августе 1930 года в сопровождении Рене Шара, свидетеля беспокойных поисков любовного равновесия, новоиспеченная парочка садится в Марселе на «Катилину», доплывает до Барселоны и приезжает в Порт-Льигат. В Порт-Льигате Поль и Нуш не задерживаются: их встретили как непрощенных гостей и они, озадаченные, уехали через три дня. Визитеры нарушили уклад жизни и гармонию настоящих супругов, их недавно созданный и такой спаянный союз ранил и удивил Элюара, все еще наивно не верившего в свой разрыв с Гала. И, чтобы снять все сомнения, Гала решает сказать Полю, что хочет развестись. Время сомнений, обменов и экспериментов уж слишком затянулось для нее. Если Поль еще балансирует между двумя типами женщин, одна из которых — его любовница — отдает ему свою нежность, а другая — жена — заставляет мечтать о любви, то Гала уже сделала свой выбор. Элюар писал в первом стихотворении сборника «Любовь поэзия»:

Есть на свете одно существо и немислима
 несправедливость
 Любовь избирает любовь не меня лица*.

В бухте на краю света начнется новая история Гала — ее жизнь с Сальвадором Дали. Она охраняет их затворничество на пустынном пляже, где, кроме них, никого — только рыбаки и чайки. Дали работает с увлечением, спокойно и регулярно, а Гала смотрит за тем, как он пишет, или занимается поблизости от него своими делами. Они учатся чувствовать себя неразлучными и наслаждаться летом в уединении. Только Рене Кревель — Гала с ним давно дружна, а Дали еще предстоит по-настоящему подружиться — приезжает к ним, и они принимают его в Порт-Льигате с распростертыми объятиями с самых первых дней их идиллии.

СВЕТСКИЕ УСЛОВНОСТИ

В зимнее время дом в Порт-Льигате еще слишком некомфортабелен, и Гала, с ее слабыми легкими, не может в нем перенести суровый климат. К празднику Всех Святых трамонтана приносит с моря морозный воздух; небо все еще голубое, безоблачное, но на Каталонию

• Пер. М. Ваксмахера.

обрушивается сухой, холодный, колючий ветер. В конце осени невенчанные супруги Дали — теперь они неразлучны — с сожалением покидают свою деревню и едут в Париж. С ноября по апрель, иногда до середины июня, с перерывами, они по многу месяцев будут проводить в Париже, дожидаясь весны. Но у этих путешествий есть и другая причина, такая же важная, как и устройств их ненадежного дома. Это необходимость установить контакты, не только с художниками, в массе своей живущими в Париже, но и с любителями искусства, состоятельными людьми, утонченными знатоками — с теми, кто по делам или на отдыхе регулярно бывает в столице и способен дорого заплатить за картины.

Изоляция, отшельничество могли бы иметь губительные последствия для художника, который собирается жить исключительно результатами своего творчества. Чтобы продавать полотна, нужно выйти из затворничества и посещать галереи, выставки, салоны, а также обеды, коктейли, вечера, где среди денди и элегантных женщин могут оказаться потенциальные богатые покупатели. Гала и Дали, приободренные своими первыми парижскими меценатами, быстро поняли систему: каждый год, для того чтобы увеличить счет в банке и сохранить ценные связи, они будут отказываться от жизни Робинзонов и вступать в тонкую игру в светские условности.

И вот оба они ради решения тяжелой задачи зимой превращаются в парижан. Дали надевает костюм, Гала — модный туалет и шляпку. Они вынуждены отвечать на приглашения, а их становится все больше. Театры, вернисажи, обеды — вот из чего теперь состоит их жизнь, и они стараются

помогать друг другу в этом новом для них мире, по которому они еще так робко идут, словно на цыпочках. Сальвадор прибыл из испанской глубинки. Что же касается Гала, то во времена Элюара она никогда не выходила в свет: поэты из кружка сюрреалистов — и Бретон, и Арагон, — нелюдимые и недоверчивые, одержимые идеей о классовом неравенстве, держатся в стороне от высшего общества, от буржуазных праздников и буржуазных интриг. Они предпочитают оставаться в кругу поэтов и примыкающих к ним художников и скульпторов. Итак, Сальвадор и Гала — два новичка, два дебютанта, не знакомых ни с обычаями света, ни с его генеалогическими деревьями, ни с его геральдикой, ни с его условностями, — вступают в высшее общество, когда, к счастью, дверь для них открыта.

Представив Сальвадора виконту де Ноайю, Жоан Миро оказал художнику добрую услугу не только потому, что Шарль де Ноай стал выгодным клиентом для Дали и покупает регулярно его картины, но еще и потому, что он ввел Дали вместе с Гала в сеть своих многочисленных и блестящих связей, в сеть, такую же сложную, секретную и запутанную, как лабиринт. Особняк Ноайя на площади Соединенных Штатов, роскошно перестроенный Жан-Мишелем Франком в стиле «модерн» и совсем недавно, в 1926 году, принявший хозяев, является одним из наиболее притягательных мест для светского общества. Здесь, в этом феерическом месте, залитом светом, с бальной залой, с курительной комнатой, стены которой обиты пергаментом, с огромными строгими белыми гостиными под люстрами из венецианского хрусталя, веселится весь Париж. Виконтесса де Ноай (для близ-

ких друзей — Мари-Лор) чаще всего бывает в зеленом: зеленый — это ее цвет. Она правнучка маркиза де Сада и гордится родством, придающим блеск ее антикомформизму. Виконтесса из принципа, из любви, а также из верности своему оригинальному предку принадлежит к лагерю авангардистов. Она и мужа обратила в свою веру. Мари-Лор де Ноай яростно защищает сюрреализм — движение, проповедующее свободу, мечту, фантазию, то есть все то, что она любит, ибо движение это, по словам самого Андре Бретона, ссылается на маркиза де Сада, «самого великого французского писателя», — так Бретон написал, чем польстил, сам того не зная, его правнучке.

Ноайи собирают случайных друзей. Это частично люди, принадлежащие к их кругу (аристократы, крупные банкиры, кое-кто из политических деятелей, академики), к которым любят добавлять тщательно отсортированную богему: Жана Кокто, Эрика Сати или Жоржа Орика. Иметь у себя за столом художника, о котором начинают говорить, художника неординарного и без гроша в кармане, но ясно, что популярность его не за горами, — все это, конечно же, последний писк. Благородным супругам де Ноайям, снобам к тому же, нельзя отказать в смелости. Это у них состоялся первый показ «Золотого века» — второго фильма, снятого все же Бунюэлем по сценарию Дали. Скандал, вызванный этим событием, вынудил супругов уехать в ссылку (временную) в их имение в Изр, чтобы успокоить общественное мнение. Шарлю де Ноайю даже угрожало исключение из жокей-клуба! Неистовый антиклерикализм Бунюэля и другие провокационные моменты шокировали всех приглашенных. Кое-кто здорово позабавился.

У Ноайей Сальвадор Дали, не очень-то понимая, как оправдать свое присутствие под столь яркими люстрами, в первый же вечер придумывает трюк, чтобы выделиться: он не ест и не разговаривает. Когда метрдотель подносит к нему блюдо, он жестом отстраняет его и продолжает с безмолвным упрямством сидеть перед пустой тарелкой. Возможно, сложное хитросплетение застольных бесед и обилие серебряных приборов отбивают у него охоту говорить и лишают аппетита. Так как хозяйка в конце концов забеспокоилась и вежливо спросила, не болен ли он, Сальвадор открыл все же рот, чтобы сказать, что не голоден, потому что съел дома десерт, десерт из стекла и дерева! Но именно с деревом, добавляет он, было труднее всего. За столом воцарилась тишина. Все с серьезным видом начинают слушать, как незнакомый молодой человек с видом, серьезным, как у папы, рассказывает о десерте и о своем желудке. Его акцент, такой далекий от парижского, и манера рубить слова на слоги так же недепы, как и его рассказ. Его забавная речь нарушает монотонный ход беседы. Дали выполнил свой акробатический трюк: он пришел, чтобы на него обратили внимание. Хозяева тоже должны быть довольны: Дали удивил гостей. Он еще придет сюда. Мари-Лор де Ноай, гордая своей дерзостью, показывает всем своим друзьям висящую на стене столовой между Ватто и Кранахом «Скорбную игру», купленную ее мужем у этого бестактного человека, талантливого художника, вытащенного ими из безвестности.

Три выставки в Париже, проходившие одна за другой в июне 1931, 1932 и 1933 годов в галерее Пьера Коля на улице Камбасерес, вместе с несколькими статьями в газетах принесли ему, если не

настоящий успех, то, по крайней мере, начало известности. Но покупатели все еще нерешительны, и Сальвадору и Гала приходится кое-как перебиваться. Вскоре им придется переехать жить очень далеко от площади Соединенных Штатов, славившейся в те времена своей роскошью и великолепием, в рабочий квартал — на улицу Гогэ, в Монруж. Преимущество над улицей Беккереля заключается в том, что у них будет настоящая мастерская. Квартира скромная: ни мебели, ни украшений. Дали выкрасил все комнаты в разные цвета — это служит фоном для его картин. Здесь царит самый строгий порядок. Один из посетителей напишет: «Никогда нигде не валялось ни одной кисточки». Гала и Сальвадор живут днем спокойно, как простые обыватели. Дали работает, Гала убирает или готовит. Иногда после обеда они ходят в кино. Вечером — смена декораций: супруги едут на такси из Монружа в шикарные кварталы, на приемы, где блески, перья, фальшивый блеск.

Гала всегда сопровождает Сальвадора на обеды: она помогает ему победить боязнь бывать на людях, его робость и страхи, оставшиеся с подросткового возраста, и слишком явное дикарство. Она мягко, взглядом, подбадривает его. Гала ведет себя скромно: она самая молчаливая и самая загадочная из женщин. В то время как другие стараются блистать, она держится в тени, говорит мало или вовсе молчит. Если Гала не участвует в разговоре, безмолвно и словно безразлично наблюдает, то это потому, что она полностью сконцентрировалась на своем спутнике, как бы желая вдохнуть в него свою силу. Доверие, которое она испытывает к Дали, флюидами передается ему во время долгих светских обедов, и это окрыляет художни-

ка. Гала помогает ему освободиться от самого себя, он выходит из скорлупы и становится уверенней. Дали уже не одинок. Гала не позволяет себе даже улыбнуться, когда он дурачится, и с самым серьезным видом подтверждает, что Сальвадор ест стекло и дерево. Гала его не одобряет и не осуждает. Просто она солидарна с ним, и что бы он ни говорил и ни делал, она его половинка, спаянная с ним, живущая в нем, неотделимая от него.

Гала с самого начала скромно выполняет оставленную за собой роль импрессарио. Хотя ей еще случается носить в папке по Парижу рисунки Сальвадора и рекламировать их в галереях, новые связи позволяют ей сразу же приступить к сути дела, без посредников, — наилучший способ добиться цели. Однажды она отправилась к другу Ноайей, с которым познакомилась у них, — к князю де Фосини-Люсэнжу. Тот расскажет о своей беседе с Гала в мемуарах*. Гала без смущения рассказала ему о финансовых трудностях своей семьи и о том, что Дали необходимо сконцентрироваться на живописи, потому что он — Гала в этом не сомневается — станет одним из самых великих художников всех времен. «Дали необходимо спокойствие, а следовательно деньги, чтобы рисовать», — говорит она ему.

Князь не остался равнодушным. Благородный человек из старинного французского рода, Жан-Луи де Фосини-Люсэнж обладает всеми достоинствами мецената: его способность воодушевиться идеей и щедрость позволят ему спасти Дали от нищеты и освободить от финансовых забот. Он уже купил, совершенно неожиданно, одну карти-

* «Дворянин-космополит». Регин, 1990, стр. 130.

ну Сальвадора Дали, но для того, чтобы художник мог работать совершенно спокойно, не заботясь о коммерческой стороне дела, он находит изящную и гениальную идею. Князь решает создать специально для художника клуб, который назовет, отдавая дату двенадцати месяцам года, «Зодиаком».

Двенадцать членов этого клуба, которых он берет, подбирает, обязуются выплачивать Сальвадору Дали сумму в две тысячи пятьсот франков в год, что будет давать им право выбрать из свежей продукции художника, написанной благодаря им и для них, одну большую картину или маленькую с двумя рисунками. Жеребьевка, проведенная во время одного из рождественских обедов, закрепит за каждым из двенадцати членов клуба месяц года, когда они должны будут осуществлять свой выбор. Ежегодный доход, организованный таким способом, призван обеспечить Дали определенный прожиточный минимум, который, по мнению князя де Фосини-Люсэнж, гарантирует достаток.

Добровольцы будут, конечно же, из круга друзей князя: виконт де Ноай, князь Поль Сербский, Робер де Ротшильд, Робер де Сен-Жан, архитектор Эмилио Терри, маркиза Кузвас де Вера, графиня Пекки-Блонт, Кэрес Кросби, писатель Жюльен Грин и его сестра Анна. Гала дополнит список, добавив к нему, по рекомендации Поля Элюара, издателя Рене Лапорта. Жюльен Грин (тридцать три года, автор четырех романов, среди которых «Адриен Мёзюра» и «Левиафан») — один из первых членов клуба, на которого указал жребий. 26 февраля 1933 года — «Зодиак» только что вернулся в исходную позицию — он приезжает в Монруж, чтобы выбрать картину. В квартире на улице Гогэ он встретится с декоратором Жан-

Мишелем Франком и Луисом Бунюзлем. Гала он не увидит. Жюльен-Грин выбирает небольшую картину «в чудесных серых и лиловых тонах» и два рисунка. Дали пространно объясняет ему символический смысл полотна, которое он назвал «Геологический бред». Потом, почувствовав расположение к покупателю, художник поговорил немного на обычные темы. Он рассказывал о Кревеле, «большом, но стойке», о неприятностях во время путешествия по железной дороге. «Он похож на ребенка, напуганного жизнью», — подумал писатель*.

«Зодиак» теперь обеспечивает супругам Дали финансовую безопасность и позволяет жить так, как они хотят (любовью, искусством и святым духом) и даже лучше: в достатке, пока еще скромном, но уже не зависящем от случайных обстоятельств. Гала обновляет гардероб. Костюмы и вечерние платья, меховые пелерины и шляпы помогают создать имидж элегантной парижанки, уверенной в себе подружки модного художника. У Ноайей она познакомилась с Коко Шанель, и та с 1930 года начала одевать Гала. Гала будет долго верна ее стилю: весь шарм в умении держаться, никакого жеманства. Платьице или костюм, очень строгие, но выкроенные из прекрасных тканей, сидят на ней безупречно. Роскошная и сдержанная — такова Гала. В одежде от Шанель она все менее похожа на юную русскую эмигрантку, которая сама шила себе одежду и вязала свитера, на скромную супругу Поля Элюара, которую он любил и за сменой одежды которой он следил с восхищением. После богемы времен дадаизма и стиля «чарльстон» — короткие юбки и бусы,

* «Дневник» Жюльена Грина. Plon, 1961.

африканские браслеты по всей длине руки — она приобщается к шикарному парижскому обществу. Это общество, как о нем скажет с некоторым презрением Дали, уже не мелкобуржуазное, к которому принадлежали друзья Элюара, — это общество великих мира сего, в него входят представители знатных фамилий, владельцы нестерраемых сейфов, семейных замков, дворцов в Венеции, *estancias** в аргентинских пампасах и квартир в Нью-Йорке. Это общество космополитичное и снобистское и приносит удачу художнику, если ему повезло или он обладает талантом ему понравиться. Гала и Сальвадор убеждены: высшее общество явилось для них якорем спасения.

Беттина Бержери, супруга Гастона Бержери, депутата от радикал-социалистов, любит принимать их у себя. В тридцатые годы чета Бержери очень популярна, все возлагает на Гастона большие надежды. Беттина, урожденная Шоу Джонс, американка по происхождению, имеет тесные связи с миром моды, отдает предпочтение в дружбе Эльзе Чиапарелли.

Графиня Мари-Бланш де Полиньяк, дочь Жаны Ланвэн, славится своими музыкальными вечерами; она сама поет восхитительным голосом и устраивает у себя или у своей тети Винни де Полиньяк концерты самых известных музыкантов того времени. Но супругов Дали это не интересует: они не любят музыку, а Сальвадор даже испытывает к ней отвращение.

Княгиня де Фосини-Люсэнж (близкие зовут ее просто Баба), очаровательная длинноногая и длиннорукая супруга благородного вдохновителя «Зодиака», включила их в состав постоянных гостей у

* Имений.

себя в особняке на улице Буасьер и в огромной квартире, выходящей на Марсово Поле, в которой, кроме гостиных и будуаров, имеется настоящая бальная зала. Летом княгиня принимает их в своем доме на Кап-д'Ай, на побережье. Гала и Сальвадор много раз будут там отдыхать.

Баба принимает их очень радушно, но они могут также рассчитывать и на гостеприимство Мими: графиня Пекки-Блунт (внучатая племянница папы Льва XIII и супруга Сесила Блюментала, сына банкира и графини де Монморанси) также достаточно богата. Кэрес Кросби, американка в трауре белого цвета, в будни проживает на улице Лилль, соперничающей с предыдущими ее адресами, и устраивает сенсационные праздники в своем имении «Мулен дю Солей», в лесу Эрменонвиля, куда за ней следует «двор». Гала и Сальвадор проводят там уик-энды. В доме все белого цвета: стены, пол, мебель, кресла, занавеси и телефонные аппараты. Только фарфор, столовый сервиз, скатерть и тарелки черные: в память о Гарри, обожаемом муже, который покончил с собой в 1929 году; он был основателем издательского дома «Black Sun Press» («Черное солнце»). Она устраивает памятные вечера в конюшнях своего имения, которым тигровые шкуры и чучела попугаев добавляют экзотические нотки. В «Мулен дю Солей» пьют шампанское — оно действительно течет рекой — и слушают Коль Портер. Из фонографа с вечера до утра льется «Night and Day». И Сальвадор и Гала начинают мечтать об Америке — далеком континенте, о котором Кэрес и ее друзья говорят как о земле обетованной.

ХУДОЖНИК, ПРИГВОЖДЕННЫЙ ПОЭТАМИ К ПОЗОРНОМУ СТОЛБУ

Если сливки общества принимают Дали и Гала, то среда поэтическая, напротив, относится к ним неприязненно и потихоньку поворачивается к ним спиной. Времена Макса Эрнста прошли, когда из солидарности с другом круг парижских дадаистов вставал на защиту неизвестного художника, открывшего им свои удивительные находки, технику и колорит. У Дали в Париже среди поэтов никогда не будет сторонников, кроме искреннего Рене Кривеля и Поля Элюара; не будет даже ни одного друга. Его искусство, расцениваемое то как академическое, то как «скотологическое» вызывает больше споров, чем восторгов. Личность его раздражает: слишком индивидуалист и слишком независим, суматошный и неконтролируемый, странноватый, в конце концов, и не очень-то знаком с общепринятыми правилами.

Однако Дали участвует в торжественных собраниях и конференциях, которые Бретон организывает то у себя, то в кафе «Сирано», где он устроил свой штаб. Присутствуя на большинстве заседаний, Дали принимает участие в разработке сюрреалистической теории не только тем, что выдвигает идеи (на это он щедр), но и тем, что пишет тексты, в которых за часто туманным стилем, иногда недоступным для понимания, вырисовывается его мировоззрение как художника. Когда Дали пишет, он так же оригинален, как тогда, когда гово-

рит или рисует. «Видимая женщина», напечатанная в 1930 году с предисловием Поля Элюара, ссылается на одно из его открытий: мысль он определяет как «параноидально-критическую» или называет ее «критически-параноической». Это, по словам Поля Элюара, «самый великолепный инструмент из когда-либо предложенных для того, чтобы проникнуть в бессмертные останки женщины-призрака с серо-зеленым лицом, смеющимися глазами, с волосами в тугих локонах, являющейся не только олицетворением нашего рождения, но еще более притягательного призрака **будущего**». Тогда никто не боялся тарабарщины: ни Сальвадор Дали, который всегда любил интриговать и удивлять загадочным языком и путанными формулировками; ни Поль Элюар, который в своем представлении «Видимой женщины» использует несвойственный ему стиль — затейливый стиль абстракций — и выворачивается наизнанку для того, чтобы быть умным и сложным; ни Бретон и его друзья, наконец, до сих пор всегда предпочитавшие нереальные символы разумной, понятной речи. Гала же с самого начала написания «Видимой женщины» продолжает подбадривать Дали не только в том, что касается живописи — она охраняет уединение и покой, когда он работает, — но и в том, что касается литературного творчества. Она хочет, чтобы Сальвадор принимал активное участие в движении интеллектуалов-сюрреалистов. Гала хочет, чтобы он играл в нем заметную роль. Она гордится, когда своими заявлениями или своими статьями Дали заставляет группу признать себя. Гала полностью солидарна с его методом, даже если он «параноидально-критический»; она поддерживает точку зрения своего спутника жиз-

ни и никогда ни с чем не спорит. Все, что он говорит, все, что он пишет или рисует, Галя принимает одновременно с Дали. У Дали есть право говорить о том, что «Галя предана ему фанатично»*.

Когда Дали выходит за мыслимые границы, она не пытается сгладить углы, но следит за произведенным эффектом. Галя бдительна — отдает себе отчет в том, чем рискует Дали, — и методична: как только он перебарщивает, провоцирует товарищей, отпуская непристойные высказывания, противоречащие их принципам, она вмешивается только для того, чтобы призвать на помощь Поля. Галя пишет ему или идет к нему. И добивается того, что Поль все улаживает. Элюар, привычный к общинной жизни сюрреалистов, защищает ее Далишку и часто, убежденный другими способами в «очень больших артистических способностях Дали», по просьбе Галя исправляет его оплошности, дерзкие и ребяческие выходки. Он разыгрывает благодетеля так благородно и терпеливо, что Сальвадор становится единственным звеном, соединяющим его с Галей, за исключением Сесиль — девочка находится в пансионе в Фонтенбло и, кажется, вовсе не заботит мать.

Но Сальвадор не облегчает Полю задачи. Он систематически выступает против парижской интеллигенции, он хочет разрушить идолов группы. Имея в качестве свидетеля бесстрастную Галю, слишком счастливую от того, что ее жизнь связана с жизнью человека с таким богатым воображением и столь изобретательного, он дерзко противостоит изумленной компании, выступая против

* «Тайная жизнь Сальвадора Дали», стр. 227.

африканского искусства за Микельанджело, против предметов быта дикарей за модерн, против коллективного за индивидуальное, против эгалитаризма за иерархию, против скептицизма за веру, против шпината за улиток... но яростнее всего — и это намного серьезнее, это как перчатка, брошенная в лицо друзьям-сюрреалистам, — против политики за религию и против революции за традицию.

Впрочем, политика является главным сюжетом для размышлений сюрреалистов, она вызывает серьезные разногласия. Россия стала для них большим зеркалом, отражающим их мировоззрение, и они дерутся между собой, чтобы узнать, кто прав — Троцкий или Сталин — и за кем из новых пророков следует идти, чтобы освободиться от модели общества буржуазного и декадентского, так разочаровавшего Францию. Коммунизм стал предметом споров, единственным предметом споров среди поэтов, которые не хотят больше думать о грезах, бредовых снах и детских играх, но ищут способ борьбы за добро и настоящее дело. По известной формуле, коммунизм в тридцатые годы был «молодостью и надеждой мира» Арагон, Бретон, Элюар вступили в партию 6 января 1927 года, в праздник Богоявления, как вспоминал Арагон. Пере, Кревель, Пикассо, Тцара тоже соблазняются. Дали не только не войдет в число противников догмы и объединения в бригады (Супо, Арто, Витрак роптали на «надежду мира», и после шумных дебатов в конце концов отделились от группы старых дадаистов), но и окажется неистовым бунтовщиком. Догме он противопоставляет свой «макиавеллиевский фанатизм» и свою глубоко индивидуали-

тическую натуру, противящуюся какой бы то ни было вербовке.

Первый рекрут идеологии, увлекающий группу, и самый пламенный ее защитник — это Луи Арагон. Он вернулся из России, где в ноябре 1930 года присутствовал на конгрессе Международного союза революционных писателей, имевшем тяжелые последствия. Там Арагон попытался, но безуспешно, защищать позиции сюрреалистов, в частности силу грез и подсознательного, но у участников конгресса в головах были другие приоритеты и они добились того, что Арагон подписал по-настоящему самокритичное письмо, заклеившее «Второй манифест сюрреализма», «противоречивший диалектическому материализму», а также фрейдизм как «идеалистическую идеологию», разновидность троцкизма. После его возвращения отношения друзей отравляются бесконечными дискуссиями на тему, которая уже давно их занимает: можно ли быть коммунистом и сюрреалистом одновременно? Кое-кто с трудом, но допускает это: кажется, что другого пути нет.

Луи Арагон не любит Сальвадора Дали. Аллергию вызывает его личность, его стиль, Арагон упрекает Дали в том, что ему нравится лишь декадентское искусство, этот образец буржуазного духа; в том, что он посещает привилегированных людей, которых сам Арагон ненавидит; в том, что продает свои полотна Шанель, Кокто и всей фауне богатых людей слишком благородного происхождения, почти старорежимных, и им напотребу, для того чтобы ослепить их, завоевать их, декларирует свои бесполезные кредо. Арагон упрекает Дали в сюрреализме настолько полном, насколько и утраченном, в инфантильной манере

играть красками и словами, которые никогда и никому не пригодятся, и уж конечно революции, ставшей для Арагона солнцем (он проповедует ее добродетели со страстной нетерпимостью).

Дали — сюрреалист чистой воды. Как напишет об этом без малейшего фанатизма Жорж Юнье, один из наблюдавших разрывающие группу ссоры, приведшие в конце концов к ее распаду, «впервые сюрреалист действительно, дошел до конца системы»*. Он непредсказуемый, мятежный, не поддающийся приручению, логичный в фантазмах и безумный в логике. Он живое воплощение вечного сюрреализма. Он устраивает конференции для того, чтобы ничего не сказать. В Лондоне Дали чуть не погиб от удушья; запутавшись в бессмысленных декларациях, опрокинув ночной горшок на прическу одной старой даме, принятой им в «хэппенинг»**, он сам являл собой образ сенсационный и бесполезный. Нарцисс, вдохновленный, гениальный и в то же время ненавидимый теми, кто верит в подвиги коллектива и ставит своей самой достойной, единственной в жизни целью защиту пролетариата, Дали занимается только собой и Гала — она неотделима от Дали. «Молодость и надежду мира» он понимает только в искусстве, в своем искусстве, и это во время процветания марксистской философии и ее новых пророков!

В тридцатые годы для того, чтобы заработать на жизнь, а также и для того, чтобы продемонстрировать животворные источники своей личнос-

* «Pleins et Déliés» («Одухотворенные и провидательные»). Guy Auther, 1972, стр. 261.

** Хэппенинг — театральное представление с элементами импровизации (прим. пер.).

ти, Дали придумывает, создает, изготавливает множество предметов, заставляющих его мечтать и смеяться, предметов сюрреалистических, призванных дать ответ «кретинизму» африканского искусства, но никак не способствующих прогрессу мирового пролетариата: кучу искусственных ножей с зеркальцами, чтобы смотреться; обнаженные восковые манекены, покрытые насекомыми и омарами, для украшения витрин больших магазинов; калейдоскопические очки для машины, надевать которые рекомендуется во время следования по скучным пейзажам; специальный макияж; туфли на пружинах; фальшивые груди для ношения на спине; ванны без воды и даже ванны без ванн; аэродинамические кузова для роскошных автомобилей... С этими изобретениями, которые не должны приносить большой пользы, а еще лучше — вообще никакой, Дали может похвастаться, что создал из идеи небольшой группы интеллектуалов, малоизвестных поэтов, течение, которое благодаря его усилиям, его озарению, благодаря друзьям-космополитам пересекло границы и стало известно в Лондоне и даже в Америке. На Западе в тридцатые годы существует мода на две вещи: первая — быть сюрреалистом на манер Дали это значит экстравагантным, забавным, провоцирующим и абсолютно, до гениальности, бесполезным); вторая — коммунизм.

Но призма России меняет угол зрения. Андре Бретону пришлось потратить немало сил, чтобы доказать, что можно быть сюрреалистом и коммунистом одновременно, что оба течения родственные и что они могут даже помочь друг другу в деле всеобщего подъема и великой победы революции над силами буржуазии. Невероятным уси-

лиям, которые Бретон употребляет для улецивания коммунистической партии и для того, чтобы убедить ее в том, что сюрреалистам предстоит сыграть важную роль, Дали только мешает и все портит. Потому что сюрреализм официально встал «на службу революции». Журнал группы, который выходит под патронажем Андре Бретона, теперь называется «Сюрреализм на службе революции» — он пришел с 1 июля 1930 года на смену двенадцати усопшим номерам «Сюрреалистской революции». Дали сотрудничает в журнале как активный участник движения. И его репутация чудака, поэта, не отвечающего за свои действия, наносит серьезный вред дебатам...

Раньше всех отчаявшийся Луи Арагон возлагает на себя обязанности генерального прокурора, чтобы обвинить Дали в серьезном проступке — в социальном равнодушии. Поэт считает Дали виновным в том, что он интересуется только собой и не замечает происходящих на планете бед, в том, что он дурачится, тогда как пробил час великих общественных потрясений. Арагон пришел в ярость, когда однажды Сальвадор, ища сенсации, бросил идею о мыслительной машине, которая состояла бы из качающегося стула, покрытого кружками с горячим молоком! Арагон рассвирепел: «Покончим с эксцентричными выходками Дали! — возмущался он. — Оставим горячее молоко шахтерским детям!» И не он один был в ярости.

Быстро ширится пропасть между Дали, который все лучше и лучше играет свою роль возмутителя, человека, мешающего стоять на одном месте, решившего с помощью Гала защитить свою свободу в группе, и поэтами, как и Арагон, пропитавшимися идеологией, постепенно принимающими фи-

лософию ангажированности и преданности служению какому-то делу. Но единственным известным Дали делом является живопись. Политика не в его вкусе — это меньшее, что он может сказать.

В четвертом номере «Сюрреализма на службе революции» вместо того, чтобы воспевать ненависть к буржуазии, которую он посещает, и хвалить пролетариат, о реальном существовании которого он не подозревает, Дали дает текст, вызвавший дрожь у Арагона и настроивший против него членов партии: это шизофренический бред, в котором с помощью навязчивых фантазий Сальвадор создает из порнографии свое оружие для гражданской войны. В нем художник поддерживает восхваление копрофагии — старая песня времен его юности, порок, который он превозносит как добродетель и которому «Скорбная игра» уже явилась иллюстрацией. Арагон — и не только он — в шоке. Он еще более шокирован тем, что скандальный текст Дали — «грязный», как говорит Арагон, — осмеивает высоконравственные и даже морализаторские намерения журнала. Арагон потребует, и не сразу добьется, исключения автора.

Поэты отправились в долгий крестовый поход. Фантазия, веселье, юмор теперь расцениваются как клоунские трюки или как опасность, угрожающая **Великому Делу** и считаются неприличными. Дали, этот художник, посещающий богачей и игнорирующий бедняков, этот светский человек, который пьет шампанское с князьями, виконтами, богатыми американцами, неприятен и вызывает беспокойство. Несмотря на усилия Гала (она беспрестанно хлопочет в его пользу перед Полем), несмотря на благородные попытки Поля, пытающегося защитить любовника своей жены перед Луи Араго-

ном и поэтами, которые, как и он, призывали поэзию на службу **Революции**, Дали оказался в стороне как опасный, нежелательный человек в общине интеллектуалов-сюрреалистов. От него начинают отмахиваться, как от чумы. Полю Элюару остается лишь сожалеть о его упрямстве. «Главное — это поддержать совместную деятельность, без которой всякая интеллектуальная деятельность быстро превратится в бесполезную, даже вредную, потому что обуржуазится»*, — пишет он Гала, поручая ей передать этот совет Дали: может быть, он предостережет его от излишнего рвения.

Дали вышел из доверия, но это его не смущает. Напрасно Элюар проповедовал осторожность, умеренность, скромность: Дали не останавливается, он хватается через край, готовит еще более серьезный скандал. Художник не пытается раствориться в общей массе, напротив, он старается выделиться и самым необыкновенным способом, шокировать, раздражать, он продолжает совершенствоваться в искусстве провокаций. И, так как политика, кажется, решила не принимать поэзию всерьез, потому что борьба идей вызывает больший интерес, чем поэтические планы, Дали устремляется туда, где может добиться цели. Он продолжает проводить парижские уик-энды в компании капиталистов, наслаждаться отдыхом в «Мулен дю Солей» и безбедно жить на средства, предоставляемые «Зодиаком». И в 1933 году он придет на улицу Фонтен к Бретону и его возмущенным друзьям, чтобы пропагандировать фашизм: выпранным слогом, с гротескной мимикой и жестами он объяснялся в любви к Гитлеру, хвалил его методы и идеи!

* «Письма к Гала», стр. 230.

«Мне хорошо известно, что Дали не сторонник Гитлера», — сразу же после этого события напишет Гала крайне опечаленный Элюар. Чтобы показать свою убежденность в этом, он подчеркивает фразу. «Но, — добавляет он категорично, — необходимо, чтобы он нашел другую тему для бредовых излияний... Хвалить Гитлера недопустимо, это повлечет гибель сюрреализма и нашу разлуку»*. Элюар говорит о том, что для честного человека, будь он сюрреалист или нет, недопустимо преступать определенные границы. И все же позиция Гала в этой ссоре, если судить по письмам Поля, ясна: она защищает своего Дали, даже если он замешан в самом безнадежном, гибельном деле. Гала никогда не отклонится от этой линии: чтобы ни говорил Дали, чтобы он ни делал, она идет за ним, она согласна со всем. С Полем она будет говорить лишь о том, что группа ненавидит, не понимает и завидует Сальвадору. Гала считает, что виной всему окружение. Дали может все сказать, все сделать, в ее глазах он прав, она присоединяется к его лагерю, который отныне будут осаждать, не принимать всерьез и высмеивать враги. С самого начала их совместной жизни, не зная еще, что настанет тот счастливый день, когда можно будет себе все позволить, Гала становится с ним единым целым, она принимает его безумие. Она не хочет его изменить, сделать из него другого человека, поддерживает его, несмотря на клоунские, вызывающие выходки, в поисках самого себя. Через хитросплетения поэтической жизни и жизни светской она проходит как цельная личность, полностью разделяя идеи Дали, даже самые нелепые и ужасные из них.

* «Письма к Гала», стр. 233.

Сразу же после Арагона рассердился Андре Бретон. Хотя он и поддерживал Дали на первых порах и принимал у себя с распростертыми объятиями, будучи уверенным, что каталонец привнесет в движение силу молодости, хотя и покупал у него картины, Бретон быстро потерял терпение от бессмысленных выходок художника. Времена изменились. Дадаисты потеряли чувство юмора. Группа не помышляет больше о шутках. Настало время для серьезных вещей. Андре Бретон задает тон все более и более ученый и менторский; он возлагает на себя обязанности начальника и цензора. В журнале диктует законы Бретон. Отказавшись от давних шуток, поэт распростился с молодостью. Он, взрослый, разговаривает и поучает маленького Дали, этого мальчишку. Бретон больше вовсе не желает смеяться. Политика — это табу. На эту тему он высказывается только серьезно, он догматичен, тогда как Сальвадор касается этой темы весело, насмешничает и фетишизирует ее одновременно. Бретон ненавидит Гитлера, что вполне понятно, но он восторгается Троцким и ищет себе образец для подражания в мутных водах большевизма.

Дали это очень хорошо понял и поспешил ускорить разрыв. В салоне «Независимых» в феврале 1934 года, когда он уже был гоним группой за признание в любви Гитлеру, Дали осмелился выставить огромное (два на три с половиной метра) полотно, явившееся вызовом банде, — «Загадка Вильгельма Телля». Он считал, что Вильгельм Телль должен олицетворять трагедию отца и сына. На первом плане изображен сидящий на корточках Ленин с обнаженными ягодицами — в непристойном, смешном виде, в подвязках для носков и в

большой фуражке; он пытается съесть кусок от Дали — напуганного ребенка. Бретон кричит о богохульстве: уничижительно представив коммунистического лидера, Дали подорвал политический фундамент группы, ослабил ее позицию, и так уже довольно пошатнувшуюся в глазах марксистов, с которыми он еще надеется наладить совместные действия.

Бретон устраивает у себя судилище. Созываются все сюрреалисты. На призыв не откликнулись только Тцара и Элюар. Дали явился в широком пальто из верблюжьей шерсти, в ботинках без шнурков, он прихрамывает и оступает. Жорж Юнне рассказывает: «Впереди него идет Гала, ее взгляд, как у загнанной крысы, говорит о том, что она как женщина не понимает, за что мучают ее гениального супруга, а как импресарио — почему мешают карьере ее дебютанта. Место ей знакомо, она с важным видом, будто член административного совета, идет прямо к дивану, далеко не пустому уже, и без церемоний усаживается».* Гала сама прокомментирует Полю Элюару в письме, которое позже вместе с другими письмами будет превращено в пепел, заседание, в ходе которого Дали сам защищал себя, в бредовом, но тем не менее не лишенном своего смысла стиле перед Бретоном, всерьез принимавшим его роль адвоката. Судили человека, художника, члена сюрреалистической общности, обвиняемого, по выражению Бретона, «в многочисленных антиреволюционных деяниях, направленных на прославление гитлеровского фашизма».

* «Одухотворенные и пронидательные». Цит. соч., стр. 261.

Дали импровизирует. Он не утратил чувство юмора. Он говорит с термометром во рту, то и дело вынимая его, чтобы взглянуть на шкалу делений. У Гала бесстрастное лицо. В то время как Бретон представляет «маленькому мальчику Дали» всю серьезность его вины, распаленный Сальвадор, защищаясь, быстро выступает вперед и кричит со своим отрывистым акцентом: «Я люблю вас, Бретон! Сегодня ночью мне приснилось, что я поймел вас в зад!» И Бретон отвечает сухо и холодно, без тени улыбки: «Я вам этого не советую!»

По окончании продолжительных дебатов, во время которых только Дали нес сюрреалистический бред, он будет исключен из группы «как фашистский элемент». Дата? Можно подумать, что ее выбрали не случайно: 5 февраля 1934 года, канун выступления против объединения крайне правых сил. Среди подписавших решение об исключении Дали — Макс Эрнст. Он одобрил постановление, в котором не хватало подписей единственных защитников Дали среди собратьев — Элюара и Крелея. Вердикт трибунала: Дали должен рассматриваться «как элемент, с которым нужно бороться всеми средствами».

Он этого и добивался. Поль Элюар расстроен еще и потому, что Гала возлагает на него ответственность за исключение. Она считает, что его защита будто бы была слишком вялой или слишком плохой, и некоторое время будет выражать ему свое недовольство. Элюар протестует против упрямства Дали (оно кажется ему «настоящим предательством») и грустно заключает с очевидной усталостью, чтобы реабилитироваться в глазах Гала: «Я пытался действовать как можно лучше. Я защищал и буду защищать Дали, предостерегая от неизбежных по-

следствий его упрямства... В этой истории, возможно, только я и остался наказанным». И добавляет: «Знаешь, моя дорогая Гала, теперь я боюсь больше, чем когда-либо, разонравиться тебе, наскучить тебе... Однажды, девочка моя, все же придется признать, что в моей жизни, что бы я ни думал, что бы ни говорил и ни делал, в ней ты, ты была ответственной, по-настоящему ответственной за все... Целую тебя со страшной силой повсюду. Твой навсегда Поль»*.

После исключения, положившего конец шумной истории и связанной с нею непрерывной чередой разногласий, сюрреалисты во главе с Бретоном пытаются предать реалистический и общественный смысл своей поэтической борьбе, а Сальвадор Дали вместе с Гала отправляется в Испанию. Близится весна, и он, как всегда, спешит вернуться на свежий воздух, в покой своей деревни. Слишком затянулась в Париже их светская и интеллектуальная жизнь. Для Дали смысл жизни здесь, в Порт-Лыгате, в доме, где его ждут холсты и краски. Здесь он бывает самим собой, здесь он обретает вдохновение и силу, необходимую для творчества. И все это происходит в присутствии такой же спокойной, такой же терпеливой, такой же верной, как жена рыбака, Гала.

Вспоминая о тех временах, о ссорах с группой, с Бретоном и Арагоном, Дали с юмором скажет: «Единственная разница между сюрреалистами и мною в том, что я — сюрреалист»**.

* «Письма к Гала», стр. 233-234.

** Луи Пувель «Страсти по Дали». Denvel, 1968, стр. 242.

ОБМЕН ОБРУЧАЛЬНЫМИ КОЛЬЦАМИ

Развод» — слово в те времена еще скандальное и вещь малораспространенная. Буржуазное общество предпочитает ему официальную неверность или официозные связи. Гала первая подает идею Полю — в первое лето своей жизни в Порт-Льигате или когда он приехал навестить ее с Нуш и его вежливо выпроводили. Осенью 1930 года они договариваются о том, как можно быстро и с минимальными расходами организовать их расставание. У них никогда не будет разногласий, никаких, кроме усталости быть вместе. «Ниже всего была скука», — намекает Поль в стихотворении «Разделенные ночи»*. Единственный аргумент, который они выскажут перед судом, — это желание Гала вернуть себе свободу, аргумент, разбивший в прах их брак.

Для того чтобы вопрос был решен быстро, Гала берет всю вину на себя. В полном согласии с Полем она 1 октября составляет письмо, в котором говорит о разрыве (письмо будет также приобщено к делу). Потом Гала покидает супружеский дом («Чтобы жить с любовником», — уточняет она) и переезжает в отель «Алезия» (39, авеню Жюно), намереваясь там ждать судебного исполнителя. Факт супружеской измены будет установлен двумя неделями спустя, когда представитель суда, незамедлительно явившийся, начал настаивать на том, чтобы

* «Сама жизнь». Полн. собр. соч. Pléiade, т. 1, стр. 375.

Гала воссоединилась с мужем. Названная в документах *мадам Грендель*, Гала отказывается подчиниться. Она отстаивает свое право на свободу и, делая выбор, не просит ничего другого: ни содержания, ни оставления у себя своей несовершеннолетней дочери (Сесиль было тогда двенадцать лет).

«Ну что же, — пишет Поль Элюар, — я одинок, потому что ты единственная». Он издает сборник стихотворений «Испытание выдержав» — шестнадцать страниц, навеянных страданиями и грустью от окончательного расставания с Гала:

Все отречения сказали последнее слово
Им больше не встретиться они друг друга не
знают

Я одинок одинок совсем одинок
Я никогда не менялся*.

Хотя Элюар и одинок, но рядом с ним уже спит Нуш. «Она здесь, чтобы принимать меня, меня и мою неутраченную невинность», — пишет он о своей двусмысленной любви. Хотя Гала и присутствует в его мечтах, и Поль по-прежнему желает ее, и желание подогревается разлукой и невозможностью воссоединиться, — Нуш робко утешает и успокаивает его: ее неординарная личность понемногу, но уверенно и настойчиво начинает затенять ту, другую. Поль еще привязан к Гала или еще не развязался с нею, а в Нуш он находит терпеливую, понимающую подругу, умеющую не ревновать его к прошлому. Поль спит с Нуш. Но мысли о Гала не дают ему покоя. «Кому ты пишешь?» — спрашивает его Нуш (проснувшись, она застаёт

* Пер. М. Ваксмахера.

его сидящим на кровати за написанием письма). «Я пишу Гала», — отвечает Поль.

Элюар долго еще не сможет забыть свою первую жену, отказаться от нее окончательно. В 1932 году он напишет «Разделенные ночи» — большую поэму в прозе, передающую состояние его души и преданность чувству. Он описывает свою жену обнаженной, он знает ее наизусть, оплакивает те времена, когда они были вместе перед лицом всего мира: «Мы оба, я настаиваю на этих словах... мы действительно были, мы были вместе». Он вместе с Нуш однажды вечером был приглашен на обед на улицу Гогэ и читал там за десертом отрывки из своих «Ночей» перед бесстрастной Гала, а Дали с отсутствующим видом крошил хлеб в свою тарелку. Английский поэт Дэвид Гэскоин, присутствовавший при этой сцене, рассказывал, как слова Элюара звучали при полном молчании гостей, каждый из которых имел к ним прямое отношение. «Отчего не могу я уже, как во времена моей юности, стать твоим учеником? не смущаясь Нуш и Сальвадора, заявляет поэт той, которая еще так много значит в его жизни. — Отчего мы не можем больше с тобой понять, что нож и то, что он режет, связаны друг с другом, как пианино и тишина, горизонт и бесконечное пространство?»

Им нет нужды искать примирения. Все, что есть у Поля, принадлежит и Гала. Когда в июле 1931 года, оставшись без денег, Элюар продает ценную коллекцию негритянских предметов и предметов, привезенных из Океании, а также картины, он делит доход с той, которая вскоре перестанет носить его имя. Он разделит таким же образом деньги (сто пятьдесят тысяч франков), полученные от продажи виллы в Обоне в июне

1932 года. Поль Элюар разоряется. Поль Элюар жил только на ренту, оказавшись жертвой неудачного размещения капитала на бирже; он больше получил от продажи произведений искусства: это принесло ему так же, как и Андре Бретону, который по тем же причинам и в то же время продавал свою коллекцию, значительную сумму (вместе Бретон и Элюар получили двести восемьдесят пять тысяч сто девяносто пять франков). Но Поль вынужден сразу же начать тратить свой капитал, чтобы жить, так как почти ничего не зарабатывал своей поэзией, и его сбережения вновь начинают таять. «В январе 1932 года все испарится», — констатирует его биограф Жан-Шарль Гато. Если Элюар и Нуш нуждаются и ищут всевозможные способы, чтобы обеспечить существование, Гала, напротив, благодаря Дали начинает, если не процветать, то, по крайней мере, жить в достатке.

15 июля 1932 года девятая палата гражданского суда департамента Сены признает развод Эжена и Гала Грендель после пятнадцати лет супружеской жизни. Сесиль остается на попечении Поля Элюара, а на самом деле забота о ней возложена на бабушку и жить она продолжает в пансионате. Если Поль ее часто навещает и, когда может, увозит с собой на каникулы, то Гала все больше и больше отдаляется, а Поль вынужден просить ее написать дочери о себе.

У Гала больше не будет детей: страдающую от болей, резко похудевшую, осенью 1932 года ее поместили в клинику на операцию по поводу фибромы, ей также удалили яичники. Доктор Жакемёр, внук Клемансо и первый муж Мари-Бланш де Полиньяк, оперировавший Гала в своей клинике в Сен-Клу, навлечет на себя ее недовольство:

не потому что он ее стерилизовал (ни Гала, ни Сальвадор не хотели обременять себя ребенком), а потому, что шрамы останутся у нее на животе до конца жизни. Этого Гала ему не простит.

Из испытания, несмотря на печальные последствия, чета Дали выйдет закалившейся: Сальвадор, понимая серьезность состояния Гала в то время, как она провела множество ночей вдали от него и он не знал, увидит ли ее на следующий день живой, испугался, как никогда прежде. Перед лицом вероятной смерти он измерил, до какой степени дорожил Гала, до какой степени он с ней связан. Стерилизация Гала на заре их совместной жизни никоим образом не нарушает в его глазах ее женственности. Сальвадор продолжает ее обожать и хочет, чтобы Гала полностью ему принадлежала. То, что не будет детей, его устраивает: не придется ни с кем делить Гала и она сможет полностью посвятить себя своему гению. «Я ничего не желаю передавать будущему от Дали, — доверится он позже Луису Повелси. — Я хочу, чтобы все закончилось на мне». Доктор Жакемёр, столь неловкий в области эстетики, хотя бы освободил супругов от забот заводить ребенка: Гала — от бремени материнства, а Сальвадора — от страха рождения. «Любовь моя к Гала — это замкнутый мир, — будет он объяснять. — Моя жена — засов, необходимый моей собственной структуре»*. Даже интеллектуализированное, чувство взаимодостаточности исключает любого чужака, будь он хоть плоть от их плоти.

Очень медленно, лишившись близости с Гала, Поль начинает отдаляться. В сборнике «Сама

* «Страсти по Дали». Цит. соч., стр. 62.

жизнь» в 1932 году он говорит уже о Нуш; письма, которые он продолжает посылать Гала, утрачивают понемногу пыл, тон их становится смиренным, отчаяние сменяется меланхолией. Поль по-прежнему подписывает их «Т. н.» («Твой навсегда»), но теперь в этих посланиях комментарии на тему повседневной жизни — о потрясениях в группе сюрреалистов и о денежных затруднениях — вытесняют объяснения в любви. Однако старое пламя не погасло окончательно; оно просыпается чаще всего ночью, когда Поль, тоскуя по столь любимому им телу, устремляется к Гала. Эротизм Гала все еще преследует его. Днем он уже чуть меньше думает о ней, реже выглядит несчастным, реже испытывает чувство фрустрации. Это потому, что тихая, преданная Нуш начинает заполнять пустоту и Поль привязывается к ней. Может статься, он ее и полюбит.

«Доверчивость хрустала», — напишет он о молодой женщине. Гала — огонь, Нуш — прозрачность. Хотя поэт долго, до сорока лет, будет воспевать в своем творчестве женщину-искусительницу, дьявольски соблазнительную, женщину сильную и загадочную, ему открывается другой мир, в котором атмосферу изменяет ясное, спокойное очарование Нуш. После бурь и любовного огня приходят спокойствие, свежесть и если не счастье, то покой:

Твоя неопытность соломинка в течении воды
Стремительно несет тебя дорогою любви.

В 1933 году Поль Элюар со своей подружкой покидают квартиру на улице Фонтэн и переезжают в Батиньоль, в дом №54 рядом с мясным магазином и плохоньким рестораном на улице Лежан-

до. Теперь он будет жить недалеко от станции «Рим», в двух шагах от площади Клиши, в двухкомнатной квартире на шестом этаже, с кухней и ванной комнатой, с маленькой террасой, выходящей во двор. Жан-Мишель Франк не станет украшать интерьер этой квартиры. Элюар и Нуш живут очень просто, на стенах ничего роскошного, кроме нескольких картин, избежавших продажи, да картин, приобретенных для обновления коллекции (полотна Эрнста, Дали, Массона, Пикассо), а также остатки коллекции негритянского искусства и с островов Океании, потому что Поль, даже оставшись без денег, не может не посещать галереи и антикварные лавки. Но настоящей роскошью переселившейся сюда в поисках нового равновесия пары является то, что ни он, ни она не работают. Хотя Поль и пишет стихи, они не приносят ему ничего, кроме расходов, время от времени он издает книги за свой счет и продолжает расходовать деньги на издание журналов группы. Сюрреализм плохо продается и стоит дорого, почти так же дорого, как поэзия. Результат: капитал Поля Элюара не то чтобы уменьшился — он исчез, поглощенный страстью к красивым вещам и самыми обыденными нуждами. Расходы всякого рода продолжают возрастать: нужно оплачивать не только поэзию и отдых, сюрреализм и врачей (Полю постоянно необходимо какое-нибудь из двух лечений — в санатории или в доме отдыха), кино и кафе, тотемы и фетиши, но еще и пансион Сесиль, ее поездки в Англию или в горы, ее одежду и болезни. Мадам Грендель помогает очень много: она взяла на себя большую часть расходов на Сесиль, она оплачивает путешествия, когда хочет этого. Поль часто жалуется Гала, что мать скупа и

остается глуха к его самым приятным проектам, тем не менее это она оплатит свадебное путешествие Нуш и Поля... в Брюссель.

В 1934 году, 21 августа, Элюар (тридцать девять лет) женится на Нуш (двадцать восемь лет) в мэрии семнадцатого округа; его свидетелем станет Андре Бретон, свидетелем Нуш будет Рене Шар. Обмен любезностями: Элюар был свидетелем Бретона (со скульптором Джакометти) на его свадьбе с Жаклин Ламба всего за неделю до своей в той же мэрии; он был свидетелем Шара два года назад на его свадьбе с Жоржеттой Гольдштейн. Нуш в тот день, 21 августа, «ликовала», как скажет Шар. Гала на церемонии не присутствовала: она была в Порт-Льигате.

В конце того же 1934 года Гала выйдет замуж за Сальвадора Дали — в Париже, в консульстве Испании. Осенью они убежали от всеобщей забастовки, потрясшей их страну, и от мощных выступлений, прокатившихся по Барселоне, по республике Каталония, ставшей автономной. Гала и Дали испугались. Они со всем своим багажом были вынуждены искать прибежища по другую сторону границы, не оставив в Кадакесе анархистам, сторонникам независимости, ни одного полотна Дали. Свадьбу они отметили гражданским порядком, на скорую руку. В любом случае в католическом государстве религиозный обряд был бы запрещен разведенной женщине. Поль сам настоял на том, чтобы Гала урегулировала свое положение: он привел аргумент материального порядка. Если Гала не выйдет замуж за Дали, объяснял он, и если Дали умрет, она не сможет ничего оставить за собой. Картины Дали — его единственное имущество — вернутся в семью, то есть его отцу или сест-

ре. Гала останется ни с чем. Поль исходил из этих же соображений, чтобы защитить Нуш. «В моей жизни ничего не изменится, — пишет он Гала накануне своей женитьбы, — кроме того, что, если я захочу покинуть Нуш, у меня, женатого, будет меньше угрызений совести, потому что тогда мне будет легче уладить ее материальное положение. Но каждую ночь мне сниться ты»*.

Поэт-сюрреалист глубоко верен прочным буржуазным принципам. «Недопустима малейшая небрежность», — утверждает он, предостерегая начиная с 1933 года от опасности Гала и самого Дали, так как она владела частью его имущества, неопределенного — в глазах закона — имущества, принадлежащего мужу. «Проще всего было бы, если бы вы поженились, оговорив общность имущества супругов. Разве что только Дали не признает в заверенном печатью документе то, что половина всего, что есть у него, кроме его картин, принадлежит тебе на правах собственности. Прости мне эти хлопоты, но необходимо урегулировать все немедленно. Подумай только, что у тебя не было бы права (если бы Дали умер) взять с собой свои платья»**.

У поэта ощущение реальности и осторожность, как у пролетария. Обычно Гала следит за решением всех прозаических вопросов семьи, включая финансовые. Но Поль Элюар тоже знает цену вещам и то, что предметы искусства помогают ему жить благодаря тому, что он умеет хорошо их выбирать, покупать, потом перепродавать, чтобы хоть как-то обеспечить себе существование.

* «Письма к Гала», стр. 247 (20 августа 1934 года).

** «Письма к Гала», стр. 191 (18 февраля 1933 года).

Планы его сбываются, материальный горизонт проясняется: в 1934 году, после официальных женитьбы Поля и замужества Гала, состоялся законный раздел имущества. На сентиментальном горизонте нет туч, меньше стало волнений, сомнений и соперничества — всего того, что не покидало Гала ни днем, ни ночью в последние годы. Отныне существуют две пары: супруги Дали, с одной стороны, Элюары — с другой, а где-то между ними — маленькая девочка. Поль — внимательный и нежный отец, но его меланхолия тяжело сказалась на подростковом возрасте его единственной дочери. Элюар напишет в год своего развода: «Прощай, грусть! Здравствуй, грусть!» — и, несмотря на желание идти вперед, и ликвидировать бреши, остается неисправимо ностальгическим поэтом.

Я устанавливаю отношения между мужчиной и
женщиной
Между моим одиночеством и тобой.

Он не отвернется от Гала. Он продолжает осмысливать свою жизнь через нее. На следующий день после развода Поль тотчас же подтвердил ей обещание любви: «Ты всегда моя жена, навечно». Пусть идут годы, их жизни расходятся, с ними рядом — другие возлюбленные, а он без горечи говорит Гала об одном и том же. Так, в марте 1933 года (прошел год после развода с Гала) он все еще верен ей и все еще «ужасно» — он часто употребляет это наречие — привязан к ней. Его письма все еще говорят о любви: «Утром, просыпаясь, вечером, засыпая, и каждую минуту повторяю твое имя: Гала! Это значит: я люблю, Гала. Двадцать лет я тебя люблю, мы неразлучны, — утверждает

Поль*. — Если когда-нибудь тебе станет грустно, ты отыщи меня». И добавляет с надеждой (но время сотрет надежду): «Если мы должны состариться, мы состаримся рядом друг с другом».

ГАЛА МЕЖДУ ФАШИЗМОМ И КОММУНИЗМОМ

История несправедливо поступила с Гала. Политика ее бывшей родины, переименованной в СССР, захватывает ее бывшего мужа и большинство поэтов и художников, которых она посещает. Только Сальвадору удалось противостоять ее притягательности. Уехавшая из России задолго до революции Гала знает, заложником каких тяжелых событий стала ее семья, вынужденная терпеть нищету в Москве: она издалека следит за сложным, даже хаотичным развитием советского режима. Революционеры в ее глазах не пользуются особым почетом. В отличие от соотечественницы Эльзы Триоле, новой подруги Арагона (Эльза — сестра Лили Брик, невенчанной жены Маяковского, певца русской революции), на Гала не действуют разглагольствования красных пророков. Ни Ленин, ни Сталин, ни Троцкий не воодушевляют ее.

* «Письма к Гала», стр. 204 (6 марта 1933 года).

В Париже Гала встретила с Мариной Цветаевой, подругой-поэтом, которую она посещала во времена своей московской жизни и чей дом тогда был настолько роскошной и престижной, чем ее собственный, что Гала хотелось бежать из своего. Марина Цветаева в парижской ссылке: ее муж Сергей Эфрон, офицер белой армии, вынужден был убежать из страны еще в 1918 году; Марина присоединилась к нему как только смогла, в 1922 году, вместе с маленькой дочкой. Марина бедна — более чем бедна: она обнищала. Во Франции она пишет стихи на русском языке и не хочет посещать никого, кроме своих вынужденных находиться во Франции соотечественников. Единственное, что дает ей силы, ее единственное сокровище — возможность говорить на родном языке. Марина с трудом узнала Гала в парижанке, пригласившей ее на встречу в кафе сюрреалистов. Ее младшая сестра Анастасия (Ася), ровесница Гала, тоже приехала в Париж; она смогла обнять свою подругу детства, поговорить с ней немного, подивиться ее элегантности и ее связям, но она вскоре вернулась на родину — так было угодно **Истории**. В противоположность Марине, которая покинула Советский Союз с душевными ранами, нищая и напуганная, и боится туда возвращаться, Ася верит, что призвана исполнить определенную роль в жизни своей страны. Ася расскажет об этом намного позже. Став очень старой женщиной, она напишет «Воспоминания»*. В Гала не осталось ничего от прежней девочки, она перестала понимать своих русских подруг. Рево-

* Москва, 1971, на русском языке. Доминик Дезанти перевел отрывки из этой книги для своей биографии Марины Цветаевой «Роман о Марине». Belfond, 1944, стр. 236-238.

люция разделила их. Гала стала иностранкой. Можно быть уверенным, что вид этих двух женщин, перенесших лишения, истерзанных годами красного режима, а потом захваченных им, не воодушевил Гала на то, чтобы присоединиться к лагерю коммунистов. Она не увидится больше ни с Анастасией, ни с Мариной — Марина вернется все же в свою страну и погибнет там, никому ненужная*.

Гала, как и Сальвадор Дали, — антикоммунистка. Они оба, если пользоваться определением самого Дали, выступают «против коллективного за индивидуальное»**, так как они рождены бунтовщиками, так как их интересует только сохранение собственной свободы, а свобода эта привила им аллергию к групповой дисциплине, к какой бы то ни было диктатуре и даже к какому бы то ни было предписанию, если авторами его являются не они сами. Гала любит порядок, она сама делает свою судьбу и слишком любит комфорт, роскошь и независимость, чтобы одобрять идеализацию абсолютного равенства, нивелировки жизней и карьеры — все то, что ее родная страна, кажется, приняла сама и хочет навязать миру через пылких посредников. Гала следует собственной железной логике: защищенная, привилегированная женщина, посещающая цвет общества, рассчитывающая разбогатеть в самом ближайшем будущем, она не может принять идею, которая в интеллектуальных кругах уже завоевала прочное положение. Начиная с тридцатых годов у коммунизма столько адептов, что Мари-Лор де Ноай, боясь остаться в сто-

* Вернувшись на родину в 1939 году, она покончит с собой в 1941 году.

** «Тайная жизнь Сальвадора Дали», стр. 223.

роне от авангарда, заказала себе эскиз броши из бриллиантов и рубинов в виде серпа и молота. Искренние в своих чувствах Гала и Дали даже не создавали видимости, что принадлежат к какой-нибудь религии или секте. Они ясно давали понять, что им не нравится. Это сразу причислило их к клану контрреволюционеров, заодно с врагами режима, модной в интеллектуальной среде идеи, врагами Луи Арагона и Эльзы Триоле.

Все вокруг них, или почти все, становятся коммунистами, в большей или меньшей степени воинствующими: Рене Кревель и Бенжамен Пере, Пьер Навиль и Луис Бунюэль, Джакометти и Пабло Пикассо... Хотя Андре Бретон, Луи Арагон и Поль Элюар вступили, поддавшись лирическому порыву, в компартию в праздник Богоявления, чувства и надежды на будущее у них различные. Трое мужчин проведут долгие часы, целые ночи, обсуждая предмет разногласий: должна ли революция проходить через партийную дисциплину? Партийная дисциплина требует жертв, к которым поэты не готовы. В тридцатые годы, когда коммунистическая партия ужесточает свои позиции и развязывает процесс против «контрреволюционно настроенной» интеллигенции, Гала молча наблюдает за кризисом в сознании группы сюрреалистов. Она знает, что все эти люди, знакомые ей уже больше десяти лет, по-разному ведут себя перед выбором, трудным для большинства из них, выбором, который в конце концов рассорит их. Если Кревель коммунист потому, что это для него вызов, если Арагон стал коммунистом решительно под влиянием Эльзы, то Бретон очень скоро начнет сомневаться, он боится, что столь дорогое ему течение — «его» сюрреализм — будет побеждено, сметено чем-то еще более силь-

ным. Он пришел к марксизму, ненавидя буржуазное общество, в надежде на полное обновление и утвердился в своей правоте, наблюдая подъем немецкого национал-социализма, от которого, кажется, лучшим спасением является советская политика, но у него критический ум и он плохо переносит — это еще слабо сказано! — интеллектуальную дисциплину, навязываемую цензурой. Еще хуже — материальные заботы, которым он должен подвергнуться в качестве испытания. Для чистых и суровых коммунистов тех лет всякий художник является опасной личностью, подозревается в индивидуализме и должен находиться под строжайшим контролем. Никакой свободы для творца: искусство — всего лишь орудие на службе безупречной идеологии. Любая поэзия, которая не служит классовой борьбе, контрреволюционна, а следовательно виновна в самом серьезном преступлении. Поль Элюар вступил в компартию не из озлобленности и фанатизма, но с надеждой на то, что все изменится для простых людей, что мир станет наконец лучше, справедливее, гуманнее, и он так же, как и Бретон, натывается на стену враждебности и недоверия: руководители с улицы Шатодэн — там тогда размещалась штаб-квартира партии — наблюдают за тем, что они пишут, и ограничивают свободу их творчества.

Странным был этот союз сюрреализма и коммунизма — течений, которые, казалось бы, должны были бы игнорировать друг друга и даже ненавидеть. Молодые люди, основавшие дадаизм для раскрепощения, чтобы плюнуть в лицо всем организованным структурам, они, сказавшие НЕТ всему: НЕТ порядку, НЕТ дисциплине, НЕТ военным, НЕТ компанейщине, — те, кто год спустя устроит процесс над Анатолем Франсом, потому что он хо-

тел, как они говорили, думать от имени масс, и над Анатолем Франсом, сказавшим ДА Жоресу, — все эти бывшие молодые дадаисты, старея, придут к утопии. Юношеский анархизм привел их прямо во Французскую коммунистическую партию, являющуюся самым злейшим врагом всех анархистов. Они, в самом деле, стали жертвой силлогизма: марксизм добивается революции, сюрреализм является революционным течением, а следовательно марксизм и сюрреализм должны вместе способствовать победе революции. Буржуазное общество всегда было вражеским монстром, которого нужно прикончить, а марксизм им казался самым верным средством для дестабилизации буржуазного общества. Во имя свободы, отвергая общества репрессий, они встали на сторону самой что ни на есть враждебно настроенной по отношению к свободе политики, включая свободу искусства и литературы.

После глубоких разногласий и ссор, свидетельствующих о внутреннем разрыве, и прежде всего после опубликования в 1932 году Бретоном «Нищеты поэзии» и Элюаром «Certificat» («Свидетельство»), памфлета, направленного против Арагона (которого он гневно называет «Ура, Урал!»), оба поэта были исключены из партии к концу осени 1933 года. Став независимыми, они будут еще заигрывать с марксистскими теориями и, как показал процесс над Дали, будут еще некоторое время верить со странной надеждой в возможность примирения их поэтической мысли с советской политикой. Андре Бретон неумолимо отдаляется, благоговейно храня верность левым убеждениям. И для Поля Элюара, который в интимных письмах к бывшей супруге говорит главным образом о люб-

ви, настала пора отдаления. В 1934 году — год волнений в Испании и процесса над Дали, год, когда были заключены их вторые браки, год, последовавший за его собственным исключением из партии, — он издает «Розу для всех», где описание любви бедняков перемешивается с любовью к Нуш на фоне смутной тягостной ностальгии по тому, что он потерял, ностальгией по опеке отца и любви Гала:

Грустная нежная правда
Что любовь похожа на голод на жажду
Но она всегда ненасытна
Напрасно она воплощается и выходит из дома
Она выходит из пейзажа
Горизонт ей стелет постель*.

У поэтов в сердце не только политика. Но мысли о ней, как о другой женщине в их жизни, которую трудно завоевать и приручить, не дают им покоя. В то время как Элюар, даже если он и отдалился на время от политики, выбрал для себя на всю оставшуюся жизнь стезю равенства, справедливости, братства — ее основополагающие идеи — и окончательно связывает себя с левым движением, с самым левым, Дали плывет вправо (если точнее, то к крайне правым, в темные воды фашизма) и верная Гала без колебаний следует за ним. Является ли он в самом деле фашистом, как в этом убеждены Андре Бретон и его поэты? Может, весь этот шум всего лишь для того, чтобы подразнить своих друзей и выделиться из почти единодушного большинства сюрреалистов — марксистствующих и марксистов,

* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 418-419.

троцкистов и сталинистов, — а в фашизме Сальвадор Дали нашел пугало, чтобы размахивать им перед лицом тех, кто симпатизирует левым? «Рядом со мной, — будет он объяснять позже, — вопила гиена общественного мнения и хотела, чтобы я определился: гитлеровец я или сталинист. Нет, сто раз нет! Я был **далинистом** и никем больше. И это до самой смерти. Я не верил ни в какую революцию. Я верил лишь в высшее качество традиций»*.

Наперекор двум вражеским тенденциям, выступающим за жертвоприношение со стороны личности во имя высшей цели, будь она справа или слева, Дали яростно защищает свою независимость и говорит о ней всем, кто еще хочет его слышать во Франции. В противоположность большинству интеллигенции, он является, по его собственным словам, глубоко «аполитичным и враждебно настроенным к Истории»**. Абсолютно неисправим!

И все же фашистское движение задевает в нем чувствительную струну: каким бы он сам ни был индивидуалистом, провокатором, мятежным и недисциплинированным сюрреалистом, он боится в политике анархии. Когда по всей Испании, даже в его деревне, распоясались анархисты, творя насилие над гражданским населением, Дали испугался прежде всего за собственную опасность. «Душа моя не чувствительна к Истории», — заявляет он. И Гала могла бы о себе сказать то же самое, потому что Гала враждебна ко всем революциям, она верит только в личную судьбу. Как и у Дали, в противоположность Элю-

* «Тайная жизнь Сальвадора Дали», стр. 281.

** «Тайная жизнь Сальвадора Дали», стр. 281.

ару, у нее всего лишь одна политика — та, что служит ее безграничному эгоизму.

Супруги Дали — и в этом они единомышленны — предпочитают порядок беспорядку, мир гражданской войне, комфорт революции. Дали хочет лишь покоя, для того чтобы рисовать, Галя — гарантии того, чтобы исторические катаклизмы, уже (она в этом убеждена) разрушившие ее страну, не сделали ее несчастной, как Марину Цветаеву. Они оба равнодушны к политике. «Политика меня никогда не интересовала. Я считаю ее анекдотичной и жалкой», — пишет Дали. И если Галя и Сальвадор предпочитают один идейный лагерь другому, то только из соображений собственной безопасности.

Однако Испания в огне и в крови. В октябре 1934 года «над Барселоной идет град» — по выражению Далмау, владельца галереи, в которой регулярно выставляется Сальвадор и куда он приезжает с Галей. Провозглашена независимость Каталонии. Огромной силы манифестации сотрясают ее столицу и близлежащие деревни, люди сводят друг с другом счеты, приводя в исполнение на площадях смертные приговоры — без суда. Грабители перемешались с идеалистами, бандиты с теоретиками. И наступил хаос. Анархисты сражаются за сферы влияния с революционерами и с контрреволюционерами, трудно что-либо понять в многочисленных противоборствующих тенденциях, поделивших между собой страну.

Дали — он признается в этом без стыда — по природе своей робок. Страх лежит в основе его существа: он пишет картины, чтобы освободиться от навязчивых идей, рожденных его паническими настроениями. После «града над Барселоной» он больше не колеблется. Несмотря на свою

любовь, физиологическую привязанность к своей деревне, он решает собрать вещи и уехать. Гала, чей голос всегда успокаивал и урезонивал его, на этот раз испытывает те же чувства, что и он. Она дрожит от страха. Как и он, Гала боится опасности, безумств толпы — всего, что может нарушить ее покой или налаженный образ жизни. Услышав выстрелы, крики сражающихся, она берет Дали за руку и хочет бежать. Но сначала они упаковывают полотна и погрузят в такси все, что можно будет увезти. В середине октября 1934 года супруги пересекут, не без труда, границу, избежав импровизированного гражданского судилища в последней на своем пути деревне. Их шофер на обратном пути будет убит шальной пулей на улице Барселоны. Добравшись целыми и невредимыми до Серверы, они приедут в Париж с чувством, что чудом избежали смерти, и с ужасной тоской по оставленной каталонской деревне, олицетворявшей для них счастье.

В Париже Дали, весь во власти тревожных мыслей, пишет картину «Предчувствие гражданской войны». На ней изображено огромное человеческое тело, на котором кишмя кишат руки и ноги, «удушающие друг друга в приступе безумия», по словам автора. Революция — анархистская или сторонников каталонской независимости, поддавшихся лирическому порыву, — не вызывает в нем, как и в Гала, никакого другого чувства, кроме страха.

МУЗА ИЛИ КОЛДУНЬЯ?

В тридцатые годы чета Дали была спаяна, будто двуглавая гидра. Повсюду, где появляется художник, его сопровождает молчаливая и загадочная супруга. Он привлекает внимание к своей живописи, к своей личности — она же держится в тени. Гала неотделима от Сальвадора. Являясь **Вдохновительницей*** в той мере, что художник черпает в ней силы для существования, она на много больше, чем муза. Дали называет Гала **Ангелом равновесия**. Она руководит его поступками, им самим, его мыслями.

Десять первых лет их союза Гала не покидает Сальвадора ни на мгновение, следуя за ним повсюду. Запечатленные вместе самыми выдающимися фотографами того времени, они представляли странную пару и, казалось, мало подходили друг к другу. У него — эксцентричная наружность, она — сдержанная и строгая. Когда Дали выходит в свет, он старается выглядеть как денди в котелке, с тростью с позолоченным набалдашником и с перстнями. Проходит время, подтверждая его успехи, и Сальвадор отпускает усы, заставляющие обращать на него внимание. Он принимает стиль странный и вызывающий одно-

* Гонзак Сен-Брис и Владимир Федоровский посвятили Гала главу в своей книге «Русские музы» («Les Egeries russes». J.-Cl. Latès, 1994, стр. 129-197). Наряду с Эльзой Триоле, Ольгой Пикассо и Лу-Андреас Саломе она там представлена во всем своем великолепии.

ременно. Гала сопровождает мужа в безукоризненном классическом костюме от Шанель и настолько скупа на эффекты, слова и улыбку, насколько Сальвадор всем этим злоупотребляет. На первый взгляд, они являют противоположность друг другу: Сальвадор напыщенный — Гала скромна; он роскошный, щедрый, заметный — она неброская, скупая на саморекламу и никогда не стремится выделиться.

Если бы Дали не относился к ней столь благоговейно, как к королеве, имеющей над ним беспредельную власть, можно было бы подумать, что Гала служит ему. Она покорно сопровождает Дали и, кажется, не обсуждает никаких его планов. Она всегда согласна с тем, что он изобретает и придумывает, со всеми его решениями и капризами: Она приноравливается, никогда не сердится, умеет благодаря ежедневному влиянию ловко сориентировать его стремления, предотвращая те, что могут иметь нежелательные последствия. В повседневной жизни Гала руководит Дали довольно энергично, даже авторитарно, регулируя для него, хотя он то насмехается над этим, то раздражается, материальные проблемы, но она никогда не мешает проявлению его «я». Гала не завидует и не критикует знаменитую личность, с которой делит существование. Взяв на себя миссию создать для Дали покой и комфорт, соответствующие его мечтам, Гала с самого начала отвела себе неблагодарную роль служанки и организатора. Он мозг, он творец. — она обеспечивает безопасность гения.

В тридцатые годы Дали действительно слывет сумасшедшим: он вытворяет невероятные вещи, декларирует свое неприятие банальностей, не скрывает собственной паранойи. Безумен Дали или

нет? Никто никогда не задавал этого вопроса Гала. Вероятно, она могла бы на него ответить улыбкой или пожатием плеч. И все же одна она могла знать правду. Дали предложит свое решение загадки, бросив в 1934 году журналистам достойную его юмора и фантазии шутку: «Разница между мною и сумасшедшим состоит в том, что я не сумасшедший!»

Для Гала, живущей с таким неординарным человеком, преданной ему телом и душой, вознаграждением служит то, что она делит с ним его ауру, получая немного света, исходящего от необыкновенного существа. Гала выбрала свой путь: путь женщины, существование которой определяется судьбой избранного ею мужчины. Но Гала не устраивает роль пассивной, смиренной спутницы жизни. Гала динамична: она сила, заставляющая Дали шевелиться, она мотор, дающий ему возможность летать. Гала оказывает на Дали невероятное влияние, помогая ему быть самим собой. Рецепт этой музыки прост, но действие его на много эффективнее, чем у обычных муз: Гала недостаточно того, что она вдохновляет художника, позирует ему, — она укрепляет его веру (без веры он ничего бы не значил).

Конечно, Дали всегда был талантлив. Он обладал необыкновенным талантом рисовальщика и колориста. У него всегда было потрясающее воображение, в его венах течет кровь творца. Но он ущербный человек, с большими комплексами. По собственному признанию, он подвержен частым приступам парализующей его тревоги, многократным проявлениям симптомов шизофрении. Гала помогает ему бороться со злыми силами, помогает привести в состояние равновесия его талант и

безумство. Она та, кто держит его за руку и постоянно повторяет, что он самый великий, самый лучший из художников на земле, она дает то, чего ему ужасно не хватает. Вера жены, наряду с живописью, несомненно, является для него самой большой ценностью. Он говорил — и не раз повторял это, — что без Гала не способен жить, не способен даже творить.

На самом же деле, после того как Дали познакомился с Гала, он очень изменился. Не только усами, бесконечно удлинняющимися с течением прожитых лет, не только элегантными костюмами — изменился его стиль (Гала этому во многом способствовала), определившийся как дерзкий и очень индивидуальный. Дали всегда был болезненно робким. Без поддержки Гала он никогда не смог бы выйти из своей скорлупы. Вот почему она сопровождает Дали: ему достаточно уже одного ее присутствия. Воздействия Гала имеют волшебную силу, они всегда добиваются нужного результата и способны успокаивать и стимулировать одновременно. Диковатый молодой человек из Кадакеса приобрел боевой опыт. Он совершенно ясно понял (намного раньше, чем это стало очевидным), что его успех во многом зависит от рекламы. Гала всецело поддержала его желание присоединиться к движению сюрреалистов для того, чтобы сделать себе имя в среде престижных авангардистов. Это она убедила Дали в том, что невозможно преуспеть в мире искусства оставаясь в деревне, в том, что художнику необходимы — даже если он невероятно талантлив — связи, общение с братьями и рекламой. Это Гала постигла раньше него: скандалы делают поэтов, писателей и художников популярными больше, чем их творчество. Человек искусства для

того, чтобы существовать, должен создавать шум и волновать толпу. В тяжелом сражении за пропаганду и реализацию результатов своего творчества, в которое превратилась жизнь Сальвадора Дали, Галя сыграла существенную роль. Она несла свой крест и никогда не отказывалась от «неприятной работы». Импресарио и пресс-атташе, манекенщица и хозяйка, Галя не только находится в ателье, когда Дали работает, чтобы составить ему компанию, почитать ему вслух, — она с ним во всех сражениях. Галя рядом, когда Дали дает конференцию, когда он развешивает картины в галерее, когда он оформляет витрины на Пятой авеню, когда отвечает на вопросы журналистов, — она поддерживает все его предприятия. Ее постоянное присутствие — гарантия спокойствия. Галя для Дали — амулет. Как большинство робких людей, Дали неистов и неукротим, когда с ним рядом Галя, но один он боится своей тени, собственного голоса, самого себя так же, как и других людей. Галя передает Сальвадору магнетический флюид, и это помогает ему выйти из скорлупы и быть самим собой.

Галя служит его делу в той мере, в какой сделала его своим. Когда Дали говорит, когда Дали рисует, он говорит и рисует за нее тоже, лучше, намного лучше, чем она могла бы это сделать. Галя не имеет ни одного из талантов, которыми она так восхищалась, творческих талантов — того, что притягивало ее в Поле Элюаре, в Максе Эрнсте, и того, чему она облегчает появление на свет — как настоящая акушерка! — с тех пор, как живет с Сальвадором. Время не умалит ни ее энергии, ни ее бдительности и никогда не истребит ее веры. Галя не обыкновенная муза — она медиум. То, что их жизням суждено переплестись навечно, она зна-

ла с первых дней их встречи. Гала умеет читать по картам. И то, что она из них узнает, укрепляет хрупкого Дали. Ее предсказания воодушевляют, видения подтверждаются безоговорочной уверенностью. Гала предсказывает будущее так, как если бы она его уже прожила. Оно представляется ей светлым, как горный ручей. Стойкий оптимизм Гала, на который опирается Дали, — порождение дара предвидения. Будущее? Оно будет блестящим и принесет славу им обоим!

И вот эта карточная гадалка в костюме от Шанель, ставшем уже униформой, сдержанная до такой степени, что может показаться банальной, идет в тени человека, делающего свою жизнь из эксцентричных поступков, — молча, не осуждая его, лишь отмечая вехи на его пути. Ее женская роль двусмысленна: обладая практическим складом ума и даром предвидения, властная и в то же время смиренная, принадлежащая к элите, обожающая роскошь, золото, блеск, она, тем не менее, умеет довольствоваться своим местом в тени. Гала в эти годы такая, без какой Дали никогда бы не смог стать тем, кем он стал. И он будет воздавать ей всю свою жизнь наивысшие и искренние почести.

В тридцатые годы творчество Дали расцветает, он разнообразит свою палитру и заботится о саморекламе. Будучи изгнанным из сюрреализма, он продолжает настаивать на своей принадлежности к течению и, к великому огорчению Бретона, выдавать себя за сюрреалиста и даже, как он любит говорить, за единственного сюрреалиста, достойного этого имени. Распространяя свою деятельность по всем направлениям, подсказанным воображением, он изготавливает различные предметы, украшает витрины магазинов, рисует эски-

зы платьев и шляп, украшений и даже диванов. В Англии он занимается преобразованием средневекового охотничьего домика: один из меценатов, очень богатый англичанин попросил превратить его в обитель сюрреалистических грез. Сальвадор говорит и повторяет, где только можно: искусство не ограничивается стихотворением или картиной, рисунком или скульптурой — оно должно завладеть жизнью, вмещаясь во все. Оригинальный лозунг Сальвадора Дали звучит так: «Сюрреализм не искусство, но образ жизни». Он сам не становится сюрреалистом, когда берет кисть в руку, — он сюрреалист в каждое мгновение, с восхода до захода солнца, во сне. «Имеющий уши да слышит!» — словно говорит он Андре Бретону. Ни у кого нет достаточной силы, чтобы обуздать неукротимую творческую натуру Дали.

Вот он в сопровождении своей дорогой тени выполняет эскизы для Эдварда Джеймса, своего страстного почитателя, выдающего себя за незаконнорожденного внука Эдуарда VII. Эдвард Джеймс подарит Гала украшение, которое она всегда будет носить с любовью, — золотой браслет в стиле «модерн». Это украшение будет напоминать ей щедрого Джеймса, его преданность и безумства. Дали нарисовал для него сумасшедший план большой гостиной, в которой гости ощущали бы себя как бы во чреве живой собаки. Стены должны были расширяться и сужаться в ритме, имитирующем дыхание, иллюзия которого усиливалась бы постоянным шумом одышки... Проект провалился, вероятно, из-за Мюнхенского кризиса, и большая гостиная Джеймса не появилась на свет.

Впрочем, до этого были другие странные изо-

бретения, послужившие, как и картины, упрочению скандальной репутации Дали. Волшебный бассейн с плавающими в нем механическими сиренами; затопленное такси с сидящими в нем куклами, покрытыми мухами и омарами; возбуждающий чувственность пиджак, выставленный в Лондоне в 1936 году, инкрустированный стаканчиками для ликера и мухами (опять мухи!), будут иметь настоящий успех. Успех принесут и витрины Бонвит-Тейлор в Нью-Йорке, с манекенами, задрапированными пылью и мухами (опять мухи!); манекены эти призванные олицетворять День и Ночь, художник утопит в ванне после того, как скандал по их поводу выплеснется на улицу. Гала принимает все шутки мужа с улыбкой сфинкса — единственный знак того, что она оценивает его чувство юмора.

Вот Дали в Париже. В театре Вье-Коломбье он читает лекцию «Сюрреалистический каннибализм и истерический сюрреализм». Журналист Робер де Сен-Жан*, присутствовавший там 24 января 1936 года, рассказывает о странном монологе художника, в котором речь шла обо всем и ни о чем вперемешку: о ночных горшках и о свастике, о крылатых фаллосах, о серпах и молотах, о зеркальных шкафах, о костях стопы, о функционализме и неевклидовой геометрии... Дали готов ко всему, а значит к чему угодно, лишь бы возбудить толпу. Он опрокидывает омлет со специями на седые волосы одной старой дамы, бросает несколько стрел в Луи Арагона и выглядит, по словам Сен-Жана, как Мефистофель. Лекция провалилась. «Было много шума. Многочисленные взрывы са-

* «Дневник журналиста». Grasset, 1974, стр. 178-180.

модельных бомб никого не задели», — прокомментировал хроникер. Но то, о чем Сен-Жан не пишет, — это работа Гала за кулисами, та доза терпения, которую она должна была предъявить в доказательство солидарности с Дали в годы, когда гений его еще только рождался и все творчество оценивалось знаком вопроса. Ей требовалось немало сил, чтобы утешить Дали, успокоить его, убедить двигаться дальше, чтобы помешать приступам паранойи, превращающим его в буйного безумца. Только она способна усмирить Дали, когда он теряет контроль над словами и поступками (однажды он чуть не удушил деятеля кино, обвинив его в том, что он украл его замысел*).

Когда Гала не отвечает на призыв о помощи — что бывало крайне редко, — с Дали случаются несчастия. Так, в Лондоне, в New Burlington Galleries, во время первой международной выставки сюрреалистов (июль 1936 года), открытой, кстати, Бретоном (этой выставкой Дали подкормил артистическую и скандальную хронику, выставив свой «Вызывающий чувственность пиджак»), он чуть было не умер, потому что Гала не было рядом! Выход Дали в конференц-зал для того, чтобы произнести один из абсолютно тарабарских текстов, смысл которых был знаком только ему — «Несколько подлинных параноидальных явлений», — все же произвел сенсацию. Дали появился в сопровождении двух белых борзых, одетый в скафандр с такими тяжелыми подошвами из свинца, что его пришлось внести на сцену. Гала, настигнутая

* Речь идет о Жозеффе Корнелле. История рассказана Жюльеном Левин в «Memoir of an Art Gallery». Нью-Йорк, Putnam, 1977, стр. 231.

единственный раз в своей жизни приступом усталости или уныния, вышла, чтобы выпить кофе в то время, как Сальвадор пытался произнести из стеклянного и стального шара речь, которую невозможно было расслышать... Конференция провалилась бы, если бы публика вдруг не заинтересовалась гротескной пантомимой Дали: задыхающийся, он махал руками, как ярмарочный Петрушка. Побежали за Гала, чтобы высвободить Дали с помощью ключа, лежащего в ее сумочке (шлем был на замке). Еще несколько секунд — и заторможенная, завороченная публика аплодировала бы смерти артиста. Лекция о «параноидальных явлениях» подействовала на Гала как предупреждение: отныне, чего бы это ни стоило, она будет рядом, спокойная и бдительная.

Случалось, что Гала была не только привилегированной наблюдательницей за безумствами Дали, но и их участницей. Она в первые годы их совместной жизни будет его любимой моделью для воплощения «сюрреалистической женщины» — такой, как он себе это представлял, такой, какой он хочет, чтобы были все женщины Парижа, Лондона, Рима и Нью-Йорка. Чтобы доставить ему удовольствие и способствовать его рекламе, Гала выходит на время из костюмчика от Шанель, любимого ею, чтобы одеваться в стиле, ей совсем не свойственном: пышном, барочном стиле Эльзы Чиапарелли. И вот Гала одевается в «чап», когда Дали делает рисунки для коллекций платьев и шляп прекрасной итальянки с Вандомской площади. И вот она уже становится экстравагантной. В сказочном платье с пуговицами из поддельных шоколадных конфет, покрытом пчелами, или в платье сошитыми лапками омара, в костюме, вышитом

мясистыми губами, она держит в руках сумочку из синей замши, в точности повторяющую форму телефона или надевает на голову — с удивительной невозмутимостью — шляпку (гвоздь коллекции) в форме черной туфли на шпильке! Гала и в «чап» остается Гала: уверенная в себе, уверенная в Сальвадоре, безразличная к остальному миру — в общем, классическая во всем, даже в сюрреализме.

Благодаря фантазиям Дали и его невероятному старанию знакомить с ними общество, преуспевающая чета покидает Монруж и переезжает на Университетскую улицу, сменив салаты с шампиньонами на дружеские пирушки в больших ресторанах. Картины Дали теперь высоко котируются. Они уже давно вышли из орбиты первого любительского «Зодиака», пересекли Атлантический океан и собираются покорить Новый Свет. После участия в двух коллективных выставках, познакомивших начиная с 1931 года американскую публику с новым для нее искусством — сюрреализмом, они принесут Дали осенью 1933 года, после эксклюзивной выставки в галерее на Мэдиссон-авеню, первый и несомненный успех. Владелец галереи Жюльен Леви с восторгом описывал их волшебную, притягательную силу. Несмотря на необычность, на провокационность и юмор, а может быть, благодаря этим достоинствам, картины очень скоро найдут покупателей. «*Persistence de la memoire*» («Настойчивость памяти»), с изображенными на ней мягкими часами, была продана сразу же, в день открытия вернисажа. Самые строгие критики, среди которых знаменитый Льюис Мамдор, расхваливают художника, настойчиво приглашают его в Нью-Йорк. Дали боится пересекать океан. Гала придется долго убеждать его, прежде чем он согласится...

В декабре 1934 года Дали сходит на берег с борта корабля «Champlain», на который он так боялся взойти и осмелился сделать это только после того, как нацепил на себя спасательный жилет. Он вцепился в руку Гала и не отпускал ее ни днем ни ночью, как будто она держала его на поводке. Этот житель Средиземноморья, который так любит плавать, лежать на водной глади, нырять часами, жутко боится морских путешествий... На набережной Нью-Йорка, недалеко от статуи Свободы, символа того, что Дали ищет для самого себя, собрались журналисты, которых Жюльен Леви с большим шумом оповестил о приезде художника. Дали заставляет себя ждать: он болен от страха, у него приступ боязни, он закрылся в своей каюте. Подруга Сальвадора Кэрес Кросби, приехавшая вместе с ним и Гала, решается предпринять отвлекающие действия: она начинает рассказывать о течении, покорившем парижский артистический мир, о сюрреализме, готовящемся с минуты на минуту сойти на берег в облике Сальвадора Дали, каталонского художника, известного пока немногим людям, но чье творчество скоро перевернет весь мир... Сама Кэрес его очень любит. Кэрес Кросби — известная личность в Нью-Йорке, она умеет блистать и быть забавной, журналисты ее очень любят и согласны подождать в компании с ней. И вот тогда Дали, наконец успокоенный Гала, выходит из каюты, чтобы предстать перед ними. Он несет батон хлеба, изготовленный специально для него во время путешествия. Батон необычной длины — более двадцати метров. Хлеб, как мухи, омары и кузнечики, — одна из навязчивых идей художника. Предъявив свой первый талисман, в то время как Гала, словно сфинкс (в костюме от

Шанель), спокойно стоит за его спиной, он вынимает фото своей жены, одетой Чиапарелли. На нем Гала изображена в шляпке с бараньими котлетами и в платье, соответствующем головному убору. Журналисты в недоумении. Они интервьюируют Дали, но он не говорит по-английски. Переводит Кэрес Кросби. Каталонский акцент добавляет экзотики. На следующий день приезд знаменитого сюрреалиста будет прокомментирован на первых страницах газет и проиллюстрирован странной фотографией Гала в шляпке с бараньими котлетами. «Я люблю котлеты и свою жену, — заявил Сальвадор Дали. — Я не вижу причин для того, чтобы не рисовать их вместе». Одному журналисту не понравились котлеты, его удивил странный портрет Гала «с жареными котлетами, болтающимися у ее плеча», и Дали уточнил: «Котлеты не жареные — они сырые». — «Почему?» — спросил журналист. — «Потому что Гала тоже сырая», — повторил художник, раскатисто произнося «р».

Шляпки Гала, созданные по эскизам Дали, произведут скандал в Америке. Одна из шляпок вызовет ненависть к ней и надолго закрепит за ней репутацию настоящей колдуньи, и репутация эта станет ее визитной карточкой, придавая утонченность слишком простому образу преданной и верной музы, какой она и была на самом деле, но и не только такой. Может быть, влюбленная женщина была женщиной бессердечной, внимательная супруга была злыдней, ни перед чем и ни перед кем не испытывающей страха, способной заигрывать даже с символами смерти? Если Дали веселит, то сопровождающая его повсюду Гала очень скоро начинает пугать.

18 января 1935 года, спустя месяц после путешествия на «Champlain», супруги Дали все еще находятся в Нью-Йорке. Чтобы отпраздновать успех того, кого она называет своим дебютантом, того, чьи полотна чертовски хорошо продаются на Мэдиссон-авеню, Кэрес Кросби сняла модное кафе «Красный петух» на 56-й улице и организовала там 18 января для нескольких сотен избранных «фантастический бал»: в приглашении она просила своих гостей явиться к десяти часам вечера одетыми в костюмы из своих снов. Для праздника Кэрес подготовила такие же роскошные, как в «Андалусском псе», сюрреалистические декорации, словно явившиеся из грез дорогого ей Дали. Ванная, наполненная водой, неустойчиво закрепленная на середине лестницы, в каждую минуту могла опрокинуться. В главном салоне, на первом этаже, находился макет быка с содранной кожей, вскрытый живот которого поддерживаемый костылями, был напичкан фонографами. Мужчина и его дочь пили там чай. Костюмы гостей были сногшибательными. Затея Кэрес удалась: американцы превзошли себя в изобретениях до такой степени, что могли бы удивить самого Дали. Одна женщина явилась в короне из зеленых помидоров. У другой на голове была клетка для птиц. Еще одна нарисовала себе на лице шрамы от бритвы, в которых торчали — не известно, как это было сделано, — шляпные булавки. Еще одна дама была в длинном вечернем платье из серого шелка спереди и абсолютно нагая — со спины. Один мужчина в окровавленной ночной рубашке удерживал в равновесии на голове туалетный столик; когда он открывал его дверцу, оттуда вылетало целое облако мух... Крутом царила

безумная атмосфера ожившего кошмара. Дали позаботился о своем костюме: он одет «великолепным трупом». В смокинге, с забинтованной головой, в груди, на месте сердца, — дыра; в этой квадратной дыре, подсвечивающейся изнутри, виднеется пара маленьких грудей в лифчике.

Но на этот раз, единственный раз в жизни, Гала, невозмутимая и величественная, старательно одетая искусным супругом, затмила его самого. На ней были юбка из красного целлофана и зеленый лиф, но вся ее оригинальность в тот вечер заключалась в шляпке — лучше сказать, в гигантском головном уборе черного цвета, представляющем зловещую шутку, шутку дурного тона, но Гала это не смущало нисколько. В центре шляпы целлулоидная кукла, сделанная в реалистической манере, изображала мертвого ребенка, труп которого уже разлагался, живот ели муравьи, в мозг впились клешни флюоресцирующего омара.

Многие будут расшифровывать этот символ: одним головной убор, в котором красуется Гала, представлялся полным отсутствием даже намек на материнские чувства, другим это решительное отрицание ребенка казалось импровизацией на излюбленную Дали тему — тему гниения и смерти. Омар и муравьи (посвященные уже призывали к ним) — перманентные спутники Дали. Но Америке нет дела до фрейдистских толкований: для нее бредовый костюм Гала стал не чем иным, как оскорблением ее истории и ее героев. Вся страна переживает шок от убийства младенца Линдберга, сына выдающегося авиатора, перелетевшего Атлантический океан. Его убийца, некто по имени Гауптман, был осужден несколькими неделями раньше. Напрасно Дали ста-

рался защитить свою жену и отрицать всякий намек на оплакиваемого Америкой младенца. Гала останется для всех американцев бесстыдной женщиной, осмелившейся выставить у себя на голове в качестве украшения труп невинного ребенка. О своей репутации Гала позаботилась сама.

В этом организме с двумя головами Дали был волшебником света, художником, обладающим властью совершать метаморфозы, способным эпатировать, заманивать, захватывать публику; Гала же, напротив, является темной половиной гидры. В паре Гала — Дали, или Дали — Гала, один любим и вызывает восхищение, другая путает и отталкивает. С бала в «Красном петухе» супруги стали олицетворять собой беспримерное единение. Художник теперь путешествует не только в компании с женой, своей музой, — он путешествует со своим двойником, своим другим «я», со своими страхами и темными мыслями так же, как и со своей любовью к цвету и свету. Без тайной советницы, придающей ему силы и знающей все его самые страшные тайны, он никогда бы не смог противостоять враждебному миру, миру полному ловушек, в который он дал обет проникнуть вместе с ней. В мире этом правят амбиции, безумства и страсти.

ФАТАЛЬНОСТЬ ВЕЛИКИХ ОТЪЕЗДОВ

Гала, которая каждый день может часами раскладывать пасьянс и умеет читать по картам, предсказывает Дали не только счастливое будущее. Она рассказала ему о серьезных и страшных событиях задолго до того, как они произошли (о таких, например, как самоубийство их друга Рене Кревеля в 1935 году), и назвала точную дату объявления войны Германии, в которую политика, ненавидимая ими обоими, потому что именно политика являлась главным врагом их планов, в конце концов их вовлечет.

19 июня 1935 года супруги Дали находились у себя дома, на улице Гогэ. Дэвид Гаскуэн, их английский друг, поэт и журналист, пришел к ним в гости. В его присутствии раздался телефонный звонок, подтвердивший то, чего Гала боялась и уже давно предсказала, — самоубийство Кревеля. Туберкулез, которым он страдал с юношеского возраста, в последние годы обострился с невероятной силой. В Кадакесе во время одного из его приездов с ним случился страшный приступ болезни, сопровождавшийся кровохарканьем. Кревель лечился и, чтобы сохранить оставшееся легкое, был согласен проводить по много месяцев в году в горных лечебницах, где Поль Элюар, тоже больной, но в гораздо меньшей степени, иногда с ним встречался, — в Пасси и в Верхней Савойе. Элюар стал там свидетелем осложнения состояния здоровья Кревеля и написал Гала, советуя ни-

чего не рассказывать Дали, о том, что у их друга вновь обнаружили бациллы и он в отчаянии. Элюар страдает, в основном, от анемии, а Кревелю предстоит операция, исход которой неизвестен: врачи настроены пессимистически. Элюар пишет: «Все это крайне драматично! Туберкулез прогрессирует, угрожая всему организму, в особенности почкам». Находясь в компании заботливой и нежной Нуш, пытающейся выполнить при обоих мужчинах охранительную роль, как ранее это делала Гала, Элюар и Кревель старались отвлечься, работая над новым журналом «Минотавр», строили планы. Если Элюар, имея рядом с собой Нуш, уверяет, что еще мечтает о Гала каждую ночь*, то днем он «без конца говорит о ней с Кревелем»**. Кре-Кре — так Поль называет его в своих письмах — был неизлечим. Каждая ремиссия была лишь обманом. Зимой 1935 года они встретятся в Клаваделе, там, где Поль и Гала познакомились. Состояние Кре-Кре продолжает ухудшаться, тогда как к Элюару вернулись силы и он, загореvший, счастливый и взволнованный визитом в прошлое, может вернуться в Париж. «Что не изменилось, так это дороги, пейзаж, снег, — пишет он Гала. — Мне кажется, что прошло очень мало времени, очень мало. Я действительно навсегда связан с тобой»***. Кре-Кре становится все хуже и хуже. Он знает, что обречен, что ему осталось недолго жить, и тщетно пытается найти забвение в занятиях литературой, в общении с друзьями, не думать о физичес-

* «Письма к Гала», стр. 192.

** «Письма к Гала», стр. 193.

*** «Письма к Гала», стр. 249.

ких страданиях от предстоящей операции и тяжелого лечения.

По возвращении из Давоса, после ссор по политическим разногласиям с коммунистической партией, в которую Кревель очень рано и по искреннему убеждению вступил, дух его падает, что пагубно сказывается на его здоровье, пропасть между ним и некоторыми его друзьями разрастается. Попытки Кривеля примирить ФКП, преданным сыном которой он является, с Элюаром, Бретоном, Дали, непоправимо от нее отдаляющимися, ни к чему не приведут. Оставляя ошеломленным друзьям сомнение по поводу мотивов (личных или политических — этот вопрос не решен и в наши дни), он покончит с собой в то время, когда в Париже, будет проходить Международный конгресс писателей в защиту культуры. Кревель несколько раз просил организаторов-коммунистов предоставить слово Бретону и Элюару, исключенным из программы. Впрочем, 14 июня Бретон дал пощечину раздражавшему его Илье Эренбургу, одному из известных участников Конгресса. Шеф отряда сюрреалистов осмелился дать пощечину коммунисту! Ну как не положить этим начало разрыву?! Кревель будет пытаться сделать невозможное, чтобы примирить два течения, к которым он чувствовал себя и сентиментально, и интеллектуально привязанным. Добившись смехотворно малого времени лишь для выступления Элюара — Бретон был категорически отвергнут — и понимая, что достичь того, о чем он мечтал (общности взглядов марксистов и сюрреалистов), невозможно, Кревель был вынужден признать свое поражение. Политические раздоры усилили его более интимные переживания, связанные, по словам друзей Криве-

ля, с его гомосексуальностью. Все это усугубило атмосферу страданий и истощения в результате болезни.

19 июня, повторяя несколько лет спустя самоубийство своего отца, повесившегося в 1914 году, Кре-Кре закрывается у себя в комнате. Он включает газ перед тем, как лечь в ванну с запиской, прикрепленной к отвороту пиджака: «Меня мутит, меня мутит». Ему не было и тридцати пяти лет.

Когда Гала и Дали узнали об этом, их первая инстинктивная реакция была очень эгоистичной: они оба испытали страх, боязнь микробов, боязнь заразиться. Дали все же пошел попрощаться с Кревелем, но Гала кричала, выйдя на лестницу: «Только не целуй его!» Она боялась, что Дали подцепит трупные бациллы. И только по возвращении Дали, по свидетельству друзей, она даст волю своим чувствам и у нее появятся «слезы на глазах»: «Когда Дали вернулся и рассказал нам все, у Гала — а она была сдержанной женщиной — на глазах появились слезы и у него тоже»*. Раньше никто и никогда не видел ее слез по какому-либо поводу.

Любопытно, что смерть Рене Кревеля произошла на заре грядущих катастроф, которым предстоит медленно погружать западный мир в хаос и сводить его с ума. В Германии начиная с «ночи длинных ножей» (30 июня 1934 года) Адольф Гитлер, произведенный в фюреры и назначенный рейхсканцлером, становится абсолютным правителем армии и страны. Он реорганизовывает вермахт и официально денонсирует военные соглашения Версальского договора. С 1935 года

* По свидетельству Мерила Сикриста в книге «Сальвадор Дали». Hachette, 1988, стр. 152.

нюрнбергские законы ужесточают расовую дискриминацию: один из них предусматривает лишение евреев немецкого гражданства. Диктатор Италии с 1925 года — Бенито Муссолини — завоевывает Эфиопию в октябре 1935 года, затем, раздраженный готовящимися по этому поводу Англией и Францией через Лигу Наций санкциями, сближается с Гитлером и вступает с ним в союз, направленный против старых демократических держав. Во Франции министр иностранных дел Пьер Лаваль пошел на политическую хитрость, чтобы изолировать Германию: он подписал со Сталиным соглашение о франко-советской взаимопомощи, главным результатом которого стало укрепление позиций ФКП, желающей подтвердить свои патриотические намерения и непреклонную добрую волю.

В 1936 году на выборах во Франции побеждает Народный фронт. Леон Блюм, глава социалистической партии, самой могущественной партии левых сил, формирует правительство из социалистов и радикалов — коммунисты оказывают поддержку без участия. С начала июня он начинает осуществлять обещанные социальные реформы: введение коллективных договоров, пересмотр заработной платы, выборы рабочих делегатов, оплачиваемые отпуска и сорокачасовая рабочая неделя. В кругу сюрреалистов с присущими ему внутренними распрями не все приходят в восторженное состояние. Те из них, кто поддерживает коммунистов и симпатизирует им, оставляют за собой право на критику. Из Блюма они не делают идола и предпочитают ему более громогласных и решительных людей. Элюар колеблется. Он отдаляется от Бретона, слишком пропа-

гандирующего свою любовь к троцкистским идеям. В отличие от своего старого друга, в канун своего сорокалетия он вновь начинает питать к сталинскому коммунизму что-то вроде былой симпатии. В этом возможно сыграла роль расцветающая и углубляющаяся с каждым днем, завязавшаяся накануне победы Народного фронта и продлившаяся до конца жизни дружба с Пабло Пикассо. В 1935 и 1936 годах Пикассо напишет карандашом и кистью несколько портретов Нуш. Он проиллюстрирует «Свежий воздух» и «Перила» — последние поэмы Элюара. Элюар посвящает своему новому брату стихотворение*:

Покажите мне этого вечного, такого нежного
человека,
Который говорил, что перстами можно землю
поднять...

В июле 1936 года друзья вместе с Нуш и Дорой Маар уезжают отдыхать. Супруги Дали — впрочем, абсолютно сознательно — уже несколько сезонов проводят в Италии: они будут гостить в 1934, 1935 и 1936 годах в Риме и во Флоренции у миллиардеров-сюрреалистов Эдварда Джеймса и Лорда Бернера. В период расцвета Леона Блюма и Народного фронта они предпочитают проводить время в проклинаемом левой интеллигенцией лагере фашизма и его новых цезарей. На скрежет зубов и откровенные обвинения «друзей» Дали отвечает, что к политике он безразличен и что ищет в Италии то, что отвлекает его от Франции, — Ренессанс. Чтобы окончательно оттолкнуть их от

* «Плодоносные глаза».

себя и подтвердить свой имидж бунтовщика, он заявляет направо и налево всем, кто хочет его слышать, что Дуче ждал его прибытия в Рим 3 октября 1935 года, чтобы захватить Абиссинию... Дали избегает возвращения в Испанию, забыть свою родину.

Его родина стала главной площадкой политических распрей, разрывающих Европу и развязывающих один конфликт за другим. Пикассо — за «красных». Дали отказывается поддерживать связи с фашистами, он никогда не поднял руки для приветствия какого бы то ни было лидера, обутого в черные сапоги. Он ярый монархист, католик до фанатизма, антикоммунистом был всегда, категорический антисталинист. Гала одобряет его выбор. Она, как и он, испытывает ужас к фашистам слева, а правые диктаторы ей кажутся менее страшными, чем анархистские движения, потрясающие Испанию.

С февраля 1936 года и с победой на выборах Народного фронта повсюду начались забастовки, покушения, самозахваты имений, антирелигиозные выступления. И в Мадриде, и в провинциях царили беспорядки и страх. 13 июля, после убийства одного из шефов оппозиции, Кальво Сотело, часть армии восстала против правительства. Генерал Франко возвращается из Марокко со своими мятежными войсками. Начинается гражданская война с ее ужасами — такая, как о ней рассказал Дали в своей предвосхищающей картине, — и превращает прекрасное испанское лето в сезон крови и смерти.

Тем летом (Гала узнала об этом не из карт) умирает ужасной смертью автор «*Romancero gitano*» и «*Mala Muerte*», — Федерико Гарсиа Лорка.

В то время, когда он гостил в Гранаде у больного отца, франкисты захватили город. Лорка, «самый аполитичный поэт на земле», по определению его друга Дали, был схвачен неизвестно за какую провинность, арестован, увезен неизвестно куда и расстрелян неизвестно кем, как и многие другие невинные люди, ставшие жертвой ненависти. «Смерть его стала символичной — искупительная жертва революционной смуты», — напишет Дали*. Лорке было тридцать семь лет. Его тело не опознают, закопают его в общей могиле. Смерть Лорки явилась для супругов Дали черным камнем, брошенным в сад, населенный зловещими тенями периода между двумя войнами. Она спровоцировала окончательный разрыв с Европой, которую они оба считают абсурдной, растерзанной противоречивыми идеалами, виновной в избытке трусости и неспособной обеспечить мир прославляющим ее поэтам. Кривель покончил с собой, Лорка убит — Гала и Дали, оба, приходят к единому решению: уехать. Когда Дали из газет узнал о смерти Лорки, он не заплакал — он только крикнул: «Оле!» — так испанская публика на аренах приветствует выход тореро**. Его отвращение к политике достигло наивысшей точки.

Вокруг Гала и Дали все товарищи-сюрреалисты (впрочем, больше морально, чем физически) поддерживают республиканские силы. Они все выступают против Франко, за левых. Только бывшие участники движения Бенжамен Пере и Ив Танги вступают в интернациональные бригады и начи-

* «Тайная жизнь Сальвадора Дали», стр. 282.

** Из рассказа Дали Алену Боске; приводится Боске в «Беседах с Сальвадором Дали». Belfond, 1966, стр. 50.

нают оказывать им существенную помощь. Поль Элюар, к тому времени уже сорокалетний, остается сторонним наблюдателем: «Я мечтаю, пишет он, поехать помогать испанцам. Когда начнут создавать иностранный легион в противовес существующему из бездельников и рабов?»* В действительности же он не примет участия ни в одном сражении. После опубликования «Плодоносных глаз», стихотворений о любви, он, тем не менее, издаст «Ноябрь 1936» — первую, по мнению его биографов, «настоящую политическую» поэму, крик протеста против ужасов гражданской войны:

Взгляните как работают строители развалин
Размеренные цепкие богатые тупые
Как злобно эти нелюди изводят все живое**.

В следующем году, в то время, когда Пикассо сразу же после бойни пишет «Гернику», картину бессильной ярости, а Элюар — поэму из четырнадцати куплетов, посвящая ее невинным жертвам этой деревни в краю басков, Дали и Галя отдыхают в Кортине, затем — в австрийских Альпах. Они вернулись из Соединенных Штатов и из ...надцатого путешествия по Италии.

Супруги полны решимости защитить себя от происходящих событий. Политику, на каких бы берегах она ни осуществляла свою власть, они проклинаят, если она не в состоянии обеспечить их безопасность. В Европе со всех сторон растет угроза того, что демократия ослабнет, сдаст свои по-

* «Письма Луи Паро», цитируется Жан-Шарлем Гато. Цит. соч., стр. 237.

** Полн. собр. соч., т. 1, стр. 802 (пер. М. Ваксмахера).

зиции, милитаристские силы поднимают голову. Сторонники мира любой ценой, супруги Дали все больше и больше убеждаются в том, что на старом континенте, где одна за другой угасают жизни, им делать нечего. В январе 1938 года на последней сюрреалистической выставке в Париже Дали выставляет свое «Дождливое такси» — картину особенно жуткую, написанную с черным юмором, на которой изображен шофер с акульей головой и пассажирка, покрытая бургундскими устрицами. Эта выставка повлечет за собой раскол сюрреалистов, явится предвестником конца счастливых времен. Не случайно Галя прочитала в картах о войне, предсказав начало военных действий.

Мюнхенские соглашения порождают безнадежные иллюзии. Напрасно спустя несколько месяцев после соглашения, по которому Австрия была присоединена к Германии в сентябре 1938 года, Эдуар Даладье и Артур Невилл Чемберлен будут пожимать руку Гитлеру. Хрупкие, обманчивые соглашения начнут нарушаться с 15 марта следующего года, когда Вермахт войдет в Прагу. Гитлер завоевывает Чехословакию, затем, отстаивая свое право на Данцигский коридор, принимается за Польшу, которую завоевывает в сентябре. Война подбегает к Франции и Англии: как и предсказывала Галя, в 1939 году колесо завертелось. История в который раз начинает вершить судьбы.

В августе месяце советско-германский пакт закрепили соглашение между Гитлером и Сталиным, что многих привело в смятение, явилось поводом для терзаний борцов-коммунистов: Гитлер, их новый союзник, до сих пор был для них врагом.

После объявления войны Поль Элюар (в со-

рок четыре года) становится лейтенантом Эженом Гренделем. Ветеран первой мировой был мобилизован на интендантскую службу и прикомандирован к сортировочной станции Миньер — Гондревиль в Луаре куда к нему приедет Нуш, как в предыдущей войне это делала Гала.

Сесиль двадцать один год, осенью 1938 года она в присутствии родителей вышла замуж за поэта по имени Люк Декон. Его вскоре призовут в стрелковый полк, потом он попадет в плен.

Сорокавосемилетний Макс Эрнст живет на юге со своей любовницей Леонорой Карингтон, очаровательной англичанкой, талантливой художницей-сюрреалисткой, которая моложе его более чем на двадцать лет. Она была ученицей художника Амеде Озанфана, друга Элюара. Они поселились недалеко от Авиньона, в Сен-Мартен-д'Ардеш, в доме, ставшем для них тихой гаванью, которую Макс украсил своими фресками. Он пишет феерические картины, свидетельствующие о его счастье: «Сон девушки на озере» и «Леонора в утреннем свете». На следующий день после объявления войны Эрнста арестуют жандармы за то, что он по происхождению немец. Он проведет много месяцев в лагере для пленных и выйдет только к Рождеству, после вмешательства Поля Элюара, обратившегося с ходатайством о нем прямо к президенту республики Альберу Лебрену.

Гала исполнилось сорок шесть лет, Дали — тридцать пять. Когда Франция объявила войну Германии, они сразу же покинули Париж и уехали на юг, потому что на карте у юга преимущество, благодаря удаленности от пограничного Рейна. Они снимают домик со всеми удобствами в Аркашоне, на вилле Фрамберж, и наслаждаются благоприят-

ным климатом, хорошими винами и ресторанами. Их соседкой была Леонор Фини. Они проведут конец 1939 года и всю зиму 1940 в районе Бордо. Дали много работает. Издалека за ним и за «своей» Гала по-прежнему внимательно наблюдает Элюар. 27 сентября он напишет бывшей жене из Миньера одно из своих лучших писем: «Будьте мудры и сильны. Если бы тебя не было у меня, я не стал бы тем, кем стал. Есть ли у меня еще надежда? В моей жизни было столько утрат, но первой стала ты. Не покидай меня больше. Твое счастье, твоя вера в жизнь мне необходимы. Нас разлучают не войны, но затаившееся в нас горе, его и надо убить. Мы любим друг друга для того, чтобы жить*».

В мае 1940 года, после молниеносного вторжения в Бельгию и Нидерланды, немцы переходят Маас. Они берут Арас, Абвиль и Кале за несколько недель. Напрасно французские войска пытались удержать линию фронта на реке Сомме, этого им не удалось сделать. 14 июня немецкие войска входят в Париж, объявленный открытым городом. Маршал Петен просит перемирия и подписывает его 25 июня. Элюар, демобилизовавшийся у реки Тарн, куда он отступил вместе со своими товарищами, возвращается в Париж после короткого пребывания в Каркасоне у своего друга Жоз Буске. Он останется во Франции, чтобы присматривать за Сесиль, а также за своей матерью. Так как здание «Монлиньон» реквизировано немцами, шестидесятипятилетняя мадам Грендель переезжает на свою прежнюю квартиру на улице Ордене. Поль и Нуш снимают себе жилье недалеко от нее, в доме №35 по улице Шапель.

* «Письма к Гала», стр. 300.

Леонор Фини была свидетельницей панического настроения у Гала и Дали в то время, когда немецкие войска вступили в Париж. Она видела, как они паковали вещи, сворачивали драгоценные полотна и бежали с багажом к границе. Сальвадор и Гала расстанутся на несколько дней: Дали хочет повидаться с отцом и возвращается в Каталонию, а Гала едет в Лиссабон, чтобы подготовить их отправление в Америку, на континент, где исполняются любые мечты. В порту португальской столицы, в этом перевалочном пункте, она попадет в толпу французских беженцев, стремящихся попасть на отправляющийся из Европы корабль. Город был похож на «дом для умалишенных, заполненный беженцами со всей Европы», как пишет Ман Рей, который тоже бежал из Парижа, покинув свою мастерскую на Монпарнасе. Он взял с собой лишь несколько акварелей и свои фотоаппараты.

В мае 1940 года Макс Эрнст был еще раз арестован жандармами и переправлен в лагерь для военнопленных. Он бежал из лагеря, был схвачен, снова освобожден, затем присоединился в Марселе к Андре Бретону и другим художникам, двое из которых — Бенжамен Пере и Андре Массон — тоже ожидали корабля для отплытия. Леонора Карингтон сошла с ума: она была интернирована. Макс ее так и не увидел снова. В отеле «Бель-Эр» некоторые из художников-беженцев почти год должны будут дожидаться возможности сесть на корабль.

Перед отъездом Дали попрощался с отцом и сестрой, он с ними помирился. Сальвадор увидел свою деревню и дом своего детства, увидел также Порт-Льигат, где он оставил дощатую хижину, от-

крытую со всех сторон ветрам (она была разграблена и частично разрушена, охраняла ее Лидия, двое сумасшедших сыновей которой умерли в изгнании).

К старому обескровленному континенту супруги Дали поворачиваются спиной без сожаления. Сев на «Exsambion», пакетбот «American Export Line», они вместе со своим другом Маном Реем, а также с Рене Клером и его женой в августе 1940 года причалют, шестнадцать дней спустя, в Нью-Йорском порту, живыми и здоровыми после беспроblemного путешествия, если не считать того, что в суматохе перед отправлением они не смогли получить спальных мест и вынуждены были довольствоваться матрацами, положенными прямо на полу в библиотеке. В последнем письме, датированном 7 октября, перед долгим молчанием, о котором еще никто не знает, что оно продлится пять лет, Элюар дает им свое благословение: *«Вы должны быть счастливыми. Когда-нибудь мы увидимся»**.

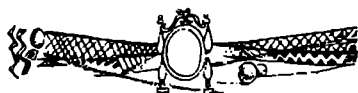
Как всегда, Гала оказалась сильнее. После того как корабль отдал якорь, в течение всего путешествия она держала в своей руке руку Дали. Если бы не она, он бы не уехал. С ней у него хватало сил верить в будущее: «Шкура новая и земля новая!»** — закричал он, высаживаясь на пристани в нью-йорском порту. В то время как Ман Рей разочарован, крайне расстроен тем, что вынужден вернуться в страну, в которой не был двадцать лет и от которой не ждет ничего хорошего, в то время как Рене Клер и его жену посещают

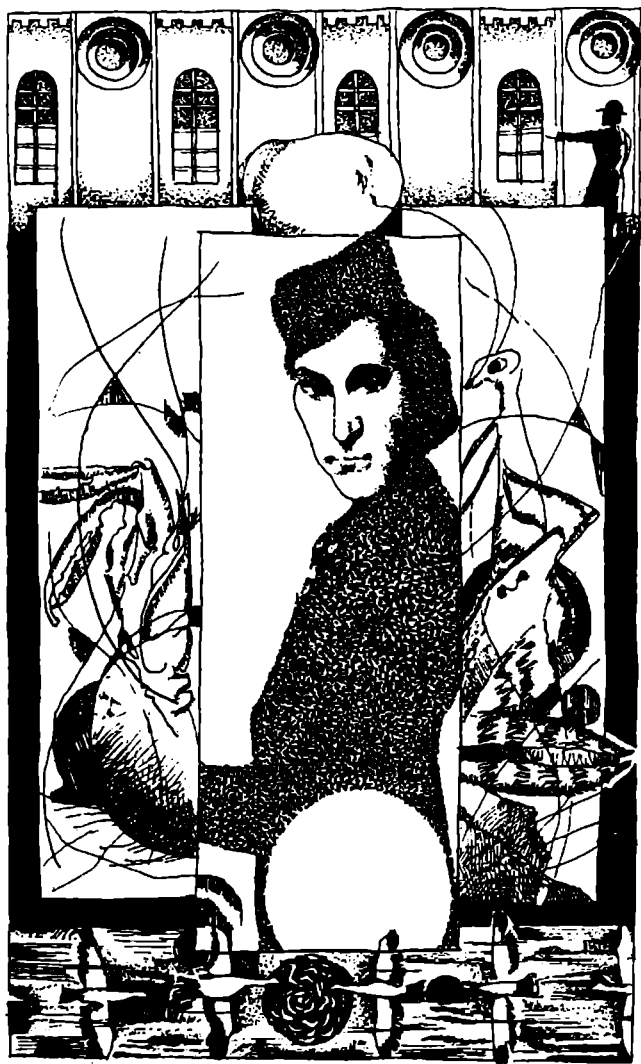
* «Письма к Гала», стр. 305.

** «Тайная жизнь Сальвадора Дали», стр. 303.

тревожные чувства, связанные с изгнанием, Гала в очередной раз доказывает, что переезды ей ни-почем, и выглядит оптимистически настроенной. Гала умеет передать веру в победу над неизвестностью — в форме флюида — своему «маленькому Дали». Они оба приехали в Америку с одним кредо на двоих: жить!

«Я убил свое прошлое, — напишет Дали, — как змея избавляется от своей старой кожи». У Гала это уже не первый опыт. Она уже несколько раз «убивала» свое прошлое. Как кошка, способная к возрождению, она уже прожила несколько жизней. Каждый новый отъезд — это начало новой жизни.

Богиня, мадонна,
Валькирия

ГАЛА – ТИРАН ПОМЕСТЬЯ

Первые шесть месяцев своей жизни в Америке супруги Дали живут не в Нью-Йорке, а в деревне. Их подруга Кэрес Кросби, владелица имения в Вирджинии, недалеко от Фредериксбурга, пригласила Гала и Сальвадора к себе. Гостеприимство Кэрес очень кстати: оно поможет им освоиться на новом континенте. В своей тихой гавани Кэрес дала им кров и пищу, и начало иммиграции происходило для них в самых лучших условиях. Они были избавлены от забот о жилище, о хлебе насущном и могли в полном спокойствии подумать о том, как строить свою жизнь дальше. В местечке под названием Боулинг-стрит, в коконе большого хозяйского дома, названного «Хэмптон Манор», где великодушная Кэрес, не выносившая одиночества, принимала бесчисленное количество друзей, Гала и Сальвадор чувствуют себя комфортно: они вошли в дом на цыпочках, но очень скоро привыкли, обрели уверенность. Прошли летние месяцы, наступила осень, и у новых постояльцев появилось ощущение, что они хозяева. Благодаря снисходительности Кэрес им удалось за несколько месяцев навязать свой ритм всем домочадцам.

Наблюдение за этой странной парой, в поведении которой робость сочеталась с высокомерием и невероятной способностью сосредоточивать всеобщее внимание на собственных персонах, очень позабавило американскую писательницу Анаис Нэн, которая случайно гостила в это время в «Хэмптон Манор». Она описывает их в своем «Дневнике». В 1939 году, в тридцать шесть лет, Анаис Нэн опубликовала, если не считать предисловия к «Тропику Рака» Генри Миллера, лишь одну единственную поэму и один роман. Но она в течение долгих лет вела секретный дневник, в который записывала с большим юмором, с большим умом свои необыкновенно проницательные наблюдения за тем, что происходило, и то, что она чувствовала. В 1939 году в имение Кэрес Кросби Анаис сфотографировала прибытие месье и мадам Дали. Вот что она запишет в своей тетради после знакомства с ними за завтраком: «Оба они, невысокого роста, сели рядышком. В обоих не было ничего примечательного. На ней была одежда сдержанных тонов, немного устаревшая, а он словно изображенный рукой ребенка испанец на рисунке углем... особенно невероятна длина его усов. Они поворачивались друг к другу, словно искали друг у друга защиты, и не выглядели ни открытыми, ни самоуверенными, чувствуя себя не очень уютно»*.

Хрупкий вид Дали, его детское поведение, робость и неуверенность поражают писательницу. Она сразу же заметила, что лидер в паре — Гала. Сальвадор поминутно советуется со своей супругой взглядом, она же всегда готова ему угодить и

* Анаис Нэн «Дневник. 1939-1944 годы». Stock, 1971, стр. 60.

поддержать в нужный момент. В «Хэмптон Манор» никто из гостей, и менее всех хозяйка, не мог предусмотреть то, что Анаис Нэн называет «организаторской способностью» Гала. Дело в том, что она постоянно всем напоминала, что центром мира, будь он большим или маленьким, является персона Сальвадора Дали. В своем «Дневнике» Анаис Нэн никогда не называла Гала по имени, но всегда — чтобы подчеркнуть ее роль в семье — «мадам Дали».

«Прежде чем мы успели отдать себе в этом отчет, — пишет она, — весь дом стал функционировать для достижения благополучия Дали. Доступ в библиотеку нам был запрещен, потому что Дали собирался там работать. Не мог бы кто-нибудь из гостей заскочить в Ричмонд, чтобы купить там разные игрушки, которые он должен рисовать? Не буду ли я так любезна и не переведу ли я ему статью? Не могла бы Кэрес пригласить журнал "Лайф" нанести визит Дали?.. На каждого из нас было возложено исполнение какой-нибудь задачи. Мадам Дали никогда не повышала голоса, не соблазняла и не очаровывала. Она преспокойно считала, что мы там находились для того, чтобы служить Дали, великому, неоспоримому гению»*.

Портрет Гала, объективно описанный Анаис Нэн, представляет женщину бесцеремонную, не деликатную и крайне эгоистичную — до такой степени, что ее эгоизм служит больше ее мужу, чем ей самой, и направлен не на нее саму, а на другого, на мужа, на ее двойника, ее второе «я». Энергия «мадам Дали» целиком направлена на то, чтобы нежить, всем обеспечивать, защищать, служить

* Анаис Нэн «Дневник. 1939-1944 годы». Stock, 1971, стр. 60.

«месяе Дали». Гала желает и умеет создать вокруг своего мужчины — единственного существующего для нее мужчины — климат, способствующий его концентрации как художника. Она расчищает пространство, устраняя неудобных людей, и налаживает ритм будней, неизменный с тех пор, как они вместе, — тот ритм, который подходит Дали и необходим ему для спокойной работы.

Художник любит рано вставать (около половины седьмого утра). С восьми часов до завтрака он занят карандашами и красками. Завтракает он в столовой вместе с другими гостями имения. Для кофе — его подают в саду — у Дали свой собственный ритуал: он садится на крыльцо, категорически отказываясь устроиться на лужайке, потому что там он боится наткнуться на то, что его больше всего пугает, — на кузнечиков. Гала добилаься, чтобы на лужайке были удовлетворены две другие его прихоти: отныне установленный там рояль соседствует с привязанной к колышку коровой! В «Хэмптон Манор» исполнение капризов художника — святое дело. Гала только создает условия для их реализации... После кофе супруги Дали возвращаются к себе в комнату для сиесты — еще один ритуал, который они исполняют, где бы ни находились. Сиеста длится где-то около часа. Затем Дали вновь принимается за работу и трудится до вечера в библиотеке, которую Кэрес предоставила ему в эксклюзивное пользование. Гала тем временем гуляет по деревне, читает романы или занимается гардеробом. Обедают они в одиночестве в своей комнате.

В Америке супруги испытывают осложнения из-за того, что не говорят по-английски. У Гала способности к языкам, она быстро осваивается и

принимает участие в диалогах без видимых трудностей. Ее английский оставляет желать лучшего, но она умеет изъясняться, и хотя у нее остается заметный акцент (русский акцент), очень скоро это перестает мешать ей общаться с американцами. Дали же, в отличие от нее, противится английскому, а может, делает вид, что категорически не принимает его. Даже после многих месяцев, проведенных в языковой среде, положение не изменится, и по истечении многих лет он ничего не понимает или притворяется, что ничего не понимает. По правде говоря, никто не знает, как к Дали подступиться, и это не зависит от того, понимает он английский или нет. Когда кто-нибудь обращается к художнику, он ждет, чтобы Гала или кто-нибудь из гостей заговорил по-французски. Анаис или Кэрес переводят ему. Если Дали удостоивает кого-либо ответом, то ответ его звучит с умопомрачительным акцентом, лексику он использует варварскую. Художник не ограничивается раскатистым произношением «г» и несоблюдением тонального ударения. Он приукрашивает слова, и они перестают быть английскими, французскими или даже каталонскими, утрачивают всякую схожесть с языками, к которым принадлежат, становясь «далийскими». Например «батерфляй» (бабочка). Это слово Дали очень любит. Он им наслаждается. «БА-АТЕР-Р-Р-Р-Ф-Л-А-А-А-Й-Й», — говорит он. Гала, Кэрес или Анаис должны, конечно, перевести слово «бабочка» американцам, которые ничего не поняли из-за произношения.

Роль переводчика, эта новая роль в Америке, еще больше оправдывает присутствие Гала, ее необходимость. Что же касается Дали с его безумным акцентом, то он здесь как особое существо,

свалившееся с другой планеты, выведенное из состояния равновесия собственной гениальностью. Дали нуждается в своей жене для того, чтобы ориентироваться, адаптироваться, чтобы жить. Акцент отличает его от других. Многочисленные прихоти или навязчивые идеи свидетельствуют об этом. Непомерно длинные усы, которые он напomaживает каждое утро, чтобы придать им «оптимистический вид», завершают картину: именно в Вирджинии создается и структурируется далийский фольклор. К концу сороковых годов Дали становится с одобрения Гала и с ее помощью персонажем собственной будущей легенды, карикатурой на себя самого. В конце концов оказалось, что нерешительный молодой человек вынашивает собственный гений. Именно в «Хэмптон Манор», в коконе, где куколка наконец превратится в бабочку для того, чтобы легче перенести изгнание и привлечь к себе внимание американских журналистов, падких на сенсацию, Дали окончательно завершил создание своего имиджа и стиля.

Анаис Нэн хорошо относится к Дали. «Он наполнен выдумками и разнузданными фантазиями, — пишет она в своем "Дневнике". — Робость его исчезала, когда появлялась я. Он показывал мне свою работу». Под оболочкой «маленького Дали», по признанию всех, кто его хорошо знал, скрывается чувствительная личность, человек скромный, пугливый, нежный и очень милый. Но на публике теперь он будет появляться лишь в образе «экстравагантного Дали», с его усами и высокомерным поведением, экстравертированный, в маске безумца, которую придумал для собственной рекламы. Настоящий Дали не безумец и не высокомерен, а очень умен. Просто он понял рань-

ше, чем все другие, что завоевание успеха проходит через фиглярство и что для того, чтобы тебя заметили, нужно эпатировать, играть.

В «Хэмптон Манор» Дали успевает создать с десяток картин и находит время для написания автобиографии — довольно редкий случай для человека, не достигшего сорокалетнего возраста. «Обычно, — пишет он, — писатели составляют свои мемуары, уже достаточно пожив, к концу существования. В противоположность всем, мне показалось, что умнее будет сначала написать мемуары, а затем их прожить. Жить! Нужно уметь израсходовать половину своей жизни для того, чтобы продолжить другую, обогатившись опытом»*. Когда Дали работает, в то время, как он часами сидит за столом и лихорадочно пишет крупным почерком синими чернилами рассказ о своем детстве, юности, встрече с Гала, она спокойно сидит слева от него и гадает на картах. Время от времени Сальвадор с присущей ему любовью к порядку, с годами превратившейся в манию, собирает разрозненные листки, сортирует их, потом несет к Кэрес, чтобы та, сидя неизвестно почему на полу (об этой ее привычке свидетельствует Анаис Нэн), смогла напечатать их на машинке для **маленького Дали...**

Дали пишет на французском — на **своем французском**, скрещенном с каталонским, — и не слишком церемонится с пунктуацией, синтаксисом, орфографией. Он пишет импульсивно, когда к нему приходят слова, образы, подобные его очень индивидуальному произношению, типа

* «Тайная жизнь Сальвадора Дали», стр. 303.

«bo-uter-r-re-f-l-a-a-a-a-i-i-i-i...» Одному американскому переводчику потребуется месяц для расшифровки этого необычайного текста и для перевода его на правильный английский язык. «Тайная жизнь Сальвадора Дали» появится на английском языке осенью 1942 года в переводе Наакон М. Шевалье, профессора романских языков одного калифорнийского университета. Десять лет спустя книга будет вновь переведена на французский, то есть переложена на язык оригинала, для издательства «Table Ronde» одним молодым писателем, питающим восхищение к художнику, но вовсе не желающим быть одураченным фиглярствами Дали, — Мишелем Деоном. «Дали был настоящим писателем, — свидетельствует он, — с удивительной лексикой, великолепными образами, со сдержанным, чисто испанским юмором»*. Оставаясь верным своему бредовому стилю, Дали оставляет за собой без всякого самолюбования «необыкновенно богатое воображение, интуитивный ум, чудачества человека, который без конца пытается выдавать себя за сумасшедшего, рискуя в самом деле таковым стать, хотя является одним из самых здравомыслящих художников своего поколения»**.

«Тайная жизнь Сальвадора Дали», появившаяся после десяти лет совместной жизни, — это песнь любви в честь Гала, в честь той, кому и была посвящена книга: «Гала — Градиве, идущей впереди». Это Гала ведет Дали к его будущему и заставляет преодолевать, превосходить самого себя. Дали превозносит ее, повторяет на каждой странице, что Гала составляет суть его самого, суть

* «Багаж на Ванкувер». Folio, стр. 64.

** «Багаж на Ванкувер». Folio, стр. 64.

его жизни. До самой последней строчки Гала — великая тайна книги и навязчивая идея автора. «Небо! Вот чего искала на протяжении всей жизни моя душа, влюбленная в абсолют жизни, которая некоторым могла показаться нерациональной, точнее сказать — припахивающей дьявольским дыханием. Небо! — пишет он в эпилоге. — Но что такое небо? Гала — это уже реальность!»

Когда художник поставил последнюю точку в своей автобиографии (30 июля 1941 года), он уже был готов к покорению Нового Света. Дали уже избавился — хотя бы частично — от своих прежних демонов, на нем уже появился, благодаря воодушевлению со стороны Гала, налет чудовищной амбициозности, и он опирается на Гала, чтобы смело смотреть в лицо своему американскому будущему. Без нее он, весь пропитанный воспоминаниями о прошлом, особенно о своем раннем детстве, не испытывал бы других чувств, кроме ностальгии. Но Гала, не сгибаемая никакими потрясениями, надежная, обладающая ценным качеством никогда, совсем никогда, не оглядываться назад. Гала, никогда не впадающая во власть эмоций и прежних связей, заботится о них обоих и делает все возможное, чтобы пробиться. Она — идущая вперед, та, без кого он сам не смог бы двигаться.

Однажды ночью в «Хэмптон Манор» муж Кэрес Кросби — Зилберт Янг, красивый молодой человек, за которого она вышла замуж в 1937 году и с которым собиралась разводиться, — напился, оседлал лошадь и скакал вокруг дома, стреляя в воздух, как ковбой. В полном отчаянии он вошел в дом, зажег свет, открыл все двери и заорал, что все должны уехать, что он никого больше не хо-

чет видеть у себя, никого больше под крышей Кэрес... Никто из приглашенных не отреагировал и не подчинился. И только когда он начал кричать, что уничтожит все картины Дали, находившиеся в мастерской, он добился своего. Гала и Сальвадор вскочили с кровати и в пижамах спустились вниз, чтобы уберечь бесценные полотна. Едва одевшись, они отправились в путь. Гала сидела за рулем, картины Дали лежали на заднем сиденье — так они покидали «Хэмптон Манор».

Мораль их ясна: все, что угрожает их спокойствию, является враждебным; всего, что препятствует их благополучию, безопасности, эгоизму, следует избегать. Они вместе эмигрировали, они солидарны друг с другом и не согласны ни на малейшее самопожертвование, ни на какие уступки. Америка должна привыкнуть к ним, а то Гала ей покажет!

AVIDA DOLLARS!

В Нью-Йорке так много эмигрантов из Франции, принадлежащих к артистическому миру, что город под сенью статуи Свободы напоминает левобережный Париж. Целая колония художников, писателей, уехавших с родины скульпторов обосновалась за Атлантикой, куда эти люди перевезли свой фольклор, свои привычки.

Среди эмигрантов — Танги, Леже, Шагал, Ман Рей и... Амеде Озанфан, давний друг, который записал в своем дневнике в один из первых дней пребывания в Америке, что в Нью-Йорке за несколько дней образовались компании и интриги на парижский манер*.

Супруги Дали живут обособленно. Решив, с обоюдного согласия, перечеркнуть прошлое для того, чтобы быстрее завоевать Новый Свет, они предпочитают посещать самое шикарное американское общество, куда вошли благодаря своим связям. Там они скорее могут найти будущих клиентов, нежели в кружке ностальгически настроенных людей из предвоенной Европы с их надоевшей моралью, обветшалыми ценностями, устаревшими понятиями о иерархическом устройстве.

По сравнению с другими эмигрировавшими представителями интеллигенции Гала и Дали выглядят как маргиналы: слишком быстро пойдут вперед, слишком быстро ассимилируются, слишком быстро добьются процветания. Среди старых знакомых, попавших в ту же среду и при тех же обстоятельствах, самым ностальгическим (тем, на ком больше, чем на других, отразились тяготы изгнания), абсолютно неспособным к адаптации, живым контрастом завоевательному динамизму Гала и Дали стал Андре Бретон.

Ему удалось покинуть Марсель в марте 1941 года, после более чем шестимесячного ожидания, и благодаря Американскому центру помощи (Emergency Rescue Committee) скрыться от вишистской полиции, принимавшей его за опасного возмути-

* «Мемуары». Seghers, 1963.

теля спокойствия. Бретон сел с женой и дочерью на борт старой ореховой скорлупы — парохода «Капитан Поль Лемерль» — и почти все время путешествия провел в трюме, в компании Виктора Сержа, революционера, бывшего узника сталинских лагерей, и его семьи, а также художника полукитайского-полукубинского происхождения Вильфредо де Ламы, возвращающегося на родной остров, и, наконец, этнолога Клода Леви-Страуса, часто путешествующего по этому маршруту из-за командировок в Бразилию и по этой причине являющегося привилегированным гостем капитана, единственным, кому была предоставлена каюта. После остановки на Мартинике, где их покинули Серж и Леви-Страус, но где к ним присоединился художник Андре Массон, пассажиры должны были пересесть на корабль, чтобы поплыть в Нью-Йорк через Санто-Доминго. Бретон живет в Гринвич Виллидж, в квартале художников и джазовых музыкантов, с Жаклин и дочерью Об. Он живет бедно, в маленькой квартире на Бликер-стрит. Приехав в Америку без гроша в кармане — путешествие его семьи оплатила американская подруга Макса Эрнста Пегги Гутенхайм, — он не мечтает о том, чтобы разбогатеть. Благородная меценатка Пегги Гутенхайм выплачивает ему по двести долларов в месяц весь первый год, чтобы он смог выстоять.

У Бретона в Америке есть только одно общее с Сальвадором Дали: он не воспринимает английский язык и упрямо отказывается его изучать. Его жене, человеку более гибкому, более экспансивному, пришлось стать его переводчиком. Но, в отличие от Дали, решившего начать новое существование и рассматривающего новый континент как королевство, в котором ему отведена роль при-

нца, Андре Бретон остается весь во власти сожалений и печалей. Он одержим двумя идеями: спасти сюрреализм в эмиграции и воссоздать вокруг себя атмосферу своей прежней жизни. Бретон настолько плохо переносит вынужденную разлуку с родиной, что пишет одной своей подруге: «Америка представляется мне только в негативном свете. Я не люблю изгнание и не доверяю изгнанникам»*. Он не хочет адаптироваться. «Америка не для него», — заключает Денис де Рупемон, который был хорошо знаком с Бретоном там и имел возможность наблюдать за ним. Чтобы утешиться, выжить морально, он пытается воссоздать в Гринвич Виллидж интеллектуальную атмосферу, что необходимо ему, как воздух. Он собирает у себя, насколько ему это удастся, старых друзей с площади Бланш — тех, по крайней мере, кто сбежал из Европы, — и вновь устраивает в Нью-Йорке, как будто ничего не изменилось, как если бы он все еще жил в Париже, прежние коллективные игры, прежние занятия искусством. У себя на Бликер-стрит Бретон продолжает играть — на французском — в *jeu de la verite* (в правду), как в старые добрые довоенные времена, и тот, кого поймают на лжи, получает фант (поцелуй) и должен выдержать это испытание с завязанными глазами.

В марте 1942 года Андре Бретон находит работу диктора в Office of War Information** — организации, распространяющей на французском языке информационные бюллетени, ретранслируемые по Би-би-си из Лондона во Францию («"Голос Америки" говорит с французами»). Находясь под пок-

* Приводится Андре Бретоном в его биографии.

** Ведомство военной информации.

ровительством Пьера Лазареффа, бывшего главного редактора «Пари-Суар», он читает текст в микрофон, у которого его сменяют Амеде Озанфан и Саша Питоефф. В свободное время Бретон пишет предисловия или статьи, стихи тоже, не переставая думать о безграничных перспективах сюрреализма, о надежде на маловероятный *come back**. Рядом с ним нет, как у Дали, такой женщины, как Гала, которая могла бы ему приказать не оглядываться назад.

После неожиданной атаки на Перл-Харбор японских войск (7 декабря 1941 года) Соединенные Штаты вступают в войну, что приведет к еще большей изоляции беженцев из Европы и отдалит мечту о возвращении в ближайшем будущем на родину. Немцы занимают Францию, оттуда перестают поступать новости за океан, кроме редких свидетельств последних беженцев, среди которых Марсель Дюшан, еще сумевший эмигрировать в июне 1942 года.

Бретон и Дали в Нью-Йорке далеки от того, чтобы возобновить отношения: напротив, изгнание окончательно похоронило их дружбу. Отныне они уже принадлежат разным мирам. Бретон не может простить Дали его фашиствующим разглагольствований. Все еще чувствуя себя левым — по собственному признанию, он плакал, когда узнал об убийстве Троцкого, — Бретон упрекает Дали не только в том, что тот питает слабость к диктаторам правого толка, но и в том, что он ориентируется на коммерческий успех. Сам же Бретон презирает деньги и считает, что искусство, дающее доход, не

* *Come back* (англ., спорт.) — обрести прежнюю форму (прим. пер.).

является подлинным. Его требовательная, суровая этика, все еще пропитанная в определенной степени диалектическим материализмом, не выносит позиции Дали, который похвастается тем, что ведет себя как «великая куртизанка»*. Дали — он этого и не скрывает — хочет «делать деньги»: «Как только я вышел на берег в Нью-Йорке, я сразу же дал понять, что готов принять любой хорошо оплачиваемый заказ»**. Пугливая пуританская мораль Бретона его раздражает. Сам же Дали не стыдится того, что желает разбогатеть, и вовсе не хочет оставаться отверженным художником, принадлежать к клану тех, кого в насмешку называет «культивирующими отверженностью». Он вскоре осуществит свое желание и будет спать с Гала на кровати, усыпанной долларами, — к великому огорчению Бретона, к великому огорчению сюрреалистов, которые этого ему не простят... В Нью-Йорке супруги Дали отрезают пуповину, соединявшую их с первичной ячейкой, с артистической группой, неутомимым шефом которой все еще считается Андре Бретон. Изгнание завершает разрыв, наметившийся в Европе. То же самое у него произойдет и с Максом Эрнстом.

Макс Эрнст прилетел в Нью-Йорк самолетом из Лиссабона 14 июля 1941 года, чуть позже Андре Бретона и после столь же долгого ожидания в Марселе. Ему было нелегко объяснить американским властям свое желание эмигрировать: немец (ко всему прочему, даже не еврей), не имеющий видимых мотивов, он был заподозрен в шпионаже и провел несколько дней в тюрьме после прибы-

* Луис Пауэлс «Дали мне рассказал». Carrère, 1988, стр. 89.

** Луис Пауэлс «Дали мне рассказал». Carrère, 1988, стр. 89.

тия в аэропорт. Без помощи Пегги Гутенхайм, влюбившейся в него в Марселе и сопровождавшей его в путешествии, он не скоро бы выпутался. Но энергичная Пегги подключила самых влиятельных людей, и Макс был освобожден. Теперь она занималась продажей его картин. Они живут вместе у Пегги, в величественном особняке на Бикмэн-стрит, на богатой и спокойной улице, идущей вдоль Ист-Ривер. В особняке у Макса есть мастерская с выходом на реку. В декабре 1941 года, несмотря на то, что он все еще испытывает привязанность к Леоноре Каррингтон (выйдя из дома для умалишенных, она тоже не замедлила явиться в Нью-Йорк), Макс Эрнст женится на Пегги Гутенхайм.

В противоположность Бретону, живущему воспоминаниями, в противоположность Дали, устремившемуся к победе, Макс Эрнст, имеющий уже опыт жизни в изгнании, остается верен самому себе. В Америке жизнь его складывается удачно, и только картины, населенные фантазмами, говорят о его мучениях. Ему нравится Америка; кажется, что художник уже давно познакомился с нею в своих снах, потому что он пишет за «Европой после дождя» и «Антипапой» картины, представляющие в свойственной ему галлюцинирующей манере пейзажи мест, в которых он никогда не был и, следовательно, мог узнать их лишь в «другой» жизни (например, болота Луизианы или пустыня Аризоны). Пегги утверждает, что у Макса дар особого видения и что он пишет по «предчувствиям»*. В самом деле, ничто не удивляет Макса Эрнста в многочисленных поездках с востока на запад, в ходе которых его новая — третья — жена знакомит его с американской территорией. Огромная протяженность, дикие места, контрасты све-

та — все это он уже видел раньше и совершенно очевидно, что все это ему уже близко. В Соединенных Штатах Макс Эрнст — один из тех художников, кто очень быстро перестает думать о возвращении.

Будучи очень близкой к Бретону, являвшемуся советником, другом, доверенным лицом и братом по сюрреализму, супружеская пара, которую составляют мастер коллажей и Пегги Гутенхайм, находится в сердце авангардистского движения, но авангард этот исключает супругов Дали.

Увлекающаяся искусством, особенно современным, Пегги является племянницей Саломона Гутенхайма, владельца известного фонда. Когда ее спрашивают об этой родственной связи, Пегги отвечает, что она Гутенхайм-младшая. Молодость — вот ее штандарт. Тонкая, как лиана, и энергичная, как хищник, когда речь идет о защите любимых людей, Пегги — богатейшая наследница одного из самых крупных еврейских состояний страны — предпочитает художников представителям делового мира. Это по совету Марселя Дюшана, одного из лучших друзей, она многие годы собирала свою великолепную коллекцию современных картин. Пегги долго жила в Европе, где находилась, когда началась война, но ей удалось перевезти в Америку все собранные там сокровища: бесчисленное количество картин и скульптур, тщательно отобранных, написанных величайшими художниками современности начиная с Хуана Гриса и заканчивая

* Пегги Гутенхайм «Моя жизнь, мои безумства». Plon, 1987, стр. 213. «У него была особенная способность представлять будущее. Его живопись была полностью бессознательной и происходила из глубин его существа. Ничто из того, что он делал, не удивляло меня», — пишет автор.

Жаном Арпом, включая Миро, Кирико, Леже и Бранкузи. Она охотно рассказывает, как до войны в Париже покупала по картине в день! Открыв для себя Эрнста, она сначала влюбилась в его живопись и сразу приобрела с десяток картин! Среди ее сокровищ есть одна великолепная картина Леоноры Каррингтон, ее соперницы в любви, — «Лошадки лорда Кэндлстик».

Страсть Пегги к искусству, толкающая ее на безумства, так же огромна, как и ее состояние. Когда Пегги увлекается каким-нибудь художником, она способна свернуть горы, чтобы раздобыть то или иное его произведение. У нее всего две картины Дали. Одна из картин относится к наименее экстраординарным, и Пегги с гордостью говорит, что «она мало похожа на работу Дали»*. Другая картина, «Рождение текущего желания», напротив, узнаваема с первого взгляда и, по ее словам, «ужасно далийская»... Она приобрела ее не молниеносно влюбившись, что на нее не похоже, а желая, чтобы ее коллекция носила «исторический характер и была бы без предрассудков». Но Пегги не любит каталонца. Вкусы ее не изменятся, и художники, направляющие ее и оказывающие на нее влияние — начиная с Эрнста, который ненавидит Дали, — не будут ей в этом противоречить: ни Эрнст, ни Дюшан, ни Бретон, ни те, кто, как Мондриан, позже войдут в кружок Гутенхайм, не считают Дали настолько «модерновым», чтобы включить в каталог коллекции Пегги.

Пегги Гутенхайм мечтала о создании «музея нынешнего века», в котором самым неожиданным, самым необычным образом были бы пред-

* «Моя жизнь и мои безумства», стр. 174.

ставлены произведения современных художников. Так как она была упряма и отважна, то ей удалось организовать в своей галерее на последнем этаже Пятдесят седьмой западной улицы первую выставку — «Искусство нынешнего века». На выставке 20 октября 1942 года перед изумленными посетителями предстали освобожденные от рам, прикрепленные к веревкам, свисающим с потолка, как лианы (по замыслу Дюшана), решительно модернистские произведения: четырнадцать картин и коллажей Макса Эрнста (кумира выставки), одна работа Кандинского, несколько работ Клее и Пикабиа, одна — Хуана Гриса, одна — Леже, одна — Глеза, одна Делоне, одна — Шагала, картины Миро, Танги, Кирико, Магритта, две работы Дали, а также скульптуры Липшица, Лорана, Джакометти, Певзнера, Мура, Бранкузи, Жана Арпа (среди них бронза, с которой Пегги начала собирать свою коллекцию). Андре Бретон написал предисловие к каталогу — «Генезис и художественные перспективы сюрреализма». В нем была описана краткая история движения и выдавались почести большинству присутствующих художников, но только не Дали.

Трио Бретон — Эрнст — Дюшан (последний приехал в Нью-Йорк в июне 1942 года, это было второе в его жизни изгнание: он уже жил в Америке во время первой мировой войны) являлось костяком «Искусства нынешнего века» и опорой для хрупкого здания сюрреализма в эмиграции. Бретон и Эрнст были «консультантами издания» «VVV» — роскошного журнала, являвшегося зеркалом авангарда, его величия и экспериментов. Во втором номере его была напечатана статья Бретона «О положении сюрреализма в период между

двумя войнами», являвшаяся чем-то вроде рекламы и приглашения молодым американским художникам вступить в кружок исключительно европейского происхождения. Между Бретоном и Эрнстом в Нью-Йорке установились братские отношения; они, несмотря на свою непохожесть, составляют, по крайней мере в первое время, прочный союз двух единомышленников. Бретон пишет хвалебную статью о Максе для «View», другого шикарного журнала, — «Легендарная жизнь Макса Эрнста». Дали далек от всех этих хлопот: он не участвует ни в одном из проектов, его исключили из дружеского кружка, исключили даже из теоретической деятельности сюрреализма. Бретон и Эрнст на стороне «VVV» и «View» — Дали флиртует и заигрывает с массовой прессой; они создают сообщество «happy few» — он же хочет стать богатым и знаменитым, и даже если слово «знаменитый» и вызывает ужас у первых, он все равно считает, что добился популярности.

Идиллия Эрнст — Гала принадлежит давно истекшему прошлому. Никакого намека на былую страсть. Эрнст откровенно ненавидит Дали, или, точнее сказать, презирует его как личность, считая его фальшивым, заискивающим перед богатыми людьми. Сын Макса, Джимми, рассказывает такой анекдотичный случай: они с отцом случайно столкнулись нос к носу с Дали на одной из нью-йоркских улиц. Дали протянул Эрнсту руку... и так и остался с протянутой рукой, потому что Эрнст отвернулся от него и потащил сына на противоположную сторону улицы*.

* «A Not-So-Still Life». St. Martin's Marek, Нью-Йорк, 1984, стр. 217.

Принадлежащие к активной ячейке сюрреалистов в Америке художники не допускают в свой круг Дали, ставя ему в упрек его политические взгляды, стиль жизни, неизлечимый индивидуализм, презрение к самым снобистским ярлыкам, а также его слишком явно проявляющееся стремление к успеху. Сальвадор Дали вместе с неотделимой от него тенью — одинокий рыцарь. Дали не принадлежит ни к одному интеллектуальному кружку, ни к одному клану. Его дорога не пересекается с дорогами официальных сюрреалистов, Дали решительно выбирает свой путь.

В 1941 году Музей современного искусства организовал ретроспективную выставку произведений каталонца. Америка любит Сальвадора Дали. В то время как у Макса Эрнста, пользующегося большой известностью, художника очень престижного, еще очень мало покупателей*, Дали уже может очень дорого продавать свои полотна и составить себе надежную клиентуру из миллиардеров, таких, как Морсы, супруги Клевеленд — они в конце концов станут обладателями коллекции из девяноста четырех картин Дали, обеспечив тем самым внушительный доход художнику. Если некоторые из его лучших картин навеяны опустошающими планету конфликтами — это «Мед нежнее, чем кровь» (1941), «Жирафы в огне!» (Las Llamas, 1942) или «Лицо войны» (1941), — то другие говорят о чарующем влиянии на него великих мифов об Америке. Он пишет в 1942 году «Nativity of a New World» («Рождение Нового Света»), в

* Пегги Гутенхайм говорит о «значительном успехе» Макса Эрнста и в то же время упоминает о трудностях, связанных с продажей его полотен в 1941-1942 годах. Цит. соч., стр. 219.

1943 — «Поэзию Америки», а также картину с печальным символом — «Геополитический ребенок, наблюдающий за рождением нового человека», на которой изображено тело мужчины, рождающегося из гигантского кровоточащего яйца; женщина, наблюдающая за рождением, протягивает руку к мужчине. Как тут не прогневить Бретона?! В картинах Дали об Америке ощущается реальная мощь, экспрессия и воображение, достойные восхищения.

Что смущает интеллектуалов, что отвращает их от этого странного и великолепного искусства, так это не то, что Дали очень дорого продает свои картины, а то, что он занимается «деланием денег», применяя свои орудия труда и воображение в других, не имеющих ничего общего с живописью — в строгом смысле слова — областях, считающихся вульгарными. Действительно, Дали в Америке, пользуясь своей популярностью, очень рано начал воспроизводить себя по заказу, поставив на коммерческую основу пользующийся успехом стиль. Он не довольствуется тем, чтобы иллюстрировать книги по искусству или рисовать костюмы и декорации к балетам — в этой деятельности преуспевали Кокто, Пикассо и даже Эрнст. Дали делает рекламу, украшает витрины больших магазинов, рисует новые модели платьев и украшений, предлагает свои услуги в качестве декоратора деятелям кино, за большие гонорары пишет статьи для первых полос популярных изданий. По мнению Бретона, он крайне усердствует, сотрудничая с американским капитализмом. Его известность так велика, что в 1941 году «This Week Magazine», имеющий самый большой воскресный тираж (пятнадцать миллионов экземпляров), обычно украшающий свои обложки пор-

третами звезд футбола, вышел с иллюстрацией Дали!

И — что кажется еще более серьезным грехом, по мнению пуристов, — Дали компрометирует свой талант, выполняя светские заказы в качестве портретиста. Многие написанные им портреты принадлежат его стилю, окрашены его юмором и несут печать его великолепного дара — дара рисовальщика; но есть у него и работы случайные — результат измены искусству из меркантильных соображений. Как бы Дали ни защищался, говоря, напоминая о том, что Микеланджело рисовал подвязки папы и костюмы стражей Ватикана, слишком явное заигрывание с крупной американской буржуазией приведет к тому, что от него отвернутся некоторые из его почитателей. Среди прекрасных дам американского высшего света, пожелавших быть увековеченными кистью Дали, — леди Маунтбатен, миссис Чарльз Свифт из Чикаго, миссис Дороти Сприклиз, наследница огромного сахарного состояния в Сан-Франциско, княгиня Гურიэлли (Елена Рубинштейн), миссис Вильям Вудворт, жена крупного банкира, миссис Вильям I. Николс, жена главного редактора «This Week Magazine» и миссис Хэрисон Вильямс, имевшая славу самой элегантной женщины в мире (он написал ее с босыми ногами, в тунике из лохмотьев). Женщины платили тысячи долларов за портрет, написанный мастером, а он позволял себе, иногда даже на манер Гойи, насмехаться над изысками с самой злой иронией. Например, он изобразил коллекционера Честера Дейла, любителя его полотен, в той же торжественной позе и с почти такой же головой, как у неразлучного с ним пуделя! Но такой юмор не смешит Андре Бретона.

Итак, не боясь прослыть популярным, продавая свои полотна за самую высокую цену, культивируя светские связи и посещая лишь миллиардеров, Дали обогащается и создает на базе своего искусства настоящее предприятие. Он будет развивать его с помощью своего природного коммерческого чувства, безупречного таланта и саморекламы. Но он никогда бы не зашел так далеко в своих устремлениях без помощи жены. Она мозг всего дела. Это Галя заключает контракты, составляет список работ и считает доллары. В их «ассоциации» главой является Галя. Дали занимается творчеством — она следит за всем остальным. Галя обеспечивает повседневное существование, защищая спокойствие мужа, его благополучие и освобождая его от всякой бесполезной рутинной работы и от того, что называется бизнесом. Она ведает деньгами и подписывает чеки.

Издатели платят Дали до пяти тысяч долларов за иллюстрации книг, газетные патроны — шестьсот долларов за обложки журналов, агентства платят по две тысячи пятьсот долларов за рекламные объявления*. В то время как война свирепствует, художник бесстыдно рекламирует меха Гюнтера, машины Форда, жевательную резинку Ригли, часы Груена и духи Чиапарелли, а также выброшенную на рынок в 1943 году новинку — «Shocking» Это название очень нравится Дали. Во всех рекламах он злоупотребляет близкими ему темами: растекающиеся часы, костыли, кузнечики, муравьи и скелеты — не используя ничего нового, напротив, пытаясь внедрить собственные

* Цифры приведены Мерилом Сикристом в его биографии Дали. Цит. соч., стр. 185.

мифы в подсознание масс. Он сам придумывает прилагательное «далийский». Всюду, где он бывает, повсюду, где его видят живьем или на глянце-вых обложках иллюстрированных журналов, он играет придуманными им самим символами так же, как своим неподражаемым акцентом и усами «а-ля Веласкес» (предполагается, что он скопировал их с портрета Филиппа IV кисти своего любимого художника, а теперь они служат его визитной карточкой). Комедия началась, и ее уже не остановить.

Чтобы выделиться и стать знаменитостью, Дали предпринимает то, что больше всего ужасает Бретона, — капиталистическую эксплуатацию своего творчества. «Нет ничего порочающего в том, чтобы запечатлеть свой век во всевозможных областях», — защищает Дали*. Нет ничего порочающего в стремлении быть непохожим на всех других. Но напрасно он защищает: пуристы продолжают упрекать его в том, что он пачкает свое искусство ради неблагородного, по их мнению, дела — из-за любви к доллару. Именно в 1942 году Бретон, у которого была аллергия на Дали, придумывает анаграмму из его имени — AVIDA DOLLARS. В ней присутствуют все двенадцать букв его имени: S A L V A D O R D A L I.

Дали протестует. Да, конечно, в Америке на Дали обрушивается «дождь из зеленых банкнот», но то, что он любит на самом деле, то, что он любит больше всего, — это не деньги. «Жажда абсолютной власти, — говорит он, — я варю свое золото для достижения бессмертия»**. То, что

* Louis Pauwels, «Dali maudit». Цит. соч., стр. 89.

** Louis Pauwels, «Dali maudit». Цит. соч., стр. 90.

интересует Дали, то, что заставляет его двигаться вперед, — это его страсть к созиданию.

Андре Бретон ошибается: Avida Dollars — это не Дали, Avida Dollars — Гала. Чтобы Дали ни предпринимал, он, без всякого сомнения, остается художником. Все-таки он живет для того, чтобы создавать картины. В их дуэте существом глубоко материалистическим является Гала. В неистовой гонке Дали за успехом она является настоящим мотором. Если он много работает, чтобы удовлетворить требования своей клиентуры, издателей, журналистов, рекламных агентств, любителей его стиля, то это потому, что так желает Гала, и потому, что она его воодушевляет, и потому, что она сама договаривается о заказах и самозабвенно спорит, оговаривая контракты. С ожесточенностью импресарио Гала постоянно просила больше: с одной стороны — больше картин на продажу, с другой — больше денег, все больше денег в качестве заработка. Поль Элюар говорил, что «ее взгляд проходил сквозь стены». Один злой на язык англичанин* утверждал, что взгляд ее как бы «проникал в сейфы». Ангел Душевного Спокойствия, ставший Ангелом Удачи, в Америке становится хранительницей кассы. Как доверительно рассказала Мерлину Сикристу почтенная миссис Никольс (которую Дали «изуродовал» на одном из своих «дорогих» портретов), она никогда не видела, чтобы мужчина был до такой степени рабом женщины. И к этому можно было бы добавить свидетельства всех тех, кто когда-либо имел финансовые дела с мэтром: «Гала взяла на себя обязанность заниматься денежными

* Жорж Мелли, по данным Мерила Сикриста. Цит. соч., стр., 183.

вопросами. У нее была манера тыкать в вас пальцем. Она говорила: "Мы назначим вам цену". Но она хотела получать наличные с начала работы до ее окончания»*.

В глубине души Гала живет тревога, которую ничто не может унять. Чувство это — с двойным дном. Бывшая туберкулезная больная (болезнь стала уже далеким воспоминанием и сменилась к этому времени превосходным здоровьем), Гала все еще боится прежних страданий. Она никогда не уезжает, не взяв с собой полный чемодан медикаментов, регулярно посещает врачей и по всякому поводу моет руки из страха подхватить микробы. Эта фобия, усилившаяся с годами (ее она передала Дали), сопровождается таким же сильным страхом — страхом бедности: Гала все еще боится нищеты. Обогащение не успокаивает ее; он, напротив, будит в ней навязчивую боязнь стать, или вновь стать, однажды бедной, что означало бы, что у нее больше не будет денег для лечения.

Может, это отголоски ее скудного существования в России? Последствия шока в результате угрожавших ее спокойствию революций? Или влияние Америки — континента обогатившихся первопроходцев? Гала не всегда была настолько жадной до денег. С годами она становится алчной. Гала начинает любить деньги не ради денег, но за то главное, что они представляют в ее глазах: не роскошь, не могущество, а прежде всего безопасность. Дали однажды так объяснил этот феномен Луису Пауэлсу: «Гала совершенно правильно полагает, что наше состояние позволит нам поправить

* Жорж Мелли, по данным Мерила Сикриста. Цит. соч., стр., 183.

наше здоровье, если мы заболеем, и в наилучших условиях»*.

Алчной ее делает предусмотрительность, рас-судочность, экономность до жадности — вот что сполна оправдывает гнусное прозвище Avida Dol-lars. Такая же простая, как и ее миссия посвятить себя Дали и его творчеству, мораль Гала состоит в умении выжить. Богатая женщина с суровым взгля-дом редко улыбается, — кажется, что ей незнакома нежность. Замкнувшаяся в неблагоприятной роли хранительницы сокровища, Гала приобрела репу-тацию бессердечной женщины и не делает даже попыток улучшить свой имидж. Глубоко в Гала скрыто столь же большое, как у Дали, желание нра-виться; отречение от стремления обольщать, отказ от улыбки и невероятное высокомерие проявляют в минуты, когда она вынуждена быть самой собой.

НА КАРТИНАХ ДАЛИ ОНА НАСТОЯЩАЯ

С тех пор, как Дали познакомился с Гала, то есть уже более десять лет, он не перестает ее рисовать. Но если каждое из его уст-ных или письменных высказываний постоянно льстит его музе, является подлинной любовной песней, то на картинах он не приукрашивает Гала.

* «Дали мне рассказал», стр. 83.

Конечно, художник воссоздает ее образ в своих фантазмах, интерпретирует его так, как ему подсказывает его безудержное воображение, пишет ее такой, какой она является на самом деле — телом и душой, — и делает это с беспощадным реализмом, без особой нежности.

Гала сложена безупречно пропорционально. У нее узкие плечи, прямая спина, маленькие груди с острыми сосками, очень узкая талия, широкий таз, красивые ягодицы, крепкие бедра и очень стройные ноги, как у статуи Майоля. Несмотря на то, что тело ее великолепно и имеет идеальные, словно у античной статуи, пропорции, Гала нельзя назвать красивой. Дали каждый раз с безжалостной точностью и с маниакальной тщательностью подчеркивает слишком крупные черты ее лица. Изпод его кисти она чаще всего выходит уродливой, кричащее освещение ей не льстит, а наоборот, еще больше подчеркивает ее недостатки. И тем не менее, как только Гала появляется на полотне, можно признать, используя терминологию кино, что она производит впечатление.

Нельзя сказать, что от нее исходит шарм. Но она обращает на себя внимание, на картине она живая. Гала отличаются две главные черты: посадка головы и взгляд. Голову она держит по-королевски, как человек, гордый собой. Глаза ее как смоль, взгляд у них ледяной. Как смоль — потому, что глаза ее черны, бесконечно черны, а ледяной — потому, что взгляд ее суров и холоден. В какую бы позу ни посадил ее Дали, будь то анфас, в профиль, в полоборота или даже спиной, Гала заполняет все полотно, затмевая все остальное.

Есть в Гала что-то загадочное и околдовывающее. Пусть она некрасива и лишена очарования,

но она интересна и одно ее присутствие — уже событие. Дали удается передать магнетическую силу натуры Гала. Этот магнетизм Гала — неосызаемый флюид, который Дали удалось схватить, — ощущается зрителями. В сердце этой женщины, энергичной и волевой, горит огонь, но огонь этот странный: огонь Гала холодный.

Одна из первых картин с ее изображением находится сейчас в музее Санкт-Петербурга во Флориде. Эта совсем маленькая картина (8,5 на 6,5 см), написанная маслом по дереву, является одним из самых превосходных экспонатов великолепной коллекции супругов Элеонор и Рейнольда Морс, основателей музея, фанатичных поклонников Дали. На ней Гала изображена в миниатюре, но с необыкновенной точностью. Она в шортах и в рубашке, естественная, непринужденная; колорит картины — оранжевые и желтые тона, которые, кажется, Гала сама излучает. В какую бы сторону вы ни отошли, Гала следит за вами взглядом, не спуская с вас глаз. Если отойти на определенное расстояние, изображение даже приобретает рельефность и создается впечатление, что Гала вот-вот сойдет с картины, оживет. Несмотря на вовсе не привлекательное, недовольное выражение лица, Гала околдовывает.

На незаконченной картине «Автоматическое начало портрета Гала» (1932 год) изображена ее окаменевшая голова — песчаного цвета, будто вылепленная и вставленная в камень, являющийся серо-синим футляром для ее черепной коробки. Растения, точнее ветки оливкового дерева, вливаются в ее волосяной покров и выходят из лба. Гала изображена в профиль, словно острый скальпель рассек половину лица. Волосы, зачесанные

назад, открывают сильную выпуклость лба, глаз провалился в резко выделяющуюся подбровную яму, скулы выступают, щека ввалилась, «греческий» нос — прямой, длинный и крупный, рот землистого цвета едва очерчен, нижняя челюсть подчеркнута выдвинута вперед, что придает этому женскому лицу, застывшему в камне, победное выражение, говорит о воле и даже о свойственном Гала высокомерии.

В 1933 году на «Портрете с двумя бараньими котлетками на плече», крайне заинтересовавшем американских журналистов, Гала написана в золотистых тонах, лицо ее — с закрытыми глазами, с намеком на улыбку на губах — подставлено солнцу Кадакеса. Она великолепна, а мир вокруг лежит в руинах, дом и колодец выжжены огнем и тлеют еще. Безжизненная Вселенная лежит перед этим солнечным созданием с жизнелюбием и здоровьем людоедки. Дали сам придумал символ котлеты: Гала «сырая», сказал он, сырая, как мясо. Настоящая кровь течет в ее венах. У Гала на всех картинах будет такой же жизнелюбивый вид. Гала для Дали олицетворяет инстинкт жизни и мировое равновесие.

Напрасно Дали уродует ее, кладя ей на голову омара или цепляя на кончик ее длинного носа самолет, как на «Портрете с омаром» (1934 год), или натягивает на нее ужасную кепку с козырьком и изображает на ее лице чудовищную ухмылку на картине, где она веселится в компании вместе с Лениным и Горьким (Гала и Ангелус Милле, предвещающий наступление конических анаморфоз, 1933). Гала нельзя изобразить карикатурно: в каком бы невыгодном свете ее ни изображал Дали, она высоко держит голову и не боится своего со-

бственного образа. Ей даже нравится, что ее рассматривают. Так, на картине «Ангелус Гала» (1935) Гала, с тусклыми волосами, слишком широким тазом, с мертвенно-бледным лицом и сжатым ртом, написана со спины, на переднем плане; ее юбка ложится ужасными складками на бедра; весь ее оплывший силуэт является ее собственным зеркальным отражением, а вся картина — пародией на «Ангелус» Милле.

Дали случалось представлять Гала в образе вермееровской кружевницы, покрывать ее парчой и играть с ней в зеркальные отражения. Но чаще всего он изображает Гала такой, какая она есть в повседневной жизни, в одежде простой, без блеска, без роскоши. До того как Дали превратит Гала в богиню, в мадонну, а затем в Христа (эти картины появятся лишь после войны), он пишет «гиперреалистическую» (хотя такого слова нет) Гала. Она внушает Дали желание рисовать не красиво, но подлинно, не довольствуясь строгим изображением внешности, доискиваться до глубоко спрятанной в ней сути, которую Дали так любит исследовать. Дали поведаёт Пауэлсу: «Гала — это сфинкс, но сфинкс, готовый оказать помощь. Она вместо того, чтобы просить у меня ответа, разгадывает для меня загадки и хранит ответы на них в своей плоти»*. Это Дали за собой гонится, стремится обнаружить свою собственную суть в «онтологической» (еще одно его любимое слово!) загадке своей жены.

Кисть Дали в те времена всякий раз показывает, что Гала остается Гала и без него. Он не придумывает ее, не изменяет. Она существует. Гала

* «Дали мне рассказал», стр. 36.

даже не нуждается в декоре для того, чтобы картина имела полный смысл. Картине достаточно естества Гала. Так, фоном для «Ангелуса Гала» служит ничем не заполненное пространство. Над чем Дали работает, так это только над ее образом, только над ним, над позой, над рельефностью, над нюансами. И еще — над цветом. Он бело-голубой, когда Гала больше походит на мрамор, как в «Сне, явившемся следствием полета пчелы» (1944) — картине, где ее роскошное тело парит над океаном. Венера в коже-ракушке, она часто окрашена цветом охры — этот цвет ей идет больше всего и лучше других сочетается с матовой ее кожей. Для Гала Дали выбирает «желтый неаполитанский», который патинирует до золотого, переходя через различные оттенки охры и сиены. Но как бы он ни изображал Гала — в оттенках бронзы, меди, позолоты, коричневатой или зеленовато-серой, — Гала всегда остается «геологической», по словам мастера: мраморная или каменная, из потрескавшейся земли или из золотого самородка (в зависимости от вдохновения автора и момента, когда он изображает Гала), она принадлежит к явлениям природы. Еще Макс Эрнст рисовал Гала в окружении птиц и млекопитающих, обнаженной, укутанной лианами, — в виде диковинного создания в джунглях своего воображения. Есть в ней какая-то первородная, грубая сила, которая околдовывает также и Дали.

Этой почти животной силой является чувственность Гала. Однако в ней нет ничего эротического. Даже если она, как на картине «Галарина» (1944), изображена с обнаженной грудью, в позе, которую можно было бы назвать сладострастной, от Гала больше исходит властность, чем желание.

На этой картине, по-монашески строгой, на которой Гала изображена в тонах слоновой кости и коричнево-зеленоватом, особенно выделяются, кроме очаровательной груди, достойной Грации, ее пышные волосы, тонкая мускулатура бюста, вены, проступающие на необыкновенных руках с невероятно длинными пальцами и красными ногтями, — иными словами, вся ее жизненная сила. Итак, красива ли она? «Галарина» — это самый красивый и самый проникновенный портрет Гала. Никакие безделушки, никакие украшения, кроме золотого обручального кольца и большого серебряного браслета, подаренного ей Эдвардом Джеймсом, — ничто не загромождает эту картину, написанную без уступки, без нежности. Кажется, что взгляд Гала погружен во взгляд того, кто ее пишет. Перед нами Гала такая, какая она есть на самом деле, с безупречно гладким лицом, с обнаженными руками, грудью, шеей. Можно ли поверить в то, что она открыта тому, кто на нее смотрит? Со скрещенными руками и сомкнутым ртом, закрытая миру, высокомерная, царственная, уверенная в себе, но и воздвигающая защиту, она выражает безразличие или презрение. Гала сопротивляется даже художнику, пытающемуся ее разгадать: есть в ней недоступное тайное ядро, не допускающее никакой доверительности.

«Я преклоняюсь перед Гала, я подчиняюсь ей полностью и в духовном смысле», — признается Дали Луису Пауэлсу*.

Его картины это подтверждают: подчинясь его воле, его капризам, принимая все позы, которые Дали для нее придумывает, и сценарии, в которые

* «Дали мне рассказал», стр. 95.

она входит одна или в компании с другими персонажами, возникая как бы невзначай или являясь центральным образом картины, модель подчиняет себе художника. «Я страстно люблю быть во власти Гала», — часто напоминает Дали*. Внешне послушная, она остается неподвластной. Никогда Гала не откажется от себя самой. Гала есть и остается Гала во всевозможных слепках, сделанных с нее Дали, и даже в его видениях, навеянных ею.

ТАЙНЫЕ ЛИКИ

Не всем парам удастся выдержать испытание изгнанием. Вокруг супругов Дали рвутся связи, новые союзы приходят на смену прежним, панорама любовных отношений меняется. Ив Танги и Ман Рей, и не только они, сменили подруг. Жаклин покинула Андре Бретона. Она переехала на Лонг-Айленд с Дэвидом Хэа, художником нового американского поколения, директором «VVV». Жаклин забрала Об с собой. Разочарованный Бретон пишет в одном стихотворении:

Роскошно сервированный
Невероятно длинный стол
Разделяет меня с любимой женщиной**.

* «Дали мне рассказал», стр. 161.

** «Интерьер».

Поэт живет один до встречи в 1944 году с голубоглазой красавицей, чилийкой Эльзой. Под ее влиянием он напишет «Эликсир-17», во время путешествия в Канаду. Бретон мечтает о любви, о поэзии и о свободе, высказывая пока еще хрупкую надежду на то, что над миром и в его жизни взойдет «Утренняя звезда».

Макс Эрнст покинул Пегги Гутенхайм. Он страстно влюбился в Доротею Таннинг, юную американку из Иллинойса, шведку по происхождению, фантастическую, «сюрреалистическую» девушку, и решил развестись, чтобы жениться в четвертый раз. Доротея Таннинг — художница. Ее полотна «Детские игры», «Дворец Мака, или День рождения» навеяны подсознательными видениями и почти такие же необычные, как картины Леоноры Каррингтон. Они были выставлены в галерее Пегги Гутенхайм. Так Пегги спровоцировала, сама того не желая, фатальную встречу юной художницы со своим любимым мужчиной*. Прожив несколько лет в нью-йоркской квартире Доротеи на Пяťдесят восьмой улице, супруги выбирают абсолютную изоляцию: в 1943 году они устраиваются в Аризоне. Это место на окраине американского востока было изгнанием в изгнании. Макс Эрнст — по старой привычке собственными руками — строит там себе ранчо. Затерявшись в пустыне, среди индейских племен, из своей огромной мастерской он созерцает безграничный горизонт. Кажется, в Аризоне художник, которого когда-то любила Гала,

* Она рассказывает об этом в книге «Моя жизнь и мои безумства», на стр. 229 и последующих. О Доротее Пегги говорит как о «красивой девочке со Среднего Запада, насколько хорошенькой, настолько и скудной».

обрел пристанище, соответствующее его воображению, и покой с Доротеей.

Рядом со всеми этими переменами, реорганизациями, новыми союзами, в то время как то одни, то другие, испытав жизненные потрясения, стремятся к равновесию, супруги Дали по-прежнему остаются прочно привязанными друг к другу. «Я указываю дорогу лодке нашей жизни, — подведет итог Дали, — а у руля стоит Гала»*. Всеобщему крушению семей, происходящему вокруг, они не подвластны, словно их союз из гранита. Ладят ли они между собой на самом деле? Все говорит о том, что ладят. На не слишком официальных фотографиях той поры запечатлены нежные жесты, влюбленные взгляды, объятия — все это красноречиво свидетельствует о их взаимопонимании, об счастье быть вместе. Гала нежно склоняется к плечу мужа, он прижимает ее к себе. Это не поза. Просто фотографу удалось поймать мгновение личной жизни, запечатлеть очень прочную и искреннюю связь между мужчиной и женщиной.

Дали и Гала неразлучны. Что бы они ни предпринимали, они делают это вместе. Они путешествуют по Америке, едут в Чикаго или в Кливленд — и всегда вместе. В эмиграции любовь является подлинной основой их жизни, она прочна и противостоит всем перепитиям. С тех пор как они покинули Париж, у них нет больше дома, они живут в отеле. Сначала в «Сен-Морице», затем, когда разбогатели, — в «Сан-Реджесе», в одном из самых красивых зданий Нью-Йорка, на углу Пятой и Пятьдесят пятой улиц. Супруги занимают там номер-люкс на втором этаже. Апартаменты со-

* Луис Пауэлс. Цит. соч., стр. 36.

стоят из спальни со сдвоенными кроватями, большой ванной комнаты и гостиной. С мая по октябрь, спасаясь от жары, они живут в Калифорнии, где у Дали есть мастерская, или же по старой памяти приезжают к Кэрес Кросби в Вирджинию. Художник и его жена не пренебрегают случайными приемами, бывают везде, куда их приглашают директора музеев или богатые коллекционеры. Но они умеют охранять свою близость. Даже в гостях распорядок и ритуалы их супружеской жизни свято соблюдаются.

По утрам они не выходят из квартиры. Сразу же после завтрака Дали рисует или пишет красками. Гала не торопится вставать с кровати или неспешно занимается туалетом в ванной комнате, договаривается о встречах по телефону, решает финансовые вопросы. Для обедов они выбирают лучшие рестораны, отдавая предпочтение самым дорогим. Оба любят поесть, и поесть плотно. Они пьют бордо, наслаждаются шампанским, морскими продуктами, дичью, другими сытными блюдами. Дали и Гала любят поесть и не придерживаются каких-то особенных диет. После обеда они возвращаются в отель, чтобы отдохнуть. Во второй половине дня, в обычные дни, Дали остается в «Сан-Реджисе», где принимает посетителей: журналистов, издателей, коллекционеров и... наиболее восторженных почитателей своей славы — молодых людей и девушек, позирующих ему в качестве моделей. Гала выходит прогуляться или пройтись по магазинам — это ее основные дела, когда она находится в городе. Вечером у них чаще всего бывает легкий ужин в номере. Гала не любит светскую жизнь: она часто отказывается от приглашений, разрешая Дали ходить на обеды одному, когда

ему хочется пойти или когда его присутствие необходимо. В Нью-Йорке у супругов есть обязанности: успех требует, чтобы художник и его спутница принимали участие в общественной жизни. Дали должен поддерживать, хотя бы частично, ценные, необходимые связи с богатыми клиентами, способными приобретать его картины и тем самым помогающими ему завоевывать удачу. И все же Дали и Гала умеют защитить себя от хаоса, ставшего в Америке для них обычным явлением.

Дали — самый верный мужчина в мире. Это правда, и он не перестанет это повторять на протяжении всей своей жизни. Несмотря на то, что художника окружают юные соблазнительные модели, позирующие ему чаще всего обнаженными, он остается верным Гала, «на сто процентов верным Гала», как он заявляет поэту и журналисту Алену Боске, решившему поиграть с ним в «правду». «С какой знаменитой женщиной вы хотели бы провести ночь?» — спросил поэт. «Ни с какой, — ответил Дали. — Я на сто процентов верен Гала»*.

Луису Пауэлсу он с гордостью говорит, что никогда не знал другой женщины: «Клянусь, что никогда не занимался любовью ни с кем, кроме Гала»**. Она «единственное существо, в котором [ему] хочется раствориться...» — уточняет он. Откровенно объясняя, что до знакомства с Гала считал себя импотентом, но «сблизившись» с нею, обнаружил, что в этом смысле он «нормальный», Дали говорит о наслаждении от близости с Гала, о фантазмах, о том, что у него никогда не возника-

* «Беседы с Сальвадором Дали», Belfond, 1966, стр. 92.

** «Дали мне рассказал», стр. 45.

ло желания удовлетворить их в объятиях другой женщины: «Вместе с Гала и для Гала я за несколько минут дохожу до мучительного восторга, до взрыва, в естественном и нежном порыве»*. И еще: «Она единственная женщина, в которую я изливаюсь в быстром и совершенном оргазме, сопровождающемся архитектурными образами возвышенной красоты: в основном, это колокольни»**.

Дали не скрывает своих сексуальных наклонностей: он определяет себя как наблюдателя, объясняет, что, за исключением Гала, у него никогда не было желания прикоснуться к другому женскому телу, утверждает, что мог испытывать наслаждение, созерцая и мастурбируя. «Мне хватает моего необузданного воображения, — объясняет он тому, кто выведывает его самые сокровенные тайны. — И, в конце концов, я ни в чем и ни в ком не нуждаюсь». Видеть и воображать — две возможные эротические функции, по мнению Дали. Если бы он так не восхвалял — особенно на публике, с явным желанием шокировать — мастурбацию (занятие, которому он остается верен, как остается верен Гала, и был верен задолго до Гала), то мог бы прослыть рыцарем куртуазной любви. Он утверждает, что умеет и может обходиться без плотского контакта, умеет и может «любить не дотрагиваясь», как в счастливые времена, когда Тристан и Изольда засыпали у обоих концов шпаги, мешавшей им соединиться. Дали возвел эту блажь в теорию и придумал для нее имя «кледализм». Он описал это в романе, посвященном Гала, — «Hid-

* «Дали мне рассказал», стр. 46.

** «Дали мне рассказал», стр. 103.

den Faces»* («Тайные лики»). Героиню романа Соланж де Кледа (откуда «кледализм») ее любовник, граф де Гранзай, обучает тонкостям своей любимой эротической игры, дающей возможность получать наслаждение без прикосновений. Дали с гордостью рассказывает во всех нью-йоркских салонах об этом искусстве, являющемся, по его мнению, самым утонченным и совершенным способом в занятиях любовью, потому что половой акт — Дали в этом честно признается — вызывает у него отвращение. Он говорит, что для Гала делает исключение.

Но физической близости Дали предпочитает восторги, вызванные собственными фантазмами: «Оргазм — это всего лишь повод, — рассказывает он Пауэлсу, — главное — это наслаждение от видения»**. Вероятно, «кледализм» не раз угрожал нормальному течению его супружеской жизни (Дали сам прибегнул к слову «нормальный») и являлся причиной фрустраций Гала.

Насколько Дали многословно и недвусмысленно высказывается на эту тему, настолько сдержанна Гала. Если случается, что Дали выражает свои идеи в ее присутствии, что свойственно ему и происходит довольно часто, он делает это с самым очаровательным бесстыдством. Гала же всегда остается бесстрастной, едва заметно улыбается, не высказывая при этом ни одобрения, ни недовольства. Она позволяет думать и говорить что угодно и никогда, ни при каких обстоятельствах не пытается высказывать свою точку зрения. Дали говорит,

* Роман вышел в США в июле 1943 года, на французском был издан лишь в 1973 году.

** «Дали мне рассказал», стр. 46.

Дали заявляет, Дали пишет — Гала молчит. На публике, как и во времена Элюара, она ничем не выдает собственного мнения, она прячется за стеной молчания. «Тайный лик» было бы ей хорошим прозвищем, потому что никто никогда не мог сказать ни о том, какая она на самом деле, ни того, что она испытывает, пряча эмоции под гладкой маской ничего не выражающего лица.

Роман, залог далийской любви, сопровождается пафосным посвящением: «Гала. Той, что была рядом со мной, когда я его писал; той, что была доброй феей моего душевного равновесия; той, что изгнала саламандр моих терзаний и укрепила львов моей веры в себя. Гала, благородством своей души вдохновлявшей меня и служившей зеркалом, в котором отражалась подлинная геометрия эстетики моих переживаний; ей, руководившей моей работой». Дали никогда не скупится на комплименты в адрес Гала, утверждает, что нуждается в ней, чтобы жить, чтобы существовать. Она «облегчает его душу, снимает тревоги», говорит он, она магический рецепт его собственного существования.

Дали не перестает воздавать ей должное в эротическом смысле: Гала — единственная женщина, которая смогла вызвать у него желание заниматься любовью. Но в ней, в ее возвышенном образе он всегда ищет себя. У Дали душа Нарцисса — это одна из основных тем его живописи. Гала — зеркало, в котором Дали созерцает самого себя. Дали необходима Гала, чтобы через нее любить себя.

Гала, несомненно, проще и непосредственнее в области, в которой Дали считает себя рафинированным, утонченным и декадентским. Он прежде всего художник и ощущает потребность в

сублимировании своих видений, в интеллектуализировании своих побуждений, в то время как чувственность Гала, напротив, проявляется откровенно и даже грубо. Если Дали мало интересует секс и он утверждает, что испытывает «главным образом церебральное удовольствие наблюдателя», то Гала по натуре своей глубоко чувственна и любит любовь. Элюар это знал, он считал Гала «совершенной женщиной, совершенной в любви»*. Она смогла познакомить Дали, как он об этом рассказывал, с «нормальными» удовольствиями, но она не смогла сделать из него — у него это вызывало отвращение — любовника, достойного ее самой, от которого она получала бы не только любовь, но и удовольствие.

В самом деле, очень скоро, по свидетельству некоторых посвященных, Гала начинает восполнять недостающее с другими мужчинами. Например, с Джимми Эрнстом, который по возрасту годится ей в сыновья. Он рассказывает в своих воспоминаниях**, что однажды в Нью-Йорке, перед второй мировой войной, встретился на одном из приемов с супругами Дали. Не испытывая особой неприязни к бывшей любовнице своего отца, не будучи злопаметным, несмотря на то, что Гала явилась причиной разрыва между его родителями, Джимми из любопытства с нею познакомиться: его привлекло выражение ее «спокойного, улыбающегося лица». Такое выражение появлялось на лице Гала крайне редко и только в присутствии знакомых и любимых людей. Гала и Дали побеседовали с молодым Эрнстом, затем предложили зайти за ним на следу-

* «Письма к Гала», стр. 63.

** «Абсолютное одиночество». Цит. соч., стр. 152 — 153.

ющий день, чтобы вместе походить по магазинам. Назавтра Гала пришла одна, объяснив, что Дали заболел. Вместе с Джимми они заходят в разные бутики, ничего не покупая, без определенной цели садятся в такси. Гала, возбужденная, взволнованная, без конца спрашивает у Джимми: «Куда мы идем сейчас?» Они набредают на русскую чайную, и Джимми ощущает — он об этом пишет — «бесконечные соприкосновения колен, бедер и ног». Он чувствует себя ужасно смущенным и испытывает лишь одно желание — уйти. В момент расставания Гала, утверждая, что Дали, очевидно, заснул, предлагает Джимми вернуться в отель вместе с ней. Джимми отказывается и пускается наутек. Некоторое время спустя, на другом приеме, он снова встречается Гала. Она направляется прямо к нему с высоко поднятой головой и подходит очень близко, чтобы сказать неслыханную — именно так — говорит Джимми — грубость: «Ты дерьмо! Шлюдовище...» Больше он никогда не увидит Гала.

Еще одно свидетельство — также от молодого человека, Рейнольда Морса, фанатика, коллекционера картин Дали. Он рассказывает Мерилу Сикристу: «В 1942 году в Нью-Йорке она пыталась меня подцепить. Она затащила меня на второй этаж и показала невероятное количество эротических рисунков. Два из них я купил». Он в смущении замолкает, как комментирует Мерил Сикрист, затем говорит: «Конечно, я сказал "нет". Она годилась мне в матери...»

Гала всегда любила мужчин младше себя по возрасту, но с годами эта тенденция усиливается: временная пропасть проляжет между ней и ее любовниками, желаемыми, реальными или потенци-

альными. В сороковые годы, когда ей было уже под пятьдесят, Гала охотится за свежей плотью и до того, как прослыть нимфоманкой — репутация преувеличена, но прочно приклеится к ней, — она выглядит как самка-завоевательница и напоминает хищную птицу, готовую сожрать проходящих мимо юнцов. Дали на картинах эту ее черту характера передает посредством выступающей вперед челюсти Гала: плотоядное млекопитающее, наделенное невероятной жизненной силой, натура, которого требует своей доли земной пищи. Одного Дали ей было мало.

Супруги солидарны и близки, как никогда за пятнадцать лет совместной жизни; они составляют завидную пару, спаяны взаимодополняемостью, выдержавшей многие испытания, но есть в их отношениях подводный риф — секс. Дали мечтает «любить без прикосновений» и сублимирует в своих картинах самые фантазийные тенденции своей необычной личности, а Гала, не переставая заботиться о своем «маленьком Дали» и не оставляя вниманием мир их общих чувств, начинает искать в другом месте то, чего не хватает ее любви для того, чтобы быть настоящей любовью.

ПОЭЗИЯ УХОДИТ В ПОДПОЛЬЕ

В то время, как в Америке Гала и Дали процветают и полностью свободны, Поль Элюар скромно живет в Париже, на улице Шапель (она позже стала называться улицей Макс-Дормуа), в старом своем квартале. Он не покинул оккупированную столицу и живет недалеко от матери (она вернулась на улицу Ордене), в скромной двухкомнатной квартире. Лишь нежность Нуш освещает его жилище. Нет больше угля, почти нет хлеба, на все введены талоны, даже на сигареты... Он пишет в стихотворении «Мужество»^{*}:

Парижу холодно Парижу голодно
Париж не ест на улицах каштанов
Париж в лохмотья нищенки оделся
Париж как в стойле стоя спит в метро
На бедняков свалились новые невзгоды.

Враг ходит по улицам, бывает в кино и ресторанах. Приходится переносить не только нищету, но и унижения, затем наступят гонения. Скудное существование Элюаров в траурном Париже, потерявшем свободу, составляет разительный контраст с роскошью, комфортом и безопасностью Гала и Дали в Америке.

Очень долго Поль Элюар оставался во власти сомнений и тревог. До июня 1941 года — до того

^{*} «Les Armes de la douleur» («Оружие скорби»). Полн. собр. соч. Pléiade, т. 1, стр. 1230 (перев. М. Ваксмахера).

дня, когда Германия предприняла наступление на территорию СССР, нарушив пакт о ненападении, подписанный в 1939 году Сталиным и Гитлером, — он не знал, к какому лагерю присоединиться. Кому верить в такое смутное время? Победителю при Вердене, провозгласившему мудрое решение о капитуляции, правительство которого расположилось в Виши и пытается преуспеть в политике сотрудничества с Германией? Дезертировавшему генералу, из Лондона призывающему к бунту и неподчинению? Или коммунистам, которые с 1939 года живут на нелегальном положении — их представители были арестованы в палате депутатов — и призывают своих сторонников и людей, сочувствующих их доктрине, следовать русской модели: чтобы защитить народы Интернационала, они, не колеблясь — временно, «по случаю», как они говорят, — присоединились к правому диктатору, расисту, фашисту и разжигателю войны — эти три «добродетели» пугают Элюара. В то время, когда он хотел сблизиться с партией коммунистов, когда он думал, что найдет в марксизме близкие ему идеалы равенства, мира и дружбы народов, советско-германский пакт погрузил его, как и большинство французских коммунистов, в густой туман. Маккиавелизм выражений «Юманите», выступающей от имени руководителей, его не убедил. «Ленин, — говорится в №57, — нас учил, что нельзя колебаться в критической ситуации, когда речь идет об интересах народа, и присоединяться, если это потребуется, даже к черту». В течение двух лет после подписания чудовищного пакта Элюар молчал, избегая прямых высказываний.

В 1941 году он возобновляет занятия поэзией, издает сборник стихов «На нижних склонах», в котором говорит о своем отчаянии, о безутешной печали:

В голове ничего, кроме сумерек
[...]
Яд, лишившись своего цветка
И своих позолоченных животных,
Выплевывает свою ночь на людей.*

Жан Полан, написавший предисловие к сборнику, замечает, что «автор никогда не был побежденным». В сборнике «На нижних склонах» — даже в 1941 году — поэт не отрекается от надежды, она всегда живет в сердце Элюара:

Глупость низость и бред
Уступили место свое
Людям братьям людзей
Не дерущимся против жизни.

НЕСОКРУШИМЫМ ЛЮДЯМ**

В том же году в издательстве «Gallimard» выходят избранные стихотворения Элюара. При составлении сборника хорошо поработала цензура, потому что в него не вошли ни «Ноябрь 36», ни «Победа у Герники», ни «Осмелиться и надеяться» («Oser et l'espoir»). Эти стихи

* «Aussi bas que le silence» («Так же тихо, как тишина»). Полн. собр. Pléiade, т. 1, стр. 1061.

** «Незапятнанный огонь». Там же. Стр. 1063 (пер. М. Ваксмахера).

были расценены как слишком дерзкие, слишком страстные, их обвиняли в призыве к бунту, сопротивлению, в том, что они проникнуты любовью к угнетенным и ненавистью к угнетателям — в чувствах, которые исключались или скрывались во времена нацистской оккупации. Перекроенный, смягченный, этот сборник, однако, явился отголоском страданий и переживаний Элюара. Стихи, написанные в юности, его «Стихи во славу мира», которые он считал забытыми, вновь обрели в муках трагическую актуальность. Он написал их давно, в траншеях и госпиталях, тоскуя о мире, тоскуя о любви. Элюар — все такой же убежденный пацифист, убийство людей по-прежнему вызывает у него гнев и отчаяние. Но обстоятельства изменились: Франция оккупирована, побеждена, унижена. И поэту уже не хочется защищать мир, в нем закипает бунт.

Издаелека Дали, исключенный из кружка сюрреалистов по обвинению в прогитлеровских декларациях, мог бы усмехаться: рукопожатие Гитлера и Сталина показало апостериори, как смешны были инициаторы процесса над ним, эти генеральные прокуроры фашизма. Черное знамя диктатуры перешло в другой лагерь и развевалось рядом с красным марксистским знаменем. Зачем тогда было затевать все эти дела, зачем было обвинять его, если отныне фашисты и коммунисты могли сражаться на одной стороне?

Элюар надолго замолк, почти на два года. Это случилось после убийства Троцкого 20 августа 1940 года, когда стало понятно, что Сталин приложил к этому руку. Элюар вновь дает о себе знать и начинает говорить лишь тогда, когда СССР вступает в войну с Германией, возвращая поэту утра-

ченные идеалы. Гитлер нарушает пакт о ненападении в июне 1941 года, захватывает русскую территорию, вызывая переворот в сознании союзников и возвращение к манихейскому порядку в мире: теперь по одну сторону — добрые люди, по другую — злые; Вселенная окрашена в бело-черные, черно-белые цвета, и в этом пространстве для Элюара уже не существует дилеммы. Отныне путь его ясен: как пишет Люк Декон, «он может сражаться с нацистским чудовищем, не отказываясь от мифа об СССР, родине социализма и чемпионом в борьбе за мир»*. Весной 1942 года Элюар вступает во французскую компартию, все еще находящуюся в подполье, и вновь начинает писать стихи. Он бросается в поэзию, как хватаются за оружие. Поэзия станет его ножом, его ружьем, его единственным и опаснейшим способом борьбы.

Дали и Гала защищены как от дебатов, так и от нищеты. Политика их интересует лишь в той мере, насколько она может гарантировать их благополучие. Такое понятие, как «народ», оставляет Гала и Дали абсолютно равнодушными, они относятся к нему даже неприязненно. Всякая мысль о коллективном деле чужда их природе, ничто: ни свобода, ни Франция — не стоит жертв. Их семья, в конце концов, в живописи является идеалом, и этого им достаточно. У Элюара другая философия. Если Гала и Дали употребляют всю свою энергию для достижения личных целей и любят похвастаться плодами своего эгоцентризма, Элюар, напротив, готов служить делу, которое потребует от него полной самоотдачи, он готов на великие жертвы. Он боец, и война увенчает его славой.

* «Поль Элюар». Balland, 1982, стр. 190.

3 апреля 1942 года в издательстве «Main a Plume», которым руководит отважный Ноэль Арно, выходит под именем Поля Элюара сборник со звучным названием: «Поэзия и правда. 1942». В нем громко и бесстрашно звучит то, о чем кое-кто из французов едва осмеливается думать, — **Свобода***.

На школьных своих тетрадках
И на древесной коре,
На зыбких холмах песчаных
Я имя твоё пишу.

На всех страницах прочтенных,
На всех страницах пустых,
На крови, камне и пепле
Я имя твоё пишу.

[...]

На брошенных укреплениях,
На сломанных фонарях,
На стенах тоски вседневной
Я имя твоё пишу.

На гибели без возраста,
На голом сиротстве своем,
На шествиях погребальных
Я имя твоё пишу.

[...]

Могуществом этого слова
Я возвращаюсь к жизни,
Рожденный дружить с тобою,
Рожденный тебя назвать —
Свобода!

Элюар сначала назвал сборник «Единственная мысль», он написал его для Нуш, но вдруг «Свобо-

* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 1105. (пер. П. Антокольского).

да» выскользнула у него из-под пера... Поэма была напечатана всего лишь в ста экземплярах и сразу же стала передаваться из уст в уста во время оккупации и поражения как самое сокровенное послание надежды. Поэт и директор журнала «Fol-tane» Макс-Поль Фуше познакомил с ним корреспондентов союзников в июне 1942 года, микрофоны свободной Франции эхом разнесли его по континенту. Молодой поэт и друг Элюара Луи Паро прочитал поэму руководителям движения Сопротивления в Оверни, другой друг прочитал ее восторженной публике в Марселе... Кучка французов вскоре сделала ее своим кредо. Стихотворение будет напечатано тысячами экземпляров в свободной зоне и в Алжире. Его переведут на английский язык, и даже издадут и будут читать по-английски по другую сторону Ла-Манша. «У всех эта поэма вызовет энтузиазм и придаст силы, — писал Луи Паро.* — "Свобода" стала посланием надежды, пришедшим к нам из другой зоны, похожим на то, которые доходили иногда до нас от узников из их камер». Композитор Франсис Пуленк сделает из «Свободы» кантату, а Жан Люрса — сюжет для двух гобеленов, их соткут подпольно в Обюсоне, в 1943 году. В 1944 году Королевские Воздушные Силы сбросят тысячи экземпляров «Свободы» на французские деревни...

В то время как распространяются стихи Поля Элюара, он сам всеми силами помогает Сопротивлению. В конце 1942 года он возобновляет контакты с Луи Арагоном. Арагон вместе с Эльзой Триоле находится в изгнании, в Южной зоне. Автор

* «Интеллигенция борется». «Обзор французской мысли в подполье». Jeune Parque, 1945, стр. 111.

«Любовных страданий» также примкнул к лагерю нестигаемых. Элюар и Арагон вместе, забыв прежние ссоры мирных времен, создают Национальный комитет писателей, собрания которого будут происходить в Париже у знакомой журналистки Эдит Тома, на улице Пьер-Николь, начиная с февраля 1943 года. Параллельно, Элюар создает «Союз интеллигенции», в который войдут врачи, адвокаты, преподаватели и ученые, участвующие в Сопротивлении. В дальнейшем он играет в этом союзе активную роль.

У Элюара нет другого оружия, кроме слова. Он старается объединить усилия тех, кто не желает смириться с поражением, не собирается сдаваться, и участвует в пропаганде Сопротивления во Франции. Элюар сотрудничает в многочисленных подпольных изданиях, в частности в «Lettres francaises», основанном Жаком Декурором, которого потом расстреляют гитлеровцы и журналом станет руководить Клод Морган, а также в издательстве «Minuit», основанном Пьером де Лескюром и Веркором, автором «Молчания моря» (1942). Элюар пишет для них и занимается подготовкой и распространением листовок и пасквилей. Он собирает поэмы в стихах и в прозе, которые затем составят сборник «Честь поэтов» (Арагон, Деснос, Полан, Пьер Эммануэль, Лоис Массон и он сам) и выйдут в свет в издательстве «Minuit» 14 июля 1943 года.

За Элюаром охотятся. Он покидает свой дом и пытается менять адреса так часто, как только может. С конца 1942 года он вынужден искать убежища. Люсьен Шелер, продавец книг и любитель поэзии, уступает ему комнату на шестом этаже над своей лавкой на улице Турнон. Вместе с Нуш — она не покидает Элюара и «поддержива-

ет изо всех сил» — он унаследовал комнату от югославского поэта-еврея Мони де Були, который должен был скрываться вместе со своей женой. У Элюаров будут и другие адреса. В 1943 и 1944 годах они живут у Мишеля Лери, Жана Тардые, у Кристиана Зервоса. Но именно здесь, совсем рядом с Люксембургским садом, им придется пережить самые напряженные моменты Сопротивления. Начиная с 1942 года Элюар вынужден подписывать свои произведения псевдонимами: Жан дю О или Морис Эрван. Так было и с «Семью стихотворениями о любви на войне», опубликованными Луи Арагоном в только что созданном им подпольном издательстве «Bibliothèque française». «Элюар, — скажет Жан Полан, — боролся с необыкновенным упорством и большим мужеством. Он, такой деликатный, иногда к вечеру был абсолютно изможден от беготни в течение дня, от листовок, которые он подготовил к печати, прочитал товарищам и распространил во все концы»*.

«Петь, бороться, кричать, сражаться и спасаться», — напишет однажды поэт**. Его программа полностью противоположна программе Дали. Во время войны судьбы двух мужей Гала разойдутся и никогда больше не скрестятся. Для Поля Элюара отныне сияет одна звезда — солидарность. Он больше никогда не отречется от этого идеала, делу воплощения которого посвятит весь свой талант. Теперь он считает, что искусство должно выражать определенную идеологическую позицию: оно не должно быть самоцелью — искусство должно

* Приводится Клодом Руа в «Избранных стихах Элюара», в «Клубе лучшей книги».

** В «Причинах для письма», см. в «Полном собрании сочинений» комментарий Люсьена Шелера, стр. 1606.

быть полезно человечеству и освещать путь, который столько мужчин и женщин ищут и так и не находят. Если поэзия смогла «уйти в подполье», то она никогда уже не должна отклоняться от выполнения своей задачи. Задача эта состоит в повседневной борьбе за справедливость и братство.

Дали, напротив, убежден, что искусство — это индивидуальное, независимое и фантазматическое занятие. У него нет никаких филантропических целей и не может быть других связей, кроме как с самим собой. Эгоцентризм Дали — это его кредо, которому он останется верен, разгадка его глубоко индивидуальной живописи, противостоящей как школам, клубам, группам, так и политикам. И только ему служит Дали — вместе с Гала, его дополняющей, Гала, являющейся его двойником, его вторым «я». С одной стороны — дух самопожертвования и преданности у поэта, с другой — отказ служить другому делу, желание оставаться верным самопознанию, чему художник навсегда, преданно и страстно посвятил себя.

С одной и с другой стороны от этих двух личностей, явно противоречивых, — две женщины, и кажется, что их так же легко можно противопоставить друг другу. Гала, на первый взгляд, создает впечатление женщины гордой и сильной, она царственно держит голову, она надменна и часто разговаривает с людьми презрительно. Нуш, напротив, с глазами, как у лани, плавными движениями, скромностью и улыбкой, олицетворяет мягкость, нежность и смирение. Она бесконечно скромна в том, что касается ее самой, и бесконечно чувствительна к горю других людей — даже тех, с кем незнакома лично. Ей небезразлична борьба Поля в коммунистической партии. Нуш мечтает так же,

как и он, о достижении идеала: о коллективном счастье. Гала же думает только о Дали, и следовательно — так как их судьбы неразрывно связаны — о самой себе. Гала эгоистична, непреклонна, ей неведомо чувство жалости.

Но у этих столь непохожих женщин есть все же общая черта: обе они фанатично преданы своим спутникам. Гала одаряет Дали, Нуш — Элюара сокровищами сопереживания, нежности и самоотречения. Обе готовы пройти до конца весь тяжкий путь великих людей, тенью которых они стали для публики, а на самом деле являются для них солнцем. Дали говорит о Гала, что она «лампа Алладина»*, а Элюар напишет для Нуш «En vertu de l'amour»**:

Я наделил разумом, формой, теплотой
И бессмертной ролью ту, что освещает мне жизнь.

РОДИНКА И СВЕТ

Дали фетишизирует Гала: он считает, что она ничем не похожа на обычную женщину. Гала — магическое создание в самом прямом смысле слова. Это значит, что она осуществляет непосредственные контакты с таинственным и невидимым миром, с миром запред-

* Луис Пауэлс. Цит. соч., стр. 42.

** «Лишнее время». Собр. соч., т. 2, стр. 108.

ельным, потусторонним. Доказательством ее необычности служат ее возможности медиума.

Как-то перед войной Дали и Гала были вместе в мастерской Пикассо. «Он был с Гала исключительно обходителен», — рассказывал Дали*. Его соотечественник действительно, по свидетельству биографов**, питал слабость к русским женщинам: он попадал под чары их экзальтированного, переменчивого, непредсказуемого темперамента. Когда Гала наклонилась для того, чтобы рассмотреть одну из его картин, «Пикассо схватил ее ухо большим и указательным пальцами и воскликнул: "Но у вас же точно такая же родинка, как и у меня!" Такая же родинка на мочке левого уха!>". «Я потрогал оба уха, — пишет Дали, — и ощутил один и тот же рельеф. Я даже задрожал: я узнал, что прикоснулся к подлинному доказательству законности своей любви».

Древние, воспитанные на платоновской науке о формах, видели в некоторых родимых пятнах ориентиры всеобщей гармонии. По мнению Дали — он страстно увлекался эзотерическими трактатами и был тонким знатоком мистико-психолого-научных теорий объяснения человечества, — родинка Гала соответствовала пересечению линий золотого сечения. Он считал, что этим знаком отмечена редкая личность, хранящая в себе «внутреннее солнце», сообщающее ей «священное достоинство». «Я предполагаю, что внутреннее солнце — привилегия исключительных натур — пробивает изнутри этот внешний слой, проявляясь на поверхности в форме родинки — отметины божественных

* Луис Пауэлс (цит. соч.) приводит историю о родинке на стр. 36 и следующих.

** Пьера Дэ, например.

творцов. Конечно, и обычные люди могут иметь родинки, в большом количестве, разбросанные наугад, располагающиеся как придется. Но у существ исключительной психологической организации родинки являются отражением внутреннего солнца, заключенного в них божественного начала».

Дали любит трогать этот отличительный знак Гала. Он прикасается к нему, как к амулету, всякий раз, когда чувствует себя взволнованным, смущенным или неуверенным. Это родимое пятнышко способно облегчить его страдания, успокоить и в то же время вдохновить, вызывая в его мозгу сладострастные картины, завораживающие его: колокольня Жероны в лучах заходящего солнца, колокольня Делфта или Венеции, или маленький пляж Порт-Льигата, за которым присматривает божество из детства — гора Пени. Родинка Гала благосклонна к нежности, но она также способна вызывать необузданные желания. Но еще более, чем магическим явлением, родинка является знаком двойственной принадлежности, доказательством того, что Дали, выбрав Гала, не ошибся, нашел в ней точный отзвук того, что всегда искал: «Эта родинка, закрывающая тело Гала, закрывает мое внутреннее пространство».

Когда Дали описывает свою любовь к Гала, лучшее сравнение он находит в мифологии: Гала становится Ледой, царицей Спарты, женой Тиндара, которая влюбилась в главного из богов. Зевс, чтобы соблазнить Леду, превращается в лебедя и овладевает ею. Как рассказывает одна легенда, Леда снесла два яйца, из которых появились две пары близнецов: Кастор и Полидевк, Елена и Клитемнестра. Леда — это любовница, та, которой уда-

лось соблазнить первого из богов. Но прежде всего она мать, мать мифических близнецов. Впрочем, Дали всегда воспринимал свою жизнь как двойственное существование — через брата, умершего за несколько месяцев до его зачатия. Свою жизнь он воспринимал как реинкарнацию старшего брата. Леда становится навязчивой идеей. Жену, открывшую его сексуальность, он отождествляет также с матерью. Гала удовлетворяет его потребность в материнской заботе. Она разбила яйцо, из которого, как Дали считает, он родился во второй раз после Сальвадора, похожего на него, исчезнувшего и ожившего в нем.

В 1949 году, когда заканчивалось пребывание супругов в Америке, Дали пишет «Атомную Леду», довольно большое полотно (61 × 45 см), для которого Гала позировала в Нью-Йорке многие месяцы. Она сидит обнаженная на колонне, левая нога согнута и кончиками пальцев касается книги, правая нога слегка отведена в сторону, под ее стопой — другая книга, руки разведены, правая обнимает шею лебеда; Гала готова одарить лаской летящее с распростертыми крыльями, готовое прижаться к ней животное. Фоном для картины служат зеленое небо и море без волн и без пены. Вдали, между морем и небом, — две высокие скалы; они вызывают, навевают ностальгическое воспоминание о мысе Креус. Дали в изгнании не забыл своего любимого пейзажа, он помнит все до мелочей. Главная буква «А» (как в слове «atom», она есть в имени Гала, а еще с нее все начинается) плывет по воде на переднем плане и смотрится в свое отражение.

Гала великолепна: ее тело — совершенных форм, грациозное — написано в персиковых то-

нах. Кажется, что она тоже плывет в состоянии невесомости — между воздухом, водой и землей. Третий присутствующий на картине элемент — коричневый песчаный берег. Гала вся сияет здоровьем, красотой и молодостью. Но сила, исходящая от ее великолепного обнаженного тела, не является ни сладострастной, ни чувственной. Возникает ощущение того, что она непохожа на всех смертных, недоступна, она богиня, подчиняющая себе явления природы. На подиуме из книг, как на ковре-самолете, Гала поднимается над миром. На картине она солнце, неулыбающееся, «атомическое» солнце, неуловимое и полновластное.

Дали называет это полотно «разгадкой [их] жизнью»*. В центре картины — Гала, богиня-мать, у ее ног покоится скорлупа от разбитого яйца. Бесплодная в результате операции, отнюдь не испытывающая материнских чувств — она доказала это своим отношением к дочери, — Гала, однако, в воображении художника является матерью, вдохнувшей в него жизнь. Своим существованием он обязан Гала. Она породила Дали. Веря в Дали, употребляя все свою энергию для его блага, внушая ему свою веру, Гала «сделала» его. И он воздает ей должное двадцать лет спустя после их встречи.

Дали любит Гала за то, что она поддерживает его нарциссизм. Художник любит себя через Гала. «Я видел в ней, — говорит он о родинке, — ключ к моей личности и начало моего гения». Любовь для него — всего лишь возвышенная форма любви к себе. Женщина отходит на второй план, уступая место божественной и обожаемой матери. Субли-

* Робер Дешарн «Мир Сальвадора Дали». Paris: Edita, 1984, стр. 212.

мация продолжается; она поднимается еще на одну ступень, когда Дали, забросив античную мифологию, черпает вдохновение в итальянском Возрождении. И вот Гала уже в образе Мадонны — так называют Богоматерь в латинских странах.

«Гала — Мадонна», «Мадонна Гала», написанные в то же время, что и «Атомная Леда», и способствующие созданию мифа, проникнуты верой в Гала; навеянны обе «Мадонны» Порт-Льигатом. Одна маленькая (49 на 36 см), другая — самая большая из картин, когда либо написанных художником (90 на 150 см). Гала изображена в центре, как и на картине «Атомная Леда», и тоже в состоянии левитации: она парит между морем, небом и землей. Тело Гала полностью скрыто — видна лишь обнаженная ступня правой ноги — под тяжелыми складками ее одеяния; глаза опущены; руки сложены в смиренной молитве. В ее развернутом к горизонту животе находится младенец Христос — белокурый ребенок; его живот тоже открыт к светлomu будущему. Земные, воздушные и морские символы окружают Гала: ракушки, развалины, сушеная рыба, колючий цветок, корзинка с хлебом, кусок мяса, носорог, пустая раковая скорлупа — все эти разрозненные символы кажутся тем единственным, что осталось от мира после взрыва. Яйцо, висящее в паутине, находится над головой Гала. Тень от двух расположенных по обеим сторонам картины скал, падающая на воду, усиливает впечатление нереальности или сюрреальности. Композиция и белый, отливающий синевой цвет придают торжественный и даже, скорее, искусственный характер этому двойственному произведению, посвященному Непорочному Зачатию, Богоматери Гала, Матери Иисуса и всего Мира.

В идеализации — можно сказать, в беатификации* — Гала, поднятая до недостижимых высот, застывает. Она теряет свой цвет, как бы выходит из телесной оболочки. Она лишена эротичности, она священна. На картине Гала в образе Мадонны совсем не похожа на себя: смиренный, набожный вид настолько несвойственен ей, что не вызывает никаких мыслей ни о подлинной доброте, ни о благородстве, ни о скромности. От картины веет фальшью и помпезностью. Но для Дали это поступок. Изображение Гала в образе Мадонны означает для него возвращение к религии и классицизму, его желание связать свой образный мир с религтозной космогонией, а также его желание причислить Гала к лику святых и заявить об этом всему миру.

В то время как Дали воспекает Гала в образе Богородицы эпохи Возрождения и ищет для этого вдохновения в творчестве Микеланджело и Фра Анджелико, в то время как он обращается к классицизму, Нью-Йорк — этот город с начала войны стал столицей всех искусств — рождает новых идолов: абстракционистов — художников и скульпторов. Александр Колдер, американец из Филадельфии, создает свои скульптуры на ножках из железа; его металлические «мобили» и «стабили» приходят в движение при малейшем дуновении ветра. Они представляют собой правильные геометрические формы, оживающие при движении воздуха. Джексон Поллок, американец из Вайоминга, большой почитатель Макса Эрнста изобретает *action painting*** . Его живопись — это

* Причисление к лику блаженных (прим. пер.).

** Форма абстрактной живописи — разбрызгивание краски по холсту (прим. пер.).

пятна краски, произвольно падающие на огромные холсты, создающие тем самым причудливые изображения. Роберт Мазервелл и Вильям Базис — от также принадлежат к новой «школе», которую известный критик из «New Yorker» окрестил как «абстрактный экспрессионизм». Он особенно расцвел в галерее Пегги Гутенхайм. Там представлены работы самых авангардных художников — целого поколения, которому Сальвадор Дали противостоит как одинокий ковбой. Он отвергает абстрактное искусство, вообще не считает его искусством и громко, во все услышание, об этом заявляет.

«Я провозглашаю жизнь, провозглашаю будущий стиль, — заявляет он. — Пришло время объединяться, вместо того чтобы разъединяться, и создавать... Хватит отрицать! Нужно утверждать... Стиль должен прийти на смену автоматизму, техника должна заменить нигилизм, вера — скептицизм, строгость — небрежность, индивидуализм и порядок должны сменить коллективизм и однообразие, традиция — экспериментаторство. После Реакции и Революции — Возрождение»*. Дали сказал свое веское слово.

Почти сразу же по возвращении в Европу Дали подарит Папе Пию XII во время аудиенции, устроенной супругам 23 ноября 1949 года, самую маленькую из двух «Мадонн». В ходе беседы он попросит у Пия XII разрешения на церковный брак с Гала, но его просьба не будет удовлетворена. Несмотря на то, что Гала является спутницей жизни художника католического вероисповедания и сама исповедует католицизм, с нее не

* «Тайная жизнь Сальвадора Дали», стр. 305.

снимается вина за развод: для церкви она — паршивая овца*.

«Рыцарь традиции» — так Сальвадор Дали называет себя, чтобы выделиться из течений абстрактной живописи, — принимает отказ Папы на венчание с Гала как настоящее оскорбление. Для Дали, который мечтает о единении с существом, жизненно ему необходимым и дополняющим его, отказ церкви мешает довести до совершенства идею об обожествлении их союза, а также созданию мифа о божественном происхождении Гала. Призвав Небо служить Гала, он приходит в книге о своей тайной жизни к такому выводу: «Небо не расположено ни вверху, ни внизу, ни справа, ни слева. Небо заключено в самом центре грудной клетки человека, обладающего Верой»**.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПЕЧАЛЬНЫМ РЕАЛИЯМ

С толь долгожданное событие наконец настало: 6 июня 1944 года войска союзников под командованием генерала Эйзенхауэра высадились в Нормандии, на пяти пляжах Орны в Котантене, и ценой жесточайших сражений при взя-

* По-французски «паршивая овца» — brebis galeuse. Имя Gala созвучно слову «galeuse» — паршивая (прим. пер.).

** «Тайная жизнь Сальвадора Дали», стр. 308.

тии Шербура, Кана, Авранша, Ле-Мана и Шартра отбросили немцев на восток. В августе Париж был освобожден. 26 августа генерал де Голль прошел по Елисейским полям вместе с членами Национального совета движения Сопротивления и парижского комитета Освобождения. В результате осуществленной высадки союзников в Провансе, вместе с 1-й Французской армией под командованием де Латра де Тасини, 28 августа был освобожден Марсель, затем, 3 сентября, — Лион. В январе 1945 года вся территория была наконец возвращена Франции. Немцы были изгнаны за Рейн.

С июля 1944 года началась чистка. Пришло время расплаты. На волне короткой расправы за доказанные и предполагаемые факты сотрудничества с врагом — коих было от тридцати до ста тысяч, по разным данным, — один за другим проходят процессы в специально созданных судах, для того чтобы судить предполагаемых или явных коллаборационистов. С 1 по 31 декабря 1945 года было вынесено более семи тысяч смертных приговоров, около четырех тысяч человек казнены. Во Франции царит атмосфера веселья и отмщения, а также горечи: четыре года оккупации принесли французам серьезные лишения. Элюар пишет в «Charniers» («Братские могилы»):

Рассвет встает над разбойничьим притоном
Освещает черные груды развалин
Таит среди зыбких теней
Среди отвратительных объедков
Среди гнусных тайн*.

* В сборнике «Лицом к лицу с немцами». Полн. собр.соч., т. 1, стр. 1270.

ГДЕ РАДОСТИ И МЕЧТЫ...

18 марта 1945 года Гала и Поль возобновляют переписку, прерванную с началом войны. Они не писали друг другу с 7 октября 1940 года и все это время ничего не знали друг о друге. Как только Поль наконец получил нью-йоркский адрес Гала (он действительно не знал его, потому что пишет Гала: «К нашей большой радости, мы наконец раздобыли твой адрес!»*), он информирует свою бывшую жену о положении во Франции: «Жизнь здесь очень трудна. Люди болеют... У нас не топят... Холод невероятный». Элюар советует Гала не возвращаться тотчас же, подождать, пока Европа залечит свои раны: «Жизнь очень тяжелая. И грустная». Письмо написано усталым человеком, ужасно усталым.

Поль только что закончил сборник «Лицом к лицу с немцами». Он отправляет его Гала как свидетельство того, чего ей удалось избежать благодаря изгнанию: жутких и постыдных военных лет, особенно оккупации. «Voir clair ne sonne que ténèbres» [«Ясновидение не предвещает ничего, кроме тьмы»], — пишет Элюар. Стихи кричат о возмездии:

Нет неба более сияющего
Чем то, над которым предатели сгинут.

И нет на земле спасения
Нет прощения палачам**.

* «Письма к Гала», стр. 305.

** «Продавцы индульгенций». Полн. собр. соч., т. 1, стр. 1274.

Прошлое Элюар резюмирует одним коротким абзацем, без лишних подробностей (в первом письме Гала от 18 марта 1945 года): «Мы пережили весь этот ужас. Мы надеялись, отчаивались, сопротивлялись, боролись, как могли, и старели. Я даже разучился смеяться». Он пишет, что им с Нуш удалось ускользнуть от гестапо и что они вынуждены были прятаться целый год. Пять лет жизни — в нескольких фразах... Роскошной Гала, процветающей и похорошевшей, Гала, не знавшей ужасов войны, Гала, пышущей здоровьем, излучающей силу на полотнах Сальвадора Дали, пишет преждевременно состарившийся Элюар, Элюар уставший, ослабевший, с поседевшими волосами. Он начал носить — о чем не без кокетства сообщает — очки, чтобы читать: «Я теперь действительно похож на старичка». Рядом с ним — похудевшая и также поседевшая Нуш, перенесшая все то, что неведомо Гала: войну, лишения, страдания. «Нуш собирается выкрасить свои седые волосы», — пишет Поль Гала.

Послевоенное время было суровым. Введена нормированная продажа продуктов питания, табака, топлива и одежды. «Идет жестокая битва за выживание». Как только Гала узнала, какие лишения терпят Поль, его жена и Сесиль, она начинает отправлять им через нью-йоркское отделение «Victory Gift Parcel and Co» посылки с настоящими сокровищами: концентрированным молоком, витаминами, кофе, растительным маслом, шерстяными пуловерами. «Не покупай "Коффикс": этот странный напиток нельзя пить», — пишет ей Поль. Для постаревших, ослабевших за годы войны Элюаров, супруги Дали играют роль преуспевающих американских дядюшки и тетушки. Во Франции жизнь трудна, но у них за океаном все складывается хорошо. Они беспокоятся так-

же о здоровье старых друзей. «У Арагона и Пикассо есть все, что им нужно, — отвечает Элюар. — Впрочем, и у нас все идет хорошо».

Чтобы отблагодарить Гала за благородство, Поль хочет ей помочь: «Я всегда буду твоим слугой и защитником». У него есть ключ от квартиры Дали на Университетской улице (его оставила Гала, уезжая). Опасаясь реквизиции, Элюар организует перевозку оставшихся там картин и мебели и занимается поиском «подходящих» жильцов. Он заботится об имуществе Гала, как о своем собственном. Он занимается также налоговыми и финансовыми вопросами, посылая ей отчет об общей сумме расходов в надежде на вознаграждение. Знает ли Поль, что Дали и Гала богаты, невероятно богаты? Он уже не так хорошо информирован, как до войны, ему не известна котировка художников на рынке в Америке. Гала посылает ему репродукции картин Дали, которых Элюар еще не видел, и в частности, той, на которой Гала изображена с обнаженной грудью, — «Galatina». «Ты по-прежнему молодая и хороша собой [...], **Галарина** — самая яркая из звезд»*. Для Элюара Гала не изменилась.

Впрочем, как и его чувства к ней. Письмо от 18 марта свидетельствует о преданной любви: «Все изменилось, кроме моего сердца, — пишет Элюар в первых строках письма. — Прошлое ушло очень далеко, но не ты, потому что ты навсегда осталась во мне, маленькая моя Гала...» Он называет ее «маленькая, дорогая Гала», говорит, что целует ее, «как всегда», и добавляет: «Моя Гала из Клаваделя, моя вечная маленькая девочка». Элюар посылает Гала свою последнюю книгу «Непрерывная поэзия» и

* «Письма к Гала», стр. 313 и 314.

просит написать свое мнение о ней, потому что Гала навсегда осталась его «лучшим читателем». Поль просит у Гала каталоги с выставок Дали, а также книги, которые не может раздобыть во Франции, и Гала вскоре их ему вышлет. Книги до самого конца останутся их самыми верными посредниками.

Если Поль Элюар перестал разбираться в котировках и модах на художественном рынке и нуждается в информации для того, чтобы идти в ногу со временем, то Гала, в свою очередь, утратила связи с французской поэзией. Она ничего не знает о Сопротивлении, ничего не знает о новых поэтах, появившихся за годы войны, ничего не знает об Элюаре как о певце свободы, о том, что он также, как и Дали, но по-своему, стал очень знаменитым. Он уже не тот молодой человек, что издавал за свой счет сборники стихов и был известен преимущественно в Париже. Элюар стал одним из самых известных поэтов Франции. Школьники и студенты читают его стихи наизусть, и увидеть, услышать его, поговорить с ним приезжают люди со всей Европы. Он так популярен и так широко известен, что не в состоянии отвечать всем и даже вынужден оберегать свое с Нуш уединение. Элюар очень активен, несмотря на переутомление. Он сотрудничает с многочисленными газетами и журналами, выступает перед читателями в Греции и Югославии, в Италии и Чехословакии. Его повсюду восторженно встречают, он продолжает писать стихи, и можно сказать, что он находится в зените своей славы. И хотя Элюар продолжает жаловаться на некоторые финансовые трудности, он уже не так беден, как в тридцатые годы. Он пишет Гала, не слишком заостряя внимание на сообщаемом факте: «Я теперь довольно неплохо получаю за свою

"писанину"». Или о том же: «Мои книги очень хорошо продаются. Заказов приходит больше, чем я могу выполнить». И еще: «После освобождения я хорошо получаю за свои стихи. Больше, чем я когда-либо надеялся на них заработать»*.

Элюар по-прежнему живет скромно, без показухи, без прислуги (хозяйством и кухней занимается Нуш), и это полная противоположность стилю жизни Дали и Гала в их американской гостинице. Кроме общественной жизни с обязательными и необходимыми выходами в свет, путешествиями и выступлениями, Элюар занимается своей семейной жизнью, в особенности Нуш, прочно поселившейся в его сердце, нежные слова о которой он пишет Гала и Дали за океан. Но он также заботится и о своей дочери Сесиль. Сесиль разошлась с Люком Деконном и вышла замуж за художника Жерара Вильями. Ей очень не хватает матери, и она переживает из-за того, что совсем не получает от нее известий.

Элюар ни в чем не упрекает Гала. Он никогда не написал ей, что она «отсутствующая» мать, далекая от своего ребенка, но он постоянно пишет об их дочери и пытается передать ей страдания молодой женщины, ее желание быть любимой. «Она любит тебя ностальгически, — деликатно пишет Элюар Гала, намекая, что она должна бы почаще и с большей нежностью писать дочери. — В юности она была обделена любовью. Она многие годы была очень одинока». И только много позже, в 1948 году (Сесиль было тогда тридцать лет), Поль осмеливается выражаться яснее. «Ей кажется, что ты больше не любишь ее и что она больше с тобой не увидится, — пишет Элюар об их единственном ре-

* «Письма к Гала» стр. 306.

бенке. — Она, такая сдержанная всегда, плачет всякий раз, когда говорит о тебе»*. Но Элюар по-прежнему защищает Гала, он никогда не захочет обидеть ее, причинить ей хоть малейшее огорчение: «Прошу еще раз, моя навсегда маленькая Гала, не переживай из-за этого. Ты можешь все уладить, если напишешь ей нежное письмо и пришлешь что-нибудь, чтобы она знала, что ты думаешь о ней...»

Леда, так по-матерински обращающаяся со своим «маленьким Дали», не умеет быть матерью по отношению к собственной дочери; еще в меньшей степени она годится для роли бабушки. Перед рождением у Сесиль ребенка Гала посылает для новорожденного приданое голубого цвета — она никогда не скрывала своего разочарования по поводу того, что имеет дочь, а не сына. Гала не приедет для того, чтобы присутствовать при родах или хотя бы посмотреть младенца (девочку, конечно): Дали занимает ее полностью.

Может, она боится состариться, приняв на себя роль бабушки? Или ей неприятна мысль о том, что рождающиеся поколения отодвигают ее в третий возраст? Может быть, она хочет навсегда остаться «маленькой Гала» для Поля Элюара, его «девочкой», его «вечно маленькой девочкой», как он называет ее даже в пятьдесят лет? А может быть, у нее нет никаких чувств, совсем никакого материнского инстинкта? Это значит, что все ее чувства и женский инстинкт проявляются в материнском отношении к мужчинам, которых она любит: к Дали, как ранее к Элюару, как вскоре и к другим молодым людям.

Послевоенное время несет свои несчастья. В

* «Письма к Гала», стр. 324.

1945 году в «Сан-Реджис» приходит телеграмма от сестры Гала Лидии о смерти их матери (она жила с 1925 года у своего сына Николая в Ленинграде, а последний короткий визит Гала в Россию состоялся весной 1927 года).

Советские войска «освободили» восточные страны. Они «освободили» Польшу в январе 1944 года, затем Румынию, Венгрию, Чехословакию и в ноябре перешли Дунай. Маршал Жуков вступил в Берлин в марте 1945 года, армии Паттона и Коневы соединились на Эльбе в апреле. Союзники одержали полную победу, ялтинские соглашения призваны обеспечить миру спокойствие.

Супруги Дали в Америке ведут себя осторожно, они предусмотрительно ждут, когда в Европе окончательно наступят мир и благоденствие, ибо не могут полностью доверять перемириям и договорам. Несмотря на ее русские корни, Гала не является сторонницей Советского Союза, напротив, настроена она проамерикански. Она так же, как и Дали, антикоммунистка и враждебно относится к СССР — как к его политике, так и к философии.

Между супругами Дали и супругами Элюар пролегла настоящая идеологическая пропасть: насколько Гала и Сальвадор верны своей независимости и комфорту, принадлежности к элите, настолько Поль и Нуш культивируют дух коллективизма и добродетели партии, которую считают самой элитарной из всех существующих. В письмах Поля к Гала почти никогда не говорится о собственно политике. Оба они знают, что в этой области у них нет ничего общего; они плывут на враждебных кораблях. Едва ли Поль Элюар беспокоится по поводу шумных деклараций Дали, объявляющего громогласно и прилюдно — вечное желание провоцировать публику!

— о своей преданности генералу Франко. Андре Бретон, вернувшийся во Францию в 1945 году, распространяет о Дали, по словам Элюара, «сплетни»: «Я их пресекаю, как могу, — пишет он Гала, — но я был бы рад, если бы смог опровергнуть слух о том, что Сальвадор Дали написал портрет посланника Франко. Я хочу заткнуть глотку подлецам, коих немало»^{*}. Напрасный труд! Элюар в конце концов поймет: Дали вместе с Гала является сторонником монархии и противником левых марксистских сил, которые сам он защищает пылко и безоговорочно. Гала предстоит привыкнуть к тому, что ее бывший муж выбрал коммунизм. Поль, вынужденный объяснить свое решение не сходить с пути борьбы, пишет ей: «Я абсолютно предан своей партии, она не навязывает мне ничего, что было бы мне неприятно, напротив. Я полностью одобряю ее политику». Письмо написано 6 августа 1946 года.

Послевоенное время увеличило пропасть, наметившуюся уже много лет назад, между яростными реакционерами Дали и столь же яростными революционерами Элюарами. Для Дали выдающейся личностью является Франко, для Элюара — Сталин. Но ни Гала, ни Нуш не терзаются по этому поводу: и та и другая выбрали партию своего любимого мужчины. Они это сделали тихо, но решительно, и не дают на этот счет никаких комментариев.

В 1946 году смерть постучалась вновь, самым неожиданным и трагичным образом. Поль Элюар в качестве постоянного клиента с хрупким здоровьем в течение нескольких недель отдыхал в Монтане, в одном из знакомых ему швейцарских санаториев, когда ему сообщили о скоропостиж-

^{*} «Письма к Гала», стр. 309.

ной смерти его жены. Нуш находилась у изголовья больной мадам Грендель, в ее комнате на улице Ордене, когда вдруг упала, будто сраженная ударом молнии. Она умерла от кровоизлияния в мозг. Это случилось 28 ноября. Поль пишет:

Нам не дано состариться вдвоем.
Вот день
Ненужный: время
Стало лишним.*

Им не суждено встретить старость вместе. Поль Элюар сражен. Весть о смерти Нуш застала его в там, где все, казалось, соответствовало его мечтаниям и способствовало его душевному равновесию. За три дня до печального известия он сообщал Гала о том, что вновь обрел счастье, что «пишет стихи в горах, так хорошо знакомых им обоим». Он был почти счастлив. После смерти Нуш Элюар впадет в отчаяние на долгие месяцы. Его состояние очень тревожит близких друзей и дочь. Первые даже боялись, что Элюар покончит с собой. Сесиль в марте 1947 года напишет Гала, что ее отец «безутешен после смерти Нуш»: «Я не знаю, как ему помочь... Чем я могу его развеселить?..»

25 ноября, за три дня до смерти Нуш, Элюар признается в том, что осуществил аутодафе: порвал все письма, написанные ему Гала с момента их первой встречи. «Я надеюсь, что ты хочешь так же, как и я (я в этом даже уверен), чтобы после нас не осталось никаких следов нашей интимной жизни. Поэтому я рву твои письма»**. В один день Поль

* «Непрерывная поэзия». Полн. собр. соч., т. 1, стр. 108 (пер. М. Ваксмахера).

** «Письма к Гала», стр. 316.

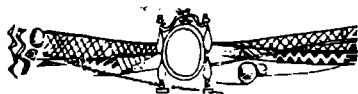
разрушил их общее прошлое. Сделал ли он это для того, чтобы забыть Гала, хотя и клялся ей в вечной верности и любви? Или из стыдливости не пожелал приоткрыть завесу над слишком тайным и слишком интимным, как он об этом говорит? Или его поступок — знак того, что им уже не быть вместе? Хотя Гала из них двоих в наименьшей степени тосковала по прошлому, она не поспешила последовать примеру Поля и до самой смерти хранила его письма, которые позже опубликовала их дочь.

Только пять писем получит Гала после смерти Нуш — или она сохранила только эти последние пять писем? Они по-прежнему нежные и сердечные, но короткие и написаны как бы на последнем дыхании. «Смерть, ощущение смерти, занимает во мне слишком большое место», — признается Поль Элюар*. Он жалуется на пустоту, в которую его ввергла смерть жены. «Моя Гала, прости мне этот тон. Я получил слишком большой удар. Жизнь моя опустошена». И слова — как похоронный звон — в конце письма: «Могила Нуш — это все, что мне от нее осталось». Голос Элюара гаснет, слова затухают. Он впал в глубокую депрессию и скорее пытается выжить, чем живет. О нем нежно заботятся его молодые друзья Жаклин и Ален Трюта. «Без их помощи, — говорит он Гала, — я ни за что бы не выжил».

У него нет больше смелости, нет сил. Но переписку он заканчивает словами любви. Элюар знает Гала тридцать шесть лет. Никогда, даже в период глубокой скорби после разлуки с Нуш, он не испытывает досады, не держит зла по отношению к ставшей далекой женщине, которую продолжает любить как бы за рамками своей собственной жизни. «Gilotchka doroгаia», — еще пишет он ей в июне 1947 года; затем в октябре и ноябре: «Галоч-

ка дорогая...» 21 февраля 1948 года — дата его последнего послания. Элюар сообщает «своей Галочке» новости об их дочери и внучке и, чтобы не очень ее огорчать, смягчает черные краски своего отчаяния. Прежде чем написать свою любимую концовку «А tpt.» («Твой навсегда»), он пишет свое последнее признание, последние слова любви: «Галочка, как бы я хотел с тобой увидеться!»

Впрочем, Галочка пакует вещи и готовит чемоданы. Они с Дали готовятся, наконец, покинуть Америку. 21 июля 1948 года Гала спустится с борта пакетбота, прибывшего в Гавр. Она — Алиса в стране чудес, как называет ее Дали: в волосах этой пятидесятичетырехлетней женщины большой черный велюровый бант, делающий ее похожей на маленькую девочку. Гала садится за руль «кадиллака», такого большого и глубокого, что ей с трудом удастся видеть нижний край ветрового стекла. Рядом с ней — испуганный Дали. Он нервно теребит усы и трясет тростью с золотым набалдашником, угрожая призракам. Гала направляется не в Париж. После восьми лет отсутствия она не торопится увидеть ни Поля Элюара, ни их дочь, ни внучку. Гала едет на юг. Прямо к Порт-Льигату. Дали возвращается домой. И Галочка, равнодушная к прошлому, но очень внимательная к желаниям своего великого мужа, везет его туда.

Последние огни

ДОМ С ЯЙЦАМИ НА КРЫШЕ

Пейзаж не изменился, люди остались те же. В Порт-Льигате небо и море, оливковые деревья и серая галька на берегу ничем не напоминают о войне (мировой и гражданской), и хотя крестьянам и рыбакам пришлось нелегко (лишения не обошли стороной ни одну из семей в Кадакесе), им удалось сохранить свои прежние обычаи и простой и строгий образ жизни. В разгар лета, во время жары, раскаляющей добела улицы деревни, среди мужчин в рубашках с закатанными рукавами, обутых в сандалии, суесящихся на пристани у своих лодок или потягивающих густой черный кофе в Мирамаре, среди женщин, большей частью одетых в траур — строгие юбки и темные косынки, — появляется черный «кадиллак» Дали, сияющий хромированными деталями, и это становится целым событием. До тех пор только у врача была машина скромной испанской марки. Их огромная роскошная «американка» резко выделяется на фоне грубоватого пейзажа. Она везет своих владельцев по пыльным козым тропам за холм, затем на север, к закрытой бухте, где их ждет старая лодка. Ее появление произвело сенсационный эффект. Но возвращению земляка ни-

кто не удивляется: каталонец, добившийся успеха в жизни, является гордостью всех каталонцев.

Прежде чем поехать по дороге, обсаженной оливковыми деревьями, серпантинном поднимающейся к Порт-Льигату, «кадиллак» останавливается на деревенской площади. Дали выходит и направляется к отцовскому дому. Гала остается в машине, пока Дали не встретится — после десяти лет разлуки — со своими родственниками. Сначала отец, затем сестра сжимают его в своих объятиях, позабыв бывшие обиды. В доме ничего не изменилось с детства Сальвадора. Его комната, пахнущая нафталином и лавандой, свободна, тетя и сестра ее ревниво оберегали. Вошла Гала и нарушила атмосферу безмятежности. Дали-отец очень постарел. Он простил своего сына за то, что тот уехал с иностранкой, но Анна-Мария считает Гала источником всех своих страданий, узурпаторшей, лишившей ее брата. Во время гражданской войны сестра Дали была заключена в тюрьму, ее пытали, и она вбила себе в голову, что на нее донесла Гала, что Гала хотела ее смерти. В первый же день женщины начинают ссориться. Двери отцовского дома вновь захлопнутся перед непонятыми Сальвадором и Гала — теперь уже навсегда. Когда Анна-Мария год спустя после возвращения брата в родной край напечатает рассказ об их детстве («Salvador Dalí visto por su hermana»*), у них произойдет окончательный разрыв. Теперь уже Дали не мог простить: он навсегда обидится на сестру за то, что она сделала из него очень правильного, ангелоподобного героя, в котором он себя не уз-

* Барселона, Juventud, 1949; французское издание: «Сальвадор Дали глазами своей сестры». Париж, Arthaud, 1960.

нает, и изложила свою версию его жизни, которую художник считает неправдоподобной. После выхода в свет этой книги Дали никогда больше не появится в Кадакесе, чтобы повидать близких. До самой смерти, то есть до 21 сентября 1950 года, его отец будет приходить на площадь и долго сидеть там на одной из скамеек в надежде увидеть своего сына... Дали вернется в отцовский дом лишь для того, чтобы попрощаться с лежащим на смертном одре стариком.

В Порт-Льигате белый домик, возле которого остановился «кадиллак», и близко не напоминает роскошные американские отели, в которых супруги жили в последние годы. Так как Сальвадор и Гала стали богатыми, и даже очень богатыми, они вскоре расширят и обустроят его, но он никогда не станет похожим на дворец. *Casa Dalí* — так его будут называть в округе — так и останется рыбацким домом. Его в течение многих лет будут достраивать частями, при всяком удобном случае присоединяя к «дому Лидии» соседние с ним домишки. Строительство будет вестись постепенно, неспешно, без какого бы то ни было плана, как бы по воле случая. «Наш дом действительно рос как некая биологическая структура, размножаясь клеточным отпочкованием»*, — будет рассказывать Дали Луису Пауэлсу.

Снаружи дом похож на крепость: строгого вида, с черепичной крышей над простым белым фасадом, почти без дверей и окон в еще большей степени, чем каталонская вилла — обычно розового цвета и открытая солнцу, — он напоминает

* «Дали мне рассказал», стр. 20.

мавританское жилище. Этот дом построен для того, чтобы охранять тайны тех, кто в нем живет.

Внутри это лабиринт, множество комнат, расположенных на разных уровнях, соединенных между собой сложными узкими лестницами и коридорами. Стены побелены известью, полы выложены терракотовой плиткой или покрыты сизалем. В прихожей — деревянные стулья, старый сундук и чучело канадского медведя в натуральную величину (подарок Эдварда Джеймса). Слегка пожелтевшее за время путешествия чучело служит подставкой для тростей и зонтиков. Затем идут две белые гостиные, почти не меблированные. В столовой также почти ничего нет, кроме прямоугольного, по-монашески строгого дубового стола, украшенного двумя железными светильниками. Здесь Дали и Гала принимают пищу, сидя рядом на деревянной скамье, когда на улице слишком холодно или слишком ветрено. Несколько ступенек, затем поворот, еще один — и создается впечатление, чтоходишь в грот, в пещеру, а на самом деле оказываешься в необыкновенном салоне, окрещенном Дали «Яйцом Гала». Это большая комната овальной формы, вдоль которой расположены каменные сиденья; единственным украшением комнаты является колоссальных размеров, круглый, белого цвета камин, опоясанный кирпичным фризом. Расположенное на его фронте — конечно же, круглой формы — зеркало, из тех, что называют «колдовскими», дает искаженное изображение овального пространства. Вся обстановка одновременно строгая и необычная, зародышевая и китчевая. Чтобы как-то украсить пустынный интерьер, Гала положила на скамейки подушки из

индийского шелка, а на табурете у камина поставила самовар.

В эту комнату в форме яйца Гала чаще всего приходит, когда остается одна. Она приходит сюда читать, мечтать, шить, писать письма... Еще несколько ступенек... На самом верху лабиринта, возвышаясь над гостиной со скамьями шафранового цвета, в которой расположены два огромных зерна и раковина улитки, находится комната супругов. Она «подвешена», как антресоль, и смотрится в море, отражаясь в зеркалах. Две огромных сдвоенных железных кровати, отделанные золотом, под балдахином из голубого с розовой вышивкой шелка, придают спальне торжественный, царственный вид. Из всех комнат дома, эта — впрочем, почти пустая, поскольку в ней нет ничего, кроме старого комода без признаков определенного стиля и зачехленного кресла, — выглядит наименее помпезно. Словно Дали, единственный архитектор своей «саса», захотел создать комнату для мифологических близнецов: здесь есть кровать Сальвадора и кровать Гала, как есть Поллукс и Елена или Кастор и Клитемнестра, брат и сестра, родившиеся из двух яиц Леды. Дали считает, что Поллукс — это он, а Гала — это Елена. Поллукс — потому, что этот мифический персонаж тоже заменил в жизни своего умершего брата, Елена — потому, что она самая красивая женщина в мире... и потому, что это настоящее имя Гала; Елена и Поллукс — это мечта об абсолютном и родственном союзе, мечта о яйце, желающем слиться с другим яйцом. Это также мечта о союзе кровосмесительном, невозможном между двумя существами, рожденными, чтобы любить друг друга, и не име-

ющими права соединиться. Ночной столик, разделяющий кровати, имеет символическое значение: не владеет ли изобретенный Дали «кледализм» тайной их спальни?

Кроме гостиной, столовой и спальни, в одном из отдаленных уголков лабиринта прячется самая живая, самая симпатичная и самая теплая комната — это мастерская. Она не исключена из жизни «casa» и составляет с ним одно целое. Мастерская также состоит из соединенных между собой разных по размеру комнат и включает в себе многие сокровища. Это не только мольберты, полотно, кисти, краски, но и масса всяких разных вещей: фотографий, книг, гравюр, рогов носорога, ракушек, корней, сухих веток и даже театральных костюмов. Здесь есть микроскопы, странные приборы для измерения времени и пространства и бюретки алхимиков. Все здесь чисто и если не упорядочено, то организовано: за всем, включая мастерскую, следит Гала, здесь она, несмотря на свое пристрастие к строгости и порядку, прощает Дали некоторый беспорядок и импровизацию, его страсть к причудливым вещам, разнородным, неожиданным формам. В то время как остальная часть дома — как и сама Гала — застегнута на все пуговицы и страдает избытком строгости и серьезности и обязана своим очарованием глубоко символическим архитектурным изобретениям Дали, эта особенная комната — владение Минотавра, сердце лабиринта, пещера в пещере — с ее светом и сокровищами просто очаровательна.

В Порт-Льигате все прекрасное белое пространство вместе с нависающей над морем террасой из кирпичей, изъеденных водорослями, в первые послевоенные годы принадлежало только Гала

и Сальвадору. Они одни; здесь, на краю света, — только они и двое их слуг. Артуро, молодой рыбак, почти подросток (они наняли его летом 1948 года), будет их метрдотелем, садовником, шофером, мастером на все руки почти в течение сорока лет. А Пакита — кухаркой, она большой специалист по приготовлению лангусты в шоколаде — одного из самых любимых блюд Сальвадора Дали, он всегда предлагал его посетителям, впервые приезжавшим в Порт-Льигат. До конца пятидесятых годов супруги лишь изредка принимали избранных гостей — потенциальных клиентов, приехавших посмотреть, как работает мастер в своем ателье. Гости приглашались на обед или на аперитив, за которым следовал ужин. Но Дали и Гала никогда не предлагали гостям разделить с ними уединение. В «casa» Дали нет комнаты для друзей. Друзья ночуют в отеле Кадакеса или на своей яхте, если они приехали по морю. Анри-Франсуа Рей, тонкий знаток местных обычаев, писал, что «casa» придерживается правил постоянных дворов, принимавших паломников в Компостеллу: «Здесь предлагают выпить и поесть, ночлега не предоставляют»*. В остальное время, не занятое светскими обязательствами, одиночество супругов свято.

Об этом свидетельствует вся архитектура дома. Снаружи нельзя рассмотреть, что находится внутри: стены похожи на крепостные, большей частью без окон, почти глухие. Интерьер дома настолько негостеприимен, что, кроме хозяев и прислуги, почти никого не пропускают дальше медведя в вестибюле и «столовой» с металлическими светильни-

* Анри-Франсуа Рей «Дали в своем лабиринте». Grasset, 1974, стр. 23.

ками. Если журналисты, фотографы и коллекционеры бывают в мастерской в часы, когда они не могут опасаться, что слишком мешают Дали (под вечер), то доступ в гостиную для них закрыт. И только в исключительных случаях какому-нибудь выдающемуся гостю показывают «Яйцо Гала». Все внутри дома — это ее владения. Гала не любит туда впускать посторонних.

Для приема гостей и для того, чтобы общественная жизнь не мешала жизни частной, Дали соорудил патио*. Дворик окружен круглой галереей, обсажен оливковыми деревьями и находится на открытом воздухе, но защищен от ветра и нескромных взглядов каменной стеной. Он как бы является ступенью, разделяющий мир внешний и мир интимный, то, что снаружи, от того, что внутри, жизнь других людей от жизни в яйце. В патио ведет дорожка из побеленных известью плит, которую Дали назвал «Млечным путем». На террасах, расположенных над двориком, Гала посадила лавандовые кусты, гвоздики и лилии. Но вдоль всего «Млечного пути» растут гранатовые деревья: Гала придумала это, чтобы удивить Дали. На этих деревьях вызревают его любимые фрукты. Эти фрукты с кисловатыми, лопающимися на зубах зернышками великолепного огненно-золотистого цвета принадлежат Востоку, но в легенде о золотом яблоке они принадлежат Елене.

На одной отретушированной фотографии, которую можно сравнить с картиной, Дали изображает Гала с закрытой *melaya*** нижней частью лица. Он выделяет ее взгляд, сверкающий, как звезда.

* Патио — испанский внутренний дворик (прим. пер.).

** Полупрозрачная вуаль, закрывающая лицо женщин из гарема.

Лицо Гала окружено четырьмя половинками треснувших гранатов, формирующих пирамиду. Легенда о Елене дополняет миф о Леде. Это образ женщины, которая нравится мужчинам, той, что является одновременно предметом и источником всех их неприятностей. Украденная троянцем Парисом у ее мужа Менелая, Елена явилась причиной Троянской войны. Эта женщина вызывала бури: она выводила мужчин из себя, заставляя их совершать безумства. Такой, не без юмора, изобразил Гала художник: по-матерински нежная и волнующая, ласковая и опасная, добрая и властная.

Начиная с шестидесятых годов «фаны» Дали, коих становится все больше и больше, приезжают посмотреть на мэтра. Летом в Порт-Льигате постоянно толкуются туристы в надежде получить аудиенцию. Когда они приходят к двери крепости в конце «Млечного пути», там их встречают Артуро или Пакита. Они предлагают гостям присесть на скамьи или соломенные стулья. Их просят подождать, угощают шампанским (розовым, испанским) или виски, если они пожелают. Туристы вынуждены долго ждать, прежде чем появится хозяин дома. А он приказал соорудить в глубине патио трон под балдахином из белой ткани! Мизансцена всем понятна и довольно безвкусна: посетители исполняют роль придворных, пришедших увидеть Короля-Солнце.

«Обязательное поведение в ожидании мэтра, — пишет Анри-Франсуа Рей, который очень любил Дали и находил забавными все его выходки, — это голос на тон ниже, умеренные движения... Атмосфера такая, как в зубоврачебном кабинете»*.

* «Дали в своем лабиринте», цит. соч.; стр. 27.

Дали не появляется неожиданно — он объявляет свой приход издали, ему предшествуют шумы: Дали насвистывает и стучит тростью по плитам. Все слышат: мэтр идет. Анри-Франсуа считает, что делается это в знак вежливости. Король-Солнце — пол-агает Рей, хорошо знающий Дали, — робок, крайне робок, и весь этот театр необходим ему как защитный панцирь, а трость — это «оружие для защиты и нападения», которым Дали защищает свой фантастический мир «от всех тех, кто хотел бы проникнуть в него самовольно». Он бросает «Bonjourn!» («Здрррравствуйте!») как бы в никуда, затем начинает выступать перед своими посетителями с ошеломляющими монологами. Гала почти никогда не присутствует. Если она неожиданно появляется, то лишь к концу сеанса, с наступлением ночи. Она внезапно возникает, здоровается, почти не раскрывая рта, изображает на лице приличествующую случаю улыбку и исчезает тоже неожиданно, часто даже не попрощавшись. Насколько Дали любезен и вежлив с иностранцами, настолько Гала надменна и чопорна с ними. Иногда ее поведение граничит с грубостью: она окидывает посетителей насмешливым взглядом, не скрывая ни своего безразличия, ни своего раздражения. Она их не принимает — она их терпит, потому что они развлекают Дали, потому что они необходимы для культа его «я», потому что это позволяет ему расслабиться после долгой напряженной работы в мастерской. Гала позволила мужу учредить такой обычай: с шести до восьми, каждый день, если он пожелает, Дали принимает всех, кого захочет, и часто бывает, что всех, кто приходит. Это время его отдыха. Гала ему не мешает. Если Дали не хочет никого видеть, тогда Пакиа спускается к гос-

тям и объявляет, что мэтр не выйдет. И никаких объяснений. Пусть гости приходят на следующий день, если захотят. Возможно, мэтр и выйдет к ним, если ему захочется.

С годами посетителей, осаждающих летом дверь «casa» Дали, становится все больше. Их становится все больше и выглядят они все необычнее. Дали приходит от этого в восторг: странности его забавляют. Что же до Гала, то она разрешает их принимать, но скрипя зубами. Главное для нее — это чтобы Сальвадор мог продолжать работать. И Гала внимательно следит за тем, чтобы соблюдалось необходимое равновесие между работой и отдыхом. Она не всегда скрипит зубами беспричинно. Шестидесятые годы выдались занятыми. «Там можно встретить кого угодно, — рассказывает Анри-Франсуа Рей, видевший всю эту человеческую фауну. — Просто любопытный, иностранец, хиппи, хорошенькая девушка, журналист, приехавший все за тем же вечным интервью... Я встречал там иногда самые странные и самые смешные экземпляры... Среди посетителей патио нет ни одного нормального. Все они более или менее далийские».

Гала мобилизуется лишь для приема серьезных гостей, гостей именитых. Когда в Кадакес приезжают их американские друзья, например чета Морсов или Флер Коуиз, редактор журнала «Лук», когда изредка заезжает Артуро Лопез, чилийский миллиардер, или Поль Рикар, она устраивает великолепные обеды, присутствует при аперитивах и на прогулках, она даже любезна, ведет себя очень вежливо. Гала исполняет роль хозяйки дома. Но все заметнее для друзей становится ее сухость, ее тяжелый характер. Ей нелегко казаться приветли-

вой. Она все реже бывает искренне радушной. Складывается впечатление, что забота о реализации картин Дали, которой она с таким энтузиазмом занималась до окончания войны, начинает ее тяготить. Гала необходимо огромное усилие воли, чтобы играть свою роль, достойно принимать потенциальных покупателей или коллекционеров. К концу пятидесятых Гала устала. Она словно устала от того, что полностью принадлежит Дали. Он, как вампир, питается ее кровью, силой и без конца эксплуатирует ее образ, что служит расцвету его имиджа, обогащает его память и вдохновение. Гала не протестует, она никогда не отказывает в помощи, она всегда здесь, рядом, терпеливая, внимательная, сильная, но уставшая.

Гала мечтает о бегстве. Она говорит, что не любит Каталонию: слишком много трамонтаны, слишком много мух, слишком много солнца. Еще меньше она любит каталонцев, считая их слишком суровыми, ограниченными и провинциальными. Однако она обожает Дали, обожает Порт-Льигат, дом, море, прогулки по скалам Креуса, и лодку, носящую ее имя («Cala-1», «Cala-2», «Cala-3»), и уплывает на ней, одна или с друзьями-рыбаками (только к ним, благодаря Дали, Гала снисходительна). Гала не перестает повторять, что единственная страна, которую она любит, — это Италия. Она одинаково любит Венецию, романскую деревню и Тоскану. Гала любит всю Италию. Тем, кто предпочитает замки в Испании*, она противопоставляет свое самое дорогое желание: владеть замком, но в стране Данте. Чтобы доставить

* Chateaux en Espagne (франц.): 1. Замки в Испании; 2. (перен.) Строить химерические планы (прим. пер.).

ей удовольствие, Дали — а он живет легендами — называет Гала своей Беатриче (по имени избранницы великого писателя). Но хотя Дали и восхищается гением Микеланджело и эпохой Возрождения, он никогда не подарит Гала Италию. Дали навсегда останется каталонцем. Италия интересуется его лишь с художественной стороны и ничуть не более. Главное для Дали — остаться в коконе, в яйце. Это значит — в родном краю, в бухте, смотрящей на горизонт, которую он обратил в свои владения, в тишине мастерской, в убежище Минотавра, защищенном высокими стенами и гранатовыми деревьями. По словам Луиса Пауэлса, Дали — воплощение «страсти к истокам». По мнению Анри-Франсуа Рея он «физиологически связан со своей землей»: «Некоторым творческим личностям для того, чтобы выразить себя, чтобы разоблачить с самим собой, необходимо движение, перемены мест и пейзажей. Другие [...] непременно возвращаются на свою территорию, зная, что если не вернутся, то перестанут быть собой. Понимают, что только в этом ограниченном пространстве, только в этой «питательной среде» можно мечтать, плутовать, философствовать... Для Дали Кадакес — это грот, пещера, логовище; эта территория для него как нора для животного»*.

Он не хочет отрезать пуповину. Он не хочет покидать Кадакес из страха расстаться с самим собой. И Гала его понимает. Гала это принимает. Она присматривает за норой. Она защищает его территорию. Она наводит в ней лоск, украшает ее, приносит в нее подушки и ставит самовар. Она с ней свыкается, отдаваясь своему пристрастию к

* «Дали в своем лабиринте». Цит. соч., стр. 84.

прогулкам, ровному загару и ловле морских ежей. Но Гала все чаще испытывает потребность в бегстве, особенно на подходе к своему шестидесятилетию, и, чтобы отдохнуть от Дали, она уезжает в Италию.

Одна или с Артуро Гала садится в «кадиллак» и едет к Лазурному берегу, затем переезжает франко-итальянскую границу, чтобы затеряться где-то на дорогах между Миланом, Флоренцией и Остией. Гала хранит в тайне свои маршруты. В тайне хранит свой распорядок дня. Она звонит Дали каждый день из отелей, в которых останавливается. Дали умеет быть терпеливым, он не выражает ревности, не слишком настойчиво расспрашивает, чем Гала занимается ночью, днем. Гала беспокоится о нем, успокаивает его, затем вешает телефонную трубку и... живет своей жизнью. Действительно ли Гала бывает одна? Проводит ли она время с красавцами-итальянцами, туристами, такими же, как и она, искателями приключений? Никто ничего доподлинно об этом не знает. Она не будет ничего рассказывать, вернувшись после недельного или двухнедельного путешествия. Но всякий раз Гала возвращается спокойная. Она чаще улыбается, более терпима и вновь готова принять на себя все заботы, связанные с тем, кто навсегда остался для нее «маленьким Дали».

Предоставленный самому себе, выбитый из постоянного режима, но в то же время счастливый, как ребенок, освободившийся из-под опеки, Сальвадор Дали пользуется по своему усмотрению выдававшимися каникулами. В Порт-Льигате он чаще принимает своих самых экстравагантных друзей, не боясь упреков и недовольного вида Гала... Он чуть меньше работает, он даже проводит несколь-

ко дней в Барселоне, в «Рице». Но все же, Дали встречает Гала с облегчением. Она — это порядок, без которого, Дали это знает — его жизнь теряет равновесие, это дисциплина — без которой его преследуют призраки. Дали прочно привязан к Гала: «Я навожу лоск на Гала так, чтобы она сияла, — заявляет он, — я хочу, чтобы он была самой счастливой, я забочусь о ней лучше, чем о самом себе, потому что без нее все бы кончилось»*.

Без присмотра Гала кокон «Порт-Льигат» был бы не коконом, а лишь пустой ракушкой. Дали придумал для своего дома последнее украшение: два гигантских яйца из белоснежного гипса, расположенные на крыше, венчают сооружение и символизируют гнездо. Они лежат на двух самых высоких крышах, и издалека видно, как они поднимаются над холмами высоко в небо. Стоит ли говорить, что это яйца Леды? Внизу, в море, как бы иллюстрируя тот же миф, мирно плавают среди водорослей — там, где Дали часто занимается серфингом, — два белых лебедя, два домашних лебедя... Супруги, живущие в этом странном доме, похожем на внутренность треснувшего граната, верят в легенды и мифы. Они верят в возможность гармонии, в любовь, такую же сильную, как кровные узы, в союз двух существ, предназначенных друг для друга божественной тайной. Потому-то не одно яйцо создал Дали (свое), но два, ибо он любит Гала — свою мать и своего двойника, Леду и Елену одновременно. Оба яйца Порт-Льигата не могут существовать друг без друга, иначе разрушится гнездо.

* Сведения приводятся Максом Жераром (Dali de Draeger, глава «Гала»).

Ночью в «casa» Дали зажигаются огни — причудливую систему из стеклянных лампочек — и в их свете поблескивают яйца Леды.

ВЕЛИКАНЫ НА БАЛУ

Гала стала богатой, настолько богатой, что ей трудно управлять своим состоянием, нелегко понять, каких размеров оно может достичь. Все, кому приходилось обсуждать с Гала стоимость полотен Дали или детали контракта, свидетельствуют о ее жадности. Она назначает невероятные цены и требует надбавки, как будто ей недостаточно быть богатой и она должна каждый день видеть повышение курса ценных бумаг и счетов или увеличение количества золота. С течением времени Гала — бразды управления хозяйством и финансовые дела «антрепризы» Дали находятся у нее — становится все более алчной из страха продешевить.

Когда Гала уезжает, она увозит с собой чемодан с астрономическим количеством чеков и наличных денег. Она считает, что это поможет ей пережить катастрофы и выжить в случае революции, войны или нового изгнания. Это становится навязчивой идеей. Она всегда имеет при себе — на всякий случай — наличные деньги и заполняет сейфы в отелях банкнотами, что должно обеспе-

чить ей отдых и безопасность. Нельзя сказать, что она по-настоящему скупа. Гала бывает расточительной и даже мотовкой. Она может подписывать чеки на огромные суммы, не придавая этому особого значения, просто из каприза. Но если Гала умеет расходовать деньги, то она любит также их «лелеять», то есть хранить в надежных сейфах, смотреть, как растут горы золота, французских или швейцарских франков и долларов. У Гала физическая потребность в деньгах, почти животная, и лишь деньги способны ее утешить. Деньги, на ее взгляд, ценны не только тем, что позволяют вести ей ту жизнь, что ее устраивает, но еще и тем, что обеспечивают будущее.

Дали признается: теперь Гала движет панический поиск безопасности. С двумя чемоданами — один набит чеками и звонкой монетой, а другой медикаментами — она живет в навязчивом страхе бедности и болезни, для нее эти две вещи неразрывно связаны. С каждым годом представляющие собой иллюстрацию этой двойной фобии чемоданы, похожие на легкие несессеры, раздуваются, как шары, наполняясь так, что трещат по швам. Ощущение недолговечности бытия мешает Гала быть беспечной и пользоваться своим богатством не задумываясь. Мысль о том, что состояние может исчезнуть так же быстро, как и появилось, и превратить ее существование почти в нищенское, как это было в предвоенные годы, отравляет ей радость. Страх того, что она может заболеть и у нее не будет денег на лечение, стал для Гала кошмаром.

По возвращении в старушку Европу дело Дали, сохранив тесные связи с Америкой, страной миллиардеров и свободы, далеко выходит из мира жи-

вописи и не довольствуется замкнутым пространством мастерской, галерей и музеев. Оно встало на промышленную и коммерческую основу, что требует, по выражению «Life», «работы сотен людей». Дали расписывает ткани, галстуки, рубашки, тарелки и стаканы, ножи для масла и вилки для устриц, бутылки для коньяка, пепельницы, пробки для графинов, купальники, календари, бумажные салфетки, почтовые открытки и украшения... На него работают портные и швеи, стеклодувы, мастера фарфора, гобеленовые фабрики Обюсона, монетный двор Парижа, а также более эксцентричные мастерские, всякого рода ремесленники, воодушевленные сумасбродными идеями художника. Дали зарабатывает много денег на своих более или менее удачных изобретениях, более или менее странных, требующих от него иногда всего лишь нескольких минут внимания — времени, необходимого для того, чтобы провести линию на бумаге. Цены на его полотна возросли невероятно. Поль Рикар, например, заплатит в семидесятые годы двести восемьдесят тысяч долларов за «Ловлю тунца». Дали получает значительные суммы за публикации в печати и рекламу. Любое его изображение на экране или на глянцевой бумаге оплачивается невероятно дорого. В 1970 году шоколадное производство «Ланвен» заплатило десять тысяч долларов за пятнадцать секунд присутствия художника в телевизионной рекламе: «Я схожу с ума... схожу с ума... от шоколадных конфет "Ланвен"».

Дали напал на золотую жилу. Он работает изо всех сил. Так, например, он оздает иллюстрации к «Божественной комедии», «Дон-Кихоту», «Алисе в стране чудес» и к «Библии». Книги эти будут

продаваться в роскошных переплетах по невероятно большой цене, которую мэтр назначает сам. Дали создает еще и украшения. В работе над ними ему удается избежать соблазна нравиться во что бы то ни стало и зарабатывать деньги, насмехавшись над плохим вкусом. Среди других сокровищ Дали есть превосходные эскизы брошей и колец, в которые американский ювелир Карлос Алемани вставил рубины, сапфиры или бриллианты. Они воплощают изящество, богатое воображение, иногда юмор. Все они изображают далийские фетиши: муху, паука, скипетр, змею и сердце, названное *сердцем Гала*. Сделанное из шестидесяти рубинов, оправленных в золото, увенчанное короной из бриллиантов, оно бьется благодаря мельчайшему механизму, в ритме семидесяти ударов в минуту.

Дали придумал Гала новое имя: он называет ее *Мое Золото*). Дороже, чем она, у Дали ничего нет. Без нее он не смог бы стать **Сальвадором Дали**... Но художник должен работать без усталы, не покладая рук, чтобы выполнять условия договоров (часто он подписывает их один за другим под пристальным взглядом жены). Гала оставляет Дали все меньше и меньше свободного времени. *Мое Золото* следит за производительностью предприятия, и для нее отдых стал синонимом потери заработка. В целом же от работ Дали начинают исходить усталость и чувствуется, что сюжеты потихоньку себя исчерпывают. Не все так хорошо, как в превосходного качества коллекции украшений.

Жадность Гала станет причиной непрости-тельного опошления великого таланта. Гала решила эксплуатировать его, чего бы это ни стоило. Гала признается однажды своей сестре Лидии,

сопровождавшей ее в одном из путешествий по Италии, что станет считать свою задачу выполненной, когда можно будет покупать вещи с маркой Дали в магазинах стандартных цен... У Гала есть совершенно конкретная цель: откладывать деньги на старость. Она накапливает и накапливает их без конца. Она очень опасается за предприятие, существующее лишь благодаря таланту Сальвадора Дали, его личности, его жизни. Если он умрет, все рухнет...

В пятидесятые годы, терзаемая мыслью, что лично ей ничего не принадлежит и что мир, которым она правит, может внезапно исчезнуть, Гала сказала следующие горькие слова Мишелю Деону: «Если Дали умрет, я окажусь на улице без единой картины на продажу, чтобы жить на вырученные деньги». Страх упустить заработок ожесточает ее, она с каждым днем становится все требовательнее, скупее и недоверчивее.

Глубоко укоренившаяся в ней тревога удваивается из-за порочного пристрастия к азартным играм. Гала желает уберечься от ударов судьбы, но, несмотря на это, много денег проигрывает в казино, то там, то здесь просаживает огромные суммы в рулетку и в «блэкджек». Гала вовсе не похожа на скрягу, влюбленную в банковский счет. Она может в один вечер бросить на зеленое сукно весь доход от выгодного контракта, заключение которого ей далось нелегко. Муравьиha вдруг превращается в стрекозу и уже не может думать ни о чем, кроме звука запущенной рулетки или объявления карты, решающей ее судьбу. Она по-прежнему убеждена, несмотря на свои навязчивые идеи, что миром правит случай и никто над ним не властен.

Напрасно Гала шла на всевозможные ухищрения, договариваясь с агентами, издателями и рекламными дельцами: наступил момент, когда предприятие Дали исчерпало свои возможности. Финансовые дела кажутся Гала слишком сложными, и ежедневная многочасовая обязанность руководить, планировать и торговаться начинает ее тяготить. Она уже не может справиться в одиночку с развитием дела, оценивавшегося в 1970 году в десять миллионов долларов. С середины пятидесятых годов Гала нанимает секретарей, работающих под ее присмотром. Гала старается присутствовать на всех собраниях, при заключении сделок, требует информации о деятельности предприятия. В первый раз в жизни ей потребовалась помощь.

Первым секретарем, а также советником и поверенным в делах Сальвадора Дали был Джон Питер Мур, англичанин с превосходными манерами, ясным взглядом, живой, умный (с ним супруги познакомились в Италии). У него романтическое прошлое: после службы в армии он работал в кино с Александром Кордой. Дали называет его *Капитаном*, намекая на его службу в британской армии и шутя представляет его как своего «военного атташе». Питер Мур будет первым помощником Гала и Дали с 1962 по 1972 год.

Вторым влиятельным человеком был Роберт Дешарн. Этот талантливый фотограф встретился с Гала и Дали в 1952 году на пароходе: он так же, как и художник Жорж Матье, плыл в Америку. Влюбленный в Дали Роберт уже больше никогда не терял его следа. Он приезжает в Нью-Йорк, в Париж, в Кадакес, наблюдает за жизнью супругов, фотографирует их порознь и вместе, при са-

мых разных обстоятельствах. В 1954 году он даже снимает фильм с Дали, как когда-то это сделал Бунюэль, — «Кружевница и носорог». Его сотрудничество с Дали относится к области искусства: он готовит книги, статьи. Роберт Дешарн, можно сказать, стал близким другом. Гала по-прежнему настороже, держится на расстоянии, но все же принимает его роль во внешне благородном и странноватом, а на самом же деле таинственном и закрытом, ревностно охраняемом кругу друзей Дали.

Вокруг супругов, имеющих отныне секретаря и официального фотографа, с начала шестидесятых годов сгруппировалась небольшая компания поклонников, которые повсюду следуют за своим кумиром. Гала и Дали теперь уже никогда не остаются одни. Теперь их постоянно, куда бы они ни следовали — в Кадакес, в Нью-Йорк, Париж, — сопровождает эскорт. В этой свите придворных Короля-Солнца есть необычная женщина с лицом львицы и с огненной шевелюрой — испанка с русской фамилией Нанита Калашникова. Дали, всем придумывающий прозвища, окрестил ее Людовиком XIV. Ему кажется, что она похожа на французского короля. Нанита живет в Марбелье, имеет квартиру на Парк-авеню, но приезжает, как только Дали ее позовет. Она один из постоянных персонажей, неотступно следующих за Дали. Поначалу Гала относилась к ней недоверчиво, немного сердилась на нее. Позже, поняв, что Нанита никогда не станет настоящей соперницей, Гала свыклась с ее присутствием и привычками. Дали, испытывающий страх от общения с людьми — он так часто это повторял, — доверил Наните заботу о своих волосах. Нанита моет ему голову, укладывает волосы перед фотосъемкой или перед выхо-

дом в свет. Там Дали появляется разодетым в пух и прах, с напояженными усами и волнистыми волосами — денди до кончика трости. Нанита Калашникова не единственная «подруга» супругов. Еще одной женщине довелось приблизиться к Дали — Мафилде Дэвис.

Эта египтянка, бывшая компаньонка царицы Фавзии и жена короля Фаруха, стала эксклюзивным посредником в делах реализации товаров с маркой Дали: она продает украшения, духи, изделия из серебра со знаменитым буквенным сокращением. Эта женщина тоже ведет себя экстравагантно, даже волосы ее уложены пирамидой. Она повсюду следует за супругами, останавливается в тех же отелях, что и они, живет на одном этаже с ними. Но так же, как и Нанита Калашникова, она больше нужна Дали, чем Гала. Гала видит в людях лишь полезную сторону, а Дали забавляет в них оригинальность и их внешне приличный вид.

Другие привычные фигуры, неразрывно связанные с годами славы Дали, но взаимозаменяемые, сопровождающие жизнь супругов, которые уже больше не могут обходиться без эскорта, — это модели художника. Они молоды, хороши собой, высоки ростом, модно одеты, как и положено в их профессии; они мало говорят и слушают мэтра, он водит их в рестораны, в ночные клубы, приводит в патио в Порт-Льигате или в гостиничные номера. Дали необходимо присутствие этих чудесных созданий, преимущественно светловолосых, встреченных случайно или приглашенных через специализированное агентство для того, чтобы заполнить пустоту и порадовать его своей красотой. Модели обоих полов составляют подлинный двор Короля-Солнца: для Дали они являются частью его

собственного солнечного блеска. На одном из вечеров в ресторане «Максим» Гала и Дали сидели за столом в окружении из восьми человек в возрасте от двадцати до двадцати пяти лет. Супруги не были с ними знакомы, они вызвали их через директора агентства. После ужина все они ушли, как и пришли, не оставив о себе памяти. Дали «оценил» их услуги, то есть заплатил за возможность сиять благодаря им, за иллюзорный мираж, за приобщение к их молодости и компании. Гала благосклонно относится к моделям: она способна оценить красоту, особенно мужскую. Ей нравятся юные красавцы с длинными волосами, худые, с пустым взглядом, сопровождающие хрюшеньких девушек. С годами она тоже начинает испытывать ностальгию по тому, что потеряла, — по несравненной свежести своих двадцати лет.

Так как Дали нравится присутствие этих молодых и красивых существ обоих полов, кое-кому из них удастся стать завсегдатаем, как, например, подружкам Энди Уорхол (художника дальийского по духу) — двум роскошным созданиям, длинным и тонким, таким, какие Дали нравятся и чье обаяние не осталось незамеченным. Это Ультра Фиолет (на самом деле — француженка Изабель Дюфреси) и Кэнди Дарлинг. Эти неприкасаемые влюбленные девицы должны были эпатировать публику в галереях, заставлять поворачивать головы при проходе кортежа. Они являлись частью ареопага так же, как и близнецы Джон и Дэвис Майлз — два брата с удивительно светлыми волосами и невероятно похожие друг на друга. Дали называл их *Диоскурами* — это мифологические имена Кастора и Полидевка.

Когда мэтр появляется на публике, его долж-

ны сопровождать шум, блеск, чудачества. Но его привлекает нечто более необычное: он с восторгом принимает карликов, горбунов, альбиносов, гигантов и гигантесс. Дали хорошо осведомлен о том, что в данный момент есть на планете самого интересного и самого красивого, и охотно приглашает к себе за стол в патио несколько самых странных образчиков, на фоне которых еще больше заметны достоинства бледных моделей, и все это усиливает общий экзотический вид его толпы во время прогулок или обедов в ресторанах.

Дали похож на монарха. Ему нужны наблюдающие за его жизнью шуты, они же должны развлекать его, когда он не работает. Возможность иметь при себе этих людей, большей частью странных, следующих за ним и формирующих анахронический «Двор чудес» — это привилегия богатых. Дали предлагает им рестораны, музыку, иногда гостиницу, иногда даже путешествия, он не может даже представить себе, как он будет обходиться без их общества. Он содержит их в относительно достатке, в зависимости от каприза. Гала с улыбкой сносит присутствие моделей, но скрипит зубами при виде «образчиков». Насколько Дали любит, настолько Гала ненавидит все странное и из ряда вон выходящее. Особенно она боится подхватить микробы от слишком странных людей, она считает, что они выходцы со «дна»! Поэтому Гала закрывает им вход в свой дом. Она не любит этих назойливых людей, подобранных Дали, приглашенных им под настроение (он тут же забывает, где он их отыскал). Когда они приходят в патио, Гала демонстративно избегает их, ведет себя так, словно их не существует. В Нью-Йорке или в Париже, заботясь о том, чтобы не мешать сценарию и пыш-

ному выходу в свет звезды, Гала садится за один стол с ними, всегда справа от Дали, устраивая рядом с собой самую лучшую из красоток, ведущую модель, певца рок- или попмузыки, любителя, подобранного Дали в зрительном зале или на тротуаре, чтобы дополнить свою пеструю компанию.

Дали и Гала — миллиардеры и приняли ритм и обычаи жизни, которым уже больше никогда не изменят. С весны до осени (с мая по октябрь) они живут в Порт-Льигате. Лето больше других периодов принадлежит им двоим, они не злоупотребляют светскими обязанностями. Лето — это также время наибольшей творческой активности Дали (за этим строго следит Гала). Осенью супруги приезжают на «кадиллаке» в Париж. Они останавливаются на вокзале в Перпиньяне, чтобы отправить чемоданы, кисти, краски и несколько картин. Потом они неспеша едут в столицу, обедают по пути в лучших ресторанах и ночуют в роскошных гостиницах. В Париже Гала и Дали останавливаются в отеле «Мёрис», в номере 106-108 с выходом на сад Тюильри, а с другой стороны — на улицу Риволи. Это «королевские апартаменты»: король Испании Альфонс XIII впервые останавливался здесь в 1907 году, тогда ему было двадцать лет; позже он жил в этом номере во время своего изгнания. На Рождество они бывают в Нью-Йорке, где остаются до марта, затем через Париж возвращаются в Каталонию.

В «Мёрисе» супруги чувствуют себя как дома, как и в номере 1016 «Сан-Реджиса» в Нью-Йорке. Они знакомы с персоналом отеля — это что-то вроде их семьи, и переносят сюда свои привычки. Обстановка в отеле безликая: мебель в стиле Людовика XIV, бледно-голубого цвета стены, тяже-

лые портьеры, толстые ковровые покрытия — одним словом, роскошь соседствует с посредственностью. Дали и Гала не придают этому особого значения. Главное — это то, что их хорошо обслуживают и им не надо ни о чем заботиться. В «Мёри-се», как и в «Сан-Реджисе», Дали рисует, режет — пишет красками, прислонившись к спинке стула или сидя на большом диване с блокнотом или холстом на коленях. В нем созревают в эти зимние месяцы замыслы о картинах, которые он закончит в своей мастерской следующим летом. Находясь в Париже или в Нью-Йорке, Гала и Сальвадор полностью посвящают себя общественной жизни, что необходимо для процветания их дела. Они встречаются с нужными людьми, занимаются телевидением, прессой, рекламой и другими сопряженными с их коммерческими интересами сферами, которые — начиная с печатания гравюр и заканчивая изготовлением галстуков — обеспечивают им доход. Как и в Порт-Льигате, утро проходит спокойно. Часть дня они проводят в своем номере, затем идут обедать в свои любимые рестораны — к Лассеру в Париже, в «Каравеллу» в Нью-Йорке. Для послеобеденного отдыха возвращаются в отель. Во второй половине дня Дали принимает фотографов, издателей, журналистов, владельцев картинных галерей, иногда философов или известных ученых в присутствии шумной парфюмированной толпы моделей вместе с Ультра или Кэнди... Гала ходит по магазинам или посещает врачей. Вечером чаще всего они ужинают в своей комнате. Но мало-помалу у Дали возникает привычка выходить без Гала. Она рано ложится спать, он же в Париже, как и в Нью-Йорке, укладывается в постель все позже и позже. После ужина Дали

со своими друзьями задерживается в ночном кафе или в кабаре.

В «Мёрисе» писатель Жан Шалон однажды стал свидетелем странной сцены. Его подруга Флоранс Гулд, тоже известная постоялица отеля (номер 252-4 на третьем этаже) праздновала свой день рождения. Явился Дали с баннным ковриком в качестве подарка, подписанным собственноручно! Раздраженная Гала громко пожаловалась, что он слишком щедр и подарил «неизвестно кому» свою драгоценную, такую дорогую подпись!

Ритм их дневной и ночной жизни устоялся, и ни у Гала, ни у Дали нет ни малейшего желания что-либо менять. Зимой они проводят в разъездах между Парижем и Нью-Йорком. Атлантику всегда пересекают в одних и тех же плавучих дворцах — «France» и «Queen Elizabeth» (до 1975 года Дали отказывался летать самолетом). Шесть месяцев в году, с ноября по апрель, они живут в гостиницах. Шесть оставшихся проводят на природе, в ней они находят источник душевного равновесия, условия для творчества. Они остаются верны своему треугольному маршруту Париж — Нью-Йорк — Каталония. По существу, они не путешествуют — они переезжают с места на место, оставаясь в границах, которые художник тщательно выбрал, и Гала их уважает, хорошо понимая, что было бы слишком опасно удаляться от полюсов. Анри-Франсуа Рей объясняет, что Дали хочет «победить случай в повседневной жизни», огородить мир и упорядочить время для того, чтобы расцвели и выразились в искусстве его мечты. «Дали живет как часы», — заключает он. И Гала тоже.

Очень редко супруги позволяют себе совершить незапланированное путешествие. Так, в 1951

году они отправляются в Венецию по приглашению Карло де Бейстеги, богатейшего испанца, работавшего состоянием на мексиканских шахтах. Он принадлежит к «сливкам общества», любит праздники. Однажды Бейстеги организовал в своем новом доме, в дворце Лабиа, очень пышный костюмированный бал. 3 сентября там собралось тысяча двести приглашенных. Все были в великолепных костюмах. Султаны, Марии-Антуанетты, фараоны, пастушки соперничали друг с другом в изобретательности. Зрелище было феерическим. В холле дворца, освещенном факелами, на фоне фрески Тьеполо «Пир Клеопатры» разыгрывался удивительный спектакль: прибыли супруги Лопес-Вильшау в джонке, они одеты китайскими посланниками; миссис Реджинальд явилась в аллегорическом костюме, изображающем Америку XVIII века; леди Диана Купер одета Клеопатрой, а Барбара Хаттон — в костюме куртизанки эпохи Просвещения; кутюрье Жак Фат был в золотом костюме Короля-Солнца.

Гала и Дали изображали великанов. Они явились в сопровождении карликов. Костюмы по эскизам художника для них выполнил Кристиан Диор. На ногах у них были высокие котурны, рост их увеличивался еще и за счет причудливых остроконечных причесок, и казалось, они доставали до высокого потолка дворца, украшенного позолоченной лепниной. Гала и Сальвадор были задрапированы в золотую и красную (цвета Каталонии) парчу, на лицах их были маски. Их выход предвосхищал великолепный балет пышно разодетых танцоров на ходулях.

Казалось, что Гала и Сальвадор в тот вечер оделись именно так, чтобы лучше соответствовать

мифу о самих себе: велика была в самом деле их любовь, велик их банковский счет, велик успех их плодотворного сотрудничества. Велика также была цена славы, такой желанной, сделавшая из мужчины и женщины, когда-то так влюбленных в друг друга, чудовищную семью, достойную мифологии.

БОГИНЯ МАТЬ

18 ноября 1952 года, в девять часов утра, от приступа стенокардии умирает Поль Элюар. Его последним словом стало женское имя Доминика!

Полю должно было исполниться пятьдесят семь лет. Он женился в июне 1951 года на молодой парижанке, уроженке Перигора Доминике Лемор, которая была моложе его на двадцать лет. Элюар встретил ее в сентябре 1949 года в Мексике, во время своей поездки с лекциями. Доминика очень красивая, у нее темные волосы, она крепка, «как скала в Гибралтаре», — по словам Пикассо (он был их свидетелем на свадьбе). Они жили в скромной квартире в Шарантоне, на улице Гравель, совсем рядом с Венсенским зоопарком. Доминика увозила мужа на каникулы к своей матери в Сарла и в Сен-Тропе. Коммунистка душой и сердцем, как она любила об этом говорить, Доминика все же была не такой рьяной сторонницей коммуниз-

ма, как Элюар, и по возвращении из поэтико-политического путешествия по Праге, а потом по СССР он чуть было не порвал с ней, потому что она сказала Клоду Руа, что то, что они увидели вместе с Полем, не может «ни сделать кого-либо коммунистом, ни оставить коммунистом того, кто им уже является»*. До самого конца Элюар размахивал факелом своей веры в коммунизм и отказывался видеть в советском государстве нечто иное, кроме «огромного зеркала, великой страны, освещающей нам путь»**.

Элюар умер коммунистом. Он умер влюбленным, опубликовав за год до внезапной кончины «Феникса», «первую книгу вечного счастья», состоящий букет из стихотворений, написанных для Доминики.

Это начало Вселенной
Волны качают небо
[...]
Проснись я пойду за тобой.***

Поль умер без Гала. Ее не будет и на похоронах. Элюара с почестями предадут земле на кладбище Пер-Лашез. За день до похорон и в день похорон его гроб стоял во Французской академии, затем — в холле газеты «Се суар». Многочисленные друзья, знакомые и незнакомые люди пришли с ним попрощаться. На кладбище Арагон и Веркор произнесли торжественные прощальные

* Приводится Жан-Шарлем Гато, стр. 345.

** «СССР — единственная надежда», «Дань уважения жертвам и борцам варшавского гетто» (1950). Полн. собр. соч., т. 2, стр. 359.

*** «Magine» «Морское» — последнее стихотворение из «Феникса». Полн. собр. соч., т. 2, стр. 446.

речи. Рене Шар в «Комба» описал «славный путь поэта великолепного и редкого таланта», своего друга.

Гала не увиделась с Элюаром, она нечасто будет встречаться и с дочерью. Сесиль несколько раз будет пытаться возобновить связи с матерью, категорически отказывающейся ею быть, но все тщетно. Никак не объясняя своего поведения, Гала захлопнет дверь перед носом Сесиль, когда она придет после долгого путешествия в Кадакес в надежде на последнее нелегкое примирение.

Гала окончательно порвала со своим прошлым. Она не только повернулась спиной к России, оставив в память о ней лишь иконы и романы (с сестрой, вышедшей замуж за австрийца и проживающей в Вене, она виделась очень редко и приезжала к ней в гости всего лишь один раз). Гала отказывается помнить о своей жизни до Дали, о времени, прожитом с Элюаром. Гала — женщина, не оглядывающаяся назад. Еще одна история стала тому свидетельством. В 1968 году Сесиль Элюар готовила переиздание стихов отца и случайно обнаружила в доме в Обоне оставшиеся со времен «любви втроем» между Элюаром, Эрнстом и Гала настенные рисунки, которые новые хозяева, посчитав их ужасными, заклеили обоями. Ей удалось их открыть и снять со стен. Картины были выставлены в галерее Андре-Франсуа Пети на бульваре Сен-Жермен, но Гала не придет на них посмотреть. Она не любит вспоминать. Она хочет жить настоящим, не обременяя себя ностальгией. Гала часто любила говорить о себе (это одно из редких ее признаний): «Я не прогуливаюсь, я шагаю...» Гала — это сила, это движение.

После смерти Элюара она стала вдовой и по-

лучила право венчаться в церкви. Сальвадор Дали обвенчается с ней 8 августа 1958 года в часовне «Нотр-Дам-дез-Анж» деревни Монтревитж в провинции Жерона. Гала было шестьдесят четыре года. Мели, великий фотограф из Фигераса, запечатлел супругов в напряженной позе, как на довоенных фотографиях: на женихе — темный костюм в полоску и шелковый жилет, из нагрудного карманчика торчит белый платок, в руках он держит трость с золотым набалдашником; новобрачная в цветном шелковом платье, в руках она, как девушка, держит свадебный букет. Гала своими черными волосами и горящим взглядом, на этой фотографии напоминает цыганку. Кажется, что она вот-вот откроет рот и запоет, как Кармен: «Так берегись любви моей...»

Сальвадор Дали продолжает говорить, что он до безумия влюблен в Гала. Он поет ей дифирамбы. «Я люблю Гала больше, чем отца, больше, чем мать, больше, чем славу, и даже больше, чем деньги», — решительно заявляет он Максу Жирару*. Вечером 3 сентября 1952 года в Порт-Льигате, после того, как Гала выскажет свое восхищение тем, что он написал днем, Дали запишет в своем дневнике: «Я ложусь спать счастливым... Спасибо, Гала! Это благодаря тебе я стал художником. Если бы не ты, я бы никогда не поверил в свое дарование. Дай мне руку! Я действительно люблю тебя все больше и больше»**.

Она, в свою очередь и почти в то же самое время, открыто признается в безоблачном счастье. 13 января 1952 года Гала отправляет своим друзь-

* «Dali de Draeger», глава «Гала».

** «Дневник гения». La Table Ronde, 1964.

ям Морсам* из Парижа письмо, в котором целомудренно сообщает о безмятежной гармонии в своей жизни: «Много месяцев мы провели в Испании, — пишет Гала, — "у себя". Дали писал великолепную картину с изображением Христа**, а я занималась рыбной ловлей, наводила порядок в нашем маленьком домике, в саду и т. д.» Она подписывается: «Ваши Дали», — свидетельствуя тем самым об абсолютном союзе с художником. Другие письма она подписывает так: «Гала и Дали», — никогда не забывая напомнить о неразрывности их связи. Когда в декабре 1957 года Дали оперируют по поводу аппендицита, Гала, по ее собственному признанию Морсу, «больше, чем сходит с ума» и «проводит все время с утра до вечера (позднего) в больнице». Ее преданность так же, как и ее любовь, еще не боится скоротечного времени. И все же из ее писем видно, как она устала; усталость объясняет свое долгое молчание, то, что она не сразу отвечает на письма. Заботы становятся непосильными, ей уже нелегко справляться с тысячей и одной обязанностью, связанной с бытом и управлением делами. Дали отнимает у нее силы, сам того не подозревая: «Я бегаю, как муравей, то там то здесь, чтобы везде навести порядок и довести дело до конца», — пишет она Морсу из Порт-Льигата 22 мая 1959 года. Из Нью-Йорка в марте Гала сообщает им неровным почерком, забывая расставлять запятые и почти теряя связь мыслей: «Здесь очень оживленно в этом буйном городе

* Все процитированные письма находятся в архивах музея в Санкт-Петербурге во Флориде.

** Знаменитый «Христос Иоанна Крестителя».

столько народу столько вещей и столько слов — проходят». Гала мечтает о спокойствии.

Ее любовь к Дали не ослабла. «Не забывайте вашего Дали», — просит она в конце письма. Она описывает свою жизнь рядом с мужчиной, которого любит и который «проворно» работает: «Я шляюсь, читаю, пишу вам — словом, ничего не делаю, отдыхаю, прежде чем заняться какой-нибудь второстепенной работой». Суперинтендант, управляющий делами Дали, она по темпераменту — мечтательница, ленивица, которую судьба заставила, вынудила, заниматься разнообразной деятельностью, связанной с Дали, принять правила поведения, строгость министра финансов. Гала не представляет собой ледяную глыбу — образ, навязанный масс-медиа: деловая женщина, министр-импресарио осталась девочкой из заснеженного края, мечтательной и одинокой, пребывающей в поисках постоянно ускользающего покоя и счастья. Организационные способности Гала и сила дополняют слабость, которую она редко обнаруживает, робость, которую она еще тщательно скрывает, страх жизни — все, с чем она борется за него и за себя. В письмах она никогда не отделяет себя от своего мужа.

Дали не перестает писать ее портреты: даже старея, Гала вдохновляет его. В 1952 году он изобразил ее на картине «Ангел Порт-Льигата». Гала сидит около своей желтой лодки и смотрит вдаль, на спине у нее крылья. Ее присутствие говорит о том, что она принесла покой и защищает бухту, которая стала для нее центром Вселенной. В том же году, на картине «Assumpta corporuscularia lapis-lazulina» Дали изображает вознесение ангелоподобной Гала; ее большое тело вытянуто; она несет

Иисуса на кресте в своей груди. В 1954 году задрапированная в тогу из перламутрового атласа, с длинным шарфом, закрепленным на правом плече золотой пуговицей, одетая весталкой, Гала наблюдает с парящего высоко в небе черного грозового облака за своим распятым сыном. Это «*Corpus hypercubus*», один из шедевров Дали. В эти же годы художник издает «Мистический манифест», в котором напоминает, что он не только сюрреалист, но еще и верующий человек, испытывающий глубокое влияние католицизма и святости. В центре новой мистической философии Дали есть и всегда будет Гала.

В 1956 году он пишет «Святую Елену в Порт-Льигате», на которой Гала держит в руках крест и книгу, как и святая, имя которой она носит и которая, как считается, придумала символ Святого Креста. Она молится за своего сына, императора Константина (если только не за Дали просит похожая на изображение с византийской иконы Святая Елена). В Святом писании говорится, что собственный сын объявил Елену святой (*augusta*). Ее праздник, 18 августа, в святцах — день святой Гала.

На огромном полотне «Открытие Америки» (1958 год) Гала — живая хоругвь, которую Христофор Колумб (он изображен почти ребенком, он тащит свой тяжелый корабль к берегу) водрузит по прибытии в Новый Свет. Там обожествленная, окруженная нимбом и молящаяся святая Гала защищает молодого человека. На первом плане — Дали, одетый монахом, со смиренно опущенной головой несет распятие. На другом огромном полотне («Церковный собор») Гала-Елена, опять изображена с крестом и книгой. Над водами Порт-

Лыгата в разноцветных бликах — постоянный пейзаж для фантазии Дали — она парит с кортежем из голубок и аллегорических фигур. На земле стоит Дали — он изобразил себя за работой, с кистью, занесенной над чистым холстом. В том же 1960 году на странной картине «Galacidalacidésouxitibonucleïcacid» будет изображен ее силуэт на фоне ядерного мира — кажется, что она наблюдает за его крушением. Гала — божественная и святая, защитница, спасительница, всемогущая, неземная, связанная с космическими силами, — не перестает преследовать Дали. Для него она все более становится *super woman**. В 1969 году она осветит «Галлюцинирующего тореадора»: ее лицо в ореоле появляется на полотне вверху.

Все эти картины, представляющие Гала в образе Богородицы, Елены или ангела, являются доказательством искренности веры, провозглашенной Дали перед представителями прессы на следующий день после выхода в свет книги его сестры: «Я был изгнан из семьи в 1930 году без гроша в кармане. Мировую славу я завоевал только с помощью Бога, света Ампурдана и повседневного героического самоотречения необыкновенной женщины — моей жены Гала». Он заявляет о своей признательности Гала и никогда не отречется от своих слов.

22 августа 1961 года выражение обожания достигло наивысшей точки в театре «Феникс», в Венеции, где Морис Бежар поставил на музыку Скарлатти, с костюмами и декорациями Дали балет

* *Super woman* — сверхженщина (англ).

«Гала». На сцену вывозят кресло на колесиках, в котором сидит инвалид, в руках у него карманный фонарик. Другие калеки появляются с костылями, от которых освобождаются, бросая их в бочки; из бочек, как из кипящих котлов, вылетают пузырьки духов «Герлен». Все танцуют. Появляется Людмила Щерина в образе богини Земли и Неба. На ней черное трико, а грудь обтянута материей под цвет кожи. Каскад из молока сопровождает ее движения: она божественная мать, вскормившая весь мир, она сама жизнь. В самой красивой сцене она, чувственная и утонченная, оказывается в центре зрачка, нарисованного Дали в качестве декорации. Танцоры в трико телесного цвета — кажется, что они обнажены, — исполняют оригинальный танец, прежде чем распластаться перед богиней — Людмилой Щериной. Она великолепна в роли женщины-тирана, скорее дьявольская, чем искренняя, но бесспорно завораживающая. Гала находится в зале и аплодирует спектаклю, героиней которого является.

Гордится ли она легендой о себе самой или боится ее? Гала безмолвно, с безрадостной улыбкой принимает оказываемые ей исключительные почести.

КОГОРТА АНГЕЛОВ

Под звуки гитар Джоан Баэз и Боба Дилана по Европе прокатывается движение хиппи. «Занимайтесь любовью, а не войной», — говорит молодежь шестидесятых, зажав цветок в руке и самокрутку с гашишем в зубах. Она провозглашает смерть буржуазных ценностей и хочет изменить мир, превратив его в сад удовольствий, где каждый жил бы так, как желает, ни в чем не ущемляя себя. Идеи хиппи нравятся Дали, он всегда хвастался тем, что сумел «предать свой класс» (буржуазию) и принять за образец для подражания аристократию. Лично он отказывается как от наркотиков, так и от употребления алкоголя: Дали слишком дорожит своей прозорливостью и ясностью ума. Но он любит мир, любовь, молодость, свободу и мечту: хиппи найдут в нем друга и защитника. Летом, когда жизнь на солнце доставляет счастье и дает некоторую экономию, в Кадакес приезжают длинноволосые парни и девушки в вышитых цветами джинсах, с гитарами наперевес. Они разбивают палатки на пляже и купаются обнаженными в море, как Гала, когда она была молодой... Дали открывает им двери. Он принимает их возле бассейна, построенного в патио, ведет с ними бесконечные беседы, в то время как они, раздевшись донага, загорают. Бассейн построен в форме фаллоса с расположенными у одного конца двумя круглыми ваннами — он говорит, что это яички.

Мистические годы, когда Гала изображалась в образе ангела рядом с крестом и голубками, были также и годами эротическими. Эрос и Христос соседствуют в мифологии Дали. В том же году, в котором была написана картина «*Corpus hypercubus*» (1954), на которой Гала созерцает тело распятого Христа, Дали создает одно из своих самых эротически извращенных полотен — «Юная девственница, предающаяся содомии с помощью рогов собственного целомудрия». Стоящая спиной, облокотившаяся на окно, нависшее над спокойной голубой поверхностью моря, обнаженная златовласая девушка предлагает свой великолепный, упругий и гладкий зад, фаллосу в форме рога носорога (далийский фантазм). Встав на кончики пальцев, она тянется вверх так, что с нее спадают даже ее черные туфли; она предлагает себя, она ждет. «Носорог», хотя он и готов это сделать, не проникает в нее. Высказывание Дали в «Мистическом манифесте» звучит сурово: целомудрие — это «главное условие духовной жизни». Но целомудрие, конечно, не имеет никакого отношения к зрению.

Когда в шестидесятые годы Дали появляется у своего бассейна в штанах и блузе, он выглядит весьма небрежно, волосы его утратили блеск, но он держит трость. Его уже раздетые гости веселятся, как дети. Смех, ныряния, игры на воздухе нарушают тишину Порт-Льигата, в первой половине дня похожего на монастырь, а вечерами превращающегося в летний клуб. Все эти юноши и девушки похожи друг на друга: они молоды, красивы, светловолосы. Все, без исключения. Дали отбирает их по строгим эстетическим критериям: они должны быть приятны глазу и выглядеть как бес-

полые существа. Обыкновенные, некрасивые, непропорциональные, толстые, черноволосые и смуглые, коротконогие, слишком мужественные или слишком женственные в его круг не допускаются. Чтобы в него попасть, нужно быть сильфидой или эфебом, иметь длинные ноги, красивые ягодички, а девушкам — маленькую грудь. Нужно обладать грациозностью, быть воплощением физической гармонии. Художник рассматривает своих гостей, рисует кого-нибудь из них. Он мечтает о золотом правиле, которое должно руководить гармонией Вселенной, и бывает счастлив, наблюдая за молодежью. Дали называет своих новых друзей ангелами, а иногда — по имени цветка, легкого, золотистого, растущего весной на Средиземноморье, — *ginestas*. Среди них он выбирает натурщиков, они позируют ему.

В 1968 году Гала исполнится семьдесят четыре года, Дали — шестьдесят четыре. Оба очень постарели. У Дали появился живот, волосы поредели. Кожа на лице одряхла и покрылась коричневыми пятнами. Он по-прежнему воинственно закручивает усы и ведет себя эксцентрично, но потерял красоту юного пажо, а когда разодет, напудрен и завит, выглядит трогательно, как мумия. В Порт-Льигате, в обычной естественной обстановке, Дали по-прежнему очарователен: галантность, фантазия и ум не покинули его; и за это его продолжают любить. Гала же ведет жесточайшую, отчаянную борьбу со старостью. Она давно установила для себя строгий гигиенический режим. Как Диана де Пуатье, любовница Генриха II, Гала начинает утро с холодной ванны. Она следит за питанием, на американский манер стала принимать большое количество витаминов и минераль-

ных солей, четверть часа по утрам отводит зарядке, часами в ванной комнате втирает в себя питательные кремы. Но ее старания не дают результатов: время неумолимо. Гала удавалось замедлять его бег до конца пятидесятых, тогда она еще могла появляться на пляже полуодетой. После того, как ей исполнилось шестьдесят пять, она призналась себе, что тело ее уже не такое упругое и гладкое, как раньше, и что косметические кремы не могут ей помочь. Гала прибегает к пластическим операциям, делает себе многочисленные «подтяжки» кожи. Она становится клиенткой «Прери» — знаменитой швейцарской клиники, расположенной в Кларенсе, недалеко от Вевей, специализирующейся на лечебном омоложении. И все же она вынуждена уступить возрасту и забыть про шорты и купальные костюмы. Коротким платьям, подчеркивающим красоту ее ног, Гала предпочитает теперь брюки. Чтобы подчеркнуть все еще осиную талию, Гала носит пояс, укороченные куртки, что делает ее похожей на тореадора. Со спины она все еще выглядит молодой и соблазнительной. Но лицо из-за «подтяжек» приняло выражение маски, кожа пожелтела, обтягивает кости, щеки безнадежно ввалились. Но больше всего изменился взгляд: он утратил свой блеск. Гала это знает и редко расстаётся с черными очками с корректирующими линзами, потому что — когда-то превосходное — зрение начало резко падать.

И вот последний способ защиты женщины, которая умела нравиться не прибегая к искусственным ухищрениям: Гала отказывается фотографироваться. Она все чаще разрешает Дали одному позировать фотографам или же, если соглашается сняться, остается на заднем плане, в тени. «Анге-

лы», окружающие Гала, еще больше подчеркивают ее возраст и затрудняют ей борьбу. «Все чаще и чаще, — признается Дали Луису Пауэлсу, — мой эротизм влечет меня к бесконечно красивым бесполом существам»*. Для него эротика — это спектакль. Между ним и Гала, в этом возвышенном союзе, который он не перестает воспевать, любовь создала неразрывные связи. Старость не нарушила ни их доверия друг к другу, ни гармонии. Но их личное счастье ограничивается братскими отношениями: «Мой маленький», — говорит Гала Дали; «Моя дорогая, моя малышка», — обращается Дали к Гала... «Мадонну» и «божественного Дали» (он хочет, чтобы так называли его юные друзья) связывает любовь духовного порядка. Дали это выразил так: «Моя любовь проходит через душу, мой эротизм — через глаза»**.

Без ведома супруги — художник не посвящает ее в эти игры — Дали организует эротические сеансы, сценарий которых тщательно разрабатывает и подготавливает. Его дружки и подружки, модели и актрисы играют роль марионеток: он составляет их и заставляет действовать. Наблюдение за спектаклем доставляет Дали удовольствие. Молодые люди разыгрывают перед ним фантазмы — те, что он не может реализовать сам из-за страха контакта. Ему нужны эти посредники между его желанием и им самим. Это развлекает его: много времени уходит на подготовку сеансов. Он говорит, что месяцами во время сиесты обдумывает их детали. Дали не может остаться наедине с девушкой: ему необходимо видеть перед собой, по

* «Дали мне рассказал», стр. 127.

** «Дали мне рассказал», стр. 106.

меньшей мере, еще двух человек: двух девушек, или двух юношей, или юношу и девушку — их может быть и больше, если, конечно, сценарий того требует. Он никогда не устраивает *partouze*^{*}. Дали не участвует в коллективных оргиях — он придумывает эротические сцены в больших или меньших масштабах, разрабатывая формы, движения, цвета для своего удовольствия, только для удовольствия. Действующие лица должны ему повиноваться. Чаще всего он инсценирует свои фантазмы в номере отеля «Риц» в Барселоне, в одной из самых шикарных и чопорных гостиниц в мире. Довольно редко (в то время, когда Гала бывает в Италии) он организует «ангельские» вечера в Порт-Льигате.

Дали прячет от Гала свой эротический театр. Он никогда не пригласит ее ни на один из своих праздников. Дали убеждал Луиса Пауэлса, что Гала — «пуританка»: он рассказывал «о пуританстве, который она унаследовала от сюрреалистов». Хотя Гала и знает вкусы Дали, она закрывает глаза на его любимые развлечения и пороки вуайериста. «В любви, — говорит он в "Видимой женщине", — я придаю особую цену тому, что обычно называют извращением и пороком. Я расцениваю извращение и порок как самые революционные формы мысли и деятельности, а также считаю любовь единственным достойным занятием в человеческой жизни».

Новый персонаж входит в его окружение. Это, как и при дворе французских королей, исполнитель тайных желаний. Любопытно, но у него та-

^{*} *Partouze* (франц.) — (прост.) оргия, любовь с несколькими участниками, групповой акт (прим. пер.).

кое же имя, как и у сладострастной графини, любовницы Людовика XV, — дю Бари. Жан-Клод дю Бари, бывший манекенщик, создал в Барселоне собственное агентство. Именно он специалист по «ангелам». Дю Бари очень быстро познакомился с эстетическими критериями художника и составил целую команду из моделей, готовых подчиниться любым фантазиям мэтра. «Дали никогда не приоткрылся ни к одной из моих манекенщиц, — рассказывал дю Бари. — Он испытывал наслаждение, наблюдая за их шалостями, но никогда дело не заходило дальше». Луису Пауэлсу Дали высказался еще яснее: «Сам я избегаю контактов, к своим эротическим наблюдениям я добавляю немного мастурбации»*. Модели также являются для него объектом удовольствия.

Жан-Клод дю Бари внешне похож на Алена Делона; он красив, весел, любит прихвастнуть и вызывает симпатию. Он, выходец из Гаскони, не стесняется в выражениях, и его искренность нравится Дали. Он называет дю Бари Verite**. Дю Бари организывает досуг художника, заказывает места в ресторане, приглашает гостей и участвует в самых неприличных сценариях — таких, например, как тот, когда Дали попросил его намазать кремом «Нивея» тело девушки перед тем, как уложить ее на огромный лист бумаги, на котором ее обнаженное тело оставит след, как переводная картинка... Затем художник нанесет несколько штрихов, и из рисунка в натуральную величину получится произведение искусства.

Гала сначала не очень доверяла дю Бари, но

* «Дали мне рассказал», стр. 103.

** Vérité (франц.) — правда (прим. пер.).

затем приняла его: она поняла, что у него своя роль и что он не покушается на ее власть. «Жан-Клоду, моему наилучшему другу» так в знак дружбы она подписала подаренный ею дю Бари томик стихов Элюара. Исполнитель сокровенных желаний готов также услужить и ей. Дю Бари следит за тем, чтобы среди «ангелов», которых он привозит к Дали в Порт-Льигат или в «Мёрис», один был бы не слишком бесполом и выделялся из толпы своею мужественностью — для того, чтобы понравиться Гала.

Она испытывает слабость к тем из «цветов», кто напоминает ей Дали, когда он был одного с ними возраста. Гала волнует их молодость, растерянный вид, феминизированный облик и свет обожания, который, как ей кажется, она зажигает в их взоре. Гала обнаруживает в них артистические дарования: один играет на гитаре, другой поет, третий хороший актер... Им не более двадцати пяти лет и Гала годится им в бабушки. Она кокетничает с ними, как молоденькая девушка, поводит бедрами, строит глазки, покачивает ногой, и ее жесты и голос наполняются какой-то новой нежностью. Она хочет им нравиться. Но, как это всегда с ней было в любви, она стремится давать им советы, руководить их поступками. Гала хотела бы, чтобы они преуспели в жизни. Она ведет себя как мать, если не как бабушка: заботится о них, когда они болеют, дает денег, если их не хватает, рекомендации, чтобы помочь войти в мир музыки, театра или эстрады.

Гала нравится их молодость, рядом с ними она вспоминает о своих юных годах. Гала, чувственная женщина, в старости стала любительницей свежей плоти. Но больше, чем в эротических наслаж-

дениях, коих она уже давно была лишена в своем браке, она нуждается в нежности и дружбе, ей этого так не хватает в фальшивом мире, продажном и возвышенном одновременно, на жизнь в котором ее обрекла слава мужа. Ее протеже — злые языки называют их альфонсами, а жители Кадакеса женихами — помогут ей в этом. Вот Вильям, вот Мишель, вот Аналисис, это Джеф... — все они из когорты «ангелов».

Гала выделяет их из моделей, отобранных Дали, из-за сияющей красоты. Мишель — французский философ, Аналисис — греческий пианист. Вильям — американец, наркоман. Гала и Дали подобрали его полумертвым в 1963 году на тротуаре в Бруклине. Они не смогли навсегда отучить его от ЛСД, но несколько раз помещали в специальную клинику и заботились о нем, как о ребенке. Гала находит, что он похож на Дали в молодости, и берет его в свои путешествия по Италии. Благодаря ему она молодеет, становится обольстительной. Они поклянутся в вечной любви на могиле любовников из Вероны, потом Гала, устав после трех лет страстной любви, отпустит Вильяма к его демонам (он умрет от большой дозы наркотика).

Джеф Фенхолдт — тоже американец. Он исполнитель главной роли в рок-опере Вебера и Райса «Иисус Христос — суперзвезда». Он своими длинными волосами, худобой, блестящими от частого употребления дурманных веществ глазами и в самом деле производит мистическое впечатление. Хотя, по общему мнению, Джеф является посредственным актером, но так как ему приходится играть свою роль каждый вечер восемь лет подряд, он сам принимает себя за Христа. Однажды Джеф разоткровенничался перед одной журналисткой и

назвал себя *божественным источником**. Гала и Дали были восхищены его игрой на сцене, в Париже они пригласили его к себе на чай в «Мёрис». С 1973 года Джеф стал у них частым гостем, но гостем особым, потому что был официальным спутником Гала. Для этой страдающей от старения женщины Джеф станет королем «ангелов». Когда она в сопровождении своего прекрасного эфеба входит в комнату, где находится Дали и вся свита «Двора чудес», художник встает, торжественно и в то же время саркастически объявляя своим рокоchущим голосом: «Гала и Иисус-с-с Христос-с-с — супер-р-р-стар-р-р!»

ОБЕЩАНИЕ АМАНДЫ

Осенью 1965 года Сальвадор Дали находился у Кастеля, на улице Принсес, со своими придворными юношами и девушками, еще не смывшим летний загар Кадакеса, когда неразлучные Джон и Денис подвели к его столу свою приехавшую из Лондона подружку: Аманду Лир. Ростом метр семьдесят шесть сантиметров, с длинными светлыми волосами, в мини-платье, купленном на Portobello Road**, она, по мнению Дали,

* В одном из интервью для «Women's Wear Daily», 7 апреля 1975 года.

** «Блошинный» рынок (барахолка) в Лондоне.

являла собой архетип красоты, потому что была андрогинна. «Вы знаете, что я за смешение полов? — скажет он ей. — Красота — это всегда греческий идеал, гермафродит, божественное существо. Впрочем, вы могли бы быть юношей»*.

Аманда Лир нравится Дали, потому что она действительно очень красива. Она нравится ему еще и потому, что принадлежит к молодежи, которая находит в нем умиленного участника своих забав, к той психоделической молодежи, привычки которой забавляют его и подогревают фантазию. Аманда Лир изучает живопись в художественной школе в Лондоне, общается с музыкантами рок-групп, актерами, фотографами и топ-моделями: Марианной Фейтфул и Дэвидом Бейли, Твигги и Ринго Старом, Миком Джаггером и Пенелопой Три. Аманда приехала в Париж, чтобы участвовать в демонстрациях «высокой моды». В тот вечер она была в компании своего ирландского друга Тара и Брайена Джонса, гитариста из «Роллинг Стоунз».

Дали — представитель морали, противоположной той, в которую рядятся друзья Аманды (их мораль антибуржуазная и антинакопительская). Его жизнь миллиардера является противоположностью ее жизни, жизни богемной. «Дали был наполовину лысым, толстоватым, он показался мне претенциозным и даже смешным...» — напишет Аманда позже**. Это первое впечатление не устоит перед шармом экстравагантного шестидесятилетнего старика, который — как она узнает, к своему великому удивлению, — является в тысячу раз более пси-

* Аманда Лир «Дали Аманды». Лозанна, Favre, 1984. стр. 48.

** Аманда Лир «Дали Аманды». Лозанна, Favre, 1984. стр. 9.

ходелическим, чем ее друзья из "детей цветов". Она цепляет на свою красивую грудь значок с провокационной надписью: «ЛСД тает в голове, а не в руках». Дали тут же замечает вызов. «Я, — говорит он, — единственный художник ЛСД, не употребляющий наркотиков. Мои картины похожи на видения наркоманов, на галлюцинации, хотя для этого мне не нужно употреблять препаратов»*.

Скоро Аманда находит в нем очаровательного собеседника, забавного и интересного, ее покоряют ум и фантазия Дали. Он соблазняется ее физическими данными: «У вас великолепная голова смерти», — говорит он Аманде в качестве комплимента, потому что больше всего Дали в ней нравится элегантная и совершенная форма ее черепа. Его покоряют также свежесть, искренность и чувствительность Аманды.

На следующий день после знакомства Дали приглашает Аманду на обед к Лассеру, потом — на чай в «Мёрис». В последующие дни, посвящая ее в ритуал, который станет для них обязательным, Дали поведет ее в свои любимые кварталы Парижа, в Лувр, где публика будет оглядываться на эту странную пару, затем в музей Гревена** и, наконец, к Дейролю, в магазин на улице Бак, специализирующийся на камнях, скелетах и перьях. Аманда не предполагала, что Сальвадор Дали способен так очаровать ее. Его галантность, уязвимость, детские капризы делают его обворожительным. Выходя однажды от Лассера, Дали взял ее руку и произнес слова, которые когда-то очень

* Аманда Лир «Дали Аманды». Лозанна, Favre, 1984, стр. 12.

** Музей восковых фигур.

давно сказала ему Гала: «Знаете ли, теперь мы уже больше не расстанемся»*.

И это правда. В течение десяти лет Аманда Лир будет его ребенком, сестрой, подругой. Дали называет Аманду *Стрекозой*, потому что она похожа на этих золотистых тоненьких насекомых. Легенда к ним благосклонна: считается, что стрекоза приносит счастье. Еще он называет Аманду **Меланхолией** (по названию дюреровского шедевра), потому что она выглядит грустной и бледной и часто погружается из-за любовных переживаний в то, что он называет «маниакально-депрессивными бредовыми состояниями». И еще Дали дал ей прозвище на каталонском — *Cascaballet de Plata* (*Серебряный Бубенчик*), потому что летом Аманда Лир носит на шее позванивающие при ходьбе бусы.

В течение десяти лет Аманда большую часть своего времени будет проводить в компании Сальвадора Дали. Так как у нее нет постоянного дома, она легко снимается с места, проводя половину жизни в самолетах (Дали их боится). Как только Аманде становится скучно, когда она несчастна или когда Дали звонит ей по телефону в маленькую квартирку, где она живет с другими манекенщицами и певицами, Аманда прилетает к нему. В Париже она останавливается в отеле «Луизиана», расположенном за Академией художеств, позже — в находящейся в двух шагах от отеля «Мёрис» гостинице «Континенталь» (за счет Дали). В Нью-Йорке она живет в отеле «Винслоу», а в Порт-Льигате — в жутком отеле с таким же именем. Он был построен над священной бухтой Дали почти в то же время, что и деревня Средиземноморского

* «Дали Аманды», стр. 13.

клуба, что вызвало ярость художника, так как он добился того, чтобы Порт-Льигат был местом, защищенным от испанских владений. В Лондоне, вдали от него, Аманда Лир ведет богемную жизнь. Она позирует для модных журналов, пишет акварели, читает книги, которые ей рекомендует Дали, и переживает несчастливые любовные истории. Дали — ее защитник, утешитель, наставник. Он ее друг и сердечный любовник.

Конечно, Аманда позирует для него. Обнаженная, с поднятыми руками, с выставленной вперед левой ногой, она изображает Анжелику на картине «Анжелика и дракон», которая также называется «Роже, освобождающий Анжелику», а еще «Святой Георгий и девушка». Дали работал над ней четыре года (1970-1974). В своей мастерской в Порт-Льигате он с 1956 года уже не работает один. Дали пригласил помощника, скромного и преданного каталонца Исидоро Беа. Дали завет его то Исидоро, то Беа. Ему поручено наносить на полотна первый слой краски, намечать по указанию мэтра силуэты заднего плана, которым Дали позже придает окончательные очертания. Идеал эпохи Возрождения вдохновил Дали на такое сотрудничество, так делал и Микеланджело, и большинство художников века Высокого Возрождения. Это Беа нарисует коня, с высоты которого святой Георгий своим копьем поражает дракона, спасая Анжелику. На полотне высотой около трех метров и шириной в полтора метра дракон — всего лишь смутное отражение в воде, плещущейся о серую скалу, на которой извивается в чувственной позе тело Анжелики. Копье святого Георгия (рукоять его намечена штрихами) как лазерный луч. По словам

очевидца, Гала якобы пыталась из ревности разорвать полотно.

Дали представил жене свою новую страсть несколько дней спустя после знакомства с Амандой, когда Гала вернулась из Женевы. Гала вынесет по поводу подружки Дали свой женский вердикт. «Гала считает, что вы занимаетесь самолюбованием. Она говорит, что вы постоянно смотрите в зеркало», — скажет Дали Аманде и от себя добавит: «Вы знаете, она очень хорошо разбирается в людях и никогда не ошибается»*. Раздражаясь от присутствия этой девушки, как вообще от женской красоты, Гала сначала решила игнорировать Аманду Лир. «Она не делала ни малейшего усилия, чтобы быть любезной с кем бы то ни было», — рассказывала Аманда. Она сразу обратила внимание на суровость взгляда и слов Гала, на то, что она неприветлива к людям, раздражительна и нетерпелива. Гала, всегда активная, постоянно спешащая, избегает «дикой» компании своего мужа, которую она все хуже и хуже переносит и даже откровенно не любит; как только она появляется, Дали меняется: он становится более церемонным, более спокойным. Он всегда готов ей услужить, и никто ему больше не нужен. Но Гала появляется редко, она все чаще и чаще отсутствует под разными предлогами. Она избегает общества этих фальшивых и корыстных людей, дорогостоящих нахлебников, которых Дали водит в лучшие рестораны и самые дорогие ночные кафе. Она считает Аманду Лир одним из подобных паразитов, живущих за ее счет и напоминающих ей своею молодостью, что сама она уже слишком стара. Дали

* «Дали Аманды», стр. 23.

скажет Аманде: «Гала как пчела: она приходит, жалит и тотчас же скрывается».

В старости Гала стала беспокойной. Она не находит себе места ни в Париже, ни в Нью-Йорке. Жизнь становится ей в тягость. Гала мечтает о покое, но покой невозможен, потому что ее муж нуждается в развлечениях. Ее все меньше привлекают шум и суета больших городов, она старается сокращать пребывание в них. Гала в течение долгого времени жила спокойно, а следовательно счастливо, лишь в Кадакесе. Ей было там так же хорошо, как и Дали. Но теперь в Кадакесе кавардак. Гала вынуждена уезжать — одна — в путешествия, кочевать в поисках покоя по Италии, а с некоторых пор — по Греции. Это правда, что Гала так же, как и Дали, уже не любит полного одиночества. Но она ненавидит толпу и чувствует себя хорошо лишь в паре. Дали называет *единорогом* каждого нового молодого человека, появляющегося рядом с ней, — по имени прекрасного животного, традиционного персонажа гобеленов, охраняющего средневековых девственниц, являющегося гарантом их целомудрия. Одного из этих *единорогов*, чья фамилия на старофранцузском означает «пастух», Дали называл по-каталонски *Pastouret* (пастушком).

Хотя у Гала появились другие занятия, хотя она избегает общества, в котором нравится бывать Дали, она не стала менее внимательной и заботливой по отношению к своему «маленькому Дали». Когда он болеет, Гала ухаживает за ним; когда он совершает ошибки, она старается их исправить; когда он уезжает, она оговаривает меню и лечение, как мать, которая должна доверять надежным людям: Артуро, Паките, Розе — заботу о своем ребенке. Сначала Гала очень недоверчиво

относилась к Аманде Лир, но вскоре поняла, что Аманда оказывает благотворное влияние на Дали. С Амандой он вновь улыбается, к нему возвращается желание рисовать и работать, желание, начинающее медленно угасать,

Главное для Гала — это чтобы Дали был счастлив. Если присутствие Аманды Лир приносит ему радость, стимулирует, она этому не только не противится, но даже с облегчением принимает как помощь в том, что для нее самой становится слишком тяжелым, — в заботе о Сальвадоре Дали. И Гала открывает ей двери своего дома. Аманда, когда она приезжает в Порт-Льигат, удостоивается редкой привилегии ночевать если не в самом доме, то в его пристройке, в «бараке». Это что-то вроде однокомнатной квартиры с камином, ванной комнатой и изолированным входом. Гала крайне редко предоставляет ее гостям. Набитый старой одеждой, книгами и бумагами «барак» похож на чердак. Это «Трианон» Гала, место, где она может уединиться, чтобы почитать и подумать. Сюда она приходит отдохнуть от усталости, вызванной делами и общественной жизнью. Если Гала решается делить свой «Трианон» и оставлять его, когда уезжает в путешествия, этой очень красивой девушке, которая могла бы быть ее соперницей, то потому, что не боится потерять Дали. Гала видит в ней что-то вроде baby-sitter*: Аманда Лир сменяет Гала в ее отсутствие и охраняет ее «маленького Дали». Так как Гала считает Аманду серьезной и разумной девушкой, она оставляет ей —

* Baby-sitter (англ.) — приходящая няня (прим. пер.).

исключительная привилегия! — ключ от аптечки.

Дали забавляют контрасты, отличающие обеих женщин: одна брюнетка — другая блондинка; одна маленькая — другая очень высокая; одна классическая и сдержанная (стиль Шанель) — другая экстравагантна, носит лондонскую одежду хиппи. Гала — белка, Аманда — стрекоза. Однако из двух «удивительной» остается Гала. Сальвадор Дали навсегда сохранил к своей жене феноменальное уважение. По собственному признанию Аманды Лир, все, что Гала говорит, является законом. Дали ей полностью доверяет, и никогда он «не доставил ей ни малейшей неприятности». Дали совершенно искренне признает исключительность Гала, и Аманда никогда не сможет затенить ее «удивительное» влияние.

Приручив Аманду, Гала разрешает Дали появляться с ней в общественных местах. Гала знает, что ее муж не может обходиться без женского присутствия. К тому же, возраст и усталость отвращают ее от веселых компаний. Гала никогда не любила светскую жизнь, но она считала своим долгом сопровождать супруга на приемах и заботиться об их имидже — как в Париже, так и в Нью-Йорке — в бесконечной круговерти праздной жизни. Аманда Лир заменит ее на многочисленных официальных презентациях (для Гала они стали настоящей обузой). Аманда, а не Гала будет держать под руку Дали на костюмированном балу, устроенном бароном де Реде в декабре 1969 года в отеле «Ламбер» на острове Сен-Луи. Весь Париж, а также коронованные особы из Европы (Магрит и Хенрик из Дании, Мариа Пиа и Александр из Югославии, Ада Хан и индийская

принцесса), звезды шоу-бизнеса (начиная с Сер-жа Лифаря и заканчивая Б. Б.*) были здесь, наря-женные султанами, факирами и одалисками. Алек-сис де Реде выбрал тему Востока. Сам он был в костюме казака. Аманда Лир изображала цветок мака. Она надела в красное трико, одна из ее об-наженных грудей была прикрыта золотистой ву-алью. Помолодевший Дали в черном парике «а-ля Веласкес», увенчанном лавровым венком, с лор-нетом в руке предстал «в образе Дали».

Они вместе появятся в следующем году на «Сюрреалистическом балу», устроенном Ротшиль-дами в замке «Ферьер». Дали придумал для Аман-ды удивительный костюм, сведенный к одной де-тали — челюсти акулы в венке из искусственных роз. Сам он изображал паралитика, царственно восседающего в инвалидном кресле под большим зонтом.

Аманда посещала с ним «Гранд-опера», лоша-динные бега в Лоншане (там она была в шляпке с широкими полями от мадам Полет, которую Дали подарил ей по случаю). Их видят вместе в «Театре двух ослов», в «Мулен-Руж» и в парижском кази-но, на премьере фильма Бунюэля «Тристан» — друзья все еще в ссоре — с участием Катрин Де-нев. Их видят вместе в музеях и в Гран-Пале, где проходит выставка, посвященная Жерару Ду, гол-ландскому художнику эпохи классицизма.

Дали неутомим. Его интересует все неожидан-ное и все новое. Он не устает двигаться, смотреть, веселиться. Присутствие Аманды Лир позволяет Гала отдохнуть. Раз в два дня, если они находятся в Париже, она остается в отеле, в то время как

* Б. Б. — Брижит Бардо (прим. пер.).

Дали и Аманда идут вдвоем обедать к «Максиму» или к Лассеру, где их обслуживают всегда за одним и тем же столиком — за тем же столиком, что и во времена Гала. Только Рождество их объединяет. Они привыкли его праздновать у «Максима» втроем или вчетвером, если Джеф бывает в Париже. Они создали новую семью. Дали садится между Гала и Амандой в «Гранд-опера» на представлении «Евгения Онегина», где поет жена Мстислава Ростроповича, с именем похожим на имя Гала, — Галина Вишневская. На следующий день они впятером обедают у Лассера.

При каждом их выходе фотографии, обожатели Дали, словно с цепи срываются, стремясь запечатлеть на своих снимках новую пару: экстравагантного художника, зимой завернутого в шубу из бобра, норки или пантеры, и его не менее экстравагантную спутницу, чаще всего в сапогах выше колена и с небрежно причесанными сказочно белыми волосами. Гала подарит ей однажды на Новый год — взамен плетеной корзинки (позже такая же появится у Джейн Биркин), которую Аманда носила повсюду, даже на праздничные вечера на улице Руаяль, и которую Гала считала «безобразной», — сумочку от Шанель.

В Испании, во время летних приездов, их союз приобретает скандальный оттенок. Дали появляется в Барселоне только с Амандой. Гала игнорирует все праздники и отказывается от официальных выездов. Она уже не может выносить общественных обязанностей. Жители Барселоны, собравшиеся перед зданием оперного театра, были очень удивлены, когда увидели Дали, явившегося на премьеру «Адриенны Лекуврер» (в ней должна была петь их соотечественница Монсерат Кабалье)

под руку с новой спутницей. Дали и Аманда появлялись вместе днем и ночью в кабаре, ресторанах, у антикваров и в музеях, вызывая любопытство каталонцев и, конечно, провоцируя сплетни. В «Рице» комната молодой женщины сообщается через ванную с номером Дали. После Каталонии пришла очередь удивляться всей Испании. В Севилье они оказались на знаменитом ежегодном празднике, и все *raparazzi*, забыв *toros* (быков), идут по их следу. Все знают, что они путешествовали по Гвадалквивиру на яхте Рикардо Сикра, друга-мультимиллионера, посещали музей «Прадо» и сады «Эскуриала» в Мадриде. В столице, куда Дали приехал, чтобы поблагодарить Франко (генералиссимус наградил его орденом Изабеллы Католической), и они обедают в «Рице». Это мадридский ресторан, еще более снобистский, чем одноименный в Барселоне: здесь не предоставляют столики артистам! Дали и Аманда останавливаются в «Палас-отеле» в сообщающихся номерах. Так как они не прячутся, а наоборот, охотно позируют перед фотографами и празднующими, их появления в конце концов обрастают сплетнями. «История любви в Кадакесе» — под такими заголовками появляются статьи в скандальных испанских газетах. Распространяется слух о том, что у Дали есть молодая любовница-англичанка, хиппи, *desamparaneante* (что значит «потрясающая»), что он собирается развестись с Гала.

В Кадакесе — летом, когда она живет в «бараке», — Аманда играет роль хозяйки дома. Это она, а не Гала будет принимать в «*casa Dalí*» Марселя Дюшана, скромно проживающего в Кадакесе, Луиса Мигеля Доминингена, знаменитого матадора, Ури Геллера, а также герцога и герцогиню Кадис-

ских (юная Карменсита, герцогиня Кадисская и жена Альфонса Бурбонского, является внучкой Франко). Если бы Гала считала Аманду Лир соперницей, она бы непременно присутствовала на всех парадных выходах и на праздниках, которые так сближают остающихся наедине ее стареющего, но неутомимого мужа и Стрекозу. Напротив, Гала все больше и больше устраниется, она становится безразличной к праздному времяпрепровождению, на которое у нее не хватает сил. Иногда, очень редко, она напоминает о своем превосходстве, устраивая сцены или отпуская шпильки.

Гала бежит из Кадакеса. В Париже и в Нью-Йорке, хотя бы через день, она пытается исполнять свою роль: в ней еще нуждаются. В Кадакесе она отдыхает благодаря Аманде и верным слугам, стареющим вместе с хозяевами. Чего она больше не может выносить, так это образа старой дамы из высшего света, глядящего на нее из зеркала и с фото иллюстрированных журналов. Гала прячется, отказывается участвовать в телевизионных передачах, во время которых всегда старалась держаться на заднем плане, больше молчала, но присутствие ее было ощутимо. Она запрещает, как может, фотографам снимать ее иссохший профиль, сморщенный силуэт, пергаментную кожу рук, покрытых коричневыми пятнами.

В 1974 году Гала исполнится восемьдесят лет. Ей уже больше не удастся скрывать свой возраст. Хирурги уже не в состоянии сражаться с проявлениями старости, которую Гала, в отличие от большинства женщин, удавалось держать на расстоянии в течение довольно долгого времени. Но все же годы взяли свое. Гала побеждена, она превратилась в маленькую старушку и прячет теперь свой

потухший взгляд за черными очками. Только ногам удалось избежать губительных последствий времени, но возбуждают ли они еще воображение молодых людей, ее сопровождающих, точнее — оплачиваемых ею?

Гала очень устала. Она теперь мечтает только о покое. Но образ жизни Дали, толпа его шумных и странных друзей, с одной стороны, а с другой — деловые люди, обивающие пороги, требующие все больше и больше контрактов, не оставляют никакой надежды на безмятежную жизнь. Для Гала жизнь рядом с Дали превратилась в ад. Гала подает в отставку. Ей едва хватает сил на то, чтобы организовать свой отъезд.

Однажды летним вечером, рассказывает Аманда Лир, Гала пригласила ее в свою комнату в Порт-Льигате. Она расспрашивает Аманду о ее увлечениях (о молодых людях, с которыми она в Лондоне бывает то счастлива, то несчастлива), о ее артистическом будущем (Аманда поет и занимается живописью). Потом Гала говорит ей о Дали. До разговора Гала раскладывала пасьянс, и карты были к ней благосклонны. Гала объясняет, что Дали не может и никогда не сможет жить один, что рядом с ним должна быть женщина, женщина с головой на плечах, не взбалмошная. Сама она, следуя логике, из-за своего возраста должна умереть раньше Дали. И нужно, чтобы после ее смерти кто-то присматривал за Дали. Это должна быть женщина порядочная и организованная, умеющая руководить им, советовать ему, ободрять, утешать, одновременно нежная и непреклонная, ласковая и строгая — такая, какой была она и уже больше не может быть со своим «маленьким Дали».

В комнате Гала находится икона с изображе-

нием Казанской Богоматери. Эта икона совершила долгое путешествие из России, страны ее детства, она помогала ей жить в Клаваделе, в Париже и здесь, в этом экзотическом уголке, ставшем для нее родным. Гала не начинала никаких дел без молитвы. Она заставляет Аманду Лир поклясться на иконе, что после ее смерти Аманда выйдет замуж за Дали. «Гала настаивала, она заставила меня произнести клятву... Она говорила властным тоном. Я поклялась на иконе, что никогда не покину Дали, и Гала отпустила меня», — рассказывала Аманда*.

Можно не сомневаться в правдоподобии этой сцены без свидетелей. Даже если бы она являлась всего лишь досужим вымыслом автора, то точно передает суть последней заботы Гала: как уехать, не убив этим Дали, как умереть, не сделав из него — ребенка, оставленного на съедение женщинам, — живого мертвеца? Аманда Лир это хорошо поняла: «Как и многие друзья, я спрашивала себя, что случится, если умрет один из супругов. Гала, конечно же, выжила бы без Дали, она женщина с твердым характером. Но я не могла себе представить Дали без Гала. Я думала, что если бы Гала умерла раньше него, то он покончил бы с собой или умер бы от горя»**.

Гала, терпение, бдительность и организационная энергия которой не ослабевали в течение почти сорока пяти лет совместной жизни, устала от своих обязанностей. В начале семидесятых она заботится о том, чтобы найти для Дали — так как

* «Дали Аманды», стр. 265.

** «Дали Аманды». Аманда Лир опубликовала второе издание, дополненное: «Amant-Dalí» («Любовник Дали»). Michel Lafon, 1994. В книге упоминается та же клятва Аманды, стр. 296-297.

продолжает его любить — другую женскую силу вместо утраченной своей. Но кто сможет нести, как она, по выражению Робера Дешарна, Дали «на своей спине»*?!

КОРОЛЕВА ПУБОЛЯ

Дали, посвятивший Гала свой «Дневник гения» («Моему гению... Гала, Градиве, Елене Троянской, Святой Елене, Gala Galatea Placida»), хочет сделать ей подарок. Она не любит ни украшений, ни вещей — она всегда предпочитала, чтобы к дню рождения Дали дарил ей одну из своих картин. Гала считает, что нет ничего лучшего в мире, чем его картины. Таким образом она стала обладательницей нескольких шедевров, среди которых — «Хлеб» (эту картину Гала любит больше других). На этот раз Дали приготовил ей сюрприз.

Он посвящает в свой замысел своего нового помощника Энрике Сабатера, молодого соотечественника, каталонца, бывшего футболиста, бывшего агента по продаже недвижимости, бывшего сотрудника газеты, выходящей в Жероне («Los

* Рассказано Мерилом Сикристом. Цит. соч., стр. 240: «Кто сможет взвалить Дали себе на спину?» — говорил ему Робер Дешарн.

Sitios»), и бывшего коммерческого представителя, фотографа-любителя, сделавшего удивительный снимок: однажды ему удалось снять Дали с мухой на носу! Дали отправляет своего нового «придворного» с заданием объехать всю Каталонию (как королевскому эмиссару) в поисках дворца, потому что он хочет подарить Гала дворец. Так как Дали боится, что Гала уедет слишком далеко — особенно он не хочет, чтобы Гала купила себе поместье в Тоскане, — то он нашел способ оставить ее на своей родной земле и, исполняя самое заветное желание Гала иметь собственный дом, доставит удовольствие и себе самому, поселив ее рядом с собой. Облетая регион на туристическом самолете, Сабатер фотографирует самые интересные места и представляет их критическому глазу Дали. После долгих поисков они наконец обнаруживают подарок, достойный Гала, чудо, достойное чуда.

Это расположенный в старой деревне Пуболь (что по-каталонски означает «тополь»), нависающей над холмом возле Ля-Биспаль, в восьмидесяти километрах от Кадакеса, большой разрушенный дом с продырявленной крышей и с просвечивающимися стенами, окруженный заброшенным, заросшим сорняками садом. Дали купил его для Гала летом 1968 года. Его соблазнило то, что в здании осталось несколько камней римской эпохи, чудом сохранился фронтон с вылепленной на нем эмблемой в виде вороны. Дали понравилась замкнутость владения (его закрывали высокая стена и решетки). Расположенная среди виноградников и полей из оливковых деревьев, в местности, где, выращивают свиней и делают козий сыр, где пахнет глубинкой и

навозом, деревня Пуболь на столько удалена от моря, на сколько к нему близок Порт-Льигат. Живут здесь только крестьяне, тогда как вместе с Дали в маленьком порту царствуют лишь рыбаки.

Пуболь решительно отвернулся от Средиземного моря и имеет только одну общую с Порт-Льигатом черту: место закрыто и защищено высокими каменными стенами. Дом, который в деревне зовут замком, потому что он является самым большим, самым древним и самым внушительным строением в округе, несмотря на плачевное состояние, понравился Гала, прежде всего потому, что она смогла обрести в тени своей крепости жизнь спокойную и свободную от светских развлечений и фотовспышек. Пуболь — самая дикая и самая затерянная деревня в этом одном из самых диких и самых отдаленных уголков Испании, к тому же место соответствует своему предназначению: когда Гала хочет рассказать о себе, она всегда представляется как русская крестьянка. «Крестьяночка — вот кто я», — говорит она тем, кто принимает ее за знаменитость. Дали поэтому с любовью выбрал для нее сад в деревенском краю, сад, где она сможет наслаждаться своими любимыми розами — они будут напоминать ей далекие каникулы на берегу Черного моря. Гала в старости мечтает увидеть, как цветут ялтинские розы.

Гала с тех пор, как познакомилась с Дали, прекрасно умела пользоваться всеми благами Средиземноморья, но сейчас она не хочет видеть моря. Возраст лишил ее купаний нагишом и загораения на солнце, действие солнечных лучей теперь слишком вредно для кожи Гала. Прогулки по скалам утомляют ее, даже становятся опасными. Гала ходит совсем медленно, ее походка утратила уверен-

ность и легкость, козыи тропы, по которым она бродила вокруг Порт-Льигат до мыса Креус, кажутся ей слишком крутыми, и ей приходится отказать от прогулок и пикников. Та, что так долго (по меньшей мере, в глазах Дали), была самой прекрасной из всех роз, стала такой блеклой, такой увядшей и такой маленькой, что не испытывает больше другого желания, кроме как спокойно прожить оставшееся ей время. Дом, в котором прошла ее молодость, стал слишком шумным, его осаждают любопытные и прихлебатели.

Замок Пуболь, как Дали и предполагал, понравился Гала. Он, со своими внушительными размерами, стенами, как у крепости, потолками, кажущимися очень высокими, несмотря на то, что они наполовину разрушены, со старыми конюшнями и гербом из камня, кажется ей предназначенным самой судьбой. От «королевы Puleuglun» (так Гала подписала любовное предисловие к первому сборнику стихов Элюара) — к «королеве» Пуболя! Словно в прошлое переброшен мостик. «Я хочу, чтобы здесь все было по-монашески, — скажет Гала Аманде Лир. — Я часто подумывала о монастыре, о том, чтобы остаться одной. Я люблю одиночество и простоту». Пуболь станет последним прибежищем Гала, она будет приезжать сюда каждое лето начиная с 1970 года, оставляя Дали в Порт-Льигате. Это было время долгих разлук.

В течение двух лет Гала с помощью местных подрядчиков занимается ремонтом и обустройством своего замка. Она не хочет, чтобы Дали вмешивался. Пуболь — это ее королевство, и она не желает ни с кем его делить. Для карточек-приглашений, которые Гала будет посылать своему мужу, когда захочет видеть его у себя, она закажет та-

кой текст: «Гала приглашает вас... в замок Пуболь». Она будет часто принимать у себя Дали, но он никогда не останется ночевать.

Гала приказала отремонтировать стены и переделать крышу. По ее желанию просторные комнаты с высокими потолками были выкрашены в белый цвет и остались почти пустыми. Никаких безделушек, никаких украшений, никакого блеска. Замок Гала имеет аскетический вид: книжные шкафы, столы, стулья, несколько кресел, красный диван, ковер, каталонский буфет. Пространство оформлено на японский манер. Никаких излишеств. Интерьер замка представляет полную противоположность интерьеру «casa Dalí». Все здесь выдержано в строгом классическом стиле. Если Дали нравится нагромождение вещей и барочный стиль, то Гала решительно выбирает простоту. И простоту торжественную и даже довольно помпезную: в ее комнате стоит кровать под балдахином, на столах — огромные серебряные и из кованого железа канделябры, стены освещаются бра. Подушки, самовар и книги — неотделимые от Гала предметы — согревают чересчур строгую атмосферу, слишком средневековую, с точки зрения современного человека. Чучела медведя, носорожьих рогов, зубов, нанизанных на нить, — всего этого хлама Дали, того, от чего в Порт-Льигате хотела избавиться Гала, не хватает этому мрачному и малокомфортабельному замку, который зимой, когда неистовствует трамонтана, мог бы походить на дворец Снежной королевы.

Единственными успокаивающими и симпатичными элементами, финальными штрихами, заказанными у Сальвадора Дали, стали заслонки для радиаторов (нарисованные в объемном изображе-

нии, они с детальной точностью воспроизводят радиаторы, которые прикрывают!); двери комнаты, так же исполненные в объемном изображении (они кажутся открытыми, даже когда закрыты!); вагнеровские бюсты вокруг бассейна, вылепленные самим Дали; стадо слонов в натуральную величину в саду; наконец, трон для Гала — позолоченный стул, спинка которого (расписанная так же в объемном изображении) представляет в дальней перспективе горизонт, небо и море в Порт-Льигате. Последняя сюрреалистическая фантазия находится в большой полупустой гостиной: сквозь низкий стеклянный стол на индюшачьих лапках и через прорубленное в полу под ним окно просматриваются расположенные этажом ниже бывшие конюшни.

Пуболь — это замок грёз. Смешение романского стиля с фантастическим, средневекового с сюрреалистическим — все это создает слегка тревожное ощущение. Здесь должно быть уютно призракам, духам и джинам. Кому еще, кроме Гала, вздумалось бы поселиться в одиночестве в таком неприятном для нежных душ и гостеприимном для наваждений владении? Призраки, духи и джины ей не страшны: она давно с ними знакома и ведет спиритические беседы. Может создаться впечатление, что Гала предпочитает их компанию обществу людей. Пуболь мог бы отпугнуть менее закаленные сердца, но он соответствует характеру Гала, твердому и гордому, и потому стал для нее тихой гаванью. Вылепленная в камне птица станет символом Гала: с черным оперением, гордая и не очень-то почитаемая простыми смертными, ворона, как известно, является фетишем у колдунов.

У «королевы» есть слуги: кухарка, садовник,

убирать приходит женщина из деревни. Несколько раз в течение недели из Порт-Лыгата является Артуро. Он приезжает за указаниями Гала: благодаря Артуро она знает, как обстоят дела в Кадакесе, что происходит у Дали. Даже на расстоянии Гала продолжает заботиться о нем. Она звонит ему каждое утро — это священный ритуал, и Дали не пропустил ни одного ее звонка. Он рассказывает Гала о своей жизни, о своих снах. Аманда Лир говорит, что Гала знает все, что делает или говорит «маленький Дали».

Но у «королевы» есть новый молодой «король», разделяющий с ней жизнь, когда она приезжает в Пуболь. «Месье» Джеф, блондинчик с длинными волосами, которого Дали называет Иисус Христос — суперзвезда, не исполняет больше роли Иисуса. Он мечтает о музыкальной карьере, продолжая без особой надежды искать продюсеров, пробует себя в амплуа рок-певца. Гала специально для него приготовила комнату во дворце. Она купила пианино, гитару, звуковую аппаратуру, микрофоны, диски и кассеты. Весь Пуболь сотрясается, когда Джеф упражняется. Пение текстов, которые он сочиняет на собственную музыку, больше похоже на рев.

Гала лелеет Джефа, как раньше лелеяла Дали. Она подбадривает его, следуя собственной методике: говорит ему, повторяет, что он гениален, что он единственный, что он самый лучший. Гала хочет помочь ему поверить в собственные артистические данные. Наконец, она пытается его продвигать. Гала рекомендует Джефа всем «друзьям», с которыми встречается в Париже и в Нью-Йорке. И, конечно же, она делает ему «подарки» — для того, чтобы помочь ему в песенной карьере, и

в тех случаях, когда он предпринимает тщетные попытки для того, чтобы содержать своих оставленных в Нью-Джерси молодую жену и ребенка. Зимой Гала встречается с ним в Нью-Йорке. Летом она покупает ему билет на самолет до Каталонии и посылает за ним «кадиллак» в аэропорт Барселоны.

Гала пренебрегает Дали. Он тяжело переживает разлуку и очень скучает по ней. Летом Гала — теперь крайне редко — приезжает в Порт-Льигате. Зимой она заботится о другом человеке. Гала уже не так часто интересуется Дали — она постоянно звонит Джефу. Гала отдаляется физически и морально. Можно сказать, она покинула Дали. Аманда Лир рассказывает, как после одного визита в Пуболь Гала проводила их до решетки замка, они попрощались:

«Мы помахали ей рукой на прощание, и сели в старый "кадиллак". Дали ей сказал: "Возвращайся быстрее, Galuchka! Я жду тебя, ты знаешь. Возвращайся ко мне! *Baby, come back!*"». По дороге в Кадакес, Дали говорил только о Гала и с такой любовью, что слегка обиженная Аманда делает вывод: «Ему не хватает Гала»*.

Аманда, как и Джеф, с 1976 года занялась музыкой. Она записывает первый диск — «Blood and Honey» («Кровь и мед»), название которого, несомненно, навеяно картиной Дали «Кровь нежнее, чем мед». Аманда изобретает свой стиль, в котором присутствует смесь силы и романтизма; девушка носит кожаные комбинезоны, делает стрижку и красит волосы в красный цвет. Она поет

* «Дали Аманды», стр. 206.

«Follow me», затем «Sweet Revenge» — эта пластинка будет названа «золотым диском» в 1978 году и принесет певице большой коммерческий успех. Дали грустит из-за того, что Аманда не может уделять ему все свое время. Аманда, как и Гала, отдается, сокращает свои визиты в Порт-Льигат, отправляется в мировые турне. Это мешает ей приезжать на Рождество к Дали.

Гала рассчитывала, что Аманда сможет компенсировать ее частые отсутствия и усталость, но видит, что Дали предоставлен самому себе, и уже не может на это реагировать. «Двор чудес» еще больше деградировал, в нем все меньше и меньше «фанов», поклонников, не говоря уже о друзьях, все больше и больше случайных людей, любителей пожить и поесть на дармовщинку. Оставшись без своего «ангела душевного равновесия», зажатый в тисках одиночества, Дали тоже деградирует. К нему опять вернулись страхи (только Гала удавалось их сдерживать), теперь они осаждают Дали, угрожают его рассудку и даже его искусству. По словам наблюдающих за ним психиатров, он «регрессирует», постоянно возвращается к страхам из своего детства. Гала умела освобождать Дали от них. Отстранившись от изнурительной обязанности сиделки «при умалишенном», она вновь вернула Дали его демонам. Без ангела-хранителя уязвимый Дали потерял ориентиры.

До 1980 Гала еще изредка осуществляет свою власть над Дали. Когда она чувствует, что без нее ничего не клеится, она едет в Порт-Льигат и пытается навести порядок в бедлам Дали. Гала бранит его, заставляет сменить одежду, принимать лекарства, которые сама ему предписывает, выуживая из своего вечно неисчерпаемого чемоданчика, и

наконец возвращает его к работе. Старая, Дали все меньше и меньше рисует, все больше и больше предается грезам, перестает выполнять обязательства по контрактам, которые механически продолжает подписывать. Гала сердится и, так как Дали отказывается подчиняться, запирает его в мастерской или, если это случается в Париже или в Нью-Йорке, в спальне. Оттуда он выходит лишь закончив акварель или рисунок, заказанный и оплаченный заранее по очень высокой цене. Элеонор и Рейнольдс Морс так же, как и Морис Бежар*, были свидетелями сцен принуждения «маленького Дали» к работе. Он все больше и больше противился заказам, слово «контракт» приводило его в бешенство. Услышав это слово, он принимался вопить, замахиваться на людей своей тростью и даже кататься по полу и кричать при этом.

Гала слишком много требует от него. Она выходит из себя, если видит, что Дали уже не может нарисовать то, что раньше, когда он работал с юношеским проворством, ему удавалось воспроизвести одним движением руки. Дали еще в состоянии подписывать чистые листы бумаги, но даже его прекрасный почерк изменился: с 1973 или 1974 года у него начинает дрожать рука. Врачи опасаются, что это болезнь Паркинсона, от которой умер его отец. Элеанор Морс рассказывала, что Дали это очень пугало и она брала его руки в свои, пытаясь успокоить дрожь. Удивительно, но нервные спазмы прекращались, по свидетельству д-ра Бари и Изидоро Беа, как только Дали брал кисть и начи-

* Морис Бежар «Мгновение из жизни другого человека». 1979, стр. 165-166.

нал рисовать. Но теперь Дали проводит меньше времени в мастерской. У него началась бессонница; раньше, по его собственному признанию, он прекрасно спал ночами и после обеда, теперь же ему не удается заснуть. Врачи пичкают Дали снотворным. Это окончательно выводит его из режима, он теперь не отдыхает во второй половине дня, все это нарушает естественный ритм его жизни. Из-за снотворного Дали погружается ночью в сон без сновидений и уже не может днем видеть сны, что лишает его последних удовольствий и последнего источника душевного равновесия. Без неумолимой Гала Дали не может организовать свою жизнь.

Энрике Сабатер, в 1975 году ставший официальным поверенным Дали, сменив Питера Мура, разъезжает на «ролс-ройсе» и «феррари», имеет яхту и несколько таких роскошных домов, что у Гала закрадываются сомнения. «Откуда берутся деньги?» — кричит она. Гала больше не контролирует предприятие Дали и не знает, в какие банки и на какие счета поступают доходы Дали. Она устраивает сцену за сценой, обвиняя то Дали, то Сабатера — чаще всего обоих — в том, что они недееспособны, а к тому же воры. Как-то однажды Сабатер заявил, что у него не хватает денег, чтобы оплатить отель! Дали и Гала страшно испугались. Гала (у нее была всего одна навязчивая идея: устроить свою жизнь так, чтобы никогда ни в чем не нуждаться) считает, что преследовавший ее кошмар стал явью и они с Дали разорены. Буквально отлученная событиями и нечестными поступками от дел, она уже не знает, что с ними происходит и хватит ли им денег на оставшуюся жизнь, так как Дали пишет все меньше и меньше. До сих пор Гала

прекрасно владела собой, была способна хладнокровно рассуждать, теперь же она не находит себе места. Можно сказать, что она теряет голову. Она всегда всю ответственность брала на себя, и это добило ее. Дали, напуганный тем, что Гала тоже начала бояться, приходит от этого в еще большее отчаяние. *Святая Елена* сама слишком взволнованна, и у нее нет больше сил, чтобы успокоить Дали.

Работавшее ранее без сбоев предприятие Дали дает течь по всем статьям. В 1974 году в прессе появились заметки о художественном и в то же время финансовом скандале: таможенники арестовали на границе между Францией и Андоррой машину, нагруженную сорока тысячами чистых листов бумаги, на каждом из которых стояла подпись Дали. Для чего они предназначались? Коллекционеры и искусствоведы всего мира забеспокоились: гравюры и литографии с подписью мэтра являются подделками под Дали, никто не может поручиться за подлинность его произведений. Зародилось сомнение: не сам ли Дали ради нескольких долларов воодушевляет поддельщиков? А может быть, это Гала в панике, из-за страха все потерять способствовала возникновению ситуации, наносящей ущерб репутации художника и снижающей его котировку на художественном рынке? Не она ли, спеша получить деньги, как можно больше денег, подтолкнула Дали к подписанию контрактов с сомнительными предпринимателями, не проверив намерений последних, не проконтролировав использование переданных им рисунков и гравюр? Не она ли согласилась на то, чтобы Дали подписал чистые листы, чтобы облегчить и, главным образом, ус-

корить печатание литографий в неслучайном количестве экземпляров?

Совершенно очевидно, что не очень порядочные люди воспользовались их легкомыслием, в равной степени как и жадностью, и втянули их, как говорит Кокто, «туда, куда можно идти до бесконечности». По словам Мерила Сикриста* (он вел подробное расследование эпизода с подделками), «никто не знает, сколько чистых листов подписал художник... В мире существует от 40000 до 350000 аутентичных автографов Дали на листах белой бумаги. Никто никогда не узнает правду...»

В 1976 году американское правительство возбуждает против старой четы Дали судебное расследование, касающееся налогов. Финансовыми делами всегда заправляла Галя, оставляя Дали лишь карманные деньги, и ей приходится похлопотать, чтобы оправдаться перед лицом закона и предоставить необходимые суду доказательства: копии контрактов, счетов за проживание в отелях, ресторанные счета, банковские документы... Так как у нее всю жизнь была мания платить и получать наличными, защищать ее было нелегко. Американский адвокат супругов, Майкл Стаут, выиграл-таки процесс, но в конце года, в ноябре 1976, им пришлось отказаться от постоянной визы. Галя и Дали уже не смогут по-прежнему любить Соединенные Штаты. Эта неприятная история с американской налоговой службой добавила много горечи к их другим переживаниям. Страна свободы и безопасности, символ их успеха и богатства, унизила и обвинила их. Они напуганы, боятся угодить в тюрь-

* Цит. соч., стр. 220.

му. Одна из навязчивых идей Дали — страх закончить жизнь, как Сервантес и Христофор Колумб, в тюрьме за неуплату долгов.

В начале восьмидесятых супруги выглядят очень плохо. Дали семьдесят шесть лет, он очень похудел, согнулся, сморщился, почти полностью облысел и похож на карикатуру на самого себя. Он дрожит, как листок, в шубе из меха пантеры — она также потеряла блеск и висит на Дали, как лохмотья. Гала восемьдесят шесть лет, ее волосы по-прежнему черны, у нее такой же гордый вид. Она все реже и реже показывается на людях и жалуется всем подряд на свою тяжелую жизнь. Одному из своих «мальчиков» Гала поведала такие откровения о своем старом муже:

«Я так больше не могу. Я хочу расстаться с ним. Его роль — быть очаровательным, моя же — приводить людей в ярость»*.

Мишель Деон в шестидесятые годы считал, что Дали должен был бы обрезать свои усы. «Вот тогда бы он всех удивил», — писал он**. Но лишить его фетиша означало бы лишить его уверенности в себе, с таким трудом обретенной, и разрушить его личность. Это было бы равносильно обрезанию волос Самсону и затронуло бы глубинные струны его существа. Как и Самсон, обезоруженный, утративший силу, он, вероятно, не смог бы остаться прежним.

Когда Андре Парино, раздраженный кривлянием Дали во время его интервью для журнала «Le Point», 28 января 1974 года спросил его, не

* Рассказано Мерику Сикристу (цит. соч., стр. 200) Карлосом Лозано, другом-колумбийцем, бывшим певцом «Найг».

** «Багаж на Ванкувер». Цит. соч., стр. 96.

настанет ли момент, когда Дали придется снять маску (следовательно, не придется ли ему расстаться с усами), Дали ушел от ответа, отделившись шуткой. Снять маску — это значило бы для него отказаться от имиджа, выкованного в собственном театре и поддерживаемого в вертикальном положении невероятным усилием воли. Снять маску — это означало бы умереть раньше времени, умереть раньше смерти. Но воля, которую Дали черпал с двадцатилетнего возраста во взгляде Гала, воля, которая его сформировала, дает трещину, и он ничего не может с этим поделать. Она катастрофически ослабевает и скоро исчезнет вовсе, оставив Дали таким, каким его так хотят видеть Мишель Деон и Андре Парино, — самим собой. Совсем маленький и слабый Дали, покинутый Гала, окажется не в состоянии продолжать свой путь в одиночку, без той, что на протяжении всей его жизни была для него «божественной подпоркой».

ИЗ-ПОД ОДНОГО КУПОЛА В ДРУГОЙ

Художник не сдал еще своего оружия, и его не покинуло воображение: что бы там ни говорила Гала — он все еще действующий вулкан. В 1974 году состоится, и с большой помпой, открытие музея, о котором Дали мечтал. Музей станет его последним шедевром. Дали работал

над его созданием несколько лет с невероятной энергией, несмотря на то, что Галя не видит в этой затее ничего, кроме бесполезных расходов, и противится его намерению продать свои картины в собственность провинции.

Сальвадор Дали начиная с шестидесятых годов вел довольно трудные переговоры с властями Фигераса, своего родного города, о том, чтобы они разрешили ему разместить музей в здании старого муниципального театра. Большая часть его была разрушена во время гражданской войны, руины заросли травой, в них поселились крысы, потом здесь устроили рыбный рынок. Дали кажется, что это идеальное место для хранения его произведений. «Театр — для музея»; вся судьба художника может быть сведена к тому, что музей станет символом его поисков и его живописи, новым сердцем его Вселенной. В семидесятые годы, в то время, когда Галя уединяется в Пуболе, Дали покидает Порт-Льигат, чтобы на месте наблюдать за строительством. Он проводит совершенно одни долгие дни в Фигерасе, размышляя о прошлом и будущем: у него нет детей, но он заботится о последующих поколениях и хочет оставить в мире после своей смерти живой след своей необычной жизни и своеобразного стиля.

Дали поддержали мэра Фигераса Рамон Гвардиола и женералитат*, убежденные в том, что музей Дали сделает провинции Жерона неслыханную рекламу в рамках культурного контекста, но все же мэтру пришлось обратиться к верховной власти, а именно к генералу Франко. Дали будет принят Франко осенью 1968 года. Именно Франко

* Правительство автономной области Каталонии (прим. пер.).

даст окончательное разрешение, публично заявив, что Испания должна иметь музей Дали, чтобы восславить «самого великого здравствующего испанского художника» (этот поступок «каудильо» можно было бы истолковать как оскорбление Пабло Пикассо*, художника, слишком враждебно настроенного по отношению к франкистскому режиму и потому недостойного внимания).

Дали доверяет молодому каталонскому художнику Эмилио Пересу Пиньеро реставрацию театра, а также создание «геодезического купола», придуманного им вместо кирпичного потолка. Этот купол, состоящий из сочлененных граней — «как глаз мухи», по мнению Дали, — представляет еще более дерзкое решение, чем знаменитые купола Вукминстера. Вскоре груда развалин обретет форму, и огромное здание, увенчанное куполом наподобие мечети, восстанет из собственных руин. Над Плаца дель Аутаменто поднимется театр-музей Дали — в том месте, где Сальвадор Дали родился (дом его отца находится как раз напротив), недалеко от церкви Сан-Педро, в которой его крестили. У входа в здание Дали прикажет посадить большое оливковое дерево и воздвигнуть две статуи. Одна — во славу двух человек: Рамона Люля (1235-1315), прозванного «провидцем», каталонского поэта и философа; и Франческо Пуйоля (1882-1962), другого его соотечественника, также выдающегося философа. Их головы проступают из вылепленных ветвей оливкового дерева. Вторая статуя посвящена Эрнесту Майсонье (1815-1891), помпезному художнику, кумиру Сальвадора Дали. Он добивается также переименования площади, и теперь её

* Пикассо умер в 1973 году.

официальное название — Плаца Гала и Сальвадора Дали.

Дали сохранил фасад здания, построенного в 1840 году в неопалладианском стиле, но переделал интерьер. Под отливающим цветами радуги куполом целая система галерей днем образует переплетение световых дорожек. Музей — это лабиринт из темных, разных по размерам комнат, где можно затеряться и ходить ко кругу. В центре, там, где раньше была сцена, портрет Гала («Леда с лебедем») как бы образует алтарь. Тяжелые массивные шторы из красного бархата воссоздают ощущение театра. В этом необычном пространстве, больше похожем на Диснейленд, караван-сарай, пещеру Али-Бабы и Вавилонскую башню, чем на музей «Прадо» и Лувр, художник разместил некоторые из своих сокровищ, самых значительных и самых бессмысленных: биде из борделя «Ле Шабанэ», который якобы посещал Эдуард VII (Дали отыскал его в антикварном магазине); софа конфетно-розового цвета в форме губ Мэй Уэст, созданная им во времена Чиапарелли; «дождливое такси» лондонской сюрреалистической поры (один из его старых «кадиллаков», из которого идет дождь лишь после того, как опустишь монету в пять пестов); саркофаг на печатных платах; кровать в стиле Наполеона III, наименее вероятнейшая, в форме ракушки, поддерживаемая четырьмя дельфинами. Со всем этим «далийским хламом», к которому добавляется мольберт Майсонье, голова Греко, мебель Гауди, картина Бугро и гравюры Пиранезе, соседствуют его самые красивые картины: «Великий мастурбатор» (1929), так раздражавший Андре Бретона, «Призрак сексапильности» (1934), «Мягкий автопортрет с кусочком поджаренного

бекона» (1941) и портрет Гала с обнаженной грудью, названный «Галарина» (1945). Там есть также «Cesta de pan» («Корзинка для хлеба») и незаконченная картина, для которой позировала Аманда Лир — «Анжелика и дракон».

Торжественное открытие музея 23-его сентября 1974 года было омрачено трагическим событием: архитектор Эмилио Пинеиро за несколько дней до этого погиб в автомобильной катастрофе. Но, несмотря на тревожный знак, несмотря на серое дождливое небо, 23-ье сентября стало днем всеобщего ликования в Фигерасе. Приехали гости из Японии и Соединенных Штатов, у дверей толкутся журналисты и фотографы. Такая атмосфера подходит Дали: он обожает быть королем праздника. Гала, напротив, как известно, не выносит толпы. Дали прибыл из Порт-Льигата под руку с Амандой Лир, загорелой, сияющей молодостью и здоровьем, с еще более светлыми волосами, ставшей еще тоньше, чем когда-либо, очень элегантной в бежевом муслиновом платье, купленном ей Дали в Барселоне у Лозве, великого испанского кутюрье. Дали назначил Гала встречу в ресторане «Дюран», там, где они обычно обедали по вторникам — каждое лето — в течение многих десятилетий. Здесь они чувствовали себя как дома. Цель тайного свидания очевидна: не провоцировать прессу. Если Дали явился с Амандой, то Гала пришла в сопровождении Джефа.

Загоревшего, великолепного Джефа в психоделической куртке вырвут у Гала из рук: как только они придут в музей, он растворится в вихре толпы. Расстроенная Гала, в старом платье от Шанель, скрывающая свои глаза под солнечными очками, будет звать: «Джеф! Джеф!» — а Дали будет

тянуть ее за руку. Она убежит, как только закончатся речи мэра и Дали (мэтру вручали золотую медаль Фигераса), спеша вернуться в Пуболь, абсолютно равнодушная к спектаклю — удивительному, необычному, посвященному последнему избранию гения. Дали, по мнению близких ему людей, был оскорблен, но его утешал невиданный успех: со всех сторон слышались восклицания о том, что никто никогда не видел подобного музея. Настанет время, когда его будет посещать так же много народа, как и «Прадо».

Музей явился великолепной иллюстрацией сюрреалистических теорий и одновременно монументом, неожиданным образом, но точно рассказывающим о фантазмах и жизни художника. Публика прогуливается среди галлюцинаций Дали. Он назвал свой театр-музей «Кинетической часовней». Гала отведено почетное место на хорах. Можно подумать, что Дали объявил завещание. Будущим векам этот мегаломан с невероятной творческой активностью оставляет в наследство свой музей. Музей, этот построенный им не только для себя, но и для Гала мавзолей, представлен как ключ к его гениальности.

Начиная с 1974 года здоровье Дали заметно ухудшается: усиливается дрожание рук, на исхудавшем теле выделяется живот, Дали сгибается и становится меньше ростом, коричневые пятна на лице могут перерасти в рак кожи. В 1978 году в Барселоне Дали удаляют простату, что, вопреки ожиданиям, возвращает ему оптимизм. Дали не потерял еще чувства юмора: своему врачу, доктору Питверту, в знак благодарности он оставляет открытку с таким посвящением: «*Al meu angel del píri...*»

К проблемам, связанным со здоровьем и деньгами, добавляются неприятности политического характера: тревоги, от которых так страдает Дали, осаждают его со всех сторон. В сентябре 1975 года Франко приказал казнить пятерых задержанных баскских террористов. И Дали, безоговорочный франкист, посылает ему поздравительную телеграмму! В интервью, переданном по радио на следующий день, он добавляет, что «Франко должен был бы казнить их еще больше», намекая на другую группу задержанных террористов. Несмотря на то, что Дали всегда выступал против смертной казни, он считает, что «двадцать смертных приговоров, конечно же, экономичнее, чем гражданская война»*. Последствия не заставили себя ждать: художник получает анонимные телефонные звонки, ему угрожают смертью; стены его дома в Порт-Льигате покрываются ругательными граффити; под стул в «Via Veneto», в одном из его любимых ресторанов в Барселоне, подкладывают бомбу.

Тотчас же наступает паника: Дали донимают страшные кошмары, он не хочет больше выходить из дома, он зовет Гала. Она также беспокойна и решает уехать раньше, чем обычно, в Америку — единственную страну, где им никогда не приходилось страдать из-за политических взглядов, — и провести там зиму, ожидая, пока не смягчится неблагоприятный для них европейский климат.

Смерть Франко 20 ноября того же года осложняет состояние Дали, и от смешанного чувства тревоги и печали он заболевает. К дрожанию рук добавляется, по словам Робера Дешарна, что-то вроде

* Интервью для «L'Express», май 1971.

затруднения движения всей левой части тела. Дали начинает прихрамывать, как если бы он перенёс небольшой апоплексический удар.

Гала с удвоенной энергией ухаживает за ним, хотя сама постоянно кашляет и жалуется на сильную усталость. Она преодолевает свою слабость, чтобы немного приободрить Дали: он не хочет лечиться, Гала приходится заставлять его принимать лекарства, заставлять есть, умываться и одеваться. Дали не желает больше покидать отель. Гала теряет терпение и бранит его. «Однажды, — рассказывает Аманда Лир, — Гала позвонила мне... Я слышала ее рыдания... "Как я хочу отдохнуть, — сказала она мне, — но Дали не разрешает мне покидать его ни на минуту. Я даже не могу пойти к парикмахеру, я не выхожу из дома. Я так больше не могу!"».

Супруги утратили былое величие. Последнее официальное появление Гала рядом со своим мужем в качестве спутницы, неразрывно связанной с его «театром», произойдет под куполом Института Франции. Дали будет в него принят 9 мая 1979 года как иностранец, являющийся ассоциированным членом Академии художеств, которым он стал годом раньше. Дали явится в зеленом одеянии, с усами, напояженными до блеска воском Пино, распрямив для торжественного случая фигуру. Гала будет в платье пурпурного цвета. Композитор Тони Обэн, президент этой академии, встретил Дали теплой речью: «Вы гений, месье. Вы это знаете, мы это знаем... Если бы это было не так, вас не было бы среди нас и вы не были бы собой...»

По словам Мишеля Деона, художник (Дали незадолго до того, как стереотипизироваться в роли

гениального безумца, был другом Деона), в нарядной одежде, сидящей мешком, несмотря на любовь к самым изощренным нарядам, чувствует себя на презентации не в своей тарелке, отвечает невпопад, на ходу сочиняет благодарственную речь, «жалкую и бессвязную, с пассажами, далекими от темы до такой степени, что у слушающих начинал болеть живот». Речь Дали, названная «Гала, Веласкес и Золотое руно», не соответствует своему великолепному названию. В ней Дали пытается в последний раз воспеть миф о *Gala rediviva*, о Гала воскресшей, так много сделавшей для него и уже не способной вдохновлять его, как раньше. «Из его бормотания почти ничего не было понятно», — рассказывает Мишель Деон.

Невозмутимая Гала, в своем платье догарессы, сидит в зале с торжественным и благоприспособленным видом, на ее бесстрастном лице невозможно прочесть никаких эмоций. Она остается каменно-неподвижной даже тогда, когда Дали, закончив речь, перед уходом с трибуны хочет вытащить свою шпагу, чтобы показать ее публике. Поль-Луи Вайлер вручил ее мэтру накануне в гостиной отеля «Мёрис». По традиции, друзья вручают оружие новому академику. На выкованной в Толедо шпаге рукоятка в форме лебедя, Леды. Дали сам сделал эскиз и захотел, чтобы шпага была огромной, «шпагой гиганта». Но у гиганта нет силы ее приподнять: в пафосе он делает несколько попыток, злится и в конце концов просит помощи у секретаря, чтобы тот поднял шпагу за него...

Думает ли уже этот уставший гигант о смерти? Думает ли он смерти Гала? Она тоже выглядит обессиленной, несмотря на свои капризы старой влюбленной женщины, и уже похожа на

персонаж из музея восковых фигур Гревена, на мертвую набальзамированную королеву в парадном платье. Чувствительная и возбуждающая Galaína превращается в далекое воспоминание, экспонат из музея-театра...

Дали не хочет умирать и искренне в этом признается: он боится смерти. Как и его отец, он согласен на вечные страдания, самые тяжкие, говорит он Луи Пауэлсу, только бы не умирать. Гала боится только старости. По словам Дали, по словам Аманды Лир (они с ней об этом говорили), Гала уверена, что смерть принесет ей облегчение и покой. «День моей смерти станет самым прекрасным днем моей жизни», — охотно признается она. Но ей тяжело видеть свое изменившееся из-за возраста лицо, тело, пятна, ощущать слабость. Гала хочет использовать все оставшиеся ей мгновения, но в глубине души она уже готова покинуть этот мир и не противится тому, что принесет ей «освобождение».

Это потому, что Гала, в противоположность Дали, «католику без веры»*, — искренне верующий человек. Она верит в Бога и в Богородицу, в чистилище и в рай, надеется на вечную жизнь. Дали — неверующий католик. В 1966 году на вопрос Алена Боске: «Что вы скажете Богу?» — он ответил в своей манере: «С ним нельзя разговаривать»**. Большая разница между Дали и Гала состоит в том, что Гала молится. Она часто разговаривает с Богом, Богородицей и ангелами, так как

* Алэн Боске «Беседы с Сальвадором Дали». Belfond, 1966, стр. 42-43.

** Алэн Боске «Беседы с Сальвадором Дали». Belfond, 1966, стр. 136.

умеет, благодаря своим спиритическим способностям, общаться с миром мертвых. Дали же общается лишь с нарциссическими, самыми темными силами своего сознания.

Пытаясь избавиться от страха смерти, Дали вспоминает Гарсиа Лорку. Тот пригласил своих друзей в свою комнату и для того, чтобы избавиться от страха смерти, изобразил перед ними собственную агонию, последний вздох и погребение. Дали придумал для себя другую уловку — теорию о замораживании. Она заключается в том, что тело замораживают живьем для того, чтобы оно могло ожить несколько лет спустя или после нескольких веков, проведенных в холоде. «Я начну возрождаться завтра»*, — объявляет он. Он хотел бы уснуть, но при условии, что сможет воскреснуть. Мысль о том, что наука способна заморозить Сальвадора Дали, его пленяет, успокаивает надеждой, воздвигающей преграду между ним и смертью. Смерть преследует его с самого рождения, каждая его картина несет печать погребального ужаса — постоянной темы в его творчестве. Склонный, как все испанцы, к заболеваниям, «обожаящий» смерть настолько, насколько боится ее, Дали хотел бы, чтобы Гала уснула тоже и воскресла потом вновь...

Но Гала — «как все русские», по словам Дали — принимает смерть как нечто очень знакомое, спокойное и безболезненное, и ей не нравится идея мужа, она представляется ей проявлением плохого вкуса. В 1967 году Дали рассказал Луису Пауэлсу: «Я бы так хотел, чтобы она ожила, чтобы она закрылась со мной в цилиндре с гелием в ожидании

* Ален Боске «Беседы с Сальвадором Дали». Belfond, 1966, стр. 42-43.

воскресения! Но она не хочет. Это огорчает меня»^{*}. По мере того как они стареют, Дали все меньше и меньше затрагивает тему, на которую раньше говорил с удовольствием, кажется даже, что он отрекся от своей мечты забиться в цилиндр с гелием, где, как ему хотелось бы, должны подготавливаться к возрождению гении. Чем больше времени проходит, приближая его к крайней черте, тем больше его привлекает паскалевский метод: боясь смерти, он культивирует развлечения. Дали пытается развлекаться, веселиться, как только можно, но тревога поглощает его, и последнее слово остается за ней.

Дали боится умереть, но еще больше он боится смерти своего ангела-хранителя. Когда-то давно он рассказал Луису Пауэлсу об этой своей навязчивой идее, которая не перестает его мучить: «Если бы Гала исчезла, никто не смог бы занять ее место. Это абсолютно невозможно. Я бы остался один».

СМЕРТЬ В «КАДИЛЛАКЕ»

3имой 1980 года Гала и Сальвадор Дали в Нью-Йорке заболевают гриппом. Они в течение нескольких недель не покидают комнату, пищу им приносят в номер, они никого у себя

^{*} «Дали мне рассказал». Цит. соч., стр. 50. Он говорил так же Луису Пауэлсу «Как все русские, Гала любит смерть».

не принимают, кроме своего адвоката Майкла Стаута. Он приходит к супругам ежедневно, тщетно пытаясь подбодрить их. Гала теряет последние силы, и впервые, по словам очевидцев, у нее проявляются опасные признаки старческого слабоумия. Память ее слабеет, у нее часто бывает отсутствующий взгляд, с ней случаются приступы патологической агрессивности. Когда Гала раздражена, она мгновенно заводится и принимается колотить Дали — он стал козлом отпущения. Она буквально избивает Дали, изливая свой гнев, и царапывает ему лицо огромными кабошонами своих диковинных перстней. В семье поселилось насилие.

Дали превратился в собственную тень, из-за переживаний он лишился аппетита. Страдающий анорексией Дали соглашается принимать пищу только в том случае, если сначала ее попробует Гала, Майкл Стаут или мадам Калашникова: он боится, что его отравят. Гала пичкает мужа медикаментами, не советуясь с врачами. У Дали развивается токсемия из-за чрезмерного употребления антибиотиков и успокоительных препаратов. Истощенный, дрожащий, как листок, с безумным взглядом, Дали потерял всякую уверенность в себе и доверие к своему окружению. Ночью и днем, во сне и наяву он постоянно живет в страхе. Избавиться от своих демонов теперь он может только в приступе ярости, и тогда под удары его трости попадают не только прислуга и посетители, но и Гала. На ее старческом теле остаются следы ударов.

Вернувшись в Европу, супруги не явились на вернисаж, посвященный ретроспективе творчества Дали, организованный музеем «Бобур» в декаб-

ре 1980 года: в то время работники музея бастовали, а художник и его жена боятся проявлений враждебности. Действительно, разнесся слух о том, что намечаются выступления против Дали и его проффранкистских заявлений. Гала и Сальвадор скрываются бегством: они фрахтуют частный самолет и приземляются в Перпиньяне, откуда поспешно уезжают в Порт-Льигат. Дали поместили в клинику доктора Пигверта в Барселоне. Доктор считает, что состояние мэтра очень серьезное, а особенную тревогу вызывает его психическое здоровье. Вернувшись домой, очищенный после избыточного потребления медикаментов и прошедший курс психиатрического лечения Дали пишет «Экстерминированных ангелов» — полотно, на котором изображены самые мрачные из его навязчивых видений. Мания преследования вызывает у него приступы буйного безумия, он сражается с ветряными мельницами собственного сознания, боится самого себя, боится своей тени и тщетно ждет помощи от Гала. Несчастья одолевают Дали. Профессор Хуан Обиолс, лечивший его от «глубокой паранойи», умирает в Порт-Льигате на глазах у Гала от сердечного приступа. Его преемник, психиатр Рамон Видал Тексидор, несколько дней спустя ломает себе ногу, падая с лестницы.

Гала ни на минуту не может покинуть Дали. Он даже в приступах самой черной депрессии требует ее присутствия и помощи. Гала должна отказаться от Джефа. Джеф, вероятно, устал и уже не хочет покидать Америку. Старая женщина сердится на Дали за свое последнее жертвоприношение. Она зовет Джефа, часами разговаривает с ним по телефону и наконец перестает надеяться на встречу с ним. Гала понимает, что она простилась со сво-

им последним увлечением и что больше у нее уже не будет приключений. Белокурый ангел оставляет Гала в ее супружеском аду. Горечь волной захлестывает ее, и никто уже не может ей помочь. Гала погружается в свою печаль, выходит из нее только тогда, когда кричит в приступах ярости, и своего невероятно трудного больного удостаивает лишь рассеянным взглядом: Гала готовится к смерти. Отказавшись от Джефа, она уже ни на что больше не надеется.

Всю жизнь, замечает Жан-Франсуа Фогель, Гала отказывалась от своих желаний, преданно исполняя все желания своего спутника. Журналист, работавший в «Point» и «Libération», хорошо знавший супругов, написавший прекрасные статьи об образном мире художника, его личности и о психических механизмах его гениальности, говорил: «Дали был очень суров и резок с Гала. Он вечно делал то, чего хотел сам, а не то, чего хотела она»*. Впрочем, то, чего он хотел, — это оставаться центром Вселенной, всегда иметь рядом с собой свою элегантную жену-утешительницу, надежную, как металлический костыль.

Доктор Румегер, который был первым психоаналитиком Дали, обнаружил истоки его логики: если принять во внимание историю брата Дали, умершего до его рождения, — это комплекс близнеца. Доктор дает четкое описание самочувствия художника. В интервью журналу «Elle» 26 января 1981 года он сообщает: «Правда состоит в том, что у Дали пропало желание жить. То, что сейчас происходит, — это самоубийство просто потому, что Гала больше не заботится о нем. Ей восемьдесят

* Жан-Франсуа Фогель — Мерилу Сикристу. Цит. соч., стр. 207.

шесть лет. Ум ее бывает ясным не более двух-трех часов в день; все это время она посвящает мыслям о Джефе... которого тоже называет Сальвадором... Она ругает Дали и бранит его как только может. Таким образом, весь мир вокруг Дали рушится. Вы, конечно же, слышали о младенцах, отторгнутых от матери из-за войны или из-за серьезной болезни, которые умирают от отчаяния. То же самое происходит и с Дали».

Когда звонит Аманда Лир, Дали, изможденный, неспособный забыть о своей боли и сделать малейшие усилия для кого бы то ни было, не хочет с ней разговаривать. Гала жалуется на судьбу: «Какая деградация! — говорит она. — У нас очень печальный конец»*. Чаше всего отвечает Аманде Артуро. Он сообщает ей новости.

В феврале 1981 года Гала ночью упала с кровати в отеле «Мёрис». Она сломала два ребра, поранила ногу и руку. Дали бьет тревогу. Среди тех, кто с ними общался в то время, распространяется слух о том, что якобы у супругов была ссора и что Дали ударил Гала сильнее, чем обычно, повалив ее на пол. Залечивая раны, Гала проведет несколько недель в Американской больнице в Нейи.

Последнее лето в Порт-Льигате, освещенное визитом короля Хуана Карлоса и королевы Софии, прошло под знаком Паркинсона и Альцхаймера: Дали клацает зубами, ему мерещится, что носороги подбираются к его кровати, и кажется, что его вот-вот убьют. Гала все больше и больше замыкается в себе, выход из состояния задумчивости сопровождается сильными приступами ярости. Чету трогательных стариков еще согревает, хотя

* Рассказано Амандой Лир. Цит. соч., стр. 284.

и довольно редко, утасающая нежность. Застать их рука об руку — теперь событие, тогда как раньше им нравилась такая близость. Визит Хуана Карлоса станет причиной одной из последних ссор. Королевская яхта «La Fortuna» должна была бросить якорь в бухте, и Гала хочет запретить Дали надеть его *beretina* — шапку наподобие красного фригийского колпака, традиционный головной убор каталонцев. Так как Дали не уступает, супруги начинают ссориться. Гала кричит — Дали потрясает своей тростью. Их растаскивают, чтобы в очередной раз уберечь от рукоприкладства...

Гала отказывается от Пуболя (она провела там очень мало времени, меньше десяти летних сезонов). Для старой, хрупкой, одинокой женщины замок стал слишком холодным и неудобным, она не может уже подняться по ступенькам, ведущим в ее комнату... До замка нелегко добраться. В Порт-Льигате, даже выведенная из себя Дали, она еще может думать о том, что нужна ему. После того как вместе с Джефом исчезла последняя иллюзия молодости, Гала вернулась навсегда к своему мужу. Из-за атеросклероза ей трудно сохранять равновесие, ноги больше не держат ее, кости истончились из-за недостатка кальция. Гала часто падает. В первый раз она упала в ванной комнате в феврале 1982 года в Порт-Льигате. Супруги приехали раньше, чем обычно, спеша побыстрее укрыться в своем прибежище. Руки и ноги Гала покрылись синяками. В конце того же месяца, во время второго падения, Гала сломала бедренную кость. Ее, с сильными болями, отвезли на «скорой помощи» в Барселону, в клинику «Платон». 2 марта Гала прооперировали, и она надолго остается прикованной к кровати. Кожа ее в ужасном состоянии.

Ее так часто растягивали, подтягивали, восстанавливали, что теперь она неожиданно рвется, трескивается, инфицируется. Раны уже не заживают. Глубокие, неприятные глазу язвы покрывают недавно еще здоровое тело.

Гала в здравом уме, справляется о Дали, но постепенно погружается в медленную агонию. Дали навестил ее один раз, затем вернулся и ждал ее дома. Видеть, как Гала превратилась в разлагающийся, страдающий кусок плоти, ему невыносимо.

В апреле Гала возвращается к Дали. Ее уstraивают в спальне. Она больше не встает. Ею занимаются сестры милосердия, они моют ее, причесывают и делают все возможное, чтобы облегчить ее страдания. Ее кровать повернули так, чтобы она могла через окно смотреть на море. Гала уже говорит с трудом. Ночью Дали приходит и ложится рядом, на парную кровать. Он спит рядом с умирающей Гала. Или, по крайней мере, пытается спать: ее хрипы не дают ему покоя. Дали приказал поставить между ними ширму: он не может больше переносить вида Гала.

В начале июня ее состояние еще больше ухудшилось, она приняла таинство соборования из рук священника из Кадакеса. Дали бродит как неприкаянный, спрашивая у всех с тревогой, умрет ли Гала: он надеется, что она выздоровеет и вновь станет молодой Galuchka, прекрасной Gradiva. Робер Дешарн и Антонио Питхот избегают отвечать на его вопросы. Кажется, что Гала не хочет умирать, цепляется за жизнь.

Гала отказывается видеть свою дочь, встревоженную сообщениями в прессе о плохом состоянии здоровья матери, специально приехавшую в

Кадакес, откуда она была выдворена в последний свой визит.

10 июня, во второй половине дня, Дали, отдыхавший в своей комнате, протяжно закричал. Поднялась тревога. Гала неподвижными глазами смотрела на мыс Креус: она умерла.

Чуть позже занялись организацией ее последнего путешествия. Дали желает исполнить последнюю волю своей жены и похоронить ее в Пуболе. Очень древний испанский закон, восходящий к временам эпидемии чумы, запрещает перевозить тело без разрешения магистрата и соответствующих муниципальных организаций. Дали ради Гала решает нарушить закон и тайно перевезти ее в Пуболь.

Обнаженное тело Гала завернули в одеяло и положили на заднее сидение «кадиллака». Артуро сел за руль. Их сопровождала сестра милосердия. Решили: если полиция их остановит, они скажут, что Гала умерла по дороге в госпиталь. «Кадиллак», свидетель столько счастливых путешествий по Франции и Италии, превратившийся в катафалк, медленно преодолевал восемьдесят километров, отделяющих «casa Dalí» от замка «королевы» Пуболя. Когда приехали в Пуболь, Артуро взял Гала на руки и понес ее в комнату. Там уже были готовы ее принять.

Омовение тела произвели в огромной и пустынной спальне, под синим балдахином огромного ложа. Тело Гала было набальзамировано, одето в красное велюровое платье, надушено, покрашено, ее густые черные волосы были завязаны бантом от Шанель. Артуро тотчас же вернулся за Дали. Дали приехал в Пуболь в сопровождении Робера Дешарна, Антонио Питхота, своего каталонского

адвоката Мигеля Доменеша и кузена Гонзало Серраклара. Помещенное в гроб с прозрачной крышкой тело Гала было захоронено в склепе замка 11 июня, в шесть часов вечера, в присутствии немногочисленных «близких» и слуг.

В Порт-Льигате, в доме Дали, закрыты все ставни. Дали уже не вернется сюда после смерти своей жены. Он хочет жить в Пуболе, где еще осталось тепло Гала. Художник уединяется в доме вместе с Артуро и кухаркой, четырьмя сестрами милосердия и квартетом из верных друзей (Дешарна, Питхота, Серраклара, Доменеша), вскоре сократившегося до дуэта из внимательнейших стражей — Дешарна и Питхота (Энрике Сабатер был отстранен от ведения дел более чем два года назад). Дали приказывает закрыть ставни: он не хочет больше смотреть на мир. Антонио Питхот в интервью «Пари-Матч»^{*} рассказал, как он хотел показать художнику цветущие апельсиновые деревья в саду Гала и как Дали со слезами на глазах умолял его закрыть окно: «Не показывай вещей, которые я так любил, — сказал он мне. — Мне больно их видеть...» Он хочет жить затворником.

20 июля, месяц спустя после смерти Гала, король Хуан Карлос наградил Дали большим крестом Карла III и пожаловал ему титул маркиза де Пуболя. Дали гордится именем, сближающим его с Гала. В знак благодарности Испании мэтр преподносит в дар государству последний большой портрет усопшей — «Три славные загадки Гала».

Когда в сентябре на борту «ДС-10» в королев-

^{*} В номере от 9 марта 1984 года.

ство возвращаются оставленные в Нью-Йорке на случай революции и войн и на черный день сокровища Гала и когда тысяча двести одиннадцать картин, рисунков и гравюр наконец пребывают в Пуболь, Сесиль Элюар оспаривает завещание матери, оставившей свое имущество Дали и его родине. С помощью адвоката Сесиль удастся получить в собственность несколько картин, меха и кое-что из недвижимости.

В 1983 году Дали пытается вновь заняться живописью. Он работает в столовой в Пуболе, сидя на табурете, при электрическом свете, а одна из сестер милосердия, мадам Фабрега, читает ему, как это раньше делала Гала. Исидор Беа приезжает в замок по субботам и готовит холсты, складывая их вдоль стены комнаты. «Котлета и спичка», «Китайский краб», «Ласточкин хвост» были среди последних произведений художника, который вечером в приступе неслыханного буйства уничтожает картины, с таким трудом написанные: он больше не узнает себя в них. В марте Дали раз и навсегда откажется от карандаша и кисти. Он хочет умереть.

Лежа на кровати, художник плачет в полутемной комнате, отказывается принимать пищу. Его кормят через зонд. Когда к нему приближаются, Дали кричит, он хочет, чтобы его оставили в покое. Из состояния депрессии он будет выходить крайне редко.

30 августа 1984 года загорелась кровать Дали. Возгорание было вызвано коротким замыканием электропроводов у звонка, прикрепленного булавками к его рукаву (звонком он вызывал сестер милосердия). Робер Дешарн, позванный на помощь — он находился в замке, — преодолел гус-

тые завесы дыма и спас Дали от участи сгореть заживо.

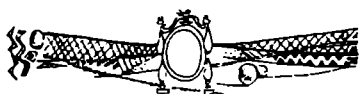
Дали поместили в клинику Пиларской Богоматери в Барселоне, где ему сделали пересадку кожи. Дали не вернется больше в Пуболь, ставни которого закроются навсегда, а сад придет в запустение. Дали найдет уединение в своем последнем жилище — в музее. Очень старая башня, оставшаяся с давних времен, в 1984 году была присоединена к крылу музея. Башня называется «Torre Galatea». Сторожевая башня — укрепленный лагерь Дали, последнее «яйцо», в котором он хочет жить, так как он напуган миром. Смерть Гала вернула Дали в зародышевое состояние: он больше не разговаривает, не ест, не выходит. Этот живой призрак в течение пяти лет будет обитать в «Torre Galatea». Призрак, за которым ухаживают сестры милосердия и два оставшихся рядом друга, еще цепляется за свою легенду: он боится показаться людям обезображенным, постаревшим, боится разрушить миф, который создавал на протяжении всей своей жизни. Живой труп из башни уже не произносит имени Гала и не хочет больше его слышать.

Перевезенный в клинику «Сирон» в Барселоне после приступа сердечной недостаточности в ноябре 1988 года Дали умрет 23 января 1989 года, почти через семь лет после смерти жены. Его набальзамированное тело, одетое в белую тунику вернется в Фигерас в сопровождении большого кортежа. Каталонцы аплодисментами проводят катафалк. Дали погребен в своем театре, под «геодезическим куполом», среди экспонатов своего музея.

Без Гала он уже не мог существовать. Андре

Парино за десять лет до смерти художника поведал миру о следующих словах художника: «Гала уже достигла степени зрелости и отчаяния, позволяющей ей ощущать всю полноту моей трагедии, что давало ей возможность непосредственно общаться с моим самым тайным "я" и одаривать меня своей неиссякаемой энергией почти спиритическим способом. Через нее ко мне приходил зов жизни».

Недалеко от могилы, где лежит в падающем из под купола на мавзолее сюрреалистическом свете набальзамированный, как фараон, Дали, находится желтая лодка Гала, которую Дали приказал привезти из Порт-Льигата, чтобы она находилась среди самых дорогих фетишей. Она напоминает лето в Кадакесе, солнце и море, счастливое время, время любви, но больше похожа на лодку Харона, ту, которой он правит, когда сопровождает души в преисподнюю. Лодка символизирует также последнее путешествие физически разделенных Дали и Гала и, возможно, соединяет их в другом месте — в Вечности.

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕВУШКА ИЗ ЗАСНЕЖЕННОГО КРАЯ	7
Туманное русское детство	9
Корабль на горе	17
Поэта зовут Жежен	24
Пьеро и его кот	31
Королева de Paleuglpp	39
СУПРУГА, ОБЛАДАЮЩАЯ ВЛАСТЬЮ	
СИРЕНЫ	49
Далекая родина	51
Война на всех фронтах	58
«Береги свою жизнь... Твоя жизнь – это	
я сама»	65
Многогранное зеркало	76
Бог, секс и любовь	85
Новобрачная в зеленом платье	91
Ребенок к перемирию	98
СПУТНИЦА	107
Зов поэзии	109
Три мушкетера	116
Они... и она	125
Великая психодрама	136
«Дада» и его женщины	150
ЖЕНЩИНА-ЗЕРКАЛО ОБЪЕДИНИВШИХСЯ	
ХУДОЖНИКОВ	157
Палитра поэта	159
Кенгуру	167

Дадамакс и его химеры	177
Комплекс любви втроем	187
Предсказания во сне	199
Вальс сомнения	210
Дом мечтаний	219
Интерлюдия на продуваемых ветром островах	226
Сборник в память о двух любовях	241
Любовные блуждания	250
ИЗГНАННИЦА В ПОИСКАХ СВОЕГО	
СОЛНЦА	269
Летняя дорога	271
Очарование странного молодого человека	288
Выбор Гала	299
Радости каталонского лета	310
Тайный выход на сцену Нуш	318
Светские условности	328
Художник, пригвожденный поэтами к позорному столбу	339
Обмен обручальными кольцами	354
Гала между фашизмом и коммунизмом	364
Муза или колдунья?	374
Фатальность великих отъездов	390
БОГИНЯ, МАДОННА, ВАЛЬКИРИЯ	405
Гала — тиран поместья	407
Avida dollars!	416
На картинах Дали она настоящая	434
Тайные лики	440
Поэзия уходит в подполье	452
Несокрушимым людям	454
Родинка и свет	462
Возвращение к печальным реалиям	470
Где радости и мечты	472
ПОСЛЕДНИЕ ОГНИ	483
Дом с яйцами на крыше	485

Великаны на балу	500
Богиня мать	514
Когорта ангелов	523
Обещание Аманды	532
Королева Пуболя	547
Из-под одного купола в другой	561
Смерть в «кадиллаке»	572

Доминик Бона
ГАЛА

Роман

Редактор ***А. А. Жеребилов***
Технический редактор ***М. Г. Соловьева***
Корректор ***З. Н. Смолькова***

Подписано в печать 13.06.96. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага газетная. Печать офсетная. Гарнитура «Балтика».
Объем 18,5 п. л. Тираж 10 000 экз. Зак. 847.

Фирма «Русич». Лицензия ЛР 040432.
214016, Смоленск, ул. Соболева, 7.

Издание выпущено при участии ООО «Сервег».
220013, Минск, ул. Сурганова, д. 1, к. 2.
Лицензия ЛВ 613.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

Нет лучше друга для занятий и досуга!

КНИГА-ПОЧТОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«РУСИЧ»

Предназначено для заказа книги следующих серий издательства "РУСИЧ".

**ВСЕ КНИГИ В ТВЕРДОМ КРАСОЧНОМ
ЦЕППОФАНИРОВАННОМ ПЕРЕППЕТЕ.**

Серия «АЛАЯ РОЗА»

Женщины мечтают о сказке и видят себя героинями романов, в которых настоящие Мужчины совершают безумные поступки во имя прекрасных Дам.

Сеттон Э. Моя Теодосия.

Лейкер Р. Нежданная гостья.

Мартин К. Остров любви.

Блейк Дж. Очарование золота.

Робинс Д. Не покидай меня, любовь.

Бартелл Л. Нежный негодяй.

Дюморье Д. Таверна "Ямайка".

Блейк Дж. Обнимаю и властвую.

Деверо Дж. Укрощение.

Цена каждой книги - 7,5 - 9 тыс. р.

Серия «ДИАДЕМА»

Лучшие любовно-исторические романы писательниц США.

Кинсейл Л. Госпожа моего сердца. Кейн Э. Жемчужина Авиньона.

Хевен К. Ветер с моря.

Дрейк Ш. Триумф завтрашнего дня.

Лоди М. Мечта.

Виггз С. Пипия и Леопард.

Кайе М. В тени луны, в 2-х тт.

Виггз С. Круги на воде.

Лей Т. Звезда гарема.

Лейкер Р. Золотое дерево.

Гиллеспи Д. Несущая свет, в 3-х тт.

Лейкер Р. Венецианская маска, в 2-х тт.

Цена каждой книги - 8 - 10 тыс. р.

Серия «ЖЕНЩИНА-МИФ»

Жизнь как легенда - о женщинах, оставивших свой заметный след в истории, политике, искусстве, культуре.

Прекрасно иллюстрированное подарочное издание.

Сессон Дж. Принцесса.

Сессон Дж. Дочери принцессы.

Ру Ш. Непостижимая Шанель.

Цена каждой книги - 11 - 12 тыс. р.

Серия «АЗБУКА БЫТА»

"Практические" энциклопедии по ведению домашнего хозяйства, кулинарии, консервированию фруктов, овощей, грибов, оздоровлению организма, проведению семейного досуга - самая обширная информация для "домашних" хозяев.

Домашний печенбик.

Домашний кондитер.

Домашнее консервирование.

Книга о водке.

Домашняя кулинария.

Микроволновая кухня.

Ваши любимые песни.

Новый толкователь снов.

Анекдоты и тосты.

Домашнее виноделие.

Довгань В. Книга о пиве.

Химия в быту.

Цена каждой книги - 12 тыс. р.

Энциклопедическая серия

«НЕРАЗГАДАНЫЕ ТАЙНЫ»

(Формат 23,5 X 26, подарочное издание, тиснение серебром, цв. иллюстрации)

История и природа паранормальных феноменов, тайны ясновидения, магии, человеческой психики и сознания, Земли и Космоса. Шедевр полиграфического искусства.

Психические силы.

Загадочные существа.

Странствия души.

Ведьмы и колдовство.

Мудрость древних и тайные общества.

Видения и пророчества.

Цена каждой книги - 45 - 55 тыс. р.

Серия «СПРУТ»

Остроплужетные произведения зарубежных и российских авторов - полицейский и интеллектуальный детектив, мистический и психологический триллер, "хоррор".

Уолкер Р. Главные инстинкты. Уннак Д. История Рай-авеню.

Уолкер Р. Роковой инстинкт. Кларксон Д. Только один закон.

Уолкер Р. Инстинкт убийцы. Пирсон Р. Подводные течения.

Ермаков О. Знак зверя.

Цена каждой книги - 10 - 11 тыс. р.

Серия «УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Смирнов С. Задачник по истории древнего мира.

Смирнов С. Задачник по истории средних веков.

Шарыгин И., Ерганжиева Л., Навлядная геометрия (5-6 кл., -мягк.обл.).

Кацва Л., Юрганов А. История России VIII-XV вв. (7 кл.).

Баевский В. История русской поэзии. (7А, 84 108/32).

Цена каждой книги - 6 - 8 тыс. р.

издательств «Русич» и «Кристина»

**Яркие красочные книги обучающего и познавательного характера,
разработанные на основе лучших развивающих методик.**

Отпечатано в Германии.

«Первые вопросы и ответы»

Пьют ли рыбы воду?

Почему трава зелёная?

Где слит солнышко?

Цена каждой книги - 12 тыс. р.

«Моя первая энциклопедия»

Поведение животных.

Динозавры.

Цена каждой книги - 20 - 22 тыс. р.

«Познавательная энциклопедия»

Экология.

Всё о транспорте.

Цена каждой книги - 23 - 25 тыс. р.

Уникальные исследования зарубежных историков, политиков, военных, основанные на документальных фактах, ранее не публиковавшихся секретных материалах, о личностях, оказавших влияние на ход мировой истории.

Буллок А. Гитлер и Сталин в 2-х тт.

Сьюард Д. Семья Наполеона.

Геббельс Й. Последние записи.

Митчем В. Командиры "Третьего рейха".

Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Сьюард Д. Наполеон и Гитлер.

Цена каждой книги - 6 - 8,2 тыс. р.

Новая серия «РУСИЧИ»

Известные исследователи прошлого и современности об истории, культуре, быте, народных традициях Руси.

Коринфский А. Народная Русь.

Забылин М. Русский народ.

Петрухин В. Начало этнокультурной истории Руси.

Максимов С. Куль хлеба. Нечистая, неведомая и крестная сила.

Цена каждой книги - 9 - 12 тыс. р.

Все представленные издания объемом 300 - 600 стр., цены приведены с учетом почтовых расходов.

Заполненную карточку
отправьте по адресу:

АДРЕС:
117574, МОСКВА, А/Я 183,
"РУСИЧ-СЕРВИС"
тел: 421-91-08

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА

Куда г.Москва, а/я 183,

Кому "Русич-сервис"

117574

Платите индекс при оформлении заказа вместе с заказом

Индикс при оформлении заказа

214035

адрес: индексация

г.Иваново, ул.Петрова,
д.12, кв.13,
Сидоров Иван Петрович

Я заказываю книги следующих серий :

1. "Алая роза" _____

2. "Диадема" _____

3. "Женщина- миф" _____

4. "Азбука быта" _____

5. "Неразгаданные тайны" _____

6. "Спрут" _____

7. "Учебная литература" _____

8. "Детская литература" _____

9. "Тирания" _____

10. "Русичи" _____

Ж Е Н Щ И Н А - М И Ф

Книга Бона — это
«Элегантно написанная биография женщины,
оставившей след на дорогах XX века»

«Фигаро-мэгэзин»

Доминик Бона создала привлекательный портрет
самой антипатичной женщины эпохи
сюрреализма.

«Ле Монд де Ливр»

«Биография Гала — это жизнь нимфы,
покорившей сердца многих знаменитых мужчин»

«Космополитен»

